

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ-ФИЛИАЛ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
научные результаты диссертаций
на соискание степени доктора и кандидата
наук*

№ 2

**Ростов-на-Дону
2013**

УДК 354.07.08

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ СКАГС

*Регистрационный номер ПИ № ФС77-50806
от 27 июля 2012 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуникаций*

*Учредитель - Федеральное государственное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВ В.Г., заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	СТАРОСТИН А.М., доктор политических наук, профессор
Ответственный секретарь	СИДОРЕНКО И.Н., кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии: Акопов Л.В., докт. юрид. наук, проф.; Зинченко Г.П., заслуженный деятель науки РФ, докт. филос. наук, проф.; Игнатова Т.В., докт. экон. наук, проф.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Лозовая Т.В.; Некрасов В.Н., докт. экон. наук, проф.; Понеделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Рудой В.В., канд. экон. наук, доц.; Сологуб В.А., докт. соц. наук, проф.; Царев А.И., канд. филос. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70, к. 301
тел. 8-863-269-77-84, 269-62-89
e-mail: jurnal@skags.ru
<http://skags.ru/jornal.php>

© ЮРИФ РАНХ и ГС. 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	9
АКТУАЛЬНО	11
Старостин А.М. Проблемы изучения советской истории и метод М. Ферро	11
Кислицын С.А. К вопросу о геополитическом значении и уроках распада СССР	17
ОРИЕНТИРЫ	26
Кокин А.В., Кокин А.А., Кленюшина Е.А., Кошелев Н.Н. Нужны ли революции в топливной энергетике или необходимы принципиально другие решения?	26
Халын В.Г. Социально-ориентированные некоммерческие организации: опыт развития и перспективы	35
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	42
Абрамов Р.А. Особенности государственного и муниципального управления экономическими системами	42
Мартыненко Т.В. Политика управления федеральным имуществом в РФ на современном этапе	47
Кайль Я.Я., Епинина В.С. Определение уровня влияния партисипации на эффективность использования бюджетных средств и результативность публичного управления в Волгоградской области	54

Некрасов В.Н., Пивоваров И.В. Современные механизмы повышения эффективности реализации государственной кадровой политики	62
Полуянова Е.И. Транснациональные компании как носитель прямых иностранных инвестиций в ЖКХ	68
Вильямский В.С., Алексеенков А.А. Объекты управления в муниципальных образованиях	75
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ.....	82
Коваленко Н. Н. Деятельность центробанков в контексте интеграционных процессов.....	82
Черкасова Т.П. Государственное управление посткризисным экономическим ростом России	91
Шепелова Н.С., Гусакова В.И. Методы оценки национального благосостояния в условиях мирового кризиса.....	99
Савон Д.Ю., Карибжанова Е.Л., Маркер Е.В. Государственно-частное партнерство в решении задач устойчивого развития региона.....	107
Гончарова О.Ю., Сидоренко И.Н. Взаимное доверие государства и бизнеса – основа решения задач экономического развития России	112
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	125
Голобородько А.Ю. «Человеческое измерение» государственной культурной политики в системе национальной безопасности	125
Уварова Г.Г. Политические механизмы парирования рискогенных экологических факторов в контексте политической науки	132
Петрова С. В. Проблемы геополитических и этнополитических детерминаций политического процесса на Южном Кавказе	140

ФИЛОСОФИЯ.....	152
Склярова Е. А., Козлова В., А.	
Антропологические основания информационной экономики в работах М. Кастельса.....	152
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	159
Калинина А.Г.	
Декомпозиция общественных предпочтений в экономической политике государства	159
Хирамагомедов М.Г.	
Особенности регулирования рынка зерна в Украине	163
Казарян А.Н.	
Положение русского языка на постсоветском пространстве в контексте оптимизации государственной языковой политики России	168
Парасоцкая В.Г.	
Современные проектно-управленческие технологии как фактор организации эффективного решения вопросов муниципального управления	173
Морозова А.И.	
Государственная закупочная политика как механизм стимулирования закупок инновационной продукции	179
Мамонтова Ю.П.	
Стратегическое управление корпоративной структурой: системный подход.....	184
Марадулина В. Ф.	
Государственное управление и его роль в современной модернизации экономики	191
Дорош Т.Л.	
Особенности публичного управления музыкальным образованием.....	196
Бочаров Р.А.	
Молодежный политический экстремизм в предметном поле политологии	201
Шкель Ф.Е.	
Современные технологии управления как условие активизации отношений государственно-частного партнерства в России	207
Тремба В.А.	
Мультикультурный или интеграционный подход к современной российской миграционной политике	212

Трубицын А.В.	
Специфика контрольно-регулирующей деятельности российской власти в сфере муниципального управления	217
Швец М. В.	
Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели	225
Агузарова Л.А.	
Государственное регулирование трудовых потоков в условиях модернизации экономики депрессивного региона.....	233
РЕЦЕНЗИИ	240
Рогов И.И.: Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Государственная служба: социологические очерки: Монография. М.: МГУ, 2013.	240
Черноус В. В., Ольховая М. А.: Элитология Кавказа в контексте сравнительных международных исследований. В 2-х т. <i>Elitologija of Caucasus in the context of international comparative studies</i> . Варшава, 2012. Т.1 -351с.; Т.2 – 479 с.....	241
Кокин А.В.: Гончарова О.Ю., Сидоренко И.Н. Государственный аппарат и экономика: принципы и модели взаимодействия: Монография. Ростов н/Д.:ЮРИФ РАНХиГС, 2012. - 184 с.	244
Дубровский Д. В.: Швец М.В. Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью: Монография. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 152 с.....	246
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	248
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ	251
ABSTRACTS	252
НАШИ АВТОРЫ.....	260
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ	263

CONTENTS

FROM EDITORIAL BOARD	9
IT IS ACTUAL	11
<i>Starostin A. M.</i>	11
Problems of studying the Soviet History and "M. Ferros method".....	
<i>Kislitzin S. A.</i>	17
Geopolitical meaning and consequences of the disintegration of the USSR	
HIGHLIGHTS	26
<i>Kokin A.V., Kokin A.A., Klenyushina E.A., Koshelev N.N.</i>	26
Do we need revolutions in fuel energetics or do we need principally different solutio	
<i>Khalyn V.G.</i>	35
Socially orientated non-commercial organizations: experience of development and prospects	

PROBLEMS OF MANAGEMENT	42
<i>Abramov R.A.</i>	42
Specific features of the public and municipal administration of economic systems	
<i>Martynenko T. V.</i>	47
Modern Policy of Administering Federal Property in Russia	
<i>Kail Y. Y., Epinina V. S.</i>	54
Determination of the Level of Participation Effect on the Efficiency of Budget Funds Use and the effectiveness of Public Management in the Volgograd Region	
<i>Nekrasov V.N., Pivovarov I.V.</i>	62
The Modern Mechanisms of Improving the Efficiency of the State Personnel Policy Implementation	
<i>Poluyanova E. I.</i>	68
Transnational companies as a driver of direct foreign investment in the utilities sector of economy	
<i>Vilyamskiy V. S., Alekseenkov A. A.</i>	75
Objects of management in the municipal units	
PROBLEMS OF ECONOMICS	82
<i>Kovalenko N. N.</i>	82
Activities of Central banks in the context of integrational processes	
<i>Cherkasova T. P.</i>	91
The State Management of the Post-Crisis Economic Growth in Russia	
<i>Shepelova N.S., Gusakova V.I.</i>	99
Assessment methods of national wealth under the world crisis conditions	
<i>Savon D.Y., Karibzhanova E.L., Marker E.V.</i>	107
Public and private partnership in the tasks solution of the stable region development	
<i>Goncharova O.Y., Sidorenko I. N.</i>	112
Mutual trust of the state and business – the basis of solving different tasks of economic development of Russia	
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	125
<i>Goloborodko A.U.</i>	125
“Human Dimension” of State Cultural Policy in the System of National Security	
<i>Uvarova G.G.</i>	132
The political mechanisms of counteracting risk-generating environmental factors in the context of political science.	
<i>Petrova S.V.</i>	140
Problems of geopolitical and ethnopolitical determination of political process in the South Caucasus	
PHILOSOPHY	152
<i>Sklyarova E.A., Kozlova V.A.</i>	152
The anthropological grounds of informational economy in the works by M. Kastels	
FROM YOUNG RESEARCHERS	159
<i>Kalinina A.G.</i>	159

Decomposition of public preferences in government economic policy <i>Khiramagomedov M.G.</i>	163
Specific features of government control of the grain market in Ukraine <i>Kazarian A.N.</i>	168
The position of the Russian language in the former Soviet Union in the context of optimization of the state language policy of Russia <i>Parasotskaya V.G.</i>	173
Modern project management technologies as a factor enhancing the effectiveness of municipal management <i>Morozova A. I.</i>	179
State procurement policy as a mechanism for promoting the procurement of innovative products <i>Mamontova Y.P.</i>	184
Strategic management of a corporation structure: systematic approach <i>Maradudina V. F.</i>	191
Government management and its role in the present day <i>Dorosh T. L.</i>	196
Peculiarities of public governing of musical education <i>Bocharov R.A.</i>	201
Youth political extremism in subject area of politology <i>Shkel F. E.</i>	207
Modern management technologies as a condition of enhancing the relations of public-private partnership in Russia <i>Tremba V.A.</i>	212
Multicultural or integrational approach to the modern migration policy in Russia <i>Trubitsyn A. V.</i>	217
Peculiarity of the regulation of municipal management: politological analysis <i>Shvets M. V.</i>	225
Shadow Subjects in Modern Political Processes: nonstandard and paradoxical models <i>Aguzarova Larisa Aslanbekovna.</i>	233
Government Regulation of Labour Flows under Modernization of Depressive Regional Economy	
REVIEWS	240
Rogov I.I., Zinchenko G.P., Zinchenko.Y.G.: Public Administration: sociological reviews (monograph) ,Moscow State University,2013	
Chernous V.V., Olhovskaya M.A.: The Elitology of the Caucasus in the context of international comparative studies. Warsaw, 2012.V.1-351 p; V.2-479p	
Kokin A.V., Goncharova O.U., Sidorenko I.N.	
State apparatus and economy : principles and models of interaction (monograph). Rostov-on-Don, the South Russian Institute of the Russian presidential Academy of national Economy and Public Administration, 2012.-184 p	
JUBILARIANS	248
JUST PUBLISHED	251
ABSTRACTS	252
OUR AUTHORS	260
RULES FOR SUBMITTING PAPERS	263

Период после выхода предыдущего номера нашего журнала характерен усилением внимания руководства страны и научной общественности к вопросам реформирования российской системы образования и науки. Причем многие из них напрямую или косвенно относятся к содержанию журналов, в которых публикуются результаты диссертационных исследований. Согласно разъяснению Президиума ВАК, Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий рассматривается как один из инструментов повышения требований к системе экспертизы в российской науке и контроля над тем, чтобы *научные публикации соискателей ученых степеней были актуальными, качественными и содержали научную новизну* *.

Особо обратим внимание на слова «рецензируемых журналов», вынесенные в заголовок Перечня ВАК: речь идет о журналах, публикующих статьи на основании отзывов экспертов-рецензентов. Такой отбор должен гарантировать качество публикуемых работ, а значит, и репутацию журнала.

Редакция нашего журнала постоянно уделяет внимание повышению научного уровня, логичности и грамотности изложения публикуемых материалов. Качество публикаций обеспечивается как научным уровнем авторов статей, так и квалификацией рецензентов. Только в 2012 году опубликованы научные статьи 51 профессора, 61 доцента, 54 аспирантов из Ростова, Москвы, Киева, Санкт - Петербурга, Харькова, Ярославля, Махачкалы, Волгограда, Владикавказа, Таганрога и др. Однако, как свидетельствует практика, довольно часто поступающие в редакцию материалы не отвечают требованиям к научным статьям. Некоторые из них рецензентами не рекомендуются к изданию, другие - длительное время дорабатываются.

Отметим, что журнал «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС» зарегистрирован в Center International de LISSN: ISSN 2079-1690, а также представлен в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ (НЭБ) - головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Учитывая повышение требований к научным статьям, обращаем внимание авторов на рекомендации ВАК по содержанию и оформлению статей. Так как журнал «рецензируемый», то статья должна иметь рецензию — рекомендацию учебного или научного учреждения. Для аспирантов и соискателей необходима рекомендация научного руководителя.

* <http://aspirans.com/nauchnye-publikatsii-zhurnali-vak>

В настоящем номере журнала рассматриваются актуальные проблемы теории и практики политического, экономического и культурного развития современного общества. Глубоким научным анализом проблем изучения советской истории отличаются статьи профессоров А.М.Старостина и С.А. Кислицына, открывающие номер разделом «Актуально». В «Ориентирах» помещены статьи профессора А.В. Кокина и его учеников о научных и организационных проблемах развития топливной энергетики, а также статья В.Г. Халына, в которой анализируется опыт и выявляются перспективы развития российских социально ориентированных некоммерческих организаций.

Отметим, что в данных разделах редакция помещает статьи, в которых рассматриваются фундаментальные или концептуальные проблемы и предлагаются пути их решения. Материалы, публикуемые в этих разделах, служат своеобразным мастер-классом для тех, кто пока только пробует свои силы в науке.

В традиционных разделах теоретическим вопросам управления, экономики, политологии посвящены статьи докторов наук, профессоров и кандидатов наук.

Солидная часть данного номера по традиции предоставлена молодым соискателям ученых степеней. Выражаем надежду, что некоторые из них в будущем также станут ориентирами.

В разделе «Наши юбиляры» редакция с удовольствием поздравляет наших постоянных активных авторов и рецензентов, а также членов редколлегии А.В. Кокина и С.А. Кислицына – ученых и преподавателей, авторов научных и литературных работ с их юбилейными датами и желает здоровья и сил для осуществления научных замыслов

УДК 14:93

Старостин А.М.

Проблемы изучения советской истории и метод М. Ферро

Автор исходит из анализа особенностей и сложностей исторического познания, реконструкции и репрезентации исторических процессов и событий, которые выявлены различными направлениями философии истории. Применительно к феноменам «исторической памяти» и «образов прошлого», фигурирующих в современном массовом сознании, подчеркивается значимость исследований известного историка М. Ферро. С помощью «метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов и позиций, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. Своеобразным «противоядием» против подобных исторических aberrаций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Ключевые слова: Методологическая рефлексия в истории, «метод Ферро», философская инноватика, историческая диатропика, полицентризм исторического восприятия, проблемное обучение истории.

Представляемые суждения навеяны дискуссиями, прошедшими в Центре политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в рамках научных конференций «Проблема проработки советского прошлого» (23-24 марта 2013 г.) и «Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения» (18-19 мая 2013г.). Проблемы, представленные на обсуждение конференции «Проблема проработки советского прошлого», вызвали у меня интерес не только как у ученого, философа, претендующего на новации в философско-методологической сфере («философская инноватика»), но и как у эксперта в области политики, который, работая в Президентской академии, должен предлагать определенные рекомендации в политико-управленческой сфере. А так же, как у гражданина, погруженного в очень сложный, конфликтный социально-исторический ценностно-смысловой контекст усилиями СМИ, политтехнологов, партийных идеологов и общественных деятелей нашего времени – Времени, как долгое время говорили, транзита. А ныне социально-

политическая лексика обновляется и говорят не о трендах, а о турбулентности и лиминальности[†].

Сразу же хочу напомнить, что известным русским поэтом Александром Полежаевым применительно к нашему Отечеству, которое время от времени попадает в зоны турбулентности и лиминальности, уже 200 лет назад были написаны поэтически образные, но очень точные в отношении нашего исторического прошлого строки:

Была страна под небесами,
Была великая страна –
Страна чудес, ... но времена
Враждуют страшно с чудесами!

Понятное дело, что ностальгическое представление о «стране чудес» значительно усиливается и охватывает большие массы людей в периоды разорительных и мучительных социальных преобразований и сразу после них. В XX веке эти потрясения накрывали Россию трижды: страшная волна Первой мировой, гражданской войн и иностранной интервенции; не менее опустошительная волна Второй мировой и изматывающей «холодной» войны; и, наконец, современный период, начавшийся с перестройки и все еще идущий по сценарию – траектории, которые в конце 80-х годов метафорически были обозначены как «перестройка – перестрелка – переключка». В каждом таком водовороте вряд ли уцелело бы какое-либо еще государство. А Россия была в центре, в воронке. Еще в начале 20-х гг. XX в. знаменитый Герберт Уэллс, много размышлявший о прошлом и будущем человеческой цивилизации, писал: «К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху» [1, с. 452]. И еще, о конце периода, связанного с Первой мировой войной: «Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена» [1, с. 453]. А впереди были еще не менее двух разрушительных потрясений. В итоге все «скелеты в шкафу», которые в развитых странах хранят, а то и лелеют столетиями, в России выбрасывались на общее обозрение по меньшей мере трижды. Перемешались все их кости и имена их хранителей. Неоднократно злодеи становились героями, а герои объявлялись злодеями. По многу раз переименовывались города, улицы, да и страна в целом. Менялись праздники. Горели и исчезали по несчастью или умыслу архивы и миллионы документов и свидетелей. А смысловые ключи к пониманию множества документов утеряны или находятся на грани утери. И это не меньшая проблема, чем ключи к пониманию древних культур.

Я говорю об этом постольку, поскольку число идеологизированных и политизированных историков у нас не стало меньше. И хотя мы за короткое время смогли освоить немалое число новых для нас доктринальных и доку-

[†] Лиминальность (liminality) – переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности. См.: Проективный философский словарь. СПб: Международная кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб науч.центра РАН /Артемьева Т.В. и др. 2002.

ментальных исторических источников, но историческое профессиональное и массовое сознание не поднялось на новый уровень. Даже известные авторы, претендующие на объективность, слишком спешат с итоговыми выводами, не давая себе труда «отремонтировать» старую машину по производству исторических знаний. Вот небольшой фрагмент из научно-публицистической 700-страничной книги известного историка Роя Медведева. Резюмируя сказанное на этих страницах, он подчеркивает: «Одни авторы перечисляют только достижения, другие только пороки советской модели социализма. Следует быть более объективными. Советский Союз был уникальным государством с необычной общественной системой. Многие цели и задачи, которые ставились перед нами в программах КПСС, были не только разумными, но и благородными. Однако этими целями нельзя было оправдать примененные лидерами КПСС порочные или даже преступные средства. Такие средства не только дискредитировали цель, но и делали ее недостижимой» [2, с. 634].

Интересное суждение – в особенности относительно преступности средств. Особенно интересное, если более четко соотнести в историческом времени благие намерения и «преступные» (с чьих-то оценочных позиций – чьих спрашивается?) средства. Получается, что периоды наибольшего заедствования «преступных» средств давали наиболее существенное продвижение к благим целям. Иными словами, можно доказывать (и это, разумеется, делается другими, не менее известными историками) противоположную теорему. Но самое главное, что ни те, ни другие не предлагают новые фундаментальные концепции, которые помогли бы углубить наше понимание собственной (и не только) истории. Гораздо ближе к истине стоят представители науки, опирающиеся на ироничный фольклор, например, такой:

– Первое правило переходного периода истории: на каждого историка найдется историк такой же величины с противоположным мнением.

– Второе правило переходного периода истории: и оба они неправы.

Но какая же дорога ведет к Храму исторической истины? Ответ на данный вопрос не прост, и он связан с реконструкцией эволюции системы исторического познания. А коль скоро мы выходим на вопросы, связанные еще и с историческим образованием и распространением исторических знаний, то – с углубленным их изучением, причем сопряженным с развитием исторического познания.

В этом плане весьма значимо и поучительно использование «метода Ферро».

Марк Ферро – известный французский историк, представитель знаменитой историографической школы «Анналы» и соредатор одноименного журнала. Специализировался в 60-е гг. XX в. на советской истории, защитив докторскую диссертацию о русской революции 1917 г. С начала 80-х гг. XX в. широко известна его книга «Как преподают историю в разных странах мира» (В нашем переводе – «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» - издание 1992 и 2010 гг. [3]). Он показал исключительную роль исторического образования и деятельности СМИ в формировании этих феноме-

нов. В частности, применительно к историческому образу недавнего прошлого, который изучался М. Ферро в более чем 50 странах мира, с помощью «метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. М. Ферро показал на примере, в том числе преподавания истории в ряде бывших республик СССР, наличие тенденций аберрации (искажений) исторической памяти в виде существенного преувеличения исторической значимости «успешных» событий (военно-политические победы, экономические и социальные достижения) и преуменьшение или исключение из событийного поля поражений, потерь, большой цены успеха. А также подчеркивание решающей роли страны, нации, этноса в «Большой истории», что иногда в нашей культуре обозначают в виде ряда ироничных метафор («Глобус Украины», «Россия – родина слонов» и т.п.).

В частности, в Предисловии к своей книге М. Ферро указывает на несколько примечательных примеров: «Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде. Сегодня у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой» [3, с. 7].

И далее: «Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба... Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине. Затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова... Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Америка как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии *salad-bowl* («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность. Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы» [3, с. 7-8].

Суть метода Ферро, с нашей точки зрения, состоит во включении методологической рефлексии в формирование научно-исторического и историко-образовательного знания.

Вспоминая работы профессора А.В. Потемкина по истории философии и эволюции философского знания [4], правомерно говорить о диатрибической традиции не только в философии, но и в историческом познании. Когда собственно научно-исторические знания, достаточно сложные и разнообразные, содержащие значительную долю гипотетических и оценочных суждений, в силу различных обстоятельств, значительно упрощаются, «выпрямляются» от поисковых зигзагов и проблематичных суждений и превращаются

в диатрибический («школярский») текст. Между тем, и в самом историческом обучении, как и во многих других предметных областях, уже около полусотни лет известен метод и система проблемного обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков), во многом корректирующий диатрибические отклонения. И делающий само историческое образование более релевантным системе научно-исторических знаний и соотносимым с познавательным-историческим процессом.

Релевантная реконструкция эволюции системы исторического познания и сознания в первую очередь опирается на исследования в области философии истории. Ибо здесь прежде всего обращается внимание на основания главных парадигм в познании истории. В их числе «субстанционалистская трактовка, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории» [5, с. 201].

В качестве парадигмальных новаций, которые выявляются с помощью инструментария философской инноватики, следует указать на историческую диатропику в рамках глобально-эволюционного подхода, а также применение синергетических и математических моделей к анализу социально-исторических систем.

В связи с этим сделаем несколько пояснений по поводу философской инноватики. Прежде всего речь идет об аналогии с современной научной деятельностью, что позволяет выделить в философии фундаментальную, прикладную части и сферу разработок. Приложения философии и разработки, сделанные с помощью философского инструментария, направлены на повышение эффективности научного поиска в той его части, где требуется усиленная теоретико-рефлексивная работа. Речь также идет о таких направлениях философской деятельности, которые концентрируются на выявлении оснований предметно-научных и междисциплинарных областей, анализе смены отраслевых научных парадигм, частнонаучных и общенаучных картин мира и других исследовательских направлениях, где сама наука или область рационально осмысленного практического опыта не имеют достаточно серьезного и отрефлектированного инструментария теоретического синтеза [6].

Впрочем и возможности уже известных парадигмальных подходов могут быть углублены и дополнены. На наш взгляд, следовало бы также реконструировать концепцию социального информационного кодирования М.К. Петрова, обещающую выход на более существенные обобщения в области социально-информационной картины мира, что предполагает также и реализацию идеи ноосферы и, в свою очередь, перевода исторического развития и исторического познания в глобально-эволюционный контекст.

Существенным дополнением понимания сложности и многомерности исторических процессов (политическая история, экономическая история, социальная история в глобальном, региональном и локальном преломлении) и их погруженности в социально-информационное пространство выступает изучение эволюции исторического образования и исторического массового сознания (включая и проблему «исторической памяти»). В этом аспекте я бы также подчеркнул значимость «метода М. Ферро».

Тенденции исторического образования, показанные М. Ферро еще в 80-е гг., мало поменялись к нашим дням. Показательны в этом плане материалы большой дискуссии о преподавании истории Второй мировой войны в разных странах мира [7]. Здесь, в дополнение к уже известным со времен М. Ферро феноменам, отмечались такие вещи, как заметные проявления фальсификации истории. К примеру, в докладе известного финского историка Йохана Бекмана подчеркивается: «Фальсификация истории имеет определенную географию. Такие страны, как Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва и Украина искажают историю Второй мировой войны сообразно собственным интересам. К тому же относится непрерывная психологическая война против России и русских. Цель этих действий заключается в стремлении уничтожить всё, что может напоминать о Советском Союзе, – т.е. уничтожить Россию. Агрессивные атаки против русских имеют прежде всего психологический смысл, поскольку их объединяет одна задача – заставить русских испытывать вину, растерянность и гнев против руководителей своей страны» [7, с. 128].

Что касается острых проблем отечественного исторического образования, то наиболее характерные из них – это: работа по «заемным» когнитивным лекалам (соросовские программы); безмерное расширение числа рекомендуемых для преподавателей и учащихся учебников; а также ничтожное число учебных часов, отводимых на изучение Второй мировой войны (4 часа за все годы обучения) и других наиболее значимых исторических событий. Например, федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к использованию в образовательном процессе общеобразовательных учреждений, утвержденный Минобрнауки РФ (список действует до 2014 г.) насчитывает 108 учебников [7, с. 315].

Понятна озабоченность Президента РФ и его рекомендации о значительном сокращении подобных списков и выработке более четких, сбалансированных подходов к историческому образованию и ориентации на более четко сформулированные цели образовательного процесса в области отечественной истории, включая и советский ее период.

Заключая сказанное применительно к реконструкции советского прошлого, подчеркнем, что образы его задевают интересы ряда влиятельных социальных и политических групп, которые лоббируют действия, направленные на аберрацию восприятия и фальсификацию недавней истории.

Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Привычки и навыки полицентричного исторического восприятия позволяют снизить эмоциональный накал в историческом восприятии и сформировать более сбалансированное, взвешенное отношение к прошлому. Это в первом приближении. Что касается последующих шагов, то они, как уже от-

мечалось выше, требуют включения в полной мере методологической рефлексии в сфере исторического познания и обращения к контексту, который образуют подходы, связанные с различными версиями философии истории.

Литература

1. Уэллс Г. История цивилизации. М.: Астрель, 2011.
2. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. М.: Астрель, 2011.
3. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб, 2010.
4. Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1980.
5. История и философия науки. Кн. 4. М.: Изд-во МГУ, 2010.
6. Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М.: URSS, 2012.
7. Вторая мировая и Великая отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. М.: РИСИ, 2010.

УДК 327:947

Кислицын С.А.

К вопросу о геополитическом значении и уроках распада СССР

Исторический опыт распада великого Советского государства имперского типа является исходным пунктом для теории и практики укрепления Российской Федерации и формирования новых интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Геополитика России, империя, советский тип государства, исторические уроки распада СССР, перспективы Евразийского Союза.

Проблема распада СССР и перспективы развития Российской Федерации как государства имперского типа является одной из самых острых и дискуссионных. В сборнике статей под редакцией А.Эткинда. Д. Уффельманна и И. Кукулина «Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России» (М., 2012) утверждается, что в России и СССР сложился особый тип имперского колониального управления, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории как к захваченной. Естественно, что такой подход означает фактически повторение известного тезиса о России как «империи зла», которую нужно переучить и проработать в интересах демократии. Американский геополитик З. Бжезинский неоднократно заявлял, что Россия или станет демократией, распавшись на ряд самостоятельных образований, либо будет сохраняться в качестве авторитарной империи. Как ни странно, советник президента США Б.Обамы в своих суждениях вполне рационален.

Еще Шарль Луи Монтескье выявил закономерность, согласно которой демократические режимы успешно реализуются в маленьких государствах, монархии - в средних, а в огромных империях необходимы жесткие авторитарные режимы. В частности в главе XIX его знаменитой книги «О духе за-

конов» говорится, что обширные размеры империи — предпосылка для деспотического управления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравнивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства. В главе XX он писал, что если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины — подчиняться монарху, а обширные империи — состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять неизменными свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения или сужения пределов его территории [1].

В то же время Монтескье отметил, что на крупных территориях имперского типа также возможны федеративные государства с сильной центральной властью. «Небольшие республики погибают от внешнего врага, а большие — от внутренней язвы. Эти два бедствия свойственны и демократиям, и аристократиям, независимо от того, хороши они или дурны. Зло лежит в самой сути вещей, и никакое изменение формы не может его искоренить. Очень вероятно поэтому, что люди оказались бы в конце концов вынужденными жить всегда под управлением одного, если бы они не изобрели особого строя, который со всеми внутренними достоинствами республиканского правления совмещает внешнюю силу монархического правления. ... О федеративной республике. Эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов до тех пор, пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность входящих в него государственных единиц». Конечно, суждения великого француза несут печать своего времени XVIII века, в частности понятия монарх, деспот, федерация на современном этапе имеют иное содержание, но анализ взаимосвязи территории страны и характера политического режима вызывает интерес.

В этой связи встает вопрос — чем был СССР? Советский Союз как централизованное и в то же время интернациональное многосоставное государство одновременно было и не было империей. Известны суждения о том, что Россия была сухопутной империей, принципиальной отличающейся от таласократических захватнических империй Запада. М. Минчев уверяет, что Россия была «мирной империей» [2]. Другие считают, что Россия — СССР была империей с «внутренними колониями». В.И. Вернадский развивал идею, что Россия, — «государство-континент». Ю.А. Жданов вслед за ним считал, что империи не было вообще. *Наши враги (противники) и внутренние их подпевалы придумали тезис, что СССР был империей. Никакой империей*

Советский Союз не был. По одной простой причине. Давайте определим, что такое «империя». Империя – это то национальное образование, где существует господствующий этнокласс. Так, были грекомакедонцы при Александре Македонском, таковы были англичане в Британской империи, таковы были турки в Османской империи, таковы были великоханские силы в Китае. То есть должен быть этнокласс, который паразитирует на всех других нациях, национальностях, народностях. ...Но подходить ко всему нужно исторически [3]. Далее Ю.А. Жданов также отмечал: «Главное – понять, в чем идея, в чем суть власти. Демократия предполагает «демос кратос» – власть народа. Какого народа? Или какой части народа? Не всех же ста пятидесяти миллионов или не миллиона в пределах республики. Тогда кого? Олигархов? Люмпенов? Или наемных рабочих? В этом суть. Нельзя кажущееся воспринимать за действительное. Явление противостоит сущности. Традиционно мы воспринимаем зеленый цвет как цвет весны, цвет надежды, на самом деле зеленый цвет – цвет смерти. Зеленый цвет растениям не нужен. Это цвет распада. Или говорим об осени как о смерти. Но упавший лист – это торжество жизни. Отцветший лист подпирает новый листочек, который рождается только весной. Мы любим говорить, что солнце закатилось, погасло. Но земля ведь закатилась. Мы часто воспринимаем все наоборот. Сильная власть, как собственность, ведет к распаду государства. Но сильная власть, отражающая чаяния большинства общества, укрепляет мощь государства» [3].

Действительно, сильная власть является базовым инструментом обеспечения целостности государств имперского типа. Любое многосоставное государство имперского типа в своем развитии демонстрирует одновременно тенденции центробежного и центростремительного типа. Первая тенденция связана с разбросом составных частей относительно Центра вплоть до образования суверенных государств и ликвидации Центра. Вторая тенденция – укрепление единства и территориальной целостности многосоставного государства вокруг исторического Центра. Доминирование той или другой тенденции связано с характером и содержанием этнополитического руководства Центра, с соответствующей политикой, с наличием или отсутствием политической воли у высшего руководителя и его окружения.

В начальный период Великой Отечественной войны Красная армия понесла ряд тяжелых поражений и немецко-фашистские оккупанты дошли до рубежа Ленинград-Москва-Сталинград, то есть практически захватили всю европейскую часть СССР. В своей политике на оккупированных территориях агрессоры делали все возможное для обеспечения краха СССР – как многонационального «колосса на глиняных ногах». Были созданы подразделения полиции и части СС из коллаборационистов, велась активная пропаганда среди населения и т.д. И несмотря на это, СССР выстоял и не только не развалился, но сокрушил немецко-фашистский рейх. Не обеляя диктатора И.Сталина, реализовавшего массовые кадровые репрессии в довоенный период и допустившего стратегические просчеты в начальный период войны,

следует признать, что его политическая воля была абсолютно направлена на сохранение единства государства и его в конце концов обеспечила.

Спустя 50 лет без всякой внешней военной агрессии и массового коллаборационизма, в условиях значительно менее тяжелого социально-экономического положения, чем в катастрофическом 1941 г., СССР прекратил неожиданно свое существование. Несмотря на причины объективного социально-экономического характера, ведущую роль в этом сыграл, на наш взгляд, субъективный фактор, прежде всего, деструктивная политическая деятельность М.С.Горбачева и Б.Н. Ельцина, направленная в той или иной форме на демонтаж СССР. Различия во взглядах и личное неприятие друг друга не помешали им поочередно внести каждый свой вклад в разрушение СССР. Эти политические руководители оказались едины в главном – в отказе от борьбы за единство и целостность многонационального государства, от подчинения этого судьбоносного вопроса конъюнктурным задачам борьбы за власть. Ни первый, ни второй деятель оказались не способны на самопожертвование во имя Великой Российской (тогда советской) государственности. Ни первый, ни второй не увидели, что стали пешками в руках эффективно действовавших зарубежных сил, умело внедривших в общественное сознание большей части интеллигенции и элиты идеи разрушения СССР. Достаточно вспомнить издание многомиллионным тиражами и бесплатное распространение фальсификаторского опуса коллаборациониста А. Авторханова «Империя Кремля» и т.п.

Сначала М.Горбачев очистил руководство партии от наиболее последовательных и коммунистически убежденных ведущих деятелей предшествующего этапа развития, затем он стал избавляться от «андроповского призыва» (Е. Лигачев, Н. Рыжков), к числу которых принадлежал сам. Далее в руководство КПСС были включены либерализированные политики с гуманитарным образованием, оказавшиеся неспособными решать конкретные социально-экономические проблемы. Не доведя экономической реформы до логического конца – создания многоукладной экономики и резко ухудшив экономическую ситуацию, горбачевская псевдокоммунистическая – полулиберальная субэлита отпустила политические вожжи и отказалась управлять «пошедшим процессом». Антисоциалистическая, бывшая диссидентская, контрэлита, на сторону которой перешел обиженный М. Горбачевым бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, энергичный, пробивной, мстительный, властолюбивый Б. Ельцин, получила, наконец, шанс реализовать свои далеко идущие разрушительные замыслы. Ельцин – потомок раскулаченного крестьянина вошел в политико-административную элиту СССР, не разделяя идеалов коммунизма. Он развил буквально бешеную энергию по слову социалистического государства, в чем можно символически увидеть нечто большее – объективную историческую месть репрессированной части советского народа коммунистической политической системе.

Отданные руководством КПСС в распоряжение либеральной оппозиции средства массовой информации провели кампанию обработки населения

в оппозиционном – антикоммунистическом духе, что во многом предопределило индифферентную реакцию народа на попытку консервативного крыла политической элиты воспрепятствовать развалу СССР в августе 1991 г. А.Н. Яковлев позднее призвал Б. Ельцина «возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей» [4].

В целом коммунистическая элита перестала защищать интересы не только общества, но самой почти двадцатимиллионной партии. Советский народ, потерявший навыки политической борьбы, не имевший объективной информации, доверившийся либеральной интеллигенции, ставшей идеологической опорой новейшей оппозиции, отказался защищать союзное государство. Кризис верхов назрел и в сочетании с недовольством трудящихся масс в условиях вдруг чрезвычайно обострившего дефицита товаров широкого потребления (вплоть до спичек и соли) обусловил последовавшую социально-политическую катастрофу. Крах ГКЧП стал концом переродившейся коммунистической элиты и неуспешной развернувшейся коммунистической контрэлиты (на базе КП РСФСР), показавшей свою неспособность решить актуальную задачу сохранения Советского Союза как великой сверхдержавы, способной отстоять социальные гарантии трудящимся.

Институт Гувера выпустил свою итоговую монографию, в которой названы три фактора развала СССР: а/ политические (диссидентские) оппозиции в СССР, действовавшие на основе американской финансовой и идеологической поддержки, б/ демократическая революция в Польше и развал Варшавского договора, в/ гонка вооружений и война в Афганистане. Автор весьма злорадно отметил, что у советского руководства были возможности даже в этой тяжелейшей ситуации найти выход из положения, но оно не смогло это сделать. США сумели эффективно реализовать доктрину Рейгана и подтолкнуть СССР к развалу [5].

Для проведения в жизнь политики укрепления централизованного многосоставного государства имперского типа нужна была политическая воля советского и постсоветского руководства, способного обеспечить функционирование реально управляющего властного Центра и региональной периферии, принимающей его решения как легитимные. Отсутствие такой политической воли двух высших руководителей определялось не только их собственными характерами и личностными особенностями. Оно было детерминировано сложными субъектно-объектными отношениями в правящей партии и коммунистической элите, которые сформировались в условиях роста ряда деформаций общественно-политической системы. Нараставший кризис СССР не был своевременно диагностирован и преодолен. Представляется, что важным фактором этого деструктивного процесса стала десубъективизация рабочего класса и крестьянства, рядовой интеллигенции, потерявших свою историческую инициативу и собственную субъектную активность, а затем передавших их в распоряжение разлагающейся коммунистической элиты. В свою очередь, партийная номенклатура, уверившись в своем исключительном праве на ведущую и направляющую роль в развитии страны, переда-

ла узурпированные полномочия группе лидеров, сосредоточивших необъятную, практически «императорскую» власть в многосоставном государстве. Личностный субъективизм вместо принципа ответственной субъектности стал определяющим качеством политического руководства КПСС, что, во многом, и привело к распаду многосоставного Советского государства. Это не означает, что не было объективных причин распада СССР, но при квалифицированном политическом руководстве можно снять остроту противоречий и начать необходимые постепенные реформы китайского типа.

Полный распад СССР не был абсолютно неизбежным, хотя выход некоторых республик (прибалтийских, возможно закавказских), вероятно, был вполне допустим и даже необходим. Предложенная Н.Назарбаевым уже в 1991 г. концепция Евразийского союза предоставляла возможность трансформации Советского государства в новое качество при сохранении союзного единства России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Даже академик А.Сахаров настаивал на создании «Союза советских республик Европы и Азии», или «Евро-Азиатского Союза». Но для проведения ее в жизнь нужна была, повторяем, политическая воля высшего руководства, способного, сохраняя принципы новой для России демократической системы «власть-оппозиция», обеспечить функционирование обновленной Российской Федерации и реорганизованного Союза.

А. Панарин отмечает, что интеграционный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический, инфраструктурный, призванный обеспечить экономическое, информационное, правовое пространство, и ценностный, предназначенный для сообщения этому процессу высшего сакрального (ценностного) смысла». По мнению А. Панарина, Россия, ядро православной цивилизации, обладает мощным, но чисто идеологическим натиском западной культуры, самодостаточным идеологическим потенциалом. Более того, Запад после «холодной войны» продолжает свое наступление на духовной сфере. Это связано с тем, что Россия сохраняет все компоненты силы на уровне народных масс и представителей элиты, сохраняет потенциал к возрождению.

По мнению А. Панарина, «уникальность России среди всех славянских немногочисленных народов состоит в том, что только ей удалось создать прочную государственность, способную выжить в крайне жесткой геополитической среде, постоянно осаждаемую с разных сторон. Известен специфический этатизм русского народа, непропорционально большая роль державного начала во всех областях жизни». Панарин считает, что стоит, ослабнуть этому началу, как моментально пробуждаются силы внутренней *анархии* и внешней агрессии, нравственного беспредела и беспредела зарвавшихся «победителей». Историческая биография народа, как и биография индивидуума, характеризуется постоянным выбором не между наихудшим и наилучшим (оптимальным), как это предполагает теория прогресса, знающая только полюса передового и реакционного, а между меньшим и большим злом. Тяжеловесная и жесткая по европейским меркам, российская

государственность должна быть оценена не в умозрительных антитезисах либерального и нелиберального, правового и неправового характера, а в антитезисах, реальность которых доказывается всем историческим опытом. Реальные дилеммы, перед которыми то и дело ставит нас *история*, это: иностранное закабаление или суровая национальная государственность. Самоубийственная анархия или державный неусыпный присмотр, сепаратизм или централизм, гедонистическая безответственность или аскеза [6]. Но А.Панарин не объяснил, как русская национальная государственность может стать центром реинтеграции постсоветского пространства, на котором концепты «старшего брата» и «главного партнера» вызывают только застаревшую аллергию.

В настоящее время на постсоветском пространстве отсутствует единая общепринятая идеология интеграции. Россия и частично Белоруссия и Казахстан, как наиболее сильные интеграционные геополитические центры, уже выдвигают обновленную идеологию евразийства и, соответственно, концепцию единого евразийского пространства. Украина рвется в западный Евросоюз, пытаясь одновременно получить от восточных евразийцев экономические преференции. На постсоветском пространстве имеются реальные коллективные центры силы, выражающие как центробежные, так и центростремительные тенденции: ОДКБ, ГУУАМ, СНГ, ШОС, ТС и Евразийский экономический союз. Лидер общественной организации «Евразийское движение» известный геополитик А. Дугин считает, что России по-прежнему угрожает западный атлантизм, против которого Россия должна создать бастион евразийской мощи. Согласно его концепции, возрожденная Россия - Евразия станет одним из трех супергосударств (остальные – Океания и Остазия), которые будут в будущем определять судьбу мира.

В политологической литературе также дебатировалась концепция «русской православной цивилизации», которая при всей своей ограниченности и устарелости способствует пониманию исторических особенностей российского социума. Консервативная КПРФ традиционно настаивает на возрождении основ советской федерации, которая также является имманентной частью отечественной истории. Остальные постсоветские режимы пытаются развивать западную модель демократии, позаимствовав либеральную идеологию, де-факто ориентируясь на внешние центры силы. Это обусловлено отсутствием веры элит в национальные традиции, технологической отсталостью их стран, необходимостью легитимации внутренней власти в поле зрения руководства США и Евросоюза, наконец, усвоением постсоветскими элитами идеалов потребления и сверхпотребления.

В этой связи уместно вспомнить суждение Ю.А.Жданова - концепция «комплекса Эрисихтона»[‡]. Он предрекает печальную участь социума, осно-

[‡] Эрисихтон в греческой мифологии – сын фессалийского царя Триопа. Обуянный безбожной дерзостью, Э. вырубает священную рощу Деметры, невзирая на предупреждение богини, являющейся к нему под видом жрицы. За это Деметра наказывает Э. чувством неутолимого голода. В мифе также фигурирует дочь Э., которую тот, пользуясь ее способностью принимать разные обличья, многократно продает,

ванного на антагонистической и паразитической парадигме. Жданов писал: «Люди на всей Земле утратили чувство безопасности, поскольку атомная угроза сомкнулась с волной террора повсеместного и беспощадного. Это значит, порочна основа общественного бытия, и никаким рок-звездам не заглушить нарастающего грохота взрывов, никакими кока-колами не отмыть потоков льющейся крови, никакими «сникерсами» и «блендамедами» не замазать зияющих трещин, раскалывающих мир. Богиня голода празднует ныне непрерывную тризну, унося ежегодно миллионы жизней, и, в первую очередь, детей. Всеохватывающая система финансового капитала высасывает из человечества не цифры на дисплеях, не зеленые бумажки или золотые кругляшки, а горячую человеческую кровь, которая омывает клеточки мышц и мозга работающего организма. Именно она составляет субстанцию стоимости, оседающую в швейцарских, парижских, лондонских банках, в Международном валютном фонде и питающую паразитический класс, народы-рантье.

Вот теперь роковой комплекс Эрисихтона завершен. Чудес не бывает: на заре формирования общества классовых антагонизмов гениальная интуиция греков уловила их коренные черты и фундаментальные характеристики: разрыв с освященными традицией нравственными, духовными ценностями народа, разлад с природой, насилие над человеком, хищническое потребление, продажа всех и вся, наконец, самоотчуждение, вплоть до самопожирания, самоозлобления и самоуничтожения. В этих условиях, тем не менее, формировалась и созидательная, утверждающая культура, творчески преобразующая прометеяво начало человека. Но всему наступает конец: производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами⁴. Своей гениальной интуицией греки увидели эту перспективу и отразили ее в форме мифа, смысл которого где-то затеряли. Ныне этот смысл теоретически осознан. Роковой комплекс Эрисихтона должен быть преодолен. Здесь не помогут песнопения о постиндустриальном или информационном обществе. Выход заключен в смене исторического основания бытия общества. Должны быть изжиты в свое время необходимые и прогрессивные, но ныне исчерпавшие себя формы отчуждения человека от человека, а тем самым и самоотчуждения. Разумный совместный труд, научное познание мира, стремление к прекрасному, призваны стать основой для торжества иных заложенных в человеке начал: Прометеева духа, сотрудничества, взаимной поддержки, радости свободного общения, тождества личного и общего интереса. Лишь на этом пути, в темных глубинах мироздания мерцает творческая космическая эволюция человека».

Руководство современной демократической России стремится учесть трагический опыт распада СССР – геополитического преемника Российской империи. Следует признать, что В.В.Путин сумел в критической ситуации предотвратить распад Российской Федерации, который мог реально начаться

а вырученные деньги проедает. Так продолжается до тех пор, пока Э. не начинает поедать собственное тело // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 638.

после первой Чеченской войны и вторжения сепаратистов в Дагестан. Все дальнейшие политические действия Президента РФ В.В.Путина были так или иначе связаны в первую очередь с проблемами обеспечения единства и целостности России сохранения ее влияния на постсоветском пространстве, где проживает 25 миллионов соотечественников. В этих условиях вопрос о причинах распада СССР приобрел специфическую роль регулятора и катализатора реинтеграционных процессов. Президент РФ при обосновании концепции Евразийского Союза подчеркивал, что речь идет не о восстановлении СССР – социалистической советской империи - а о создании на новых условиях экономического пространства и единой зоны наднациональной безопасности в рамках ОДКБ и возможного Евразийского Союза на территории СНГ – бывшего СССР. Главный геополитический конкурент США (в лице бывшего госсекретаря Х.Клинтон и др.) в ответ заявил, что они «не допустят» возрождения нового Союза. Это означает, что предстоят новые острые политические дискуссии как внутри России, так и вне ее, по вопросу национальной безопасности РФ и в целом - судьбы Российской евразийской цивилизации.

Таким образом, трагический опыт распада великого Советского государства имперского типа является исходным пунктом для теории и практики укрепления Российской Федерации и формирования новых интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Монтескье Ш. Л.* Избр. произв./ Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Гослитиздат, 1955.

2. *Минчев М.* Кавказ и геостратегическая чуть современного российского патриотизма // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и современность. XXIII Адлеровские чтения. 2013. С.169-171.

3. Выступление Ю.А. Жданова на защите докторской диссертации А.Ю. Шадже. (Из стенограммы) // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д. 2009. С. 229–230.

4. *Яковлев А. Н.* Обращение к общественности. М., 1996. С. 4.

5. *Швейцер М.* Победа. Пер. с англ. Минск, 2002.

6. *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм. 1966.

УДК 504:621

Кокин А.В., Кокин А.А., Кленюшина Е.А., Кошелев Н.Н.

Нужны ли революции в топливной энергетике или необходимы принципиально другие решения?

Рассматриваются проблемы инноваций в области управления и комплексного освоения энергетических ресурсов в РФ в рамках возможности использования альтернативного энергетического потенциала субъектами РФ и муниципальными образованиями, генерирования малых мощностей в распределительную локальную энергосеть.

Ключевые слова: энергетика, управление, сланцевая революция, сланцевый газ, синтетическое топливо, альтернативные источники энергии, экология.

Так уж сложилось, что в рамках развития мировой экономики топливно-энергетические ресурсы составляют её основу, ибо сегодня в цене единицы произведённой условной продукции доля энергетических затрат может составлять более 50 %. Человечество с начала своей хозяйственной деятельности постепенно переходило от использования так называемых нетрадиционных источников энергии (дров, кинетической энергии падающей воды, ветра, органического топлива от продуктов жизнедеятельности животноводства, безнапорного орошения при производстве сельскохозяйственной продукции и т. д.) к традиционным высококалорийным энергетическим ресурсам: углю, нефти, газу, радиоактивному сырью.

Сегодня в условиях ужесточения экологических требований к экономике энергетических ресурсов тенденция меняется на противоположную, когда пытаются энергетические проблемы решить за счёт только нетрадиционной энергетики. На самом деле проблема состоит в том, чтобы в рамках синергетических систем управления топливно-энергетическим комплексом использовать как традиционные, так и альтернативные источники энергии в условиях необходимости сохранения темпов экономического роста мировой и национальной экономики РФ, не ставя под угрозу развитие будущих поколений. Другими словами, идти по пути устойчивого развития.

В истории развития человечества переход от одних к другим источникам энергии было связано с рядом причин:

- исчерпаемостью одних видов энергоресурсов, поиском и заменой их другими видами топлива;
- необходимостью вовлечения в развивающуюся экономику более эффективных энергетических мощностей;
- требованиями технологий сжигания топлива (от использования

твёрдого к более технологичному – жидкому, а затем к газовому и радиоактивному топливу для удовлетворения потребностей автомобильного, авиационного и космического транспорта, отопления жилищ и т. д.);

- экологическими (минимизацией давления на окружающую среду);
- стоимостью затрат на производство энергии.

В рамках поступательного возрастания темпов экономического роста и ограниченности запасов отдельных видов энергетического сырья в перспективе периодически возникала проблема дефицита топлива. Известные в истории энергетические кризисы (особенно начала семидесятых и девяностых годов минувшего столетия) заставляли экономистов, геологов, энергетиков делать мрачные прогнозы на будущее относительно обеспеченности мировой экономики энергоресурсами. Как известно, ни один из пессимистических прогнозов и сценариев не оправдался [1]. В развивающейся мировой экономике во времени неизбежно росло не только энергопотребление, но и запасы минерального топлива, вовлечённые в мировую и национальную экономику РФ. В рамках перспектив развития мировой экономики недавно появилась точка зрения о возможности пятикратного увеличения потребления энергии [2] мировой экономикой при сохранении темпов экономического роста. Причиной этого являлось:

- стремительное развитие технологий эффективного и более экологичного сжигания топлива;
- возврат к использованию нетрадиционного вида ветровой энергии на новом технологическом уровне с возможностью передачи части неиспользованной энергии в социальные распределительные сети;
- использование теплового поля Земли в районах действующих и потухших вулканов;
- освоение солнечной энергии потребителями малых мощностей также с возможностью передачи неиспользованной части энергии в социальные энергетические сети;
- появление новых источников энергии (водородное топливо) и в недалёком будущем вовлечение в мировую экономику энергии управляемого термоядерного синтеза.

Идеи управляемого термоядерного синтеза (ядерные реакции с использованием дейтерия (D) и трития (T), а в будущем ^3He и ^{11}B принадлежат советским физикам [3] и связаны с выдающимися именами: Лаврентьева О.А., Сахарова А.Д., Тамма И.Е., Арцимовича Л.А. Сегодня управляемый термоядерный синтез из лабораторных экспериментов перешёл уже в стадию проекта ITER [4].

Кроме этого, в рамках развивающихся концепций и стратегий управления топливно-энергетическим комплексом усиленно:

- расширялись области поисков, разведки и эксплуатации энергетических ресурсов с выходом на морской и океанический шельф;
- развивались технологии извлечения топлива из геологических тел разной природы (каустобиолиты, конденсаты, сланцевый газ, метан угольных

месторождений, газогидраты и т. д.);

- совершенствовались сами методы и технологии поисков, разведки, эксплуатации месторождений минерального топлива;

- повышалась полнота извлечения минерального топлива из земных недр (нефти и газа). Если в недалёком прошлом потери энергетического сырья в недрах измерялась 40 – 25 %, то сейчас потери снизились до первых процентов;

- пересматривались традиционные теории на происхождение минерального топлива (органическая и неорганическая концепции углеводородов, включая природу образования метана, нефти) и др. В этих рамках появились гипотезы о возобновляемости метана и нефти в истории развития земной коры.

Другими словами, исторически научно-техническое развитие человечества всегда удовлетворяло возрастающие потребности в обеспечении энергоносителями непрерывно развивающуюся экономику и социальную сферу. И сегодня пессимизм в нехватке энергетического сырья в недалёком будущем для поступательного и устойчивого развития мирового сообщества не постоятелен, поскольку человечеству в обозримом будущем скорее всего действительно не грозит дефицит минерального топлива [5-7].

Во-первых, в этом нас убеждают научно-технические и технологические возможности человечества (в том числе, например, создание более экономичных двигателей внутреннего сгорания). Во-вторых, наличие запасов органического топлива в слоях земных в виде битуминозных горючих сланцев, торфа, которые пока даже не поддаются точной количественной оценке в биосфере. В-третьих, развитие атомной энергетики и овладение энергией управляемого термоядерного синтеза в будущем дадут возможности человечеству использовать более экологичное топливо и окончательно решить проблему нехватки энергии, а стало быть, устранить препятствия на пути к достижению устойчивого развития всего мирового сообщества.

Страсти вокруг «сланцевой» революции

В рамках проблемы так называемой «сланцевой революции» возникла острая дискуссия по поводу возможности удовлетворения потребности мировой энергетики альтернативным топливным источником [8-11].

В нескольких словах причиной сланцевой революции послужил ряд обстоятельств:

- ограничение доступа к энергетическим ресурсам отдельных стран и регионов в связи с дефицитом минерального топлива на их территориях;

- транспортная (огромные затраты на транспортировку углеводородов в районы потребителей минерального топлива странами-производителями энергетического сырья, отчего цена энергоносителей возрастает;

- геополитическая (наличие экономических, политических проблем и противоречий, связанных с необходимостью использовать территории стран-транзитёров топлива);

– наличие крупных игроков на мировом рынке нефти (Союза стран экспортеров нефти – ОПЕК, РФ) и газа (Газпром), способных влиять на мировые цены на нефть и газ.

Отсюда ряд стран-импортёров топлива, включая такие, как США, Австралия, Китай, Индия и другие нашли или пытаются найти (Украина, Польша и др.) возможность решения собственных (а в перспективе и мировых энергетических проблем путём использования сланцевого газа. Источником его являются обогащенные органическим веществом горючие сланцы различного возраста, запасы которых весьма значительны и они в мире распространены достаточно широко, содержат природный газ, состоящий преимущественно из метана.

Достоинства в использовании сланцевого газа:

– близость к потребителю топлива и возможность использовать его государствами, не имеющими достаточного количества собственных углеводородов (нефти и газа);

– значительные (а в большей степени ещё недооценённые) запасы и широкая его распространённость;

Недостатки:

– более дорогое топливо (в 1,5–3,0 раза дороже газа из обычных газовых месторождений в зависимости от дальности его транспортировки к потребителю и наличия развитых технологий добычи);

– более сложные технологии извлечения топлива (необходимость использования большого количества горизонтальных скважин за счёт вскрытия обширных площадей залежей горючих сланцев);

– использование метода гидроразрыва пластов, что может привести к просадке грунтов, возникновению искусственных землетрясений, загрязнению подземных вод различными привносимыми химическими агентами и компонентами, какие могут образовываться по ходу использования новых технологий добычи сланцевого газа;

– проблемы сжижения сланцевого газа и его транспортировки;

– сланцевый газ – менее экологичное топливо;

– наконец, топливо, способное в основном решать региональные, а не глобальные энергетические проблемы.

Перспективы освоения этого вида топлива базируются на следующем:

– возможности снижения затрат на добычу и транспортировку газа за счёт близости месторождений горючих сланцев к потребителю;

– возможности доступа к энергоносителям регионов, на территории которых нет достаточных запасов углеводородного сырья (нефти и газа);

– возрастании конкурентноспособности сланцевого газа за счёт удорожания природного газа, добытого из газовых месторождений, оторванных от потребителей, что приводит к значительным затратам на создание и обслуживание газотранспортных систем;

– минимизации монополизма на производство топлива из горючих сланцев крупными компаниями, поскольку добычей сланцевого газа могут

заниматься, помимо крупных, мелкие производители сланцевого газа.

Страсти «сланцевой» революции затрагивают интересы многих государств. Одни пытаются обосновать возможность влияния добычи сланцевого газа на мировую конъюнктуру рынка энергоносителей в целом (например, США, что весьма проблематично), другие хватаются за альтернативу сланцевого газа, чтобы решить раз и навсегда региональные энергетические проблемы (Украина, Китай, Индия, Прибалтика, Польша, Австралия).

*Из мирового опыта следует, что энергетическая проблема любого государства в ближайшей перспективе может быть решена только за счёт ставки на использование различных источников энергии и прежде всего за счёт атомной энергетики, углеводородного топлива разной природы образования, солнечной энергии. При этом возможности прироста энергетических мощностей за счёт гидроэлектроэнергетики ограничены регулированием водных систем на территории развитых стран. **Использование биотоплива приведёт к проблеме истощения земельных ресурсов** – истина, которая до сих пор недооценивается специалистами и политиками. Ветроэнергетика и гелиоэнергетика не решат проблем потребности энергии в промышленных масштабах при производстве продукции с высокоэнергетическими затратами (например, сталелитейное производство, отопление и освещение мегаполисов). Их потенциал способен обеспечить только потребности малых автономных систем социального направления потребления энергии.*

Российская и региональная энергетика в условиях «сланцевой» революции и возможности производства синтетического топлива.

Проблемы управления энергетическим потенциалом РФ

В условиях непрерывного поиска альтернатив сокращению темпов изъятия традиционных энергетических ресурсов из недр России должна, по крайней мере, реагировать на тенденцию вовлечения в экономику и социальную сферу различных, в том числе альтернативных, источников энергии. Однако, как представляется, это должна быть, с одной стороны, реакция сдержанного отношения к событиям, относящимся к разворачиванию «сланцевой» революции, с другой – необходимо принять во внимание развитие новых технологий сжигания и вовлечения в социально-экономическую сферу различных источников энергии, как традиционных (уголь, торф, горючие сланцы, нефть, газ, атомную энергетику, гидроэлектроэнергетику), так и нетрадиционных, включая возобновляемые (энергию ветра, водородное топливо, солнечную энергию, энергию теплового поля Земли, волноприбойную деятельность в районах Камчатки, Сахалина и др.). Но это *вовлечение не должно носить характер тотальной ориентации на какой-то один или два вида энергоносителя.*

Проблема управленческих решений заключается в необходимости развития энергетики с учётом экономических, социоприродных, географических особенностей регионов РФ, где возможна избирательная ориентация на тот или иной источник энергии, энергоноситель. Другими словами, регионы,

где развитие получили торфяники, *дополнительно к нефти и газу, атомной и гидроэнергетике* могут развивать современную технологичную и экологичную (в рамках новых подходов к сжиганию топлива) торфоэнергетику, биоэнергетику за счет использования мусоросжигающих технологий. Регионы, где известны месторождения горючих сланцев, *дополнительно* могут вовлекать сланцевую энергетику в различных формах (сжигание горючих сланцев и извлечение из них газа). Там, где имеются угольные бассейны (например, Ростовская область), должна попутно развиваться энергетика за счёт вовлечения в неё попутного газа – метана. В нефтяных и газовых районах возможно развивать энергетику с использованием попутного газа. В местах проявления современного вулканизма – дополнительно извлекать тепловую энергию недр (восточные районы страны) и т. д. То есть **необходимо изменение акцентов на развитие и управление топливно-энергетическим потенциалом страны и её субъектов в целом**. А именно – *находить подходы разумного регионального синергетического использования разных источников энергии*. Но по-прежнему ведущее значение в мировой экономике и РФ на ближайшую и отдалённую перспективу будет принадлежать всё-таки нефти, газу, атомной и гидроэлектроэнергетике, а в будущем – управляемому термоядерному синтезу.

Особое внимание, в рамках современных инноваций в топливной энергетике, может быть сконцентрировано на возможности использования *синтетического топлива* и масел по принципу Фишера-Тропша, изобретённого в Германии в двадцатых годах прошлого столетия. В послевоенный период в России установка по получению синтетического топлива из трофейного германского оборудования работала в Новочеркаске до начала 90-х гг. прошлого века. Реанимация этого процесса в угледобывающем регионе Восточного Донбасса в Ростовской области позволило бы решить ряд энергетических проблем не только Ростовской области, но и ЮФО.

В рамках такой ориентации *РФ и её регионы должны* строить свою энергетическую политику не только путём вовлечения в экономику известных (и разной природы) энергоносителей, но и *акцентировать внимание на системных аспектах управления синергетическим использованием природных ресурсов*. А именно:

1. Возникает неизбежность и необходимость пошагового повышения цены на энергоносители странами-производителями энергоресурсов, привязанное к эффективности его использования [12]. Это касается и одного из крупнейших экспортёров нефти и газа – России. Смысл такого движения к повышению цен сводится к известному представлению о том, что более дорогой ресурс всегда используется более бережно, экономично, чем дешёвый, для которого характерна расточительность и не экономичность в использовании экспортёрами и потребителями энергии. Именно это даёт возможность таким странам, как США, ЕС и Японии на основе глубокой переработки импортного ресурса получать продукцию более длинного передела с большей стоимостью, с созданием эффективных технологий переработки топлива и

дополнительных рабочих мест, бережного отношения к топливу. Это повышает наукоёмкость и эффективность экономики этих стран.

Законодательная инициатива повышения цены на природное топливо не увеличит затраты конкретного человека на используемую им энергию, воду и т. д., но неизбежно будет давать повод к снижению нагрузки на использование природных ресурсов, мотивируя граждан приобретать товары менее энергоёмкие и более эффективные в их использовании. Однако *для такого* направления реализации намерений *необходима в первую очередь политическая воля государства*, направленная на то, чтобы продавать не сырьё, а экспортировать полный пакет его сопровождения: «ресурс + технологии», что, естественно, более выгодно, чем продавать просто сырьё. Об этом конечно же знает общество РФ и Правительство, однако не так просто повернуть систему, ориентированную на сырьевую экономику. Для этого потребуются принятия не только непопулярных решений, но и ответить на вопрос о том, что надо делать с разветвлённой сетью газопроводов и нефтепроводов, с проектами, какие ориентированы на ещё больший размах экспорта энергетического сырья. Тем не менее двигаться в направлении уменьшения расточительного использования сырья необходимо именно сейчас.

2. Постепенно за счёт доходов от торговли нефтью и газом, а также за счёт фонда будущих поколений отчислять часть средств на развитие региональной энергетики, которая могла бы эффективно *использовать* имеющиеся в регионах *свои доступные источники энергии* (торф, горючие сланцы, попутный газ, небольшие ГЭС, солнечную и ветровую энергию, тепловое поле Земли), вплоть до создания современных установок по получению синтетического топлива в угледобывающих регионах страны. Необходимо помнить, что резервирование денег (фондов) будущим поколениям может привести к обесцениванию их за счёт перманентных финансовых и экономических кризисов, инфляции. **Будущим поколениям необходимо резервировать не деньги, а обеспечить доступ к разнообразным видам энергоресурсов, цена которых во времени будет только возрастать.**

3. Минимизировать противоречия между энергогенерирующими и энергораспределяющими компаниями в РФ, поскольку это способствует монополизму в сфере производства и потребления энергии, создаются условия мздоимства и взяточничества при распределении мощностей потребителям, что неизбежно тормозит развитие среднего и малого бизнеса – потребителей небольших мощностей электроэнергии.

4. Облегчить бизнесу доступ к потреблению энергии путём ликвидации длинного перечня необходимых условий при заключении договоров на получение энергетических мощностей. Внести необходимые изменения в законодательство о минимизации проволочек при подключении к энергосетям (вплоть до уведомительного характера со стороны потребителей энергии о необходимой мощности потребления), что позволит сократить мздоимство со стороны управленцев сетевых компаний. Ведь не секрет, что при заключении договоров на потребляемую мощность сетевые (монопольные) компании

в погоне за прибылью вынуждают закладывать большее энергопотребление потребителям, чем те могут использовать в производстве отведённые им мощности. А в случаях экономии энергии потребителями сетевые компании опять же наказывают их рублём за невыполнение обязательств по объёмам потребления отведённых энергетических мощностей.

В качестве примера сложившегося сдерживания темпов экономического развития на муниципальном уровне можно привести обстоятельства, связанные с нехваткой энергетических мощностей при производстве строительных материалов и продукции их переработки в Тацинском районе Ростовской области. Созданное здесь производство может быть увеличено в несколько раз (и потребность в этой продукции на рынке велика) за счёт увеличения энергетических мощностей. Однако сегодня обеспеченность энергией в Тацинского районе составляет всего около 20 % от необходимого её количества.

5. Следовать синергетическому подходу взаимного усиления эффективности использования энергоресурсов на основе регионального и местного вовлечения в использование широко распространённых традиционных и нетрадиционных источников энергии, включая альтернативных, вкупе с использованием углеводородного топлива на основе нефти и природного газа. В рамках того, что количество потребителей энергии значительно больше (включая малые, средние по объёмам производственные предприятия) количества генерирующих мощностей, то резерв генерированных мощностей должен включать в себя широкое использование альтернативных источников энергии при обогревании домов, офисов, использование её в сельской местности и т. д. При существующей системе бюрократизации в распределении энергии становится невыгодно использовать альтернативы производства энергии малых мощностей.

6. Наконец, **дать возможность бизнесу свободно генерировать малые мощности**, а в случае их недоиспользования возвращать генерируемые им мощности в локальную районную (муниципальную) энергосеть. Это приведёт не только к экономии энергоресурсов, но и к широкому вовлечению бизнеса в инновационные схемы экономии и генерирования малых мощностей, и, как следствие, к рачительному использованию природных ресурсов в РФ и к улучшению экологической ситуации. Во всех случаях сэкономленная предприятиями или дополнительно произведённая ими энергия, а также не востребованные по каким-то причинам энергетические мощности должны возвращаться в локальную энергосеть и учитываться при взаиморасчётах потребителей энергии с генерирующими и сетевыми компаниями. Для этого *должна быть внедрена система учёта и возврата потребляемых энергетических мощностей в рамках внедрения управленческих, расчётных и технических инноваций*. В таком случае бизнесу, генерирующим и сетевым компаниям будет понятен и выгоден механизм экономии энергоресурсов в целом по РФ.

7. К переходу на новые инновационные синергетические системы управления использованием энергетических мощностей сегодня у России есть уникальный шанс, который заключается в том, что в условиях сильной

изношенности сетей энергоснабжения и необходимости их восстановления возможен более экономичный переход на стратегию Smart Grid, эффективно внедряемую за рубежом [13]. Эта концепция направлена на повышение надежности электроснабжения и безотказности работы энергетических сетей, повышению их энергетической эффективности, сохранению качества окружающей среды посредством автоматизации и компьютеризации их функционирования.

Таким образом, Россия сегодня не нуждается в революционных преобразованиях топливной энергетики. Для нас, в сложившейся экономической обстановке, важнее и наиболее выгодны поэтапные изменения в структуре экспорта и потребления энергоресурсов за счёт наработок и использования зарубежного опыта по вовлечению в энергетику различных источников энергии. Сегодня для России важнее: остановка наращивания темпов экспорта нефти и газа и его сокращения в последующем до оптимального срока износа трубопроводной системы реализованных и реализуемых мегапроектов; постепенное сокращение экспорта нефти и газа с одновременным его удорожанием, что приведёт к менее расточительному использованию энергоносителей и более эффективному его потреблению экономикой и социальной сферой; поэтапное внедрение технологий вовлечения в использование нетрадиционных источников энергии, включая сланцевый газ, синтетическое топливо и альтернативные источники в основном для нужд субъектов РФ и муниципальных образований там, где существуют такие местные энергетические источники. Только в этом случае становится эффективным и конкурентоспособным производство альтернативного топлива за счёт сокращения издержек на его транспортировку потребителю.

Литература

1. *Кокин А.В., Кокин В.Н.* Природоресурсная база мировой экономики. Состояние, перспективы, правовые аспекты. М. – СПб.: Бионт, 2003.
2. Интервью «Газете.ру» одного из ведущих мировых экспертов по ресурсной эффективности Э. Ульрих фон Вайцеккера http://www.gazeta.ru/science/2012/07/13_a_4679873.shtml.
3. *Бондаренко Б.Д.* Роль О.А. Лаврентьева в постановке вопроса и инициировании исследований по управляемому термоядерному синтезу в СССР // УФН 171, 886 (2001).
4. ITER – проект международного экспериментального термоядерного реактора с участием России предполагает демонстрацию возможности к 2020–2025 гг. коммерческого использования энергии на основе управляемого термоядерного синтеза. Реализуется на территории Франции в исследовательском центре Кадараш.
5. *Кокин А.В., Кокин В.Н.* Природные ресурсы мировой экономики. М.-СПб.: Бионт, 2000.
6. *Кокин А.В., Кокин В.Н.* Природоресурсная база мировой экономики. Состояние, перспективы, правовые аспекты. М.-СПб: Бионт, 2003.
7. *Саймон Дж.* Неисчерпаемый ресурс / Пер. с англ. Челябинск, 2008.
8. *Тарнавский В.* Сланцевый газ: революционный энергоисточник или мыльный пузырь? // Fin.org.ua, 2009. 30 ноября.
9. Великая сланцевая революция // СПб Ведомости. 2012. Вып. № 027. 15.02.

10. Петрова Н. Газпром и молнии // Коммерсантъ Деньги. 2012. 10 окт.
11. Осипов Г. На пороге сланцевой революции http://www.gazeta.ru/comments/2012/10/25_a_4823969.shtml
12. http://www.gazeta.ru/science/2012/07/13_a_4679873.shtml
13. <http://www.smartgrid.su/o-smart-grid/chto-takoe-smart-grid/>

УДК 338.366

Халын В.Г.

**Социально-ориентированные некоммерческие организации:
опыт развития и перспективы**

В статье дан анализ развития социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), рассмотрен пример практической реализации их создания.

Ключевые слова: социально ориентированная некоммерческая организация (СО НКО), социально-ответственный бизнес, социальные задачи органов государственного управления, государственно-частное партнерство в социальной сфере.

С развитием экономики и социальной сферы любой страны, а в России с учетом ее исторического наследия тем более, возрастает роль общественных благ и услуг, потребность в которых существует у разных членов общества. Возрастают и потребности общества в коллективных усилиях для решения социальных задач. В их решении этих запросов общества заинтересованы как органы государственной власти, так и бизнес, в целях обеспечения лояльности работников, повышения мотивации к труду и социальной стабильности общества как одного из важных условий привлечения инвестиций в развитие производства. Социальные проблемы общества могут решаться за счет государства, бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). При этом предприниматели обычно находят такие пути решения общественно-значимых задач, которые позволяют минимизировать расходы общества и обеспечивают самоокупаемость.

Некоммерческая организация (НКО) – организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между своими участниками.

Утверждение НКО на поле социальной политики происходило достаточно продолжительное время. Первым НКО, появившимся в 1990-е годы не удалось превратиться во влиятельные субъекты социальной политики. Причина – слабость и недостаточная представительность НКО, отсутствие диалога с властью. С развитием общества, там где НКО накопили существенный интеллектуальный потенциал, имели ярких лидеров, уважаемых местным сообществом, они добились наибольшего успеха.

Углубленная направленность НКО в сторону социальной политики объективно возникла в связи с их потребностью обозначить свою нишу в российской социально-экономической ситуации, чтобы не только сохранить себя, но и научиться самостоятельно зарабатывать средства.

Социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем в обществе. Основными признаками социального предпринимательства являются: измеримый социальный эффект; самокупаемость и финансовая устойчивость; масштабируемость и тиражируемость; предпринимательский подход.

Закон РФ «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ предусматривает следующие формы НКО: общественные организации (объединения); религиозные организации (объединения); общины коренных малочисленных народов РФ; казачьи общества; некоммерческие партнерства; автономные некоммерческие организации; социальные, благотворительные и иные фонды; ассоциации и союзы, в том числе профессиональные; государственные компании; государственные корпорации; государственные учреждения; муниципальные учреждения; частные учреждения; бюджетные учреждения.

В России 221 073 зарегистрированных НКО, с вкладом во внутренний валовой продукт (ВВП) – 0,9%. В развитых странах мира вклад НКО в ВВП – 6,5%. При этом доля СО НКО от общего числа НКО в России – 13,5%, в развитых странах – 60-70%. Эти цифры коррелируют с долей малого и среднего предпринимательства в ВВП: в России – 18-20%, в развитых странах Европы – 40-50%, в США – около 60%.

Цели и задачи СО НКО:

1. Социальная поддержка и защита граждан;
2. Подготовка населения к преодолению последствий бедствий и катастроф;
3. Оказание помощи пострадавшим;
4. Охрана окружающей среды и защита животных;
5. Охрана объектов истории, культуры, природы;
6. Оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе, защита прав и свобод;
7. Профилактика социально опасных форм поведения граждан;
8. Благотворительная деятельность;
9. Деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, физической культуры и спорта;
10. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
11. Развитие межнационального сотрудничества, языков и традиций народов;
12. Профилактика сиротства, поддержка материнства и детства;
13. Повышение качества жизни людей пожилого возраста;
14. Социальная адаптация инвалидов и их семей;
15. Развитие дополнительного образования, творчества, спорта деятельности детей и молодежи в сфере краеведения и экологии.

Безусловно, одним из факторов развития НКО являются источники финансирования, и здесь мы отмечаем, что механизмы финансирования затрат на их создание и развитие требуют серьезного совершенствования. Приведём сравнительные данные источников финансирования НКО в России, развитых и развивающихся странах мира (табл.).

Таблица

Источники финансирования НКО, %

	Госфинансирование	Доходы от деятельности	Пожертвования
Россия	5	22	73
Развитые страны	48	35	17
Развивающиеся страны	22	61	17

Независимо от того, кто и за счет каких средств решает проблему финансирования НКО, использование предпринимательских подходов позволяет добиться более существенных результатов. Предпринимательское сообщество в России решает многие социальные проблемы самостоятельно и зачастую вне публичной сферы, так как затраты на информационное освещение, например в СМИ, сокращают бюджет оказываемой социальной поддержки. Отсутствие налоговых льгот не стимулирует не только подобную деятельность, но и раскрытие информации об этом. Таким образом, введение налоговых льгот, как и использование иных не материальных форм активизации подобной деятельности, например организация конкурсов социальных проектов бизнеса, способствовало бы как раскрытию информации, так и развитию деятельности СО НКО. Уже сегодня предприниматели в рамках государственно-частного (социально-частного) партнерства готовы взять на себя создание и ускоренный ввод в действие объектов социальной инфраструктуры с прозрачной процедурой последующего статуса этих объектов и понятных источников их содержания.

Анализ мировой практики и опыта работы действующих СО НКО показывает, что наиболее существенный социальный эффект их деятельности достигается при сочетании следующих факторов:

- использование новых технологий;
- обеспечение финансовой устойчивости;
- масштабируемость достигнутых результатов;
- прозрачность деятельности, честность руководителей и сотрудников.

Применение предпринимательских подходов в решении социальных задач позволяет сбалансировать социальные и финансовые вопросы, найти доступ к источникам финансирования. Подчас вопросы возникающие в процессе формирования и работы СО НКО уже многократно отработаны в коммерческих организациях: обучение и воспитание кадров, гибкость и стандартизация процессов, прозрачность процедур привлечения и использования финансовых ресурсов. Эффективность работы НКО невозможна без использования таких предпринимательских качеств, как умение решать долгосроч-

ные задачи, готовность исправлять ошибки, привлекать партнеров и союзников, преодоление стереотипов и т.п.

Развитие и продвижение социального предпринимательства невозможно без четкой концепции. По нашему мнению, основными действиями в этом направлении являются:

1. Работа с объединениями предпринимателей по отраслевому признаку;
2. Привлечение СМИ к систематическому освещению социальной роли бизнеса;
3. Организация взаимодействия с органами законодательной, исполнительной власти и местного самоуправления;
4. Развитие механизмов внедрения инноваций, адаптации и обучения социальных предпринимателей;

Реализация социально направленных идей предпринимателей часто упирается в несогласованность административных регламентов, неинформированность общества, незаинтересованность средств массовой информации. И в этой ситуации практически единственным ресурсом, который может обеспечить согласование всех необходимых составляющих социально-предпринимательского проекта, становится общественная организация предпринимателей. Позитивный практический опыт начал складываться в Ростовском областном отделении Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», когда группа предпринимателей, занимаясь вопросами организации бизнеса в сфере дошкольного воспитания детей и самоорганизации незанятых молодых мам, при активной помощи Организации создала Некоммерческое партнерство (НП) по содействию в развитии частных детских учреждений, то есть СО НКО.

Первым шагом была формулировка задач разного уровня, решение которых помогло бы развиваться частной инициативе. Часть задач решалась на уровне профессионального взаимодействия внутри самого профессионального бизнес-сообщества, часть задач требует решений органов законодательной и исполнительной власти.

Итак, поэтапно. Проблемы:

1. С одной стороны, нехватка мест в детских дошкольных учреждениях. Сложность решения данной проблемы – кратчайшие сроки: дети ждать не могут – они растут вне зависимости от наличия мест. С другой стороны, желание молодых мам развивать как своих детей, так и организовать свою самозанятость через организацию небольших частных предприятий по приему и развитию детей дошкольного возраста;
2. Отсутствие опыта подобной предпринимательской деятельности и нормативно-правовой базы частных детских учреждений;
3. Неорганизованность и отсутствие опыта по отстаиванию и защите интересов данной группы социального предпринимательства.

В результате были сформулированы задачи и инструменты их реализации с использованием потенциала активно работающей общественной организации малого и среднего предпринимательства.

Задачи:

- формирование группы единомышленников для решения общих вопросов функционирования и развития частных дошкольных учреждений;
- повышение профессионального уровня, выработка стандартов качества оказания услуги;
- влияние на формирование нормативно-правовой базы для частных детских учреждений.

Инструменты практической реализации:

- круглый стол с представителями СМИ (гласное освещение проблемы) – май 2012 года;
- освещение вопроса на заседании Общественного совета при Прокуратуре Ростовской области (поиск решения вопросов по устранению излишних административных барьеров и обеспечению правовой поддержки) – июль 2012 года;
- работа с профильным комитетом Законодательного Собрания Ростовской области (поддержка в вопросах законодательной инициативы);
- выработка предложений по внесению изменений в действующие нормативно-правовые акты – сентябрь 2012 года;
- круглый стол со специалистами Роспотребнадзора и внесение 5 изменений в СанПиН – март 2013 года;
- круглый стол «Развитие социального предпринимательства в Ростовской области» Комиссии Общественной палаты Ростовской области по развитию экономики, предпринимательства и инноваций – апрель 2013 года.

Параллельно с решением рассматриваемых задач при участии исполнительной дирекции Областного отделения «ОПОРЫ РОССИИ» создается СО НКО – Некоммерческое партнерство по содействию и развитию частных детских учреждений, которое на профессиональном уровне, объединяет заинтересованных лиц, отстаивает их интересы и становится самостоятельным лоббистом и партнером власти в решении данной социальной проблемы, через развитие социального предпринимательства. Так уже в конце 2012 года в рамках развития рассматриваемого Некоммерческого партнерства созданы 16 дошкольных учреждений в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Батайске, Таганроге, Морозовском районе Ростовской области.

В развитие данного социального проекта готовится с экспертным участием Ростовского областного отделения «ОПОРЫ РОССИИ» и социально ориентированного бизнеса проект постановления Департамента инвестиций и предпринимательства Ростовской области «Об оказании финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность в сфере дошкольного образования и воспитания», разрабатываются предложения об использовании субвенций (подушевого финанси-

рования) в деятельности частных дошкольных учреждений, использующих организационно-правовую форму «индивидуальный предприниматель».

Прорабатываются вопросы внесения изменений в областной закон «Об образовании», которые позволят индивидуальным предпринимателям более конструктивно строить взаимоотношения с органами народного образования и пользоваться различными формами государственной поддержки.

Обобщая опыт работы в сфере создания и развития социального предпринимательства в рамках СО НКО, необходимо отметить важность объединения усилий государства, органов местного самоуправления и его поддержки, особенно на начальном этапе формирования, со стороны общественных объединений предпринимателей и некоммерческих организаций граждан.

Органы исполнительной власти на региональном уровне могли бы решать следующее:

- подготовка списка проектов социальной инфраструктуры, для организации, строительства и (или) ремонта которых могут быть привлечены внебюджетные средства на условиях возвратности, срочности и возмещения затрат;

- разработка и согласование с объединениями предпринимателей и другими заинтересованными сторонами условий и процедуры софинансирования, проектирования, строительства и эксплуатации объектов социальной инфраструктуры, в том числе на условиях государственно-частного партнерства;

- разработка и согласование с объединениями предпринимателей порядка информирования общественности о социально значимых проектах, осуществляемых предпринимателями;

- обеспечение прозрачности и доступности информации о формах государственной и муниципальной поддержки деятельности СО НКО;

- расширить привлечение СО НКО для решения социальных проблем, в том числе на условиях контрактов и аутсорсинга;

- рассмотреть вопрос о налоговых льготах и вычетах по местным налогам для предпринимателей и физических лиц, оказывающих финансовую поддержку СО НКО;

- сформировать систему форм поддержки СО НКО, включая гранты, субсидии, контракты и льготы с прозрачным порядком получения такой поддержки;

- предусмотреть в профильных министерствах и ведомствах ответственных лиц для обеспечения взаимодействия с СО НКО.

В свою очередь СО НКО в целях успешного становления и развития могут и должны:

- использовать в своей работе лучшую мировую практику социального предпринимательства, инновационный подход к решению социальных проблем, финансовую устойчивость и тиражируемость результатов;

- создать единую информационную региональную площадку о деятельности СО НКО;

- активно участвовать в подготовке процедур организации и финансирования деятельности СО НКО, порядка их взаимодействия с органами государственного управления и предпринимательским сообществом;

- активно выступать в качестве экспертов и консультантов по современным технологиям решения социальных проблем по профилю СО НКО.

Мировой опыт показывает, что через развитие СО НКО общество решает не только социальные задачи, но и получает значительный эффект развития экономики в целом, построение социально ориентированного государственного устройства страны. Сегодня в России ресурс для развития социального партнерства между властью, бизнесом и гражданским обществом в российских регионах только формируется. Остается довольно высокая дифференциация между регионами. Объективные тенденции все в большей степени заставляют бизнес обращаться к возможностям НКО в принципе и СО НКО, в частности.

Перспективы дальнейшего развития СО НКО в России во многом будут зависеть от того, как активно СО НКО будут брать на себя исполнение организационных и экспертных функций в целях укрепления своих позиций равноправного партнера бизнеса и власти.

Литература

1. ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» от 12 янв. 1996 г. с изм. от 11 февр. 2013 г. / КонсультантПлюс.

2. Интернет-портал некоммерческих организаций (НКО). Portal-nko.ru.

3. *Никовская Л., Якимец В.* Проблемные точки взаимодействия органов государственной власти и «третьего сектора» // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации». М.: МГУ, 2006.

4. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний / Под ред. М.Либоракиной. М.: Фонд: «Институт экономики города», 2003. С.61.

5. Интернет-портал socpolitika.ru

6. Текущее делопроизводство Общественной палаты Ростовской области. 2013.

УДК 338.2:352

Абрамов Р.А.

Особенности государственного и муниципального управления экономическими системами

В статье рассматриваются особенности и отличия в управлении региональными и муниципальными экономическими системами.

Ключевые слова: мезоэкономика, уровень, управление, муниципальное образование, регион, факторы, оценки, сравнительный анализ.

В современной теории экономического управления сложились представления об уровнях экономического управления, структуры которых описаны С.С. Носовой [1] и И.В. Кушниром [2]. Обычно выделяются три уровня управления экономическими системами, которые определяются объектом управления:

- макроуровень – определяет уровень управления большими экономическими системами: страной или отдельными крупными территориальными объединениями, например, федеральными округами;
- мезоуровень – определяет уровень управления территориями различного типа или объединением предприятий, расположенных на различных территориях, например, отраслей;
- микроуровень – определяет уровень управления различного типа предприятий, от малых предприятий, расположенных на небольшой территории, до огромных градообразующих предприятий.

Существенный вклад в исследование микроэкономики внесли английский экономист А. Маршалл, изложивший свои взгляды в учебнике «Принципы политической экономии» (1890), и его последователи: в Швеции – К. Виксель, во Франции – Л. Вальрас, в Италии – В. Парето, в США – Дж. Б. Кларк, в Австрии – К. Менгер и Е. Беер – Баверк и многие другие ученые.

Если на макроуровне и микроуровне задачи и механизмы осуществления экономического управления достаточно четко сформулированы и определены, то на мезоуровне ситуация не так ясна. Неясность определения задач управления на мезоуровне касается, прежде всего, управления территориальными экономическими системами, к которым относятся как отдельные регионы, так и муниципальные образования. Каждое муниципальное образование в своей структуре – однородная субстанция с точки зрения осуществления управленческих задач.

Таким образом, региональное управление, имея в своей основе разнообразные системы муниципального управления, является взаимозависимой структурой, объединенной по территориальному признаку: регион состоит из

множеств муниципальных образований и муниципальные образования в своей совокупности образуют регион. При этом структура собственности региона и муниципального образования имеют разные корни: муниципальное образование включает муниципальный жилищный фонд и предприятия муниципальной формы собственности, а региональная экономика базируется на государственной форме собственности.

Для понимания такой проблематики каждая отдельная система управления ниже будет разбираться более детально, на таком сравнительном анализе выявляются особенности и различия этих систем. Каждый из этих уровней является важным стабилизатором в управляемости экономическими процессами на конкретно выделенной территории.

О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев предложили формулировку понятия муниципального образования как территории, в границах которой совместно с государственным управлением разрешено местное самоуправление для решения только местных вопросов. Такое местное самоуправление осуществляется непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения [3, с. 301-302].

Организация экономической структуры местного самоуправления включает следующие объекты муниципального управления:

- предприятия муниципальной формы собственности;
- предприятия частной формы собственности на территории муниципального образования;
- предприятия совместной муниципальной – частной формы собственности.

Следовательно, основным принципом экономического управления муниципальным образованием является организационный принцип корпоративности, являющийся частью мезоэкономического уровня, т. е. привязанным к территории муниципального образования.

Критерием достижения качества муниципального управления является хороший уровень развития местной экономики и благосостояние населения. Орган местного самоуправления должен работать с целью улучшения качества жизни людей на конкретной территории, решая вопросы местного значения, с учетом всех экономических, национальных и географических особенностей. Такая работа муниципальных органов управления существенным образом оказывает влияние на развитие региона, или иначе говоря – на мезоуровень экономики.

Для проведения сравнительного анализа двух структур управления: региональной и муниципальной системы, – применяется термин «мезоэкономика», который определяет часть экономической системы, промежуточной между ее макроэкономическим и микроэкономическим уровнями.

Этот термин принят во французской экономической литературе, но его еще нельзя признать устоявшимся термином в англоязычной и русской научной публицистике. Однако в последнее время он находит все более широкое применение [4].

Таким образом, отличительной чертой мезоуровня является его промежуточное положение между микроэкономическим и макроэкономическим уровнем. Макроэкономический уровень ставит перед собой достаточно широкий круг задач к крупномасштабной экономической деятельности, относящейся к экономике страны. Микроэкономический уровень управления ориентирован на предприятия различных форм собственности, частный предпринимательский сектор, корпорации и т.д.

Мезоуровню управления свойственны такие признаки, как особенное разделение труда, межотраслевой комплекс, экономическая интеграция на территории, связи внутри мезосистем и их плановое управление.

Рассматривая экономическое пространство в России как систему взаимосвязей можно проследить четыре уровня составляющих мезоуровня управления регионов, связывая их с территориальной организацией государства:

«... 1. Экономические районы и межрегиональные ассоциации субъектов Российской Федерации. 2. Субъекты Российской Федерации. 3. Административные районы и приравненные к ним территории, например города областного значения. 4. Города, поселки и другие населенные пункты или их объединения типа сельских советов, а также районы крупных городов. Таким образом, экономическое пространство региона с позиции системного подхода можно рассматривать как подсистему системы более высокого иерархического уровня (национальную экономику). В то же время единое экономическое пространство региона само является сложной системой и состоит из множества взаимосвязанных элементов (компонентов), выступающих как определенная целостность...» [5, с. 357].

Таким образом, мезоуровень является имманентной структурой управленческой системы – как региональной, так и муниципальной системы управления. Потому что для обеих этих систем одним из важных критериев выступает территориальная единица в системе управленческих решений.

Для выявления особенностей управленческих систем регионального и муниципального уровня территорию можно представить как относительно самостоятельную единицу. Такой подход к проблеме дает общее представление о сущности экономического управления регионом. Для наглядного представления структуры управления региональной экономикой ниже предложена схема (рис. 1).

Следует отметить, что существует определенная разница в системах управления региональной экономикой и муниципального образования, которая заключается в том, что крупные территории, нуждаясь в более детальной конкретизации экономических вопросов, делятся на более мелкие участки – муниципальные образования. Это позволяет различать подходы для решения управленческих задач на региональном и муниципальном уровне. Проводя сравнительный анализ регионов России с их центральными городами, например, Москву и Мурманскую область, увидим, что расходы в таких областях будут разительно отличаться.

Рис. 1. Схема экономических взаимосвязей при управлении регионом

Соответственно и расходы муниципальных образований будут различны. Так же каждый регион имеет свою численность населения; чем больше численность населения, тем больше требуется услуг от предприятий и организаций городского хозяйства, вбирающий в себя микроэкономические факторы.

Таким образом, городская администрация имеет право влиять на ценовую политику в торговле. К примеру, в Московской области, в связи с наиболее густонаселенной территорией требует больше транспортных и дорожных услуг, чем Калужской области с более низким показателем плотности населения.

Такое многообразие региональных территорий с их муниципальными образованиями ставит вопрос об идентификации таких территорий. В рамках Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ.» [6] была предпринята попытка унификации соответствующих территориальных единиц путем введения в отечественную нормотворческую практику единой категории - муниципальное образование (далее – МО). В указанном Законе (ст. 1) муниципальное образование определяется как «городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная территория ..., в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеется муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления». Причем данное определение уточняется в ч. 3 ст. 61 цитируемого Закона, где устанавливается, что наличие муниципальной собственности не является обязательным признаком муниципального образования.

Муниципальное самоуправление отвечает за конкретное выделенное территориальное пространство в округе, городе, регионе. Таких муниципальных образований в регионе может быть несколько. Регион же – мезоуровень имманентен в этих отдельных муниципальных образованиях.

На основе проведенного анализа можно заключить, что муниципальное образование является взаимосвязанным механизмом с региональной экономикой.

Например, в Московском регионе может насчитываться около 128 крупных районов, включающих муниципальные образования, расположенных на больших территориях, в том числе три посёлка с правами районов – Внуково, Восточный и Северный, а также территориальные единицы с особым статусом (ТЕОС) [7]. Таким образом, муниципальное образование есть составляющая района. Важным аспектом этого вопроса является внутренняя структура каждой системы: региональной и муниципальной. Так, согласно ст. 19 ЖК РФ в зависимости от формы собственности жилищный фонд подразделяется на несколько типов. Муниципальный жилищный фонд – совокупность жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальным образованиям. Таким образом, муниципальное образование в своей основе собственности содержит муниципальный жилищный фонд [8]. Региональная экономика включает в свою структуру государственный жилищный фонд и другие государственные объекты капитального строительства.

Проведенный анализ показал, что региональная и муниципальная экономика – взаимосвязанные системы, имеющие различные формы собственности. Тем не менее, механизмы управления этими системами являются схожими, так как управление каждой из этих систем основано на территориальном признаке, различаясь лишь масштабами деятельности.

Литература

1. Уровни экономического анализа: макро-, медиум- и микроанализа С.С.Носова. <http://yourlib.net/content/view/13373/158/>
2. Кушниц И.В. Уровни экономики. http://be5.biz/ekonomika2/001/urovni_jeconomiki.htm
3. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Велби, 2006.
4. Словарь Лопатникова. <http://slovari.yandex.ru/>
5. Кожевина О.В., Сиротенко М.В. Муниципальное образование как объект управления экономическим пространством региона // Известия Алтайского государственного университета. Экономика. 2011. № 2-2(70). С. 355-358.
6. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 27.07.2010) // Консультант Плюс.
7. Закон № 13-47 от 5 июля 1995 года «О территориальном делении города Москвы». [сайт]. URL: (Местное_самоуправление_в_Москве.) (дата обращения 30.01.2013)
8. Ст. 19. Жилищный фонд. [сайт]. URL: http://av-ue.ru/jika.php?d=jika_r1_19.htm. (дата обращения: 25.01.2013)

9. Муниципальное образование как объект управления. [сайт]. URL: (<http://xn--5-8sb3a.xn--plai/catalog/view.download/18/400>) (дата обращения 25.01.2013)

10. Уровни хозяйства. Мезоэкономика. [сайт]. URL: (<http://bugabooks.com/book/310-yekonomicheskaya-teoriya/64--1-urovni-hozyajstva-mezoyekonomika.html>);

11. Президиум совета муниципальных образований города Москвы: рассмотрены поправки к законопроектам. [сайт]. URL: (<http://amom.ru/archive/ns32.php/>)(дата обращения 28.01.2013)

12. Совет муниципальных образований города Москвы. [сайт]. URL: (<http://www.amom.ru/>)

УДК 338.22.021.4

Мартыненко Т.В.

Политика управления федеральным имуществом в РФ на современном этапе

В статье анализируется недавно принятая российским Правительством программа управления федеральным имуществом. Выявлены возможные проблемы в ее реализации.

Ключевые слова: государственное федеральное имущество, государственная программа, приватизация, дорожные карты

Правительством РФ 07.02.2013 г. утверждена государственная программа «Управление федеральным имуществом». Следует отметить, что в настоящее время в России практически все важнейшие документы принимаются в виде программ. Программный характер предполагает, что в документе отражены цели, задачи, методы, инструменты и финансовые ресурсы для управления государственным федеральным имуществом. Принятая программа заменяет концепцию управления государственной собственностью от 1999 г. и становится основой для реализации экономической политики по управлению федеральным имуществом Правительства РФ на ближайшую перспективу.

В государственной программе «Управление федеральным имуществом» отмечается, что концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024, выполнила свои задачи, сформировала предпосылки для дальнейшего совершенствования механизма управления (правовые, организационные и др.). Однако многие проблемы остались нерешенными. К наиболее серьезным проблемам относятся:

- недостаточная эффективность управления федеральным имуществом и потеря контроля над объектами управления;
- недостаточная мотивация и ответственность всех участников процесса управления федеральным имуществом;

- низкая техническая обеспеченность взаимодействия участников управления;
- наличие дублирующих структур управления в лице Росимущества и отраслевых министерств;
- избыточность федерального имущества с точки зрения исполнения государственных функций,
- противоречивость положения государства как регулятора и акционера крупных компаний с государственным участием;
- нарушение принципов справедливой конкуренции в секторах со значительным участием государства;
- наращивание компаниями с государственным участием непрофильных активов;
- отсутствие четких целей управления федеральным имуществом[1].

В частности, проблему недостаточной эффективности управления федеральным имуществом, Правительство РФ пытается решить, распродажей большей части имущества. Министр экономического развития РФ А.Р.Белосудов считает, что государство не умеет управлять своей собственностью и никогда не научится, поэтому нужно от нее избавиться[2].

Возникает закономерный вопрос: зачем тогда принимать программу «Управление федеральным имуществом» и затрачивать только со стороны Росимущества 6,5 млрд. рублей ежегодно на управление, если государство в принципе не способно эффективно управлять своей собственностью?

Такая позиция руководителя профильного министерства не способствует совершенствованию управления государственной собственностью, так как эффективное управление предполагает, что собственник стремится обеспечить сохранение, рациональное использование и преумножение своей собственности. Вместо этого министерство экономического развития предлагает максимально распродать государственную федеральную собственность. Теперь чтобы оставить собственность в государственном управлении необходимо доказывать, что она необходима для выполнения государственных функций. При этом исходят из предположения, что избыточные активы государства увеличивают издержки на их содержание в бюджете, упускается выгода от их использования в коммерческом обороте, снижается возможность привлечения частных инвестиций, снижается конкурентоспособность экономики в целом. В экспертном сообществе эти идеи находят широкий отклик. В частности, Т.В. Игнатова считает, что государственные корпорации вносят серьезные деформации в конкурентную среду[3].

На наш взгляд, при таком подходе к данной проблеме не учитывается, что монополизм может быть не только государственным, но и частным. Например, после слияния в мае 2011 г. двух российских компаний ОАО «Уралкалий» и ОАО «Сильвинит» на рынке калийных удобрений образовалась вторая в мире монополия. Эта сделка никак не улучшила конкурентную среду в экономике. Если до 2013 года сельскохозяйственные производители России получали калийные удобрения по регулируемым ценам, то начиная с

2014 года, на внутреннем рынке начнется переход на рыночные цены, что приведет к многократному росту цен.

Теперь рассмотрим основные направления совершенствования механизма управления, предлагаемые в государственной программе.

Во-первых, по использованию каждого объекта предполагается определить целевую функцию, закрепить это законодательно в нормативно-правовых документах и зарегистрировать в единой системе учета и управления имуществом. С помощью дорожных карт намечено усилить ответственность за результаты управления каждым объектом.

На дорожных картах следует остановиться отдельно, так как этот инструмент управления становится одним из основных в системе управления государственным имуществом. «Дорожные карты» - это фактически пошаговый сценарий развития определённого объекта, показывающие логику выполнения работ и определяющие конечный результат. Дорожные карты позволяют определить потенциал развития объекта, обнаружить узкие места, определить угрозы и выявить возможности дальнейшего развития объекта. Предполагается ввести непрерывный контроль за достижением установленных целей и задач. Для федеральных государственных унитарных предприятий и хозяйственных обществ намечено определить все цели управления уже к 2015 году, а для объектов казны и государственных учреждений – к 2018 году.

Следует обратить внимание на некоторые моменты. С одной стороны, внедрение дорожных карт в управление государственной собственностью направлено на усиление ответственности за результаты управления и дает возможность оперативно реагировать на управленческие решения по каждому объекту управления. Но, с другой стороны, процесс создания дорожных карт – это очень дорогой инструмент планирования, так как в их создании принимают участие специалисты самых разных профессий (экономисты, юристы, финансисты, маркетологи), а в условиях возрастания неопределенности внешней среды возникает необходимость постоянных корректировок. Может возникнуть ситуация, когда от первоначальной дорожной карты не останется и следа.

Во-вторых, намечено повысить уровень корпоративного управления компаний с долей федеральной собственности. Предлагается повысить уровень прозрачности, расширить институт независимых директоров и общественных советы, практиковать публичное обсуждение стратегии развития компаний, проводить листинг госкомпаний. Предлагается также внедрение среднесрочного и долгосрочного планирования, создание специализированных комитетов (по кадрам и вознаграждениям, по аудиту и др.), создание прозрачного механизма выплат менеджменту компаний и совету директоров, создание института профессиональных секретарей.

Набирает обороты тенденция по привлечению к управлению профессиональных управленцев взамен государственных чиновников. Количество акционерных обществ, органы, управления которых сформированы с привле-

чением независимых директоров, увеличилось в настоящее время по сравнению с 2009 г. на 70%[4].

Целевым показателем повышения эффективности управления по данному направлению является снижение доли государственных служащих в органах управления АО к 2018 г. до 30%. Возникает закономерный вопрос: разве такой показатель, как замена государственных служащих на независимых директоров может автоматически привести к повышению эффективности?

Термин «независимый директор» не имеет однозначного толкования. Независимые директора появились в зарубежной практике корпоративного управления с целью защиты миноритарных акционеров и компаний от необдуманных действий высшего менеджмента в 1980-х годах. Основная цель создания данного института в России – это приближение практики корпоративного управления к западным стандартам с целью привлечения иностранных инвестиций. Российское законодательство не определяет понятие «независимый директор». Независимые директора в настоящее время действуют на основании кодекса корпоративного поведения.

С целью увеличения профессиональных управленцев в государственных компаниях был принят приказ Росимущества от 25.05.2010 N 129 "О расширении практики привлечения профессиональных директоров в акционерные общества с участием Российской Федерации".

К концу 2012 года независимые директора и профессиональные поверенные занимали 2113 тысяч позиций в советах директоров 847 российских компаний с государственным участием, в том числе в 716 госкомпаниях – в качестве председателей совета директоров[10].

Чем же они будут руководствоваться в своих решениях?

В настоящее время происходит выработка критериев, на основании которых будут отбираться независимые директора. В частности, комиссия при Росимуществе, которая занимается отбором независимых директоров для акционерных обществ с государственным участием, руководствуется следующими критериями: опыт работы на руководящих должностях; опыт работы в качестве члена совета директоров; наличие компетенций в сфере стратегического планирования, аудита, кадров и вознаграждения, корпоративного управления, модернизации производства и инноваций, финансов и инвестиций; наличие общепризнанных международных сертификатов[9]. Независимого директора можно привлечь к ответственности, в том числе и уголовной.

Следует отметить, что в настоящее время существуют серьезные проблемы в их работе: неразработанная система регламентации функций, обязанностей и прав независимого директора, сложности юридического оформления отношений между государством как акционером и независимым директором, проблема с вознаграждением независимых членов советов директоров госкомпаний за их работу. Независимый директор не является представителем государства, поэтому он не обязан защищать его интересы. Вознаграждение независимого директора зависит напрямую от экономических

показателей компании, поэтому ключевым фактором в его работе становится рост прибыли и рентабельности компании.

На наш взгляд, внедрение данного института приведет к тому, что в корпорациях с государственным участием некому будет защищать интересы государства. Не учитывается также, что интересы государства могут не совпадать с интересами хозяйствующего субъекта, а иногда и вступать с ними в явное противоречие, так как максимизация прибыли не должна быть основной целью государственных корпораций.

В научной литературе высказывается опасение, что институт независимых директоров может стать профанацией. Для улучшения качества корпоративного управления нужен комплексный подход, который включал бы в себя создание систем внутреннего контроля и управления рисками, внедрение мотивации менеджмента. Предлагается также разделить полномочия и ответственность по принятию ключевых решений в таких компаниях между государством-акционером, членами совета директоров и независимыми директорами[4].

На наш взгляд формальная замена государственных служащих, работающих по директивам государства, на независимых директоров не приведет автоматически к повышению эффективности управления.

В-третьих, в программе намечено совершенствовать организационный механизм самого Росимущества и изменить систему мотивации для привлечения квалифицированных специалистов. Для этого предлагается увязывать цели и конечный результат управления, ввести механизмы внутреннего контроля и управления рисками, усилить ответственность за принимаемые решения, повысить уровень мотивации персонала и внедрить программы постоянного обучения кадров.

Повышены также требования к раскрытию информации об операциях с основным управленческим персоналом - раскрытию подлежит информация о размерах выплачиваемых такому персоналу вознаграждений (в совокупности и по каждому виду выплат). Эти меры касаются вознаграждения руководящему составу всех государственных корпораций, федеральных государственных унитарных предприятий, открытых акционерных обществ с преобладающим государственным участием, а также корпораций, получающих различные виды государственной поддержки.

Предполагается, что это станет не только дополнительным мотивирующим фактором, но и обеспечит прозрачность и ясность механизма расчета соответствующих выплат менеджменту, повысит качество управления.

В-четвертых, программа предполагает формирование новой модели приватизации. Текущая программа приватизации по некоторым оценкам составляет более 150-160 млрд. долл. США. По мнению экспертов, объем выставленных на продажу активов один из самых больших не только за историю современной России, но и в Европе за последние два десятилетия.

Предполагается, что на приватизацию будут выставлены акции вначале тридцати крупнейших стратегических компаний России, таких как

«Совкомфлот», РЖД, Сбербанк, ВТБ, «Уралвагонзавод» и др. После этого намечены к приватизации еще две с половиной тысячи компаний с незначительными пакетами акций.

Характерными чертами новой модели приватизации является переход от продажи недвижимости к продаже бизнеса, усиление инвестиционной составляющей в процессе приватизации. Предполагается часть средств от приватизации направлять на развитие приватизированных компаний. Четко просматривается также тенденция к привлечению в качестве агентов приватизации банков. В настоящее время в список входят такие крупнейшие банки, как "Морган Стэнли", «Голдман Сакс (Россия)», ОАО "Сбербанк России", ОАО "Альфа-банк", ООО "Барклайс Капитал" (Barclays Capital) и др.

Следует отметить, что новая волна намеченной приватизации проводится в значительной степени в интересах иностранного капитала. Об этом свидетельствуют и материалы экспертов, участвующих в обновлении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. Известно, что в работе экспертной группы по направлению "Управление государственной собственностью и приватизация" принимали участие в основном представители либерального направления экономической школы. Помимо российских ученых к разработке привлекались в качестве экспертов и иностранные специалисты. На странице, посвященной стратегии социально-экономического развития России до 2020 года, приведен обширный список иностранных и российских экспертов, принимавших участие в обсуждении данного документа[5]. В частности, в списке названы высшие должностные лица Всемирного Банка, ряд представителей Организации экономического сотрудничества и развития, Европейской комиссии, представители ряда западных университетов и др.

В рекомендациях иностранных экспертов отмечается, что «допуск иностранного участия следует рассматривать как обязательный компонент приватизации» [6].

Через приватизацию реализуется программа вывода государственной собственности России, в том числе и таких стратегических объектов, как порты из юрисдикции российского государства. Наглядным примером является сделка по порту «Ванино», который вначале купила компания «Мечел», а затем перепродала его трем оффшорным компаниям.

На наш взгляд, в основе представлений об ускоренной приватизации государственного имущества лежит ошибочное понимание проблем собственности в целом. Известно, что сейчас форма собственности на средства производства не играет особой роли, так как произошло отделение управления от права собственности. Эффективность использования ресурсов не зависит от формы собственности на предприятие, если им управляет наемный менеджер, которому безразлично, кто его контролирует - государственный орган или наблюдательный совет акционерного общества. Как в российской, так и в зарубежной практике полно примеров эффективного управления, как частной, так и государственной собственностью.

Вся проблема заключается в том, какая идеология является господствующей в данном обществе – личного обогащения или общественного служения. Если преобладает первая, то независимо от формы собственности, доходы будут присваиваться узкой группой лиц, принимающих управленческие решения (чиновники, менеджеры). Скандалы последнего времени во круг руководства государственных корпораций (ОАО «Рособоронсервис», «Роскосмос» и др.) свидетельствуют об этом.

Если же в обществе преобладает вторая идеология, то и частная собственность будет служить общественным интересам. В частности, ярким примером личного служения стране являются русские купцы. Всем известны имена Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых, Саввы Морозова, но мало кто знает благодетителя русской науки Христофора Леденцова, который в 1909 г. пожертвовал на развитие русской науки более 2 миллионов рублей золотом. На эти деньги был создано «Общество содействия успехам опытных наук и их практического применения». Это была эффективная модель поддержки науки частным капиталом, позже эта модель была использована во многих западных странах. С деятельностью данного общества связаны важнейшие открытия выдающихся русских ученых – Николая Жуковского, Ивана Павлова, Владимира Вильямса, Константина Циолковского, Владимира Вернадского, Николая Умова, Николая Зелинского, Дмитрия Прянишникова. Почти вся современная наука: космонавтика, генетика, радиология, вышли из этого общества. Цель общества – помочь достижению результатов в науке и внедрение их в практическую жизнь. Очень рационально была организована структура данного общества. Определенный процент от внедрения результатов в практику возвращался назад в общество. На средства общества открывались лаборатории, биостанции. Благодаря обществу в России возникла сеть научно-исследовательских институтов: московский научный институт, Институт биофизики и физики, Институт рентгенологии и радиологии[7]. Сейчас же средства, выделенные из государственного бюджета на развитие «Сколково» разворовываются. Появилась информация о нецелевом использовании 3,5 миллиардов рублей бюджетных средств[8].

В заключение отметим, что политика управления государственным федеральным имуществом на современном этапе тесно связана с политикой предыдущего этапа управления государственной собственностью в РФ. Она по-прежнему опирается на либеральную концепцию и направлена на дальнейшую приватизацию государственной собственности. Используемые в новой программе управления инструменты, свидетельствуют об усилении технологизации процесса управления государственной собственностью.

Литература

1. Проект «Концепции управления федеральным имуществом на период до 2018» // Сайт Росимущества. URL: <http://ca.rosim.ru/> (дата обращения: 12.11.2012)
2. Выступление А.П.Белюсова на заседании Правительства РФ 07.02.2013 г. // URL: http://ca.rosim.ru/press.aspx?CatalogId=570062&month=2&year=2013&d_no=814042 (дата обращения: 15.02.2013)

3. Игнатова Т.В. Формирование комплекса мер управления антикризисным взаимодействием государства и бизнеса // Российское предпринимательство. 2012. № 5 (203). С.11-16.

4. Практика работы советов директоров компаний с государственным участием. // [Электронный ресурс]. Сайт Ассоциации независимых директоров. URL: http://www.nand.ru/association/press-center/events.php?ELEMENT_ID=2636 (дата обращения: 5.04.2010)

5. Обзор участия международных экспертов в обсуждении стратегии социально-экономического развития России до 2020 года // URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/05/22/1214621682/document.pdf> (дата обращения: 25.02.2013)

6. Мэггинсон У. Финансовая экономика приватизации: глобальные тенденции приватизации и уроки для максимизации экономического роста. Обзор участия международных экспертов в обсуждении стратегии социально-экономического развития России до 2020 года // URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/05/22/1214621682/document.pdf> (дата обращения: 25.02.2013)

7. Сазонов Г. Ищу корень нашего счастья // Москва. 2008. №9. С. 217- 228

8. СК и ФСБ обнаружили увод денег из "Сколково" на 3,5 млрд. рублей // URL: <http://www.firstnews.ru/articles/sk-i-fsb-obnaruzhili-uvod-deneg-iz-skolkovo-na-3-5-mlrd-rublej/> (дата обращения: 25.02.2013)

9. Информация о комиссиях на 2012 год // URL: <https://mvpt.rosim.ru/instructions/Commission/Pages/2012.aspx> (дата обращения: 18.04.2013)

10. Шувалову не нравится идея возврата чиновников в совдирсы госкомпаний // URL: http://nand.ru/press-center/news.php?ELEMENT_ID=3614 (дата обращения: 18.04.2013)

УДК 338.24.01

Кайль Я.Я., Епипина В.С.

Определение уровня влияния партисипации на эффективность использования бюджетных средств и результативность публичного управления в Волгоградской области

В статье обоснована эффективность и результативность публичного управления, достигаемая через развитие партисипативного механизма, предполагающего активное привлечение населения и бизнес-структур к участию в решении государственно-общественных вопросов.

Ключевые слова: публичное управление, партисипативный механизм, партисипация, взаимодействие власти и населения, участие граждан в повышении эффективности и результативности публичного управления.

Внедрение любой новой формы либо способа управления в практику государственного менеджмента должно сопровождаться повышением его эффективности. Партисипация в данном случае не является исключением. Использование данного подхода к публичному управлению направлено на изменения в системе управления с целью повышения ее эффективности.

Эффективность применения партисипативного механизма публичного управления следует трактовать как категорию, отражающую действенность

воздействия акторов друг на друга и относительную результативность процессов их взаимодействия в целях улучшения социально-экономического развития территории. Наиболее ярким критерием эффективности применения партисипативного механизма является улучшение показателей качества жизни населения. Опыт Великобритании, США, Испании, Норвегии и многих других стран показывает, что чем активнее реализуется партисипативный подход к функционированию системы публичного управления, тем шире вовлеченность граждан в дела государства, успешнее развитие и политической, и экономической сфер [1, с. 62].

В партисипативных отношениях между органами публичной власти Волгоградской области и обществом наблюдается успешная трансформация от воздействия «сверху» к рациональному взаимодействию и выстраиванию обратной связи через повышение мотивации к партнерству «снизу». Для привлечения граждан к принятию административных решений создаются соответствующие условия (информационные, организационные, технологические и др.), особенно на местном уровне.

Важной технологией партисипативного взаимодействия является проведение органами публичной власти регулярных встреч с населением города или региона. В настоящее время в Волгоградской области данной форме партисипативных отношений придается огромное значение: на регулярных встречах с населением обсуждаются актуальные проблемы развития социально-экономической сферы региона, в муниципальных образованиях проводятся информационные встречи с учителями, работниками здравоохранения, представителями ГОС и др.

В Волгоградской области активно отрабатываются технологии обратной связи с населением через активизацию работы с обращениями граждан как средством выражения реакции населения на решения, принимаемые публичной властью. Обращения граждан рассматриваются аппаратом губернатора как важный источник общественно значимой информации, необходимой для принятия управленческих решений. Анализ обращений граждан позволяет выявлять существующие (но не замечаемые ранее) проблемы и разрабатывать пути их решения, тем самым способствуя совершенствованию системы публичного управления и улучшению социально-экономического развития региона в целом.

Губернатор и правительство Волгоградской области используют для привлечения населения к участию в управлении регионом различные формы взаимодействия с населением, в том числе традиционные (устно (личные встречи, телефонные разговоры), письменно), а также информационно-коммуникационные (электронные письменные обращения) и в режиме интернет-конференций. Так, в редакции издания «Аргументы и факты – Нижнее Поволжье» проводятся телефонные прямые линии с губернатором и руководителем администрации губернатора, председателем Правительства и его заместителями. На сайте ГТРК «Волгоград-ТРВ» можно через соответствующую форму задать вопрос губернатору Волгоградской области, ответ на ко-

торый прозвучит в программе «Сергей Боженков: слово губернатора».

Начиная с 2010 г. на официальном портале губернатора и правительства Волгоградской области (www.volganet.ru) действует интерактивная страница «Он-лайн-приемная», с помощью которой жители региона могут направить электронное письменное обращение и в режиме обратной связи (благодаря индивидуальному номеру сообщения) узнать о статусе сообщения, этапах и результатах рассмотрения.

За 2012 г. в аппарат губернатора и правительства Волгоградской области поступило 19 216 письменных обращений граждан. Из них в декабре – 1 426, в том числе по вопросам социального обеспечения (353), коммунального и дорожного хозяйства (346), жилищного хозяйства (286), воспитания и обучения (85), здравоохранения (64), труда (49), законности и охраны правопорядка (20), транспорта (28), сельского хозяйства (15) [2].

В настоящее время можно констатировать, что в Волгоградской области, несмотря на имеющиеся социально-экономические проблемы региона и сложности с их решением, можно диагностировать тенденцию к укреплению партисипативных отношений органов публичной власти и населения по инициативе первых из названных акторов взаимодействия.

Волгоградская область является признанным лидером в формировании гражданского общества. Сегодня в границах ТОС проживает 40,6 % населения, в том числе: в муниципальных районах – 80,4 %, в городских округах – 16,9 %. По состоянию на 1 октября 2012 г., во всех муниципальных образованиях Волгоградской области действуют 1 957 организаций ТОС, 1 138 из которых имеют статус юридического лица [3]. Для более эффективного взаимодействия органов публичного управления с организациями ТОС на портале губернатора и правительства Волгоградской области, в разделе «Общество», создан подраздел «Территориальное общественное самоуправление Волгоградской области», на странице которого подготовлено и размещено более 500 новостных лент.

В 2011 г. основными направлениями расходования организациями ТОС денежных средств стали патриотическое воспитание и работа с молодежью, обустройство территории проживания, социальная поддержка населения, формирование среды безопасного проживания и жизнедеятельности населения. Всего в 2011 г. ТОС Волгоградской области было выполнено работ и проведено мероприятий на сумму около 400 млн руб. [4].

При каждом министерстве (комитете) региона, в соответствии с постановлением губернатора Волгоградской области от 12 мая 2012 г. № 317 «Об образовании Общественных советов при органах исполнительной власти Волгоградской области», организованы общественные советы. Также создан общественный совет при губернаторе Волгоградской области. Данная форма взаимодействия власти и гражданского общества применяется при высшем руководстве страны и практически во всех субъектах РФ.

Развитие партисипативного механизма публичного управления в Волгоградской области предполагает серьезную работу по совершенствованию

взаимодействия власти и населения, пристальное внимание органов публичной власти к информационно-коммуникационным и инновационным технологиям.

Повышение открытости публичного управления Волгоградской области и интенсификация диалога между органами власти и населением, их привлечение к решению местных проблем способствуют установлению взаимопонимания и доверия между обеими сторонами. Установление устойчивой обратной связи создает возможность не только объективно судить о достигнутых результатах, но и корректировать мероприятия социально-экономической политики в процессе их реализации. В целях привлечения населения к обсуждению проекта «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2020 года» и законопроекта о промышленной политике на территории Волгоградской области, а также разработке предложений по работе конкретного Общественного совета, по оптимизации работы существующих МФЦ и др., в Волгоградской области в середине октября 2012 г. был запущен краудсорсинговый проект «Общество и власть: вместе на благо Волгоградской области». В качестве его приоритета заявлено повышение уровня жизни людей, расширение возможностей их самореализации, включенности в решение задач, которые стоят перед регионом.

Функционирование партисипативного механизма публичного управления в Волгоградской области, благодаря широкому использованию информационно-телекоммуникационных технологий, приводит к социальному эффекту, который проявляется:

- в более оперативном информационном взаимодействии граждан с органами публичной власти Волгоградской области;
- расширении возможностей доступа населения к местным, областным и федеральным информационным ресурсам;
- повышении транспарентности органов публичной власти для общественности и бизнеса при подготовке проектов нормативных правовых актов и их обсуждении;
- повышении степени информированности общественности о деятельности органов власти Волгоградской области; и др.

Опираясь на результаты проведенного анализа, можно утверждать, что результат от функционирования партисипативного механизма публичного управления получают все акторы взаимодействия. Так, среди главных интересов органов публичного управления Волгоградской области в реализации партисипативных отношений с предпринимательским сообществом на региональном уровне можно выделить следующие:

- рост социально-экономической активности региона;
- повышение результативности расходования и недопущение роста неэффективных расходов региональных бюджетных средств;
- обеспечение финансовой стабильности, привлечение ресурсов частных компаний (организационных, экспертных, технико-технологических, институциональных, финансовых, управленческих) для решения стратегических

задач развития региона;

- проведение с участием представителей бизнеса консультаций по вопросам выявления и устранения административных барьеров, препятствующих ведению предпринимательской деятельности;

- повышение социальной ответственности бизнеса через активизацию поддержки его участия в развитии социальной сферы и человеческого капитала;

- повышение статуса региона в рейтинге инвестиционной привлекательности и др.

В свою очередь, бизнес-структуры Волгоградской области заинтересованы в реализации партисипативных взаимодействий с органами публичного управления, главным образом, в целях снижения транзакционных издержек, получения возможности влияния на сокращение (устранение) административных барьеров в экономике, улучшения социально-экономического состояния региона (муниципалитета), содействия формированию благоприятного имиджа предприятия.

Население Волгоградской области также приобретает ряд преимуществ: расширяется спектр и меняется в лучшую сторону качество предоставляемых государственных и муниципальных услуг, становится прозрачнее деятельность органов публичного управления и бизнеса и др.

В целом, оценка эффективности публичного управления Волгоградской области при различном уровне партисипации представлена на рисунке 1.

Оценка эффективности публичного управления Волгоградской области при различном уровне партисипации позволяет диагностировать следующее:

1. Нулевой степени привлечения населения к участию в публичном управлении не существует – ввиду обязательности проведения публичных слушаний отчетов (докладов) о деятельности органов публичной власти, встреч с населением, работы с обращениями граждан и др.

2. При низком уровне партисипации органы власти подходят к осуществлению партисипативных отношений формально – для выполнения законодательно установленных требований к такому взаимодействию, вследствие чего цели функционирования партисипативного механизма не достигаются. Поэтому данный уровень партисипации по причине его обеспечения «для галочки» рассматривается нами в качестве неоптимального, то есть не подтверждающего положительного изменения как качества управленческих решений, так и уровня и качества жизни населения региона.

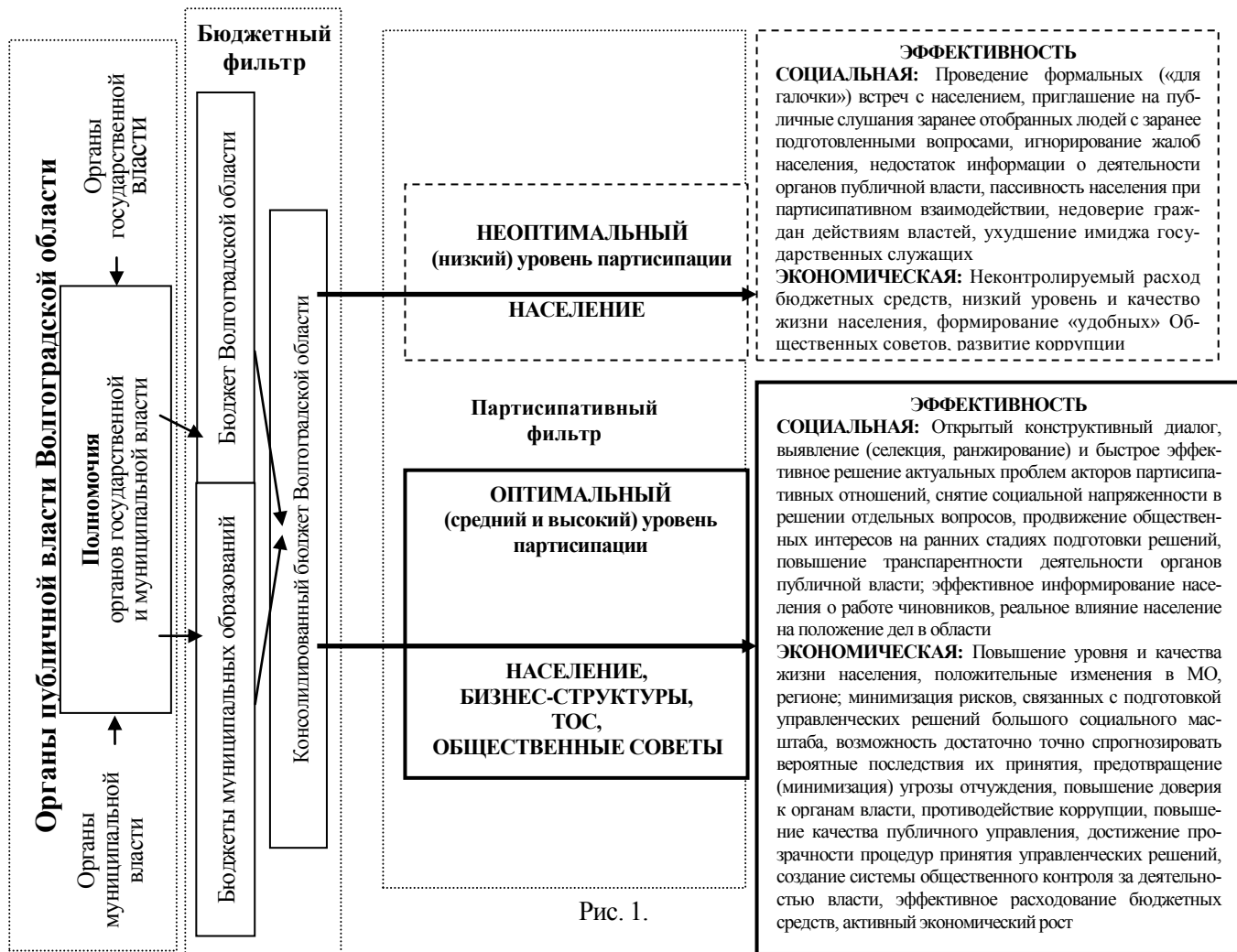

Рис. 1.

3. Оптимальным, на наш взгляд, является средний и высокий уровень партисипации, при котором к участию в публичном управлении активно привлекаются население, бизнес-структуры, ГОСы, Общественные советы и существенно повышаются эффективность использования бюджетных средств и результативность публичного управления субъектом РФ.

Авторами в рамках других научных исследований сформулировано и раскрыто более 20 критериев сравнения традиционного (с низким уровнем партисипации) варианта публичного управления субъектом РФ и варианта, основанного на применении партисипативного механизма. Основные 8 критериев, представленных в таблице 1, наглядно демонстрируют, что в случае применения партисипативного механизма эффективность публичного управления субъектом РФ, по сравнению с традиционным подходом к управлению, существенно выше.

Таблица 1

Сравнительная характеристика отсутствия / наличия влияния привлечения граждан к решению государственно-общественных дел на эффективность публичного управления

Критерии сравнения	Варианты публичного управления субъектом РФ	
	Основанное на использовании традиционных инструментов	Основанное на применении партисипативного механизма
Характер направленности связей с населением	однолинейный	многолинейный (обратная связь в полном объеме)
Позиционная характеристика государства и населения в процессе осуществления публичного управления	государство противопоставляется населению	государство и население – партнеры
Характеристика информации о деятельности органов публичной власти	закрыта и непонятна	транспарентна
Уровень организованности и эффективности процесса взаимодействия с населением по вопросам решения общественно-государственных дел	недостаточный (низкий)	высокий
Степень учета общественного мнения по вопросам публичного управления	минимальная	максимальная
Использование органами публичной власти возможностей комплекса информационно-коммуникационных технологий при взаимодействии с населением	не используются	активно используются

Наличие общественного контроля	минимизирован вследствие надуманных ссылок на служебную конфиденциальность	открытое сравнение результатов управления с общественными потребностями
Результаты осуществления публичного управления	отсутствие изменений (значительное снижение эффективности)	значительное повышение эффективности

Оценка эффективности публичного управления Волгоградской области при различном уровне партисипации проведена авторами на основе только качественных характеристик, ввиду отсутствия как на федеральном, так и региональном (и муниципальном) уровнях методик и алгоритмов расчета количественных показателей влияния привлечения населения к участию в публичном управлении на повышение его эффективности и результативности. Однако в настоящее время коллектив ученых Волгоградского государственного университета совместно со специалистами министерства экономики, внешнеэкономических связей и инвестиций Волгоградской области осуществляет научно-практическое исследование в данной сфере, что в дальнейшем обеспечит возможность осуществления количественной оценки влияния уровня партисипации на эффективность использования бюджетных средств и результативность публичного управления.

Итогом применения партисипативного механизма публичного управления является достижение высокой эффективности и результативности управления субъектом РФ.

В качестве рекомендаций по повышению эффективности взаимодействия органов публичной власти Волгоградской области с населением исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления предлагается:

1) разработать и утвердить административные регламенты работы органов публичной власти с обращениями граждан, учитывая современные возможности осуществления обращений в Общественные советы и через краудсорсинговую площадку. Административные процедуры следует конкретизировать в соответствии со спецификой реализации государственных или муниципальных полномочий;

2) повысить результативность принимаемых по обращениям граждан решений через принятие необходимых мер по предотвращению фактов волокиты и снижению количества повторных обращений;

3) регулярно информировать население (при личных встречах, через СМИ, информационные сайты) о возможностях обращения с жалобами, предложениями, рекомендациями в органы публичной власти и результатах рассмотрения обращений граждан;

4) по аналогии с практикой Свердловской области, у входа в здание

правительства Волгоградской области установить инфокиоск, с помощью которого можно получить информацию о графике личного приема граждан, адресах исполнительных органов государственной власти, о нормативно-правовых основах организации работы с обращениями граждан в целом, а также обзорную информацию о работе с обращениями граждан к Губернатору Волгоградской области и в адрес Правительства Волгоградской области за календарные периоды.

Литература

1. Кайль Я.Я., Епинина В.С. Актуализация партисипативного подхода к формированию системы публичной власти в современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 33. С. 57–63.
2. Информация о поступлении письменных обращений граждан в Правительство Волгоградской области. Режим доступа: ag.volganet.ru/agavo/otdel_obr_gr/folder_3/.
3. Волгоградская область. Режим доступа: volganet.ru/volgobl/.
4. Доклад министра по делам территориальных образований Волгоградской области на заседании Общественного экспертного совета при Губернаторе Волгоградской области 13.08.2012. Режим доступа: uprt.volganet.ru/folder_1/text/folder_1.html.

УДК 35.08

Некрасов В.Н., Пивоваров И.В.

Современные механизмы повышения эффективности реализации государственной кадровой политики

В статье рассматриваются проблемы государственной кадровой политики, способы их разрешения посредством разработки таких механизмов, как эффективный контракт и вовлеченность персонала.

Ключевые слова: эффективный контракт, вовлеченность, государственная кадровая политика.

Обеспечение эффективной кадровой деятельности в бюджетном секторе – одна из важнейших проблем для любого государства и общества. Как свидетельствуют последние исследования в области кадровой политики, в настоящее время в России имеется существенный дефицит управленческих кадров. В связи с этим становится актуальной разработка новых механизмов реализации государственной кадровой политики, которые бы обеспечили подготовку управленческих кадров с учетом современных социально-экономических реалий.

Выделяют два основных подхода к определению государственной кадровой политики: деятельностный и политико-административный.

В рамках деятельностного подхода государственная кадровая политика выступает как деятельность, кадровая работа, определенная система действий и отношений, подразумевающая реализацию профессиональной трудоспособности. Данный подход предполагает превалирование планов, программ и правил действий и мер, текущих прагматичных задач. Однако дан-

ный подход не позволяет в полной мере рассматривать государство как основной субъект кадровой политики и не позволяет выделить главные аспекты в государственной кадровой политике – стратегию, принципы и механизмы работы с кадрами.

Политико-административный подход рассматривает государственную кадровую политику как одну из составляющих социальной политики – стратегию воспроизводства кадрового потенциала страны, являющуюся инструментом управления.

Как показывает опыт зарубежных стран, эффективная кадровая политика основывается на кластерном подходе к подготовке управленческих кадров, который, в свою очередь, предполагает разработку новых инструментов управления персоналом. Без этого условия представляется затруднительным разрешение имеющихся проблем государственной кадровой политики и, как следствие, повышение эффективности ее реализации на различных уровнях. Особенно актуальным, в этой связи, становится внедрение эффективного контракта как инструментария ликвидации теневых антимодернизационных отношений в сфере государственной кадровой политики и исследование вовлеченности персонала организации, являющейся индикатором оценки перспектив применения эффективного контракта.

Несмотря на то, что существуют определенные нормативно-правовые акты, устанавливающие порядок оценки эффективности деятельности чиновников, мы считаем, что действующая в настоящее время модель государственной кадровой политики является неэффективной и характеризуется следующими проблемами:

- неэффективность реализации действующих механизмов продвижения управленческих кадров;
- присутствие теневых антимодернизационных отношений в данных механизмах.

Неэффективность реализации действующих механизмов продвижения управленческих кадров заключается в том, что государство не формирует рыночные институты развития человеческого капитала, а в рамках их – подготовку управленческих кадров, адекватную рыночным отношениям и соответствующую интересам государства в условиях глобализации. Те же институты, которые имеются на данный момент, функционируют недостаточно эффективно [1].

Это обусловлено тем, что государство не формирует механизмы эффективной кадровой политики, а формирование кадрового резерва организации проводят исключительно в собственных интересах. Этот интерес в условиях неразвитых конкурентных отношений зачастую не совпадает с интересами общества в развитии человеческого капитала. В настоящее время в рамках Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ было подготовлено более 73 тыс. управленцев, из них 13 тыс. чел. прошли стажировку за рубежом в США, Японии, Германии, Франции, Голландии, Норвегии и Финляндии [2]. До 2007 г. обу-

чение оплачивалось полностью из бюджета, сейчас государство финансирует чуть менее 70 % его стоимости. Вместе с тем, по оценке директора департамента экономики соцразвития и приоритетных программ Минэкономразвития Г. Махаковой из этой численности лишь 200-300 выпускников ежегодно приходят на работу в органы государственного и муниципального управления [3], что свидетельствует о напрасном использовании большей части денежных средств, выделенных государством на реализацию данной программы.

Согласно данным официального сайта Президента РФ из списка «первой сотни» резерва управленческих кадров с 2008 г. по 2012 г. повышение по службе получили 77 резервистов [4]. Вместе с тем, детальное изучение истории назначений свидетельствует о том, что многие из них либо слабо взаимоувязаны с нахождением в президентском резерве, либо не обеспечивают реальной ротации управленческих кадров.

Другой инициативой по продвижению управленческих кадров по службе является предложение Открытого правительства по поиску кадров на должности заместителей министра посредством проведения публичных конкурсов с использованием рейтингового голосования в Интернете. В эксперименте принимали участие Росстат, Роспотребнадзор, Роструд, Минтранс и Минэнерго, которые предложили на конкурс должности заместителя министра. Открытым правительством совместно с Агентством стратегических инициатив и РАНХиГС были разработаны требования к кандидатам, которые помимо прочих включали опыт работы на руководящей должности не менее 7 лет и опыт работы в требуемой сфере.

Первый этап отбора претендентов должен был стартовать в сентябре 2012 г., однако конкурс не проводился и его материалы были переданы в Правительство РФ.

Помимо неэффективности функционирования механизма продвижения управленческих кадров другой проблемой государственной кадровой политики является присутствие теневых антимодернизационных отношений. Так, участник «первой сотни» президентского резерва управленческих кадров в категории «Представители науки, образования и общественных организаций» Ю. Урличич был отстранен от должности генерального конструктора ГЛОНАСС и генерального директора «Российских космических систем» в связи с расследованием дела о хищении 6,5 млрд. руб.

Другой участник «президентской сотни», С. Малявина – бывший помощник экс-главы Минздравсоцразвития, проверяется в настоящее время Следственным комитетом РФ по делу о завышении стоимости выполнения государственного заказа, по которому было потрачена сумма денежных средств, втрое превышающая реальную стоимость работ (21,5 млн. руб. против 7,4 млн. руб.).

По нашему мнению, проблемы реализации государственной кадровой политики обусловлены тем, что государство в настоящий момент испытывает иллюзию самодостаточности подготовки управленческих кадров. Решением указанной проблемы является повышение эффективности реализации госу-

дарственной кадровой политики посредством разработки соответствующих механизмов.

Кадровая политика и программы ее реализации должны стимулировать позволять всем гражданам на основе равенства и без какой-либо дискриминации развивать и применять свои способности к труду как в целях удовлетворения собственных интеллектуальных потребностей, профессиональных устремлений, так и в интересах развития общества, в котором они живут и трудятся. Эффективность реализации государственной кадровой политики достигается посредством ее сведения в единую управляемую систему, построенную на одобряемых российским обществом профессионально-этических и нравственных ценностях [5]. Чтобы указанная система удовлетворяла необходимым признакам, ее работники должны быть организованы посредством установленных процедур, процессов, принципов, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Учитывая зарубежный опыт, государственная кадровая политика в России должна включать механизмы, обеспечивающие стимулирование работников на достижение результата, исключая теневые антимодернизационные отношения и предполагающие наличие прозрачных стимулов карьерного роста. Таким механизмом, по нашему мнению, может являться эффективный контракт. Данный механизм является новацией и в настоящий момент еще не получил широкого применения.

Внедрение эффективного контракта подразумевает установление прямой зависимости заработной платы работника от эффективности его труда, что позволит сохранить кадровый потенциал и привлечь в образование и науку талантливых специалистов. Применение эффективного контракта призвано повысить конкурентоспособность государства как работодателя на региональном рынке труда и сопоставимость стоимости труда в государственном, муниципальном и частном секторах экономики.

Эффективным контрактом являются трудовые отношения между государственным или муниципальным учреждением и работниками, имеющие следующие характерные признаки [6]:

- наличие у учреждения государственного (муниципального) задания и целевых показателей эффективности работы, утвержденных учредителем;
- система оценки эффективности деятельности работников;
- система оплаты труда, учитывающая сложность выполняемой работы, количество и качество затраченного труда;
- система нормирования труда работников;
- подробная конкретизация в трудовых договорах должностных обязанностей работников, показателей и критериев оценки труда, условий оплаты труда с учетом отраслевой специфики.

Вспомогательным механизмом, обеспечивающим результативную работу кадров, в условиях внедрения эффективного контракта, является вовлеченность работников. Это обусловлено тем, что в России вопрос нематериального стимулирования персонала особенно актуален в условиях ограни-

ченности финансовых ресурсов многих компаний. Ввиду этого наглядная демонстрация ценности каждого сотрудника со стороны руководства и того, что с ним оно связывает будущее организации и готово идти на некоторые уступки в обмен на лояльность, доверительные и честные отношения на условиях взаимного уважения – необходимые условия продуманной и дальновидной кадровой политики.

Работник является вовлеченным в том случае, когда его организационное поведение соответствует трем ключевым индикаторам вовлеченности: «говорит» - всегда позитивно отзывается об организации в общении с коллегами и клиентами; «остается» – стремится остаться в организации на длительное время и разделяет ее ценности; «стремится» – прилагает дополнительные усилия, чтобы способствовать успеху организации [7]. Наличие всех трех индикаторов является основанием для включения сотрудника в категорию вовлеченных и в реальный человеческий капитал организации.

Вовлеченные работники испытывают заинтересованность в успехе организации, удовлетворены содержанием труда, рассматривают перспективу личного и профессионального роста, разделяют и развивают организационную культуру, создают благоприятный морально-психологический климат в коллективе [8]. Вовлеченные сотрудники не просто удовлетворены своей работой и лояльно настроены к организации, но и проявляют дополнительные усилия для достижения сверхрезультатов, следовательно они лояльны, удовлетворены и проактивны [9].

Вовлеченность определяется как усилиями организации, так и ее отдельного сотрудника. Существует несколько факторов создания вовлеченности [10].

Одним из них является общий микроклимат в организации, атмосфера диалога и открытости. В свою очередь, двойные стандарты, несоответствие обещаний и реальных дел со стороны руководства ухудшает вовлеченность. Значительно влияют на вовлеченность организационные традиции и личный пример неформальных лидеров – лидеры, проявляя искреннюю заинтересованность в делах организации, создают вокруг себя круг сотрудников-энтузиастов.

Другим существенным фактором вовлечения персонала организации являются механизмы информирования сотрудников о деятельности организации. В случае если в организации большое количество информации скрывается от широкого доступа, то уровень вовлеченности персонала будет крайне низким.

Эффективность системы управления является третьим фактором. Формирование межфункциональных рабочих групп, обмен опытом, наличие горизонтальных коммуникаций различного типа способствует увеличению вовлеченности персонала в процесс принятия решений. Отсутствие целей, четко обозначенных руководством, и понимания руководством перспектив развития организации способствует снижению вовлеченности. Опасаясь со-

вершения ошибки или неправильного выполнения задания, сотрудник предпочитает вообще ничего не делать в этих условиях.

Существенным фактором повышения вовлеченности выступает кадровая политика. Наибольшее влияние на вовлеченность сотрудников оказывают такие ее составные элементы как система подбора персонала и карьерного продвижения. В системе подбора должны учитываться не только опыт работы, образование и профессиональные качества кандидата, но и общее его отношение к своей профессии и труду в целом, в этом случае уровень вовлеченности в организации будет значительно выше.

Значительное воздействие на уровень вовлеченности персонала оказывает действующая система карьерного продвижения. Работники, отличающиеся высоким уровнем профессионализма и проявляющие активность должны регулярно продвигаться по служебной лестнице или, по крайней мере, получать возможность расширения круга выполняемых функций и полномочий. Важным при этом является сделать вовлеченность одним из непременных условий карьерного роста и исключить возможность для равнодушных сотрудников получать повышение. В целом, уровень работника в служебной иерархии тем выше, чем выше обычно уровень его вовлеченности, зачастую по причине того, что более высокий уровень управления предполагает получение доступа к большему количеству информации.

Основной эффект, получаемый организацией от вовлеченности персонала – повышение инициативности на более низких уровнях управления и, как следствие, повышение производительности труда. Это создает условия для формирования инновационной атмосферы в организации, способствующей появлению инновационных идей и их успешному внедрению. В том случае, когда инициатива исходит от рядовых сотрудников, когда они быстро понимают их суть, и оперативно включаются в их реализацию, то значительно сокращаются сроки внедрения инноваций. Более того, высокий уровень вовлеченности персонала улучшает морально-психологический климат в коллективе и удовлетворенность персонала своим трудом.

Таким образом, внедрение эффективного контракта выступает механизмом повышения эффективности реализации государственной кадровой политики и исключает теневые антимодернизационные отношения в деятельности организаций бюджетного сектора. В свою очередь, вспомогательным механизмом, который бы обеспечивал результативную работу кадров в условиях внедрения эффективного контракта, является вовлеченность работников, являющаяся комплексным показателем оценки состояния организационной культуры и потенциала ее развития. Вовлеченность персонала выступает существенным фактором успешного внедрения эффективного контракта и должна способствовать повышению мотивации персонала бюджетных учреждений к его исполнению.

Литература

1. *Шукина Т.В.* Программно-целевой метод реализации государственной кадровой политики в сфере государственной гражданской службы // Вопросы экономики и права. 2011. № 1.

2. Информационный сайт Комиссии по организации подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ. [Электронный ресурс]: <http://www.pprog.ru/>
3. Минэкономразвития РФ обучит менеджеров за границей // Российская газ. 2012. 24 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/23/maneger-site.html>
4. Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/>
5. Анисимов В.М. Кадровая политика России: философская и функциональная основы // Вопросы философии. 2010. № 4.
6. Юдкевич М. М., Подколзина Е. А., Рябинина А. Ю. Основы теории контрактов: модели и задачи. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2002.
7. Семянистая Е. Ставка на вовлеченность // Штат. 2012. № 9.
8. Сверхун О. Вовлеченность персонала: ценное преимущество // Справочник по управлению персоналом. 2012. № 8.
9. Хеллевиц Й. Вовлеченность персонала в России: как построить корпоративную культуру ... Хельсинки, 2012.
10. Шумейко М.В. Вовлеченность сотрудников в корпоративную культуру на основании организационной миссии // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 2.

УДК 339.92

Полуянова Е.И.

Транснациональные компании как носитель прямых иностранных инвестиций в ЖКХ

Рассмотрены подходы к пониманию роли транснациональных компаний в развитии мирового хозяйства.

Ключевые слова: транснациональная компания, прямые иностранные инвестиции, виды экономической деятельности, жилищно-коммунальное хозяйство.

Сегодня в Украине остро стоит вопрос о качестве услуг, в частности, в области водоснабжения и водоотведения. Поставщики коммунальных услуг ощущают острую потребность в финансовых ресурсах. Из-за недостатка собственных средств субъекты хозяйствования вынуждены прибегать к помощи государства или искать другие источники. Одним из вариантов привлечения дополнительных финансовых ресурсов является сотрудничество с транснациональными компаниями (ТНК) в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды, где наблюдается существенное отставание от общемировых тенденций.

Процессы инвестирования в экономике Украины находятся сегодня в центре внимания ученых. Тем не менее, ощущается недостаток научно обоснованных инструментов. Для решения этой проблемы и с целью активизации сотрудничества с потенциальными инвесторами необходимо выявить и изучить мировые тенденции деятельности компаний и корпораций, владеющих мощным инвестиционным потенциалом.

Под транснациональной корпорацией (ТНК) понимается юридическое лицо (совокупность юридических лиц), имеющее следующие признаки [1]:

– в его собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении находится обособленное имущество на территориях двух и более государств;

– образовано юридическими лицами двух и более государств;

– осуществляет постоянную уставную деятельность либо капитальные вложения на территории двух и более государств.

Транснациональные корпорации могут создаваться в различных организационно-экономических формах: совместные финансово-промышленные группы, международные хозяйственные объединения, производственные, добывающие, телекоммуникационные и иные корпорации, холдинговые компании, ассоциации, союзы, совместные предприятия, торговко-посреднические организации типа торговых домов, агентств и международных бирж, совместные коммерческие банки и их объединения, финансовые и страховые компании [1].

Транснациональная корпорация представляет собой особый вид корпорации, переросшей национальные рамки и осуществляющей деятельность на мировом рынке через свои заграничные филиалы и дочерние общества. Это национальная компания с зарубежными активами, т.е. национальная по капиталу и контролю, но международная по сфере своей деятельности [2, с. 167].

Сегодня ТНК являются одним из основных субъектов мирового рынка и выступают преимущественно в форме международных концернов или трестов, создавая множество подконтрольных филиалов, представительств и дочерних фирм за рубежом. Головной офис официально зарегистрирован и находится в стране базирования. Использование электронной передачи данных позволяет вовремя реагировать и оперативно управлять всеми процессами, происходящими в компании.

А.Б. Курицкий в качестве примера приводит хозяйственный блок «Дженерал Моторс», который состоит собственно из ТНК, порядка 50 дочерних фирм, нескольких тысяч зависимых и ассоциированных компаний, примерно 45 тысяч компаний субподрядчиков, из которых около 40% относятся к среде мелкого бизнеса, 60% (порядка 25 тысяч компаний) – к среднему бизнесу. Эти блоки составляют единую интегрированную систему, связанную взаимным владением акциями, корпоративной задолженностью, управлением по доверенности [3].

Когда речь идет о прямых иностранных инвестициях, то в большинстве случаев подразумевается деятельность транснациональных корпораций. В зависимости от степени контроля предприятия в стране-нерезиденте могут быть в виде филиала, в форме партнерства и полной собственности. В первом случае материнская фирма имеет контрольный пакет акций и имеет право принимать наиболее важные решения и назначать или увольнять большинство работников административных и управленческих должностей, а также контролирующего органа. В случае партнерства, материнское предприятие обладает властью, которая оценивается от 10%, но не больше 50% голосов акционеров. В третьем случае материнская фирма является собственником

некоторого имущества в другой стране [4, с. 249].

Отношение к транснациональным компаниям неоднозначно. Ряд стран воспринимают их негативно, другие, наоборот, создают потенциальные условия для сотрудничества. Как следует из приведенных цифр, Украина, принадлежащая к числу стран с переходной экономикой, критически воспринимая опыт развитых стран, должна быть потенциально готова к расширению сотрудничества с ТНК в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды, где сегодня имеется существенное отставание от общемировых тенденций.

Причина, по которой ТНК стремятся вывести свои капиталы в другие страны естественна – стремление увеличить свои доходы по следующим причинам [5, с. 5]:

- расширение своей доли на внешних рынках товаров и услуг;
- использование своих преимуществ в области качества и технического уровня продукции, форм сбыта и т.д.;
- использование иностранных ресурсов (сырья, рабочей силы, научно-технических знаний);
- использование преимуществ международного разделения труда, в том числе внутрифирменного;
- получение эффекта от увеличения масштаба производства и сбыта;
- преодоление таможенных и других протекционистских барьеров;
- рационализация производства, основанной на использовании межстрановых различий в стоимости труда, капитала и сырья.

С точки зрения отечественного ЖКХ, сотрудничество с ТНК должно, в первую очередь, отразиться на качестве продукции и снижении ее стоимости, в противном случае выигрыш от такого сотрудничества будет односторонним – в пользу ТНК.

Мировой опыт также говорит о том, что наиболее популярной формой сотрудничества ТНК с государством является концессия. Именно в этом случае взаимовыгодное сотрудничество следует искать в области передачи новых технологий. Тогда неизбежный рост тарифов может быть компенсирован снижением нормативов за счет более эффективного использования ресурсов. В противном случае присутствие ТНК на местном рынке ЖКУ неизбежно создаст напряжение и неустойчивость в отношениях. Немаловажным фактором является и эффект масштаба производства, который отечественными предприятиями был существенно утерян вследствие дезинтеграции отраслевой системы управления.

В области водоснабжения и водоотведения к 2007 г. 64 страны в мире использовали различные формы сотрудничества с частным бизнесом [4, с. 95]. При этом заключаемые контракты имеют достаточно широкий диапазон сотрудничества от выполнения отдельных функций до полной приватизации. Опыт с полной приватизацией муниципальных водных сетей был ограничен пятью развивающимися странами (Бразилия, Чили, Китай, Малайзия и Таиланд), но только в Чили пошли по пути передачи в частную собственность

системы водоснабжения в национальном масштабе. Концессии, как наиболее распространенная форма сотрудничества, связаны со строительством систем водоподготовки и водоочистки и обычно осуществляются по модели ВОТ (Build-Operate-Transfer – Построил-Использовал-Передал). Преимущества ТНК в этой области сводятся к их более широкому финансовому и организационным возможностям, наличию квалифицированного персонала, общему снижению рисков за счет большого портфеля заказов, экономии на масштабах производства. Именно поэтому местные органы власти при выборе концессионера обычно отдают предпочтение известным в мире ТНК.

Для выявления тенденций мирового развития ТНК в сфере жилищно-коммунального хозяйства воспользуемся данными по 100 крупнейшим в мире ТНК по состоянию на конец 2006 г., ранжированных по стоимости иностранных активов [4, с. 239-240]. Эти исходные данные были дополнены отсутствующими реквизитами по некоторым корпорациям, которые, свою очередь, в большинстве случаев получены из документов, размещенных на сайтах корпораций. В случае невозможности получить точные количественные значения они были оценены экспертным путем. Кроме того, данные были ранжированы по видам экономической деятельности. Для многопрофильных корпораций отнесение к тому или иному виду деятельности проводилось на основе экспертной оценки. По каждому виду экономической деятельности рассчитаны: количество корпораций, суммарная стоимость активов входящих в группу корпораций, годовой объем продаж, а также удельный вес данных показателей в совокупности из 100 крупнейших ТНК (табл. 1).

Таблица 1

Сводные данные 100 крупнейших в мире транснациональных корпораций, работающих в сфере инфраструктуры в 2006 г.

Группа	Абсолютные значения				Удельный вес, %			
	Количество ТНК, ед.	Активы, млн. дол.	Объем продаж, млн. дол.	Работников, чел.	Количество ТНК	Активы	Объем продаж	Работников
1	3	48838	21893	149409	3,0	1,3	1,3	3,0
2	28	11233 37	44614 3	668620	28,0	29,0	25,5	13,6
3	7	18493 6	11391 8	117225	7,0	4,8	6,5	2,4
4	5	10357 8	58066	351528	5,0	2,7	3,3	7,2
5	8	23336 3	12914 6	501902	8,0	6,0	7,4	10,2
6	7	20642 8	10939 3	440969	7,0	5,3	6,3	9,0
7	37	16842 74	71724 0	2137114	37,0	43,5	41,0	43,6
8	5	28908 9	15255 9	540076	5,0	7,5	8,7	11,0

Всего	100	387384	17483	4906843	100,0	100,0	100,0	100,0
		3	58					

Были получены следующие группы корпораций:

1. Аэропорты: BVA Aviation (Великобритания), Mascuarie Airports (Австралия), Grupo ACS (Испания).

2. Электричество: Tianjin Development Holdings (Гонконг, Китай), TransAlta Corp. (Канада), EVN (Австрия), Atel - Aare Tessin (Швейцария), Cofide-CIR Group (Италия), Keppel Corp. (Сингапур), Terna Spa (Италия), CMS Energy Corp. (США), CLP Holdings (Гонконг, Китай), CEZ (Чешская республика), International Power Pic (Великобритания), NRG Energy Inc. (США), PPL Corp. (США), Union Fenosa (Испания), Fortum (Финляндия), Public Service Enterprise (США), AES Corp. (США), EDP Energias de Portugal (Португалия), Edison International (США), EnBW Energie Baden-Wurttemberg (Германия), Iberdrola (Испания), Vattenfall (Швеция), National Grid (Великобритания), Duke Energy Corp. (США), Endesa (Испания), Enel (Италия), E.ON (Германия), Electricite de France (Франция).

3. Природный газ: Gas Natural (Испания), Enbridge Inc (Канада), Spectra Energy Corp. (США), Centrica (Великобритания), TransCanada Corp. (Канада), Sempra Energy Wataniya - National Mobile (США), Gaz de France (Франция).

4. Железные дороги: First Group (Великобритания), Kansas City Southern (США), Canadian Pacific Railway (Канада), Canadian National Railways Co. (Канада), Deutsche Bahn (Германия).

5. Дороги: Enka Insaat ve Sanayi (Турция), Obrascón Huarte Lain (Испания), Skanska (Швеция), Hochtief (Германия), Abertis (Испания), Bouygues (Франция), Vinci (Франция), Grupo Ferrovial (Испания).

6. Морские порты: Babcock & Brown Infrastructure Group (Австралия), Orient Overseas (International) (Гонконг, Китай), PSA International (Сингапур), DP World (ОАЭ), China Ocean Shipping (Group) (Китай), AP Moller-Maersk (Дания), Hutchison Whampoa (Гонконг, Китай).

7. Телекоммуникации: Colt Telecommunications Group (Люксембург), Telecommunications (Кувейт), Millicom International Cellular (Люксембург), Nil Holdings Inc. (США), Maxis (Малайзия), PCSW (Гонконг, Китай), Cable & Wireless (Великобритания), Vimpel Communications (Российская Федерация), Orascom Telecommunications (Египет), Tele2 (Швеция), Telekom (Австрия), SES (Люксембург), Telekom Malaysia (Малайзия), Mobile Telecom Co. (Кувейт), Grou Inc MTN Group (Северная Африка), TDC/S (Дания), OTE Hellenic Telecommunications (Греция), Portugal Telecom (Португалия), Sistema (Российская Федерация), SingTel (Сингапур), Telenor (Норвегия), Telefonos de Mexico (Мексика), Liberty Global Inc. (США), Telstra Corp. (Австралия), KPN (Нидерланды), TeliaSonera (Швеция), America Movil (Мексика), BT Group (Великобритания), Vivendi Inc. (Франция), Telecommunications Italia (Италия), France Telecommunications (Франция), Telefonica (Испания), Vodafone Group (Великобритания), Deutsche Telekom (Германия), Verizon

Communications(США), AT&T Inc. (США), Nortel Networks (Канада).

8. Вода: Grupo Agbar (Испания), YTL Power (Малайзия), Veolia Environnement (Франция), Suez (Франция), RWE Group (Германия).

Из табл.1 следует, что наибольшее количество предприятий сосредоточено в группах 2 и 7, т.е. соответственно в группе производства, передачи и распределения электроэнергии и в группе телекоммуникаций. На долю указанных групп корпораций (2-я и 7-я группы) приходится более 72% суммарной стоимости активов, 66,5% объема продаж, в них работает 57,2% всех работников. В сфере водоснабжения и водоотведения зафиксировано всего 5 корпораций.

В табл. 2 приведены относительные показатели функционирования тех же восьми выделенных групп транснациональных корпораций.

Таблица 2

Относительные показатели функционирования 100 крупнейших
инфраструктурных корпораций

Группа	Средний размер предприятия, млн. дол.	Сумма активов на одного работника, тыс. дол.	Средняя годовая выработка на одного работника, тыс. дол.	Отдача активов, цент./дол.
1	16279,3	327	146,5	44,8
2	40119,2	1680	667,3	39,7
3	26419,4	1578	971,8	61,6
4	20715,6	295	165,2	56,1
5	29170,4	465	257,3	55,3
6	29489,7	468	248,1	53,0
7	45520,9	788	335,6	42,6
8	57817,8	535	282,5	52,8
Всего	38738,4	789	356,3	45,1

Примечательным является тот факт, что в группе 8 (водоснабжение и канализация) сконцентрированы наиболее крупные корпорации (средняя стоимость активов более 57 млрд дол.). Для них получаемый годовой доход на одного работника несколько ниже усредненного показателя (282,5 тыс. долл. против 356,3 тыс. долл.), однако выше отдача активов (52,8 центов с каждого доллара активов против 45,1 цент./долл.).

К концу первого десятилетия текущего столетия появилась новая тенденция в мировом развитии – увеличение количества государственных транснациональных корпораций. Как отмечается в публикуемых отчетах, в 2009 г. насчитывалось 653 государственные транснациональные корпорации, которые в совокупности владели более чем 8500 филиалами в различных странах мира. Из них в развитых странах работало 285 (43,6%), развивающихся – 345 (52,8%) и в Юго-Восточной Европе и странах с переходной экономикой – всего 23 (3,5%), из которых 14 (2,1) – в Российской Федерации [6, с. 30]. Из 30 крупнейших государственных ТНК в 2009 г. 6 работало в облас-

ти ЖКХ, 6 – в области телекоммуникаций и нефтепродуктов, 3 – в сфере автотранспорта [7, с. 30].

В целом по отраслевой принадлежности из 653 государственных ТНК – 56 работало в добывающей промышленности, 142 – в обрабатывающей и 455 (69,7%) – сфере услуг, из которых в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 63 (9,6%); сфере транспортировки, хранения и коммуникаций – 105 (16,1%). Однако если рассматривать работу ТНК в разрезе групп стран, данное распределение принимает несколько иной оборот. В развитых странах максимальный удельный вес ТНК (33%) приходится на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а 19% – на сферу транспортировки, хранения и коммуникаций. Для развивающихся стран и стран с переходной экономикой на долю производства и распределения электроэнергии, газа и воды приходится 5%, а 20% – на сферу транспортировки, хранения и коммуникаций, но при этом максимальное количество ТНК (более 40%) сосредоточено в добывающей промышленности [6].

Таким образом, исследование 100 крупнейших в мире транснациональных корпораций, показало, что в мировом инвестиционном процессе наиболее привлекательными видами экономической деятельности для ТНК являются производство, передача и распределение электроэнергии и телекоммуникации.

Рассмотрение работы ТНК в развитых странах позволило выявить, что максимальный удельный вес ТНК (33 %) приходится на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а 19 % – на сферу транспортировки, хранения и коммуникаций. В развивающихся странах и странах с переходной экономикой 20 % – на сферу транспортировки, хранения и коммуникаций и всего лишь 5 % – на долю производства и распределения электроэнергии, газа и воды.

В группе ТНК, работающих в области водоснабжения и канализации, сконцентрированы наиболее крупные корпорации, имеющие в своем распоряжении значительные активы. Однако корпораций, желающих оказывать услуги в данной отрасли, не так много. Сегодня их 5. Сумма активов на одного работника в них составляет 535 тыс. долл., а годовой доход на одного работника находится ниже среднего показателя.

Мировая практика свидетельствует о том, что сфера коммунальной инфраструктуры в развитых странах обслуживается преимущественно ТНК. Глобализация экономики Украины со всей неизбежностью ставит вопрос о потенциальной возможности сотрудничества предприятий сферы жилищно-коммунального хозяйства Украины с ТНК, для чего необходима тщательная проработка теоретических и методологических вопросов такого сотрудничества на благо народа Украины.

Литература

1. О транснациональных корпорациях [Типовой проект законодательного акта Межпарламентской ассамблеи ЕЭ. <http://www.ipaeurasec.org/docsdown/tnk.pdf>]
2. Мильнер Б.З. Теория организации: [Учебник]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2000.

3. Курицкий А.Б. Транснациональные корпорации в информационном обществе / СПб: Изд. Судостроение, 1998.

4. World Investment Report 2008: Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. New York and Geneva, 2008. http://www.unctad.org/en/docs/wir2008_en.pdf

5. Зубченко Л.А. Иностранные инвестиции: Учебное пособие. М.: ООО «Книгодел», 2006.

6. World Investment Report 2009: Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. New York and Geneva, 2009.: http://www.unctad.org/en/docs/wir2009_en.pdf

7. World Investment Report 2011. Non-equity modes of international production and development. New York and Geneva, United Nations Conference On Trade And Development, 2011. <http://www.unctad-docs.org/files/UNCTAD-WIR2011-Full-en.pdf>

УДК 352.075.1

Вильямский В.С., Алексеенков А.А.

Объекты управления в муниципальных образованиях

В статье рассматривается состав объектов управления, формулируется цель социально-экономического развития муниципального образования, объясняются отличия понятий «муниципальное хозяйство» и «местное хозяйство», рассматриваются функции управления духовной деятельностью на уровне муниципальных образований.

Ключевые слова: социальная система, объект управления, муниципальное хозяйство, функции управления, социально-экономическое развитие, духовное развитие.

Процесс управления в муниципальных образованиях так же, как и в любой другой социальной системе, содержит две подсистемы – управляемую и управляющую, т.е. ту, которой управляют, и ту, которая управляет, при этом управляющая подсистема оказывает упорядочивающее воздействие на управляемую подсистему. В научной литературе их называют объектом и субъектом управления. Эти два понятия являются наиболее широкими, фундаментальными понятиями в теории управления. В то же время их содержание до конца не изучено и не имеет однозначного толкования.

Эффективное взаимодействие субъектов и объектов управления обеспечивается наличием научно обоснованных нормативных правовых документов, регламентирующих это взаимодействие. Здесь имеются в виду документы, устанавливающие цели, задачи, функции, организационные структуры, формы и методы деятельности, условия труда и т.д. К таким документам могут относиться Федеральные законы и законы субъектов Федерации, подзаконные акты, правовые акты органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, приказы и распоряжения руководителей предприятий и организаций и др. Все эти документы призваны обеспечить стабильную управленческую деятельность [1].

В качестве объектов управления социальных систем разными авторами рассматриваются:

- производственные коллективы, производственные фонды, системы совместного труда и организации производства;
- народное хозяйство, его отрасли и звенья;
- совокупность средств труда, предметов труда, технологических правил производства, система совместного труда, система экономических связей и отношений;
- живые организмы, машины, производственные, экономические, социально-политические, технические, информационные, физические, механические, биологические, химические и другие процессы;
- народное хозяйство, административно-политическая, социально-культурная и внешнеполитическая деятельность;
- различные области и сферы общественных отношений, социальные процессы;
- ступени иерархии систем народного хозяйства. Например, в подсистеме “промышленность”: народное хозяйство, промышленность, отрасль, подотрасль, предприятие, цех, участок, бригада;
- народное хозяйство, его отрасли, звенья, территории, производственные объединения, предприятия;
- труд, отдых, быт, учеба, духовная деятельность и др.;
- физические и юридические лица, социальные, социально-экономические системы и процессы;
- организации как совокупности людей и групп, объединённых для достижения какой-либо цели, решения той или иной задачи на основе определённых правил и процедур, разделения труда и обязанностей и т.д.

Авторы многочисленных учебников по муниципальному праву в качестве объекта управления в муниципальных образованиях перечисляют следующее:

- муниципальное хозяйство, социально-культурная сфера, обеспечение законности и правопорядка (Е. Шургина);
- хозяйственно-экономическая сфера, образование, здравоохранение, труд и занятость населения, социальная защита населения, социально-культурная и бытовая инфраструктура, физкультура и спорт, безопасность и оборона страны, обеспечение законности и правопорядка (учебник под редакцией А. Никитина);
- экономика и социально-культурное обслуживание населения, градостроительство, обеспечение законности и правопорядка, защиты прав и свобод граждан (В. Баранчиков);
- хозяйственно-экономическая сфера, образование, здравоохранение, труд и занятость населения, социальная защита населения, опека и попечительство, физкультура и спорт, безопасность и оборона страны, обеспечение законности и правопорядка (учебник под редакцией Н. Бондаря);
- планово-финансовая деятельность, муниципальная собственность, использование и охрана земель и других природных ресурсов, строительство, транспорт и связь, жилищная сфера, коммунальное, бытовое и торговое об-

служивание населения, образование и культура, охрана здоровья населения, социальная защита населения, охрана общественного порядка, противопожарная безопасность, гражданская оборона, воинский учет и призыв граждан на военную службу (О. Кутафин, В. Фадеев);

- муниципальная собственность, использование земли, других природных ресурсов и охрана природной среды, строительство, транспорт и связь, социально-культурное обслуживание, социальная защита населения, планирование, бюджет, финансы и учет, общественная безопасность, охрана прав и свобод граждан (Н. Постовой);

- жилищно-коммунальное хозяйство, социальная сфера, правоохранительная сфера, предпринимательство; природопользование и природоохрана; транспорт, строительство, связь (И. Данилина);

- социально-экономическое развитие, муниципальная собственность, финансы, бюджет, налоги, использование и охрана земель, недр и других природных ресурсов, строительство, транспорт, связь, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое и торговое обслуживание, социально-культурная область, общественная безопасность и правопорядок (Е. Ковешников) и др. [3].

Во многих исследованиях в качестве единственного объекта управления в муниципальных образованиях рассматривается местное хозяйство. Действительно, львиная доля рабочего времени муниципальных служащих тратится на решение хозяйственных вопросов, направленных на удовлетворение материальных потребностей людей.

В то же время социальная философия, кроме материальных потребностей, выделяет также и духовные (идеальные) потребности. При этом учитываются две категории общественных отношений – общественное бытие и общественное сознание.

Общественное бытие – это материальные условия жизни и материальные отношения людей друг к другу и к природе. Материальные условия жизни содержат такие составляющие, как материально-техническая база жизнедеятельности людей, географические и демографические условия жизни общества. Материальные отношения людей содержат производственные отношения, материальные стороны других общественных отношений и экологические отношения.

Общественное сознание – это система чувств, взглядов, идей, теорий, отражающих общественное бытие [3].

Именно эти два направления: материальное и духовное – составляют содержание объектов управления муниципальных образований.

Материальное как объект муниципального управления содержит две составляющих: муниципальное хозяйство и социально-экономическое развитие муниципального образования, включая социальную защиту населения.

Содержание понятия «муниципальное хозяйство» следует отличать от понятия «местное хозяйство». При определении состава местного хозяйства известный русский исследователь Л. Велихов рекомендовал учитывать преж-

де всего цель хозяйствующих субъектов. Если их целью является удовлетворение потребностей населения, проживающего на территории муниципального образования, то они должны быть включены в состав местного хозяйства. Содержание понятия «местное хозяйство», с учетом этих рекомендаций, можно определить как совокупность предприятий, учреждений и организаций, независимо от их форм собственности, осуществляющих хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей населения, проживающего на территории муниципального образования [4].

В составе местного хозяйства могут находиться объекты не только муниципальной, но и государственной и частной собственности, т.е. содержание понятия местного хозяйства шире, чем муниципальное хозяйство, так как оно включает в себя объекты государственной и частной собственности. Эти объекты хотя и не входят в состав муниципальной собственности, но также включены в сферу процесса муниципального управления. Законодатель достаточно полно установил формы и методы управления этими объектами со стороны муниципальных образований. Управление ими производится с помощью договоров и соглашений, направленных на объединение усилий всех хозяйствующих объектов, расположенных на территории муниципального образования, с целью наиболее полного удовлетворения потребностей населения. Органы местного самоуправления вправе координировать участие этих предприятий, учреждений и организаций в комплексном социально-экономическом развитии территории муниципального образования. В то же время они не вправе устанавливать ограничения хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций не находящихся в муниципальной собственности, за исключением случаев, предусмотренных законами Федерации и субъектов Федерации.

Что касается предприятий, учреждений и организаций, находящихся в муниципальной собственности, то муниципальные образования наделены правом определять цели, условия и порядок их деятельности, осуществлять регулирование цен и тарифов на их продукцию (услуги), утверждать их уставы, назначать и увольнять руководителей этих предприятий, учреждений и организаций, заслушивать отчеты об их деятельности. Отношения между органами местного самоуправления и руководителями предприятий, учреждений и организаций, находящихся в муниципальной собственности, строятся на контрактной основе в соответствии с трудовым законодательством.

В целом, с полным правом можно говорить о муниципальном управлении местным хозяйством на территории муниципального образования. При этом их управленческая деятельность включает такие функции, как координирование (касается всех предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности) и регулирование (касается только муниципальных предприятий), объединенные общей целью – удовлетворение потребностей населения. В качестве объектов управления местным хозяйством выступают объекты, находящиеся в муниципальной собственности (имущество, предназначенное для электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения; автомо-

бильные дороги общего пользования; жилищный фонд; пассажирский транспорт; имущество образовательных учреждений и здравоохранения и др.), объекты собственности субъектов Федерации, передаваемые в муниципальную собственность; сам процесс комплексного социально-экономического развития муниципального образования как система взаимно согласованных по срокам и ресурсам программ и проектов.

Цель социально-экономического развития муниципального образования можно формулировать как достижение устойчивого роста уровня удовлетворения материальных потребностей населения путем гармоничного развития производства товаров и услуг при сохранении необходимого уровня экологии территории.

Достижение цели социально-экономического развития территории возможно путём решения целого комплекса задач, среди которых важнейшими являются: развитие и рациональное использование местных ресурсов; повышение эффективности местного хозяйства; улучшение экологической обстановки; обеспечение занятости населения; предотвращение снижения реального уровня жизни населения.

Более детально эти вопросы раскрываются в статьях закона о местном самоуправлении, в которых перечисляются вопросы местного значения каждого из уровней муниципальных образований.

Социально-экономическое развитие муниципального образования содержит также следующие направления деятельности, направленные на социальную защиту населения:

- обеспечение занятости трудоспособного населения;
- защита малообеспеченных слоев населения и нетрудоспособных (оказание материальной помощи, первоочередное предоставление земельных участков для садоводства и огородничества, снабжение детских оздоровительных учреждений всем необходимым, помощь многодетным семьям, предоставление бесплатного питания и одежды, обеспечение питанием воспитанников детских дошкольных учреждений и др.);
- предотвращение снижения реального уровня жизни населения (возмещение потерь от роста цен и инфляции, увеличение текущих денежных доходов за счет местного бюджета, обеспечение приоритетов при покупке имущества и акций, защита денежных сбережений граждан и др.).

Духовная потребность человека означает потребность в нравственном совершенствовании, в удовлетворении чувства прекрасного, в сущностном познании окружающего мира. Духовное определяет все остальные сферы жизни общества – экономическую, политическую и социальную.

Управление духовными процессами на уровне муниципальных образований включает в себя управление системами образования, культуры, искусства, массовой информации и религии, в части, отнесенной действующим законодательством к компетенции местного самоуправления. Эти направления можно рассматривать в качестве основы общегосударственной деятельности в области духовного развития человека, учитывая первостепенное зна-

чение именно местного творчества, учитывающего исторические и иные местные традиции.

Общеобразовательная функция местного самоуправления заключается в обеспечении реализации права граждан на получение обязательного основного общего образования. С этой целью муниципальные образования обеспечивают организацию, содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования.

В области культуры и искусства в поле зрения муниципальных образований находятся:

- создание условий для деятельности учреждений культуры;
- сохранение памятников истории и культуры, находящихся в муниципальной собственности;
- создание условий для организации зрелищных мероприятий;
- создание условий для развития физической культуры и спорта и др.

Следующей составляющей духовной деятельности как объекта муниципального управления являются средства массовой информации (СМИ) (периодические печатные издания; радио-, теле-, видеопрограммы; кинохроникальные программы и иные формы периодического распространения массовой информации). Средства массовой информации на местном уровне призваны распространять социально значимую информацию, поступающую от органов местного самоуправления, жителей, других лиц и органов для формирования общественного мнения о самоуправленческом процессе на территории. Создание условий для деятельности средств массовой информации является одной из задач органов местного самоуправления. Исследования социологов показывают, что влияние местной прессы на общественность значительно превосходит влияние центральных газет.

Духовному воспитанию человека во многом способствует также культура и искусство. Объектами управления муниципальных образований в этой части являются:

- художественные народные промыслы и ремесла;
- самодеятельное (любительское) художественное творчество;
- художественное образование;
- производство материалов, оборудования и других средств, необходимых для сохранения, создания, распространения и освоения культурных ценностей.
- сценическое, пластическое, музыкальное искусство, архитектура и дизайн, фотоискусство, другие виды и жанры искусства;
- муниципальные музеи;
- организация библиотечного обслуживания;
- организация досуга населения;

Решающее значение для духовного развития человека имеет религия, проповедующая любовь к человеку, готовность спасти человека, уничтожение эксплуатации, борьбу против социальных несправедливостей.

Управление религиозной деятельностью на территории муниципального образования строится с учетом конституционных положений об отделении религиозных объединений от государства и равенства их перед законом. Органы местного самоуправления тесно взаимодействуют с религиозными объединениями в следующих направлениях:

- принимают решения об удостоверении начала деятельности на их территории религиозных групп;
- выдают религиозным группам документы, подтверждающие их существование на соответствующей территории;
- совместно с государственными органами решают вопросы возвращения религиозным объединениям ранее принадлежащего им имущества;
- оказывают материальную помощь в реставрации и содержании зданий и предметов, являющихся религиозными памятниками;
- совместно с религиозными объединениями организуют проведение духовно-культурных мероприятий, массовых просветительских и благотворительных акций;
- обмениваются с религиозными объединениями социально значимой информацией.

Научное обоснование полного перечня объектов управления муниципальных образований позволит установить сферы деятельности и ответственности государства и местного самоуправления, послужит надежным ориентиром для членов местных сообществ при решении исконно русских вопросов: «что делать?», «кто виноват?», «к кому обращаться» и «что нам за это будет?», а также будет способствовать более правильному определению численности муниципальных служащих.

Литература

1. Марков М. Теория социального управления. М.: Прогресс, 1978.
2. Вильямский В.С. Основы организации деятельности социальных систем (на примере муниципальных образований). Ростов н/Д.: Феникс, 2006.
3. Крапивенский С.Э. Социальная философия. М.: ВЛАДОС, 2004.
4. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М., - Л.: Госиздат, 1928.

УДК 35.336.711.65

Коваленко Н. Н.

Деятельность центробанков в контексте интеграционных процессов

В статье исследованы проблемы современной деятельности Национального банка Украины, Центрального банка России и Европейского центрального банка.

Ключевые слова: центральный банк, правительство, эмиссия, международные резервы, валютное правление, интеграция.

Изменение объема денежной массы и темпов ее прироста влияет на важные экономические показатели, что отражается на достижении главных целей развития национальной экономики. Высокий уровень занятости населения, стабильность цен, социально-экономический рост, сбалансированность платежного баланса – всё это прямо или косвенно связано с изменениями совокупного предложения денег и темпов прироста денежной массы. Поэтому, оптимальные объемы денежной массы и темпы её прироста определяются как показатели, которые могут способствовать достижению этих целей. Стремясь снизить инфляцию, Национальный банк Украины (НБУ) постоянно недооценивает целевой уровень прироста денежной массы, занижая его величину в полтора-два раза относительно реального спроса на деньги. Эта системная ошибка влечет недомонетизацию украинской экономики, что приводит к искусственному сдерживанию инвестиционной активности и замедлению социально-экономического роста Украины. Отсутствие достаточности денег для экономики может спровоцировать новый виток экономического спада. Деньги можно зарабатывать только там, где они есть, и тогда к ним направляются человеческие, товарные и сырьевые потоки.

В ежегодном послании Президента Украины В.Ф. Януковича в Верховную Раду Украины в 2012 г. отмечается, что стабилизация денежно-кредитной сферы требует усовершенствования структуры эмиссионного механизма в направлении усиления стимулирующей роли канала рефинансирования и недопущения монетизации дефицита бюджета. Отмечается, что необходимо повышать уровень монетизации и насыщения экономики кредитами для удовлетворения денежного спроса со стороны реального сектора экономики. Это должно сопровождаться обеспечением валютной стабильности на основе отказа от использования искусственной привязки гривны к доллару США как антиинфляционного мероприятия и перехода к формированию гибкой динамики валютного курса в пределах валютного коридора [1, с. 59-60]. Такова принципиальная позиция первого лица государственной власти страны что требует от ученых и специалистов-практиков проведения более глу-

боких исследований проблем эмиссии гривны, установления валютного курса и т.п.

В условиях активизации интеграционных процессов, происходящих в мире, когда под лидерством той или иной страны или группы стран получают свое развитие различные союзы, содружества и разного рода образования, для Украины как никогда становится актуальным вопрос осуществления наиболее оптимального решения относительно своего участия в том или ином проекте по объединению государств. В основе принятия такого решения лежит, прежде всего, обретение для украинского общества возможности достичь конкретных целей, связанных с социально-экономическим и духовно-нравственным возрождением страны, способности противостоять набирающим силу негативным вызовам глобализации.

Из всех вариантов интеграции на условиях сохранения максимального уровня независимости обсуждаются в основном два – сближение с уже действующим Европейским союзом (ЕС) и присоединение к реализации проекта по образованию Евразийского союза (ЕАС). Нам бы хотелось рассмотреть этот вопрос через призму решения проблем, связанных с деятельностью центробанков, в том числе Европейского центрального банка (ЕЦБ), Центрального банка России (ЦБР) и НБУ.

Основной задачей любого центрального банка является поддержание стабильности (устойчивой покупательной способности) эмитируемых им денег. Для достижения этого функционирует определенный монетарный механизм – процесс таргетирования (от англ. target – цель), который позволяет осуществлять прогнозирование, контроль динамики и регулирования выбранного и законодательно установленного целевого показателя.

В настоящее время в мировой практике существует несколько режимов денежно-кредитного устройства, которые можно классифицировать на внутренние – монетарное таргетирование, таргетирование валютного курса, таргетирование инфляции, а также внешние – долларизация экономики, режим валютного правления (currency board), привязка валютного курса (pegged exchange rate) к одной валюте (или даже к корзине валют). Спецификой внешних режимов таргетирования является предоставление права устанавливать целевые ориентиры и принимать меры к их достижению центральному банку другой страны или наднациональному органу (например, Международному валютному фонду МВФ).

Причинами инфляции могут быть, как причины эмиссионного, так и неэмиссионного характера. К причинам эмиссионного характера относят эмиссию наличных (центральный банк) и эмиссию безналичных денег (центральный банк и коммерческие банки). Причем способность коммерческих банков создавать новые кредитные деньги регулируется центральным банком путем установления норм обязательного резервирования и уровня учетной ставки, проведения рефинансирования. В то же время коммерческие банки, в зависимости от состояния экономики и существующих для них рисков, могут

не использовать предоставленный им кредитный потенциал, кредитуя при этом только очень надежных и кредитоспособных клиентов.

Как раз причины неэмиссионного характера зачастую являются толчком для роста инфляции, к которым впоследствии может присоединиться излишняя эмиссия наличных денег. Среди причин неэмиссионного характера в современных экономических условиях можно выделить следующие: наличие структурных перекосов в сфере производства и обращения, приоритет властных государственных структур в достижении временных политических целей, несбалансированность спроса и предложения на денежном рынке, замедление скорости движения денежных средств, недостаточность внутреннего производства, слабость государственного финансового и таможенного контроля, колебание цен на внешних рынках, нарушение существующих хозяйствующих связей.

Неправильная стратегия Европейского центрального банка, который занимался больше искусственным удержанием евро, а не его подкреплением через экономический рост в регионе, а также проведением не подкрепленной реальными активами эмиссии евро – все это негативно отражается на экономике Евросоюза, на стабильности евро и в дальнейшем усугубляет и продлевает кризис экономики ЕС. Четырнадцатилетняя практика функционирования ЕЦБ как главного наднационального органа, которому была поставлена задача конвергенции экономик стран-участниц ЕС с целью создания единой экономики Европейского союза, засвидетельствовала невозможность реализации данной задачи без образования общего правительства и его активного участия в деятельности ЕЦБ. Именно в условиях как прямого, так и косвенного участия ЕЦБ в европейских интеграционных процессах многие страны Евросоюза уже сейчас готовы отказаться от своих суверенных правительств в пользу единого Европейского правительства.

На законодательном уровне для ЕЦБ предусмотрено таргетирование инфляции на уровне до 2,0 %, но не более. Однако для достижения стабильности Европейской валюты усилий одного лишь ЕЦБ явно недостаточно. Многолетний опыт функционирования ЕС подтвердил необходимость проведения общей, наднациональной политики не только в разрезе денежно-кредитной, но и фискальной (бюджетной и налоговой). Так, общеевропейское банковское регулирование, проводимое ЕЦБ, оказалось в тупике, даже несмотря на полное соответствие условий его деятельности с современными научными концепциями, и в первую очередь, теми, которые ратуют за абсолютно независимую деятельность центрального банка от остальных органов управления. В этом случае ЕЦБ является более чем независимым в силу отсутствия Правительства ЕС как такового. От остальных наднациональных европейских органов власти ЕЦБ является полностью независимым.

Конечно, при выборе того или иного режима таргетирования инфляции требуется прежде всего определение основных целевых показателей, которыми могут быть, например, денежная масса "узкая", денежная масса "широкая", индекс потребительских цен и др. Этот выбор может предполагать не-

совпадение интересов правительства и центрального банка в установлении тех или иных целевых показателей инфляции. Мировой опыт свидетельствует о наличии разных подходов регламентации показателей инфляции в зависимости от того, кто их устанавливает и контролирует: правительство (Бразилия, Великобритания, Израиль, Китай, Норвегия), центральный банк (Колумбия, Мексика, Таиланд), правительство совместно с центральным банком (Австралия, Венгрия, Канада, Новая Зеландия, Южная Корея) [2, с. 237].

Наименее эффективной для социально-экономического развития страны является такая форма, при которой правительство не может принимать активного участия в решениях центробанка. Экономика таких стран обречена. В Украине и России на данный момент времени отсутствует банковское регулирование, основанное на осуществлении внутреннего таргетирования инфляции и реальном, плодотворном взаимодействии правительства и центробанка.

Так, за период 1999–2011 гг. денежная база в Украине выросла в 20 раз. За это же время величина золотовалютных резервов НБУ выросла в 29 раз. С 2005 г. наблюдается резкое наращивание величины золотовалютных резервов, что стало основным каналом эмиссии денежной массы в Украине. Сравнение значений условного курса, рассчитанного нами как отношение денежной базы к объему официальных золотовалютных резервов НБУ, и официального курса гривны к доллару США выявило, что за период 1999–2003 гг. он превышал официальный курс гривны НБУ. А это свидетельствует об отсутствии жесткой привязки размера золотовалютных резервов НБУ к формированию валютного курса. После резкого сокращения денежной базы при одновременном росте размера золотовалютных резервов в 2004 г., начиная с 2005 г., имеет место целенаправленный рост золотовалютных резервов под увеличение денежной базы. При этом НБУ придерживается правила о непревышении условного курса официального валютного курса (см. табл. 1) и занижения условного курса по отношению к официальному курсу гривны к доллару США, среднее значение которого за 2005–2011 гг. равнялось 0,84. Это объясняется желанием НБУ иметь определенную степень свободы для поддержания валютного курса при резком росте спроса на валюту на рынке, как это происходило в конце 2011 г., когда за четыре месяца международные резервы страны уменьшились с 38,2 до 31,8 млрд дол. США.

Таблица 1

Зависимость валютного курса в 2001–2011 гг.
от формирования золотовалютных резервов НБУ*

Год	Денежная база, млн грн.	Золотовалютные резервы млн дол. США	Условный курс (отношение денежной базы к золотовалютным резервам)	Официальный курс гривны к доллару США, грн. за дол. США	Отношение условного курса к официальному курсу гривны к дол. США
1999	11988	1094	10,9580	5,2163	2,10
2000	16760	1475	11,3627	5,0289	2,26
2001	23005	3090	7,4450	4,8136	1,55
2002	30808	4417	6,9749	5,0301	1,39

2003	40089	6937	5,7790	5,3327	1,08
2004	33783	9525	3,5468	5,3192	0,67
2005	82760	19391	4,2680	5,1247	0,83
2006	97214	22358	4,3481	5,05	0,86
2007	141901	32479	4,3690	5,05	0,87
2008	186671	31543	5,9180	7,7	0,77
2009	194965	26505	7,3558	7,985	0,92
2010	225692	34576	6,5274	7,9617	0,82
2011	239885	31795	7,5447	7,9898	0,94

* Источник: официальный сайт НБУ.

Таким образом, начиная с 2005 г., в Украине действует режим валютного правления. Режим эмиссии гривны обеспечивается НБУ только в объеме, равном увеличению золотовалютных резервов. Следовательно, не объем внутреннего рынка, а только объем экспорта (т.е. реализация товаров, услуг и трудовых ресурсов на мировом рынке, как правило, за доллар) и возможное увеличение внешней задолженности, что обеспечивает рост золотовалютных резервов НБУ, санкционирует эмиссию в размере, который эквивалентен росту размера золотовалютных резервов. Схематическое изображение функционирования валютного правления показано на рисунке.

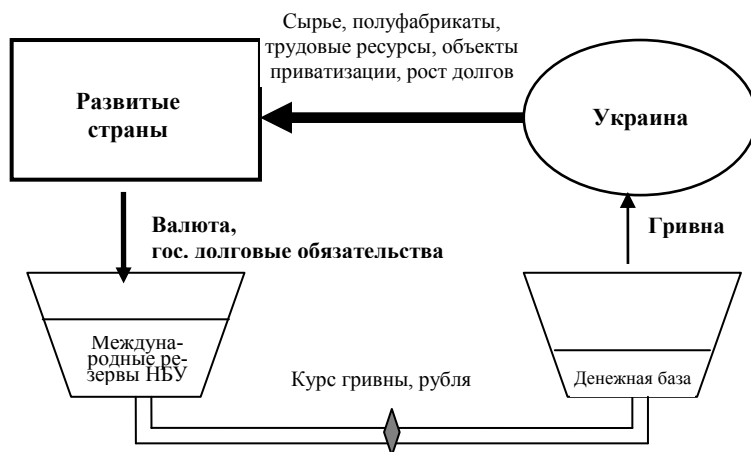

Рис. Схема реализации валютного правления

В результате действия режима валютного правления страна фактически уже заплатила так называемую ордынщину в размере почти 34 млрд дол. (см. табл. 2), а в среднем за год эта плата составила около 5 млрд дол. США, что в три раза меньше чем Украина тратит на оборону, в четыре раза меньше расходов на здравоохранение, в 13 раз меньше затрат на духовное и физическое развитие или расходов на охрану окружающей среды.

Таблица 2

Расчет прямых потерь Украины от режима валютного правления

Год	Абсолютный прирост денежной базы, млн грн.	Официальный курс гривны к доллару США, грн. за дол. США	Ордынщина, млн дол. США
2005	48977	5,1247	9557
2006	14454	5,05	2862
2007	44687	5,05	8849
2008	44770	7,7	5814
2009	8294	7,985	1039
2010	30727	7,9617	3859
2011	14193	7,9898	1776
Всего	206102	x	33757

Аналогичная ситуация имеет место и в Российской Федерации, о чем свидетельствует Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации» № 130800-6, внесенного на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации группой депутатов в августе 2012 г. [3].

Таким образом, НБУ, как и ЦБР, использует такой внешний тип таргетирования инфляции, как система валютного правления. Данный режим зародился в XIX в. с целью более эффективной экономической эксплуатации колониальных стран такой метрополией, как Великобритания. Согласно классификации МВФ режимов валютных курсов от 2009 г. [4], валютное правление относится к режимам фиксированной привязки и характеризуется ограничениями на эмиссию национальной валюты, объем которой полностью или частично привязывают к золотовалютным резервам страны. В условиях действия данного режима возможности осуществлять самостоятельную дискреционную политику для центральных банков, политика которых ориентируются в большей степени на решения МВФ, жестко ограничены. МВФ официально, как правило, не признает использование валютного правления центральными банками многих стран, хотя на самом деле фактически они придерживаются его норм.

Фактически НБУ и ЦБР отказались от своих так называемых дискреционных прав, прежде всего прав, которые касаются регулирования размера денег в экономике [5]. Денежно-кредитная политика, в таком случае, становится полностью пассивной, она перестает быть политикой в подлинном смысле слова. НБУ и ЦБР просто обменивает национальную валюту на иностранную валюту – “якорь” и наоборот.

При данном механизме страна формально сохраняет свою денежную единицу, центральный банк как эмиссионный центр (хотя он фактически выполняет функцию только лишь обменного пункта) и возможность получать эмиссионный доход (seigniorage) от размещения валютных резервов на международных рынках (этого нет при замене национальной валюты иностранной валютой). Однако соответствие между денежной массой и потребностями экономики не может быть выдержано. Для этого не существует даже сдерживающего инструмента. Так 8-я статья устава МВФ запрещает ограничение текущих операций внешнего платежного баланса [0]. В таких условиях структура государственного управления не может оказывать полноценного, полного влияния на развитие экономики.

Согласно недавним исследованиям ученых [0, 8, 9], режимы фиксированной привязки обменного курса, в том числе и валютное правление, позволяют лишь в краткосрочном периоде достичь непродолжительной стабилизации состояния внутреннего финансового рынка, но в среднесрочной перспективе их центральные банки не в состоянии эффективно влиять на инфляцию, экономический рост и занятость. Кроме этого, для стран, центральные банки которых используют режим валютного правления, характерны более длительные валютные и финансовые кризисы, а также затяжные процессы посткризисного социально-экономического восстановления.

Одним из важных факторов, который определяет успех в межгосударственной конкуренции, является так называемая доброкачественность денег. Существенным признаком, обуславливающим степень такой доброкачественности, является первичность и вторичность денег. Преимущество имеют страны, которые дотируют свои экономики дешевыми, первичными деньгами. Попытка конкурировать с такими странами с помощью вторичных денег бессмысленна и опасна, поскольку обрекает страны, осуществляющие такую попытку, на поражение от экономической неполноценности. При всех прочих равных условиях экономики таких стран становятся неконкурентоспособными (а впоследствии и сами страны).

Первостепенными мерами восстановления украинской и российской экономики должна быть системная, масштабная поддержка дешевыми и долгосрочными деньгами приоритетных отраслей экономики, инновационных проектов, что должно обеспечиваться лишь первичными деньгами. Чем ниже «себестоимость» денег, тем выше конкурентоспособность национальных экономик и, соответственно, самих государств. В условиях вливания в экономику денег, созданных на основе режима валютного правления, когда чем больше образуется денежной массы, тем более ордынщины в форме эмиссионного дохода приходится платить конкурентам, системное оказание помощи становится не только бессмысленным, но и самоубийственным.

В условиях финансовых кризисов Украине предлагается тратить на борьбу с ними свои золотовалютные резервы, в результате чего валюта успешно абсорбируется своими эмитентами. В случае, когда в стране резервы для борьбы с кризисом начинают истощаться, как, например, это было в

2008-2009 гг. в Украине, то ей предлагается пополнять свои резервы за счет роста внешней задолженности. Таким способом страна оказывается в долгах как в шелках. В конечном итоге может наступить момент истины, когда в новой денежной «помощи» стране отказывают и предлагают ей рассчитываться своими реальными богатствами. Наглядным примером для нас является опыт таких стран, как Аргентина, Греция и т.п. Так, Греции в качестве расчетов по долгам предлагается расплачиваться своей территорией (острова), государственными предприятиями, портами, автомагистралями, привлекательными объектами социальной инфраструктуры.

Ограничивая эмиссию гривны, НБУ создает элементарный дефицит национальных денег. В результате экономика Украины, как губка, впитывает избыточную евродолларовую массу, таким образом покорно утилизируя инфляцию США и ЕС. Кроме этого, в Украине сложилась ситуация, когда становится непомерно большой стоимость кредитов, что приводит к «обескровливанию» производства, росту себестоимости продукции, а соответственно и цен.

НБУ, как и ЦБР, не имеет достаточных связей с целостной структурой государственного управления, что в конечном итоге значительно снижает эффективность деятельности Правительств Украины и Российской Федерации. Без подобной целостности реализация различных стратегических программ по инновационно-инвестиционному развитию экономики, какие существуют как в Украине, так и в России, не представляется возможной.

А поэтому всякие инициативы России по созданию Евразийского союза не выглядят убедительными по той простой причине, что вследствие отсутствия прямого влияния на осуществление собственной денежно-кредитной политики в интересах социально-экономического развития сама Российская Федерация не является полностью суверенной. Кроме этого, обязательным должно быть наличие и такого нерыночного фактора, как национальная идея, вокруг которой могло бы объединиться население не только страны-генератора, но и стран, близких по своему духу, историческому прошлому. Непререкаемыми при этом должны быть честность и талант лидеров. Может быть поэтому проект ЕАС и не находит своей поддержки у народа Украины.

В то же самое время процесс интеграции Украины в ЕС больше напоминает не радиальное направление к центру окружности, а скорее хождение по кругу, не достижение конкретной цели, а реализацию какого-то сомнительного проекта. И это, по всей видимости, устраивает как Украину, так и сам Европейский союз.

Украина в настоящее время оказалась на далекой периферии глобализационных процессов. А это может означать незавидную участь для ее экономики – исключительная роль поставщика сырья, технологическая отсталость, наращивание государственной внешней задолженности, рост бедности населения, социальный упадок. Именно такие тенденции мы вынуждены наблюдать сейчас. Опорой развертывания таких процессов выступает «гривневый голод» – острая нехватка гривны и ее дороговизна. В то время, когда

развитые страны мира стараются поддержать объемы производства обилием дешевых и долгосрочных денег, в Украине наблюдаются совершенно противоположные действия – ограничение денежного вливания в экономику, оправдываемое борьбой с инфляцией.

К сожалению, подобная ситуация характерна и для России. Успех каждой из наших стран в борьбе за обретение экономического суверенитета, главным элементом которого является осуществление полноценного государственного контроля над деятельностью НБУ и ЦБР, может явиться отправной точкой для создания привлекательной социально-экономической модели развития общества, основанной на единых духовно-нравственных традициях наших братских народов. Функционирование данной модели станет неоспоримым аргументом для ускорения интеграции Украинского и Российского государств.

Литература

1. Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2012 році : Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України [Текст] / Національний інститут стратегічних досліджень. – К. : НІСД, 2012. – 256 с.
2. Рябина Л.Н. Проблемы развития теории современных денег : монография [Текст] / Л.Н. Рябина. – К.: УБС НБУ, 2009. – 383 с.
3. Законопроект № 130800-6 О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в части ограничения независимости Банка России при осуществлении своих функций за счет расширения полномочий Правительства Российской Федерации) [Электронный ресурс] : Официальный сайт Государственной Думы. – Режим доступа : <http://www.duma.gov.ru/search/#?q>.
4. Андрюшин С., Кузнецова В. Курсовая политика центральных банков стран с формирующимся рынком [Электронный ресурс] : Экономический портал-экономика России и мировая экономика. – Режим доступа : <http://institutiones.com/general/2044-kurovaya-politika-centralnyx-bankov-stran-s-formiruyuschimsya-rynkom.html>.
5. Львин Б. О некоторых вопросах банковской и денежной системы [Электронный ресурс] : Институт свободы. Московский либертариум. – Режим доступа : http://www.libertarium.ru/l_pt_bankmyth.
6. Статьи соглашения международного валютного фонда [Электронный ресурс] : Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (Устав). – Режим доступа : <http://www.economics.kiev.ua/?id=351&view=article>.
7. Combes J.-L., Kinda T., Plane P. Capital Flows, Exchange Rate Flexibility, and the Real Exchange Rate [Text] / J.-L.Combes, T. Kinda, P. Plane // IMF Working Paper. 2011. No 9.
8. Ghosh A.R., Ostry J. D. Choosing an Exchange Rate Regime: A New Look at an Old Question: Should Countries Fix, Float, or Choose Something in between? [Text] / A.R. Ghosh, J. D. Ostry // Finance & Development. 2009. Dec. P. 38-40.
9. Tsangarides Ch. Crisis and Recovery: Role of the Exchange Rate Regime in Emerging Market Countries [Text] / Ch. Tsangarides // IMF Working Paper. 2010. No 242.

Государственное управление посткризисным экономическим ростом России

В статье предлагается переосмысление целевой функции государственного управления экономическим ростом. В качестве приоритетных направлений выделены микроэлектроника и станкостроение, предложены меры их государственной поддержки.

Ключевые слова: государственное управление, целевая функция управления, экономический рост, инновации.

Быстро го рывка российской экономики в процессе преодоления последствий кризиса и восстановления не получилось. Во многом это обусловлено текущим развитием мирового хозяйства, в котором Россия занимает ныне отнюдь не ведущие позиции. В 2011 г. рост мировой экономики не был стабильным. В еврозоне начался долговой кризис, а в США возникли проблемы с лимитом государственного долга. Темп роста ВВП ЕС в 2010 г. достиг 1,8% и в 2011 г. не изменился. В США прирост ВВП снизился с 3% в 2010 г. до 1,7% в 2011 г. Причем в развитых странах стагнировал как инвестиционный спрос, так и потребительский. Оборот мировой торговли в 2011 г. вырос на 6,6% против 12,4 в 2010 г.[4], а в 2012 г. рост замедлился до 5,2 %.

Для российской экономики – все еще экспортно-ориентированной и сырьевой – сложившаяся внешнеэкономическая ситуация не способствует динамичному развитию. Темпы роста ВВП в 2010-2011 гг. зафиксировались на уровне 4,3%, а в среднесрочной перспективе прогнозируются понижательные тенденции [3]. По оценке Минэкономразвития РФ в 2012 г. темпы роста ВВП снизились до 3,4%, а в 2013 г. должны достигнуть 3,8% [5, с. 3]. Согласно прогнозам без включения новых факторов роста российская экономика до 2014 г. не сможет выйти на высокие темпы, сохраняя в лучшем случае умеренную поступательную динамику.

При таких темпах экономического роста невозможно обеспечить решение задач, стоящих перед страной: модернизацию промышленного производства, преодоление инфраструктурной недостаточности, реформирование социальных институтов, повышение производительности труда, структурную перестройку. Снижающиеся темпы роста приближают к стагнации, при которой экономическая политика сводится к разрешению противоречий между социальной стабилизацией за счет перенапряжения бюджета и бюджетной стабилизацией за счет сжатия государственных расходов, девальвацией ради спасения платежного баланса и стабилизацией рубля ради борьбы с инфляцией. Такое положение приводит к неустойчивости экономики, снижению инвестиционной мотивации, оттоку капитала и продолжающейся структурной деградации хозяйства. И такие тенденции уже наблюдаются.

Хотя отчетные данные говорят о восстановлении экономики, стратегический прорыв к новому качеству роста и структурная перестройка отсутст-

вуют. Не оправдались надежды на быстрый рост в связи с увеличением экспорта. Если в период динамичного роста в начале 2000-х гг. доля влияния экспорта на рост промышленного производства составляла около 70%, а в период преодоления кризиса в 2009 г. – 90,8%, то в посткризисный период влияние снизилось в разы, до 35,4%. При выходе из кризиса в 2009-2010 гг. расширение экономической активности в экспортном секторе привело к возможности увеличения заказов на продукцию остальной экономики и создало предпосылки к общему оживлению. Тем не менее восстановленная динамика экспорта в 2011-2012 гг. не стала фактором роста внутреннего производства.

По сути проявляется новая особенность, которую следует подчеркнуть: в нынешней ситуации высокие цены на нефть и экспортные доходы уже не означают высоких темпов расширения экономики. Хотя в 2011 г. средняя цена на нефть продолжала зашкаливать – 109,3 долл./барр., а доходы государства росли, для развития промышленного производства этого оказалось недостаточно.

Ослабление влияния экспорта на промышленный рост вызвано тем, что, несмотря на рост ликвидности, предприятия не готовы расширять вложения в основной капитал по ряду причин, в том числе, например, из-за высокого уровня неопределенности. Фактор неопределенности даже при достаточной ликвидности играет отрицательную роль, отклоняя денежные потоки в финансовую сферу вместо производственной. Это отмечал еще Дж.М. Кейнс, ставя проблему соотношения между долгосрочными и краткосрочными подходами.

Кроме того не решена задача увеличения совокупного накопления. Так, для своевременного обновления основных фондов доля валового накопления в ВВП должна составлять 26-28%. Но по итогам 2011 г. показатель составил 22%, не достигнув докризисного уровня 2008 г. – 22,3% [2, с. 13].

Ухудшилась структура финансирования инвестиций. Доступ к внутренним инвестиционным ресурсам имеет прежде всего небольшое число высокодоходных сырьевых компаний. Например, доля Газпрома в суммарных инвестициях крупных и средних компаний выросла в 1,5 раза – с 12-13 в 2007-2008 гг. до 18% в 2009-2011 гг.

Таким образом посткризисного роста в России не наблюдается. Поэтому в долгосрочной перспективе перед Россией стоит задача вначале обеспечить высокие темпы восстановительного роста, затем перейти на стадию качественного экономического развития с более низкими темпами роста, а уже после этого добиться выхода на стадию инновационного развития с темпами роста, близкими к нулевым.

В этой связи возникает необходимость определения скорректированной целевой функции государственного управления посткризисным ростом и переходом к его инновационному типу посредством оптимизации целей государственного управления по агрегированным показателям, определяющим вектор роста.

С. Сулакшиным была предложена модель сложной социальной системы

в следующем виде [6, с. 59]:

$$\begin{Bmatrix} y_1 \\ y_2 \\ \dots \\ y_n \end{Bmatrix} = F \begin{Bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ \dots \\ x_n \end{Bmatrix}$$

На наш взгляд целесообразно адаптировать эту модель к управлению посткризисным экономическим ростом. Тогда целевая функция государственного управления экономическим ростом может быть представлена следующим образом:

$$Y = F(x_1; x_2; x_3; \dots; x_n), \text{ где} \quad (1)$$

Y – целевая установка;

$(x_1; x_2; x_3; \dots; x_n)$ – вектор направлений управленческого воздействия.

В качестве вектора направлений управленческого воздействия может быть использован интегральный индекс экономического роста, учитывающий совокупность количественных и качественных показателей, которая представляет результирующий эффект от управленческого воздействия. Его можно рассчитывать как среднеарифметическую величину двух частных индексов,

$$\text{т.е.: } I_{ЭР} = \frac{I_K + I_{КАЧ}}{2}.$$

I_K – частный индекс количественных темпов экономического роста:

$$I_K = \frac{Y_\phi - Y_{\min}}{Y_{\max} - Y_{\min}},$$

где Y_ϕ – фактическое значение ВВП на душу населения за период;

Y_{\min} , Y_{\max} – минимальное и максимальное значения ВВП на душу населения за период.

$I_{КАЧ}$ – частный индекс качества экономического роста может быть построен путем модернизации ИРЧП (индексов грамотности, душевого потребления, продолжительности жизни). Предполагается рассматривать его как агрегат совокупности следующих подиндексов, что позволит более полно отражать уровень качества экономического роста:

– подиндекс грамотности (i_G);

– подиндекс продолжительности жизни ($i_{ПЖ}$);

– подиндекс качества институтов ($i_{КИ}$). Важным показателем качества роста является эффективность формальных институтов, которая обеспечивает экономическую прозрачность и стабильность в стране. Эффективность формальных институтов можно оценить удельным весом теневой экономики в стране, т.е. отношением количества экономических субъектов, неудовлетворенных качеством формальных институтов и предпочитающих работать «в тени», к общему количе-

ству экономических субъектов. Альтернативным показателем может служить уровень коррупции;

– подиндекс экологичности экономического роста ($i_{\text{э}}$). Еще одним значимым показателем качества экономического роста в настоящее время становится забота о будущих поколениях, которую можно измерить бережливостью использования невозпроизводимых природных ресурсов и ростом воспроизводимых, состоянием и тенденциями изменения экологии;

– подиндекс качества жизни людей ($i_{\text{КЖ}}$). Необходимо учесть хотя бы основные показатели, отражающие качество жизни людей. Это может быть доля взрослого населения, занятого творческим трудом (в %); удельный вес граждан, удовлетворенных жизнью и работой;

– подиндекс социальности экономического роста ($i_{\text{с}}$). В нем следует оценить и нравственное состояние общества, например, через удельный вес граждан, не совершавших преступлений (несудимых), долю обеспеченных по международным нормам жильем.

Агрегированный индекс предлагаемых подиндексов можно считать частным индексом качества экономического роста. Его возможно рассчитывать как средневзвешенную величину с учетом коэффициента приоритетности (α_j) каж-

дого из включенных в него подиндексов:

$$I_{\text{КАЧ}} = \frac{\alpha_1 i_{\text{КИ}} + \alpha_2 i_{\text{Г}} + \alpha_3 i_{\text{ПЖ}} + \alpha_4 i_{\text{э}} + \alpha_5 i_{\text{КЖ}} + \alpha_6 i_{\text{с}}}{\sum_{j=1}^n \alpha_j}.$$

Целевая функция (1) представляет собой зависимость, имеющую максимум целевой установки, достигаемый при определенном значении параметров вектора управленческого воздействия (или интегрального индекса экономического роста) (рис 1).

Для российской экономики приоритетными направлениями, способными инициировать посткризисный рост вследствие эффективного государственного управленческого воздействия, могут стать микроэлектроника и станкостроение.

Преодоление технологического отставания в такой крупной стране как Россия невозможно без развития отечественной микроэлектроники. О технологическом уровне отечественной микроэлектроники свидетельствуют следующие данные: объем продаж элементов микроэлектронной компонентной базы и полупроводниковых приборов на внутреннем рынке в 2006 г. составлял 630 млн. долл., в том числе отечественной микроэлектроники - 40 млн. долл., импортной - 590 млн. долл. [1, с. 10].

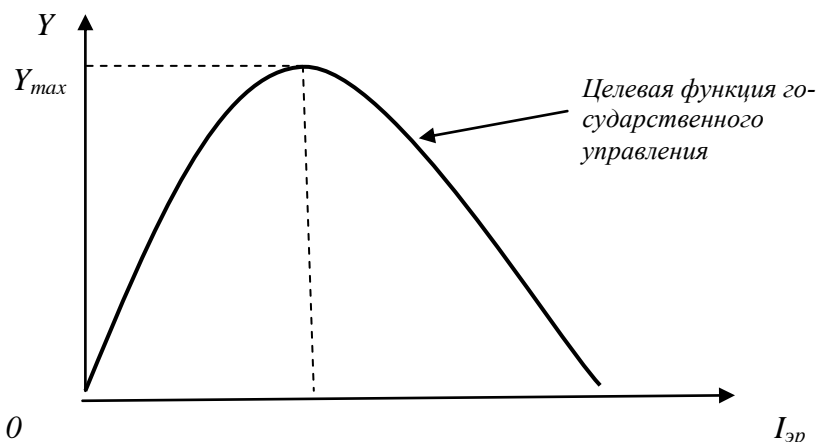

Рис. 1. Целевая функция государственного управления экономическим ростом

В эти цифры не входят объемы продаж готовых изделий электроники на российском рынке, где только импортной бытовой электроники реализуется на сумму более 10 млрд. долл. в год.

Российская электронная промышленность сократилась в несколько раз, но часть производств выжила, благодаря выпуску на экспортные рынки дешевой среднетехнологичной продукции. В частности, организовано массовое производство электронной компонентной базы для конечной продукции бытового назначения: микрокалькуляторов, часов, электронных игр, радиотелевизионной аппаратуры низкого и среднего качества и т.д.

Для преодоления технологического отставания отечественной микроэлектроники необходимы масштабные целевые капиталовложения в НИОКР и новые производственные линии, требуются программы по подготовке кадров и т.д. Средства для таких масштабных инвестиций можно получить за счет привлечения крупных заказов на низко- и среднетехнологичную продукцию гражданского назначения, масштабных государственных оборонных заказов, целевых бюджетных программ. По примеру Китая и Японии необходимо расширить бюджетное финансирование проектов, не требующих выполнения большого объема НИОКР, таких как поддержка развития мобильной связи, программа перевода на электронные носители всей бумажной документации и др.

Получение подобных заказов российской электронной промышленностью позволит быстро создавать новые производства по выпуску пусть не самых наукоемких ныне, но высокорентабельных изделий. Это позволит диверсифицировать производство с целью повышения финансовой мощи отечественных машиностроительных корпораций и маневрирования финансовыми потоками. Исходя из мирового опыта, не менее важной задачей является лик-

видация границ между гражданской и военной электроникой с целью консолидации активов и финансовых ресурсов. В соответствии с опытом ведущих стран России необходимо ввести в практику рассмотрение объемов финансирования оборонных программ и проектов одновременно и в увязке с обсуждением комплекса мер, направленных на расширение налогооблагаемой базы.

Ситуация такова, что оборонные стратегии нельзя реализовать лишь на основе получения средств из скудного ныне государственного бюджета. Для финансирования оборонного заказа в необходимом объеме требуется увеличивать доходы бюджета до масштаба развитых индустриальных держав. Слияние военной и гражданской микроэлектроники облегчает решение задачи передачи результатов дорогостоящих НИОКР по технологиям двойного назначения за бюджетные средства из сферы военной электроники в гражданскую, как это принято в США и других странах-лидерах. Поэтому массовое производство изделий микроэлектроники гражданского назначения является важным источником пополнения доходов корпораций и бюджета государства.

Диверсификация производства путем сочетания выпуска как высоко rentабельной продукции, не требующей дорогостоящих НИОКР, так и новой наукоемкой продукции позволяет решать финансовые проблемы не только самой электронной промышленности, но и остальных отраслей машиностроения. В целом диверсификация структуры экономики предполагает оптимальное сочетание низкорентабельных на первых порах инновационных видов деятельности со среднерентабельными, но социально важными традиционными отраслями, а также с высоко rentабельными производствами.

Сокращение за годы реформ числа занятых в высокотехнологичных и наукоемких видах деятельности, привело к тому, что отечественный рынок высокотехнологичной продукции отдан в настоящее время зарубежным компаниям.

Высокая зависимость от импорта комплектующих изделий наблюдается во всех отраслях машиностроения: отечественные судостроительные заводы строят корпуса судов и продают их на комплектацию в Голландию; авиастроение вынуждено импортировать авионику и т.д. По многим видам машин и оборудования наблюдается переход к закупкам по импорту. Россия тратится на импорт всего и вся – от турбин для электроэнергетики до стиральных машин и электроутюгов.

Причем отечественная промышленность теряет доходы не только от прямого импорта, но так же из-за наращивания импорта путем организации сборочных производств иностранных автомобилей и бытовой техники внутри страны. По оценке экспертов на создание производств по сборке иностранных автомобилей в России зарубежные компании потратили 2,7 млрд. долл. инвестиций. Это позволяет вывозить из страны доходы, полученные от реализации собранных на нашей территории иномарок, на сумму 60 млрд. долл. в год. Требуется преодолеть технологическое отставание в производстве технологически сложных автомобильных компонентов, однако пока успешно локализуются лишь произ-

водства технологически несложных деталей и комплектующих. Для коренного перелома требуются крупные инвестиции в НИОКР и новые технологии, а также принятие крупных мер по подготовке квалифицированных кадров.

Не менее серьезной является проблема импортозамещения в отечественном станкостроении. В настоящее время отечественное станкостроение занимается в основном ремонтом и модернизацией старых станков, между тем как СССР входил в число мировых лидеров станкостроения. По оценке «Станкоимпорта» ежегодный объем продаж станков в России составляет 1-1,5 млрд. долл., при этом доля отечественных - не более 1%. Такое положение недопустимо, поскольку современное станкостроение должно заниматься не просто заменой износившегося парка станков. Перед ним стоит более сложная задача - обеспечивать все машиностроительные производства наукоемким металлообрабатывающим оборудованием с использованием компьютерных программ.

Со стороны государства необходимы целевая поддержка НИОКР по разработке новых видов металлообрабатывающего оборудования, масштабные долгосрочные заказы, связанные с выполнением крупных проектов, в том числе проектов, позволяющих диверсифицировать производство с целью получения доходов от выполнения заказов по выпуску среднетехнологичных изделий, деталей, инструмента и оборудования.

В начале рыночных реформ в результате ликвидации отраслевых министерств концентрация отечественного промышленного капитала в обрабатывающей промышленности резко снизилась. В условиях гиперинфляции, обесценения основных фондов и оборотных средств промышленные предприятия оказались без поддержки государства, обезоруженными перед крупными зарубежными корпорациями, скупавшими за бесценок активы, научно-технические разработки, предприятия.

После дефолта 1998 г. в обрабатывающей промышленности ускорились процессы, противоположные процессам дробления промышленного капитала, начали формироваться отечественные группы промышленных предприятий. Тем не менее по масштабу и финансовой мощи промышленный капитал отечественной обрабатывающей промышленности еще существенно уступает зарубежным конкурентам. Поэтому стратегическая задача состоит в стимулировании процессов консолидации активов отечественных компаний.

В США и других ведущих странах в инновационном развитии активно участвуют малые фирмы и средние предприятия. За образцовый пример «стихийного» инновационного предпринимательства либерализм выдает создание известного научного парка «Силиконовая долина». Но при внимательном рассмотрении оказывается, что роль стихийного предпринимательства в данном случае несопоставимо мала по сравнению с ролью научно-технической и инновационной политики государства.

Еще в годы Второй мировой войны в Калифорнии было развернуто широкомасштабное производство самолетов, а также построены предприятия, обслуживающие потребности военно-морского флота. В 1950-х гг. в обстановке войны в Корее, гонки вооружений, шокового эффекта от запуска в

СССР первого искусственного спутника Земли, Калифорния стала крупнейшим центром аэрокосмической промышленности. Это, в свою очередь, потребовало развития многих сопряженных наукоемких отраслей промышленности, в частности микроэлектроники и вычислительной техники.

Этап коммерциализации микроэлектроники и вместе с ним расцвет «Кремниевой долины» наступил после изобретения в 1969 г. микропроцессора. В результате реализации закона о продукции двойного назначения технология производства интегральных схем стала доступной для коммерческого использования. С 1972 по 1982 г. численность фирм, производящих интегральные схемы, выросла в США примерно в 100 раз и достигла 3 тыс. Значительный вклад в этот процесс внесла «Кремниевая долина», вошедшая в десятку крупнейших национальных центров обрабатывающей промышленности с годовым оборотом более 40 млрд. долл. В начале 1980-х гг. здесь ежегодно создавалось около 40 тыс. новых рабочих мест.

Важнейшим фактором создания научного парка в другом регионе явилось непосредственное участие расположенных по соседству двух крупнейших исследовательских и учебных заведений - Массачусетского технологического института и Гарвардского университета.

В России малое инновационное предпринимательство осуществлялось в незначительных масштабах из-за того, что не получило необходимой поддержки со стороны слабого государства в условиях деградации промышленности и науки. В настоящее время настала пора для активизации экономической политики, направленной на реализацию масштабных программ формирования научных парков, организации кластеров инноваций и т.д.

Таким образом российская экономика вступила в полосу замедления. И если в 2011 г. благоприятная внешняя конъюнктура позволяла поддерживать умеренный рост и надеяться на стабильное развитие, то I полугодие 2012 г. показало, насколько экономика России с ее экспортно-сырьевой ориентацией зависит от развитых стран.

На наш взгляд динамика социально-экономического развития в 2012 г. дает основания для вывода о начавшейся стагнации. Снижающийся внешний и внутренний спрос, неизменность структуры национального хозяйства, торможение инвестиционных процессов, отсутствие диверсификации и модернизации - все это негативные тенденции, причиной которых является системный кризис.

Выход из этого кризиса требует перехода к новой модели регулирования экономики, содействующей увеличению доли накопления и его эффективности, окупаемости инвестиций, стимулированию конкурентоспособности промышленного производства, созданию новых рабочих мест, повышению производительности труда, высокотехнологичной модернизации народного хозяйства, подъему уровня и качества жизни населения.

Литература

1. Амосов А. О долгосрочной стратегии развития промышленности // Экономист. – 2012. – № 9.
2. Итоги 2011 года и прогноз экономического роста на среднесрочную пер-

спективу. – М.: ЦМАКП, 2012.

3. Итоги деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации в 2011 году и задачи на 2012 год / Тезисы выступления Министра Э.С. Набиуллиной на расширенном заседании Коллегии Министерства экономического развития Российской Федерации (23 апреля 2012 г.) http://www.economy.gov.ru:80/wps/wcm/connect/economylib4/mer/press/news/doc20120423_0002

4. Обзор мировой экономики - июнь 2012 г. // www.ereport.ru - 02.07.2012

5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013-2014 годов. – М.: Минэкономразвития России, 2012.

6. Сулакшин С. Государственное управление успешностью развития сложной социальной системы // Экономист. – 2012. – № 11.

УДК 330.5

Шепелова Н.С., Гусакова В.И.

Методы оценки национального благосостояния в условиях мирового кризиса

В статье рассматриваются методы комплексной оценки национального благосостояния, анализируются различные подходы в выборе интегрального показателя благополучия населения, приводятся результаты рейтингов стран мирового сообщества.

Ключевые слова и словосочетания: система оценки общественного благосостояния, индекс процветания и благополучия, рейтинг прогресса, инновационный индекс благополучия, индекс вашей лучшей жизни

Изучение динамики и оценка уровня национального благосостояния, его прогнозирование чрезвычайно важно для устойчивого, сбалансированного и поступательного развития общества в целом. Кроме того, проблема повышения уровня и качества жизни становится наиболее актуальной в условиях глобального финансового кризиса. Многие ведущие отечественные специалисты, анализируя и обобщая материалы, связанные с состоянием и возможными последствиями мирового кризиса, приходят к следующим выводам [1-3].

Первое – разразившийся глобальный финансовый кризис продемонстрировал серьезные пробелы и необходимость кардинального реформирования действующей мировой финансово-банковской системы, подтвердил отсутствие должного контроля за деятельностью банков, которые в основном обслуживали свои корпоративные интересы.

Второе – глубина и последствия финансово-экономического кризиса в каждом отдельном государстве будут во многом зависеть, прежде всего, от прочности финансово-валютной системы, капитализации и ликвидности национальных кредитных институтов, их зависимости от иностранных и корпоративных банковских структур, а также размеров золотовалютных резервов и

способности оплачивать зарубежные кредиты, в конечном итоге – от уровня устойчивости, диверсификации и конкурентоспособности экономики страны.

Третье – кризис в социальной сфере есть органическая составляющая экономического кризиса в целом, причем активно этому «целому» содействующая. Устранение социальных кризисных процессов – как одно из обязательных направлений антикризисной политики, так и один из критериев ее успешности.

В современных условиях одной из важнейших задач является совершенствование методологии комплексной оценки национального благосостояния. В идеале, единый показатель должен оценивать благополучие сегодня и завтра, делать акцент на домашних хозяйствах и людях, а не на агрегатных условиях экономики в целом, концентрировать внимание на результатах достижения благополучия, а не на стимуляторах его, а также указывать на распределение дохода, а не на его объем. Иными словами, обобщающий показатель должен гармонично сочетать в себя объективные показатели и субъективные оценки. К объективным показателям относятся доход, занятость, жилищные условия. К субъективным – состояние здоровья, баланс между работой и отдыхом, образование и социальные связи, гражданская активность и качество госуправления, качество окружающей среды и оценку людьми собственного благополучия.

Рассмотрим исследования зарубежных и отечественных экономистов, которые представили интегральный показатель, отражающий уровень общественного благосостояния в различных странах мира.

Например, британский аналитический центр Институт Легатум разработал комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания. Индекс благосостояния (prosperity index) составляется на основе различных 79 показателей, объединенных в восемь категорий, которые отражают различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния:

1. Экономика.
2. Предпринимательство.
3. Управление.
4. Образование.
5. здравоохранение.
6. Безопасность.
7. Личные свободы.
8. Социальный капитал.

Рейтинг каждой страны определяется путем вычисления средневзвешенного значения указанных индикаторов, каждый из которых определяется в качестве основы процветания. Показатели базируются на статистическом анализе, социологических исследованиях и экспертных оценках участников опроса. Статистические данные, используемые в рейтинге, получены из Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Организации Экономического сотрудничества и развития, Всемирной Торговой организации,

Gallup, Economist Intelligence Unit, IDC, Pyramid Research и других институтов. В редакционный совет издания Индекса входят представители ряда ведущих университетов и исследовательских центров. В 2012 г. исследование охватывает 142 страны.

В таблице приведен перечень стран и территорий мира, упорядоченных по совокупному Индексу процветания, а также восемь категорий общественного благосостояния для каждого государства. Категории указаны в таблице под своими номерами, соответственно – от № 1 до № 8. Для каждой из восьми категорий благосостояния в таблице приводится рейтинг – от 0 до 110, который указывает место страны среди других государств.

Первое место у Норвегии, на втором – датчане, замыкает тройку самых успешных стран мира Швеция. И главная неожиданность свежего рейтинга – отсутствие в первой десятке Соединенных Штатов, которым досталась 12-я строчка. Аутсайдерами стали Пакистан и Афганистан, у них 132 и 140 места, соответственно. На четвертой позиции рейтинга – Австралия. За ней в порядке убывания следуют Новая Зеландия, Канада, Финляндия, Нидерланды, Швейцария. Первую десятку замыкает Ирландия. Вслед за ней идут Люксембург, уже упоминавшиеся США, Великобритания, Германия, Исландия, Австрия, Бельгия. Франция заняла 21 строчку, Испания – 23-ю.

В рейтинге нынешнего года Китай занял 55 позицию. Мощный рост Китая говорит сам за себя, однако сравнимые процессы улучшения условий жизни наблюдаются и в других азиатских государствах.

Казахстан в рейтинге благополучия и процветания занял 46 место. Республика опередила Белоруссию – 54 место, Китай – 55 и Грузию, у нее 93 позиция. Примечательно, но по версии исследовательского центра, Узбекистан, занявший 64 место по уровню процветания, опередил даже Россию. Россия – на 66-й строчке, опустившись на три ступени по сравнению с прошлогодним рейтингом. Ещё четыре года назад Россия находилась на 57-м месте.

Очевидно, как и другие модели, эта аналитическая модель не лишена доли субъективизма, но, тем не менее, является достаточно наглядным сравнительным инструментом. Помимо оценки достигнутого уровня социально-экономических преобразований, авторы рейтинга подчеркивают его способность провоцировать дебаты и дискуссии, особенно в тех странах, которые имеют высокий рейтинг по индексу.

Российские ученые разработали интегрированный рейтинг – «Рейтинг прогресса», который отражает в каком направлении и с какой скоростью двигались страны в своих социально-экономических преобразованиях в последние 5-6 лет. В обзоре представлена 101 страна, Россия в рейтинге занимает 97 место. Ниже только Венесуэла, Никарагуа, Украина и Боливия. Столь значительное падение в сравнении с 2006 г. авторы объясняют существенным снижением рейтинга по Индексу качества жизни (на 40 позиций), Индексу восприятия коррупции (на 33 позиции) и Индексу условий ведения бизнеса (на 26 позиций). Поднялась Россия очень незначительно по трем рейтингам – по

Индексу конкурентоспособности (на 1 позицию), по Индексу развития человеческого потенциала (на 3 позиции), по Индексу экономически свободных стран Института Сато (на 12 позиций) [5].

Таблица 1. Рейтинг благосостояния стран мира в 2012 году [4]

Место	Страна	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
1	Норвегия	2	4	13	6	4	2	6	1
2	Дания	19	1	3	16	16	8	7	2
3	Швеция	5	2	4	12	14	6	5	9
4	Австралия	10	8	8	2	17	19	3	3
5	Новая Зеландия	27	13	2	1	20	13	2	4
6	Канада	8	16	6	3	15	9	1	8
7	Финляндия	16	3	5	8	12	3	19	5
8	Нидерланды	9	12	10	14	9	17	7	5
9	Швейцария	1	7	1	32	3	10	22	11
10	Ирландия	25	14	14	14	11	4	4	7
11	Люксембург	4	5	9	48	1	7	8	16
12	Соединенные Штаты Америки	20	12	10	5	2	27	14	10
13	Великобритания	26	6	7	30	18	20	12	15
14	Германия	6	18	16	15	5	21	13	12
15	Исландия	61	9	20	13	13	1	10	13
16	Австрия	13	17	12	24	10	15	21	14
17	Бельгия	21	22	17	17	8	22	20	18
18	Гонконг	9	15	23	39	30	5	23	25
19	Сингапур	3	11	15	41	22	12	54	39
20	Тайвань	7	24	31	4	29	11	27	24
21	Франция	22	21	18	19	9	31	16	40
22	Япония	12	23	22	23	6	16	42	20
23	Испания	40	26	26	10	21	29	18	34
24	Словения	41	25	29	9	25	14	28	36
25	Мальта	32	20	19	46	27	30	24	21
26	Португалия	51	28	36	34	28	17	13	67
27	Южная Корея	23	19	30	7	24	40	56	51
28	Чехия	30	29	33	22	26	24	45	45
29	Объединенные Арабские Эмираты	17	30	41	37	32	23	66	42
30	Кипр	37	27	21	25	33	49	34	56
31	Уругвай	49	56	27	45	44	26	15	55
32	Польша	52	38	38	38	34	25	37	46
33	Италия	36	37	39	36	19	42	57	38
34	Чили	28	40	24	60	47	36	29	69
35	Эстония	60	32	25	31	39	39	74	30

Место	Страна	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
36	Словакия	56	35	42	26	31	33	40	47
37	Коста-Рика	45	43	34	67	43	45	17	66
38	Кувейт	24	33	40	62	36	32	73	57
39	Венгрия	68	45	37	20	38	28	68	79
40	Израиль	29	31	28	33	35	115	118	22
41	Аргентина	48	52	75	42	41	46	26	70
42	Панама	42	39	62	58	54	48	35	61
43	Латвия	82	42	43	18	46	34	93	49
44	Бразилия	33	47	56	79	57	87	25	64
45	Малайзия	15	44	35	40	45	62	111	100
46	Казахстан	54	59	95	43	60	53	43	37
47	Литва	80	36	44	28	50	50	112	86
48	Болгария	93	41	72	51	49	41	59	85
49	Греция	85	51	48	35	23	38	121	97
50	Хорватия	59	48	52	56	37	35	100	110
51	Тринидад и Тобаго	78	54	57	82	59	58	36	76
52	Саудовская Аравия	31	46	50	64	42	82	130	43
53	Вьетнам	39	73	61	80	80	55	99	35
54	Беларусь	90	63	123	21	40	52	102	26
55	Китай	11	66	65	50	67	101	128	29
56	Таиланд	18	61	64	70	71	99	129	19
57	Черногория	105	58	66	55	53	37	75	102
58	Шри-Ланка	71	86	51	47	74	122	58	31
59	Монголия	98	62	84	52	96	43	92	33
60	Румыния	94	49	71	49	64	47	81	113
61	Мексика	34	69	69	78	52	116	78	63
62	Ямайка	116	57	68	86	65	70	64	48
63	Индонезия	43	85	80	84	95	68	80	27
64	Узбекистан	67	98	116	65	72	66	70	17
65	Белиз	64	72	74	96	63	72	65	50
66	Россия	62	50	118	27	48	97	119	71

Результаты Рейтинга «Лучшие страны для жизни» оказались наиболее негативными для России. Произошло это потому, что при построении соответствующего Индекса качества жизни учитывается, к примеру, стоимость жизни. Россия, как известно так и не смогла достигнуть приемлемого уровня инфляции в последние годы (9 % в год это много). Ухудшение состояния окружающей среды, здравоохранения, инфраструктуры и снижение уровня свободы, тоже сыграли свою негативную роль в результирующей оценке.

Из факторов, предопределивших столь стремительное падение России по ряду ключевых рейтингов, следует особо выделить повышение уровня коррупции. Рост коррупции снизил рейтинг России сразу по двум индексам:

Индексу восприятия коррупции и Индексу экономической свободы (Heritage Foundation).

В основном в середину Рейтинга прогресса попали стабильные западные страны: Норвегия, США, Австралия, Новая Зеландия, Австрия, Великобритания, Япония, Германия, Франция, Канада. Изменения в динамике развития этих стран незначительны: на общий стабильный вектор развития даже кризис не смог оказать существенного влияния.

Лидерами Рейтинга прогресса стали Грузия (1 место), Македония (2 место), Доминиканская республика (3 место).

По нашему мнению, Рейтинг прогресса не совсем адекватно, отражает результаты социально-экономического развития в рассматриваемых странах. В этом можно убедиться, анализируя рейтинг стабильности государств мира, подготовленный экспертами американского политологического института «Фонд Мира» [6]. По индексу недееспособности государства Грузия занимает 51 место (Доминиканская республика 95 место, Македония 109 место), относясь к странам с уровнем стабильности ниже среднего§.

На наш взгляд, разработки экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сыграли наибольшую роль в научном осмыслении методики расчета интегрального показателя, отражающего уровень благосостояния в различных странах мира. Ученые-экономисты представили инновационный Индекс благополучия (ИБ-2011). Эксперты ОЭСР предлагают разбить все показатели благополучия на три большие группы: условия материальной жизни, качество жизни и устойчивость.

Согласно проведенным исследованиям и полученным данным самыми благополучными странами из мировой элиты в 2011 г. стали Австралия, Канада, Швеция, Новая Зеландия, Норвегия и Дания. В группу наименее благоприятных попали Турция, Мексика, Чили, Эстония, Португалия и Венгрия.

Далеко не все в европейских странах благополучны и зажиточны. Около 15 % домашних хозяйств заявляют, что им сложно сводить концы с концами. Примерно 40 % таких семей зафиксировано в Греции, Венгрии и Португалии, а в Германии и Норвегии таких только 8 %. Индекс благополучия делает акцент скорее на выравнивании дохода и возможностей доступа к разного рода услугам и ресурсам, чем на способности людей зарабатывать, получать доступ к дешевым товарам и услугам, в том числе в сфере образования и здравоохранения.

Отметим некоторые недостатки этого индекса. При его расчете не учитывается, из какого источника финансируется строительство жилья, субсидируются ли жилищно-коммунальные услуги, существует ли свободная

§ Индекс недееспособности государства оценивается по двенадцати параметрам, которые объединены в три основные группы: социальные, экономические, и военно-политические. Эксперты анализируют способность основных институтов государства обеспечивать безопасность страны и ее граждан, демографические угрозы, общественные, сервис, легитимность государственной власти. Оценке также подвергается состояние экономики, равномерность ее развития, положение дел с правами человека и верховенство закона, фрагментация элит, «утечка мозгов», уровень нетерпимости и страх в обществе.

конкуренция на рынке жилья или же государство является монопольным поставщиком данных услуг. Увеличение госрасходов на строительство жилья, субсидирование жилищных кредитов и ЖКУ значительно улучшит показатели Индекса.

Однако такая политика, как показал американский ипотечный кризис 2007-2009 гг., южно-европейский кризис 2010-2012 гг. является чрезвычайно вредной для экономики. Даже в условиях рецессии количество комнат на человека останется высоким, а вот объем «омертвленного» капитала в результате искусственного искажения рыночных механизмов и институтов не найдет свое отражение в Индексе благополучия.

Статистика доказывает, что за последние 15 лет уровень доходов и накопленного богатства в странах ОЭСР увеличился. Альтернативные индикаторы благополучия (характер потребления домашних хозяйств, жилищные условия) подтверждают динамику ВВП и доходов. При этом нерешенной остается задача определения вклада каждого из экономических субъектов в развитие, то ли ВВП и альтернативные показатели благополучия улучшились, потому что частный рынок с его инновациями и творческим разрушением привел к росту производительности труда и прогрессу, или же это результат действия «видимой руки» государства.

Аналогичная ситуация складывается по рынку труда. Эксперты фиксируют наличие большой разницы в уровне занятости в странах ОЭСР, но долгосрочная безработица остается на низком уровне. В большинстве стран она даже уменьшилась. При этом значение временной работы и занятости неполный рабочий день увеличились. Опять же в точки зрения методики Индекса благополучия нет разницы, кто создает рабочие места, частный бизнес, которому создали лучшие условия, или государство, которое забрало еще больше денег у частного сектора и увеличило число госслужащих или количество государственных корпораций.

Указанные недостатки этого индекса обуславливают необходимость дополнения его новыми показателями, разработки новых методов оценки благополучия человека.

Новая публикация ОЭСР «Как жизнь?» (How's Life?), которая была запущена в мае 2011 г., является попыткой представить наиболее полную картину того, из чего, собственно, состоит жизнь людей в 40 странах мира. В докладе дается оценка 11-ти конкретных аспектов жизни человека – от доходов, занятости и жилья до здравоохранения, образования и охраны окружающей среды.

Одним из элементов Инициативы лучшей жизни ОЭСР является Индекс вашей лучшей жизни, Your Better Life Index (BLI), – это интерактивный инструмент, который позволяет людям сравнивать результаты деятельности стран в соответствии с собственными предпочтениями.

Индекс вашей лучшей жизни привлек более полумиллиона посетителей и более миллиона посещений веб-страницы представителями различных стран: Соединенные Штаты, Франция, Канада, Германия и Великобритания и т.д.

Пользователи ВЛІ постоянно ставят выше других индексов удовлетворенность жизнью, образование и здоровье. Возраст, кажется, имеет значение, поскольку более молодые люди делают акцент на баланс между работой и личной жизнью, доходы и занятость, в то время как люди постарше больше заботятся о здоровье и окружающей среде.

Это значит, что уровень текущего дохода и накопленного богатства далеко не во всех случаях означает удовлетворение жизнью. После достижения определенного уровня благосостояния, решения жилищного вопроса и накопления определенной суммы на будущее, появляется спрос на что-то большее, чем деньги, автомобили, недвижимость и золото.

Таким образом, многочисленные исследовательские центры стремятся доработать систему оценки общественного благосостояния, сделав ее более подходящей для измерения способности государств достигать своих целевых ориентиров и общих показателей благополучия (особенно в условиях мирового финансового кризиса).

Ценность подобного рода рейтингов в том, что они остаются важным источником для научных дискуссий, фокусируют внимание политических элит, исследователей на острые проблемы мирового сообщества, способы их решения, поиск эффективных инструментов оценки социально-экономического развития.

Проблемы повышения благосостояния населения становятся наиболее актуальными для российского общества. Решение этих проблем требует определенной социальной политики, центральным моментом которой был бы человек, его благосостояние, физическое и социальное здоровье. Кроме того, необходимо активизировать институциональные преобразования, обеспечивающие переход экономики на инновационный тип развития в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Литература

1. *Губанов С.* Вероятно ли мировая рецессия – 2012? // *Экономист.* 2012. № 1. С. 3.
2. *Куликов В.* Экономический кризис и выход из него: к уточнению критериев // *РЭЖ.* 2012. № 4. С. 37.
3. *Иванов Н.* Мировой кризис и рынок труда // *МЭиМО.* 2011. № 11. С. 3.
4. Источник: The Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index, 2012.
5. *Николаев И., Точилкина О.* Рейтинг прогресса (какие страны развиваются быстрее // *Общество и экономика.* 2011. № 7.
6. Failed States Index 2012: рейтинг недееспособности государств мира 2012 года. // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/19/4439>
7. <http://oecd.ru.org/life.html>

Государственно-частное партнёрство в решении задач устойчивого развития региона

В статье рассматривается эффективность партнёрских отношений региональной администрации и бизнеса, представлен организационно-экономический механизм устойчивого развития региона.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, устойчивое развитие, региональный аспект, организационно-экономический механизм, энергосберегающие технологии.

В региональной экономике произошли коренные изменения в методах, используемых государственными и муниципальными органами власти для решения проблем граждан и удовлетворения их растущих потребностей. Частный бизнес и государство все активнее вступают в сотрудничество в поисках эффективных путей решения задач общества на условиях партнёрства.

В настоящее время развитие государственно-частного партнёрства в регионах сдерживается административными барьерами, отсутствием высококвалифицированных кадров, слабо способствует финансированию стратегических социальных программ и инвестиционных проектов с привлечением частных инвестиций, не обеспечивает эффективное использование концессионных и лизинговых механизмов.

Поэтому развитие альянса государства-бизнеса и некоммерческих организаций является одним из важных условий обеспечения устойчивости экономики региона, что актуально в настоящее время.

Основной тезис экономики устойчивого развития – радикальное изменение парадигмы развития, смены роли человечества в его взаимоотношениях с природой, реформирование системы образования и информационной политики на основе новой научной парадигмы.

Устойчивая экономика - это экономика, в которой энергия, вода, земля и другие ресурсы будут использоваться гораздо более эффективно и рационально, чем сегодня. Решение в сфере производства, заключается в переходе к новому принципу его организации, суть которого в сосредоточении внимания скорее на услугах, чем на товарах.

Устойчивое развитие социально ориентировано, предполагает достижение и сохранение в долгосрочной перспективе баланса между экономическими интересами субъектов производственной среды региона и экологическими потребностями населения. Потенциал развития составляют человеческие, биосферные, организационные, финансовые, информационные, образовательные ресурсы. Эффективность их использования во многом обуславливает экологические последствия функционирования инженерных инфраструктур индустриального типа и региональных коммунальных систем.

Базовый принцип устойчивого функционирования региона - постоянное усовершенствование, позитивная комплексная трансформация в экономической, экологической, социальной средах. Поэтому реализация экологической политики неизбежно приводит к изменениям в экономической региональной политике и в первую очередь в таких её сферах, как политика развития, политика управления, промышленная политика, политика в области образования, науки и пр. Модернизация промышленной политики, определяющей экономическую базу устойчивого роста региона, предполагает развитие экологического бизнеса, внедрение инновационных ресурсо- и энергосберегающих технологий.

При этом организационно-экономический механизм устойчивого развития региона, на наш взгляд, должен лежать в основе формирования региональной социально-экономической политики, основной целью которой должна стать совершенствование существующего организационно-экономического механизма регулирования регионального развития посредством интегрирования в него концептуальных принципов устойчивого развития. При формировании организационно-экономического механизма устойчивого развития должны использоваться методы наблюдения, экспериментального апробирования (реализации), имитационного и экономико-математического моделирования и др., отражающие динамику показателей устойчивости территории.

Стратегия экологически устойчивого развития предполагает паритет экономических и экологических ценностей. Этот паритет предусматривает пересмотр традиционных представлений об учете экологического фактора в социально-экономическом развитии региона, где он является одним из основных, влияющих на качество окружающей среды [1, С.120-121].

Подходы к сбалансированию экономических, социальных и природных факторов при переходе к устойчивому развитию лежат на пути к социальной справедливости, устойчивой экономике и экологической устойчивости. Социальная справедливость неизбежно должна основываться на экономической устойчивости и социальном равенстве, а для этого необходима и экологическая устойчивость, что означает сохранение природного капитала.

Экологическая устойчивость включает в себя сохранение биоразнообразия, здоровья человека, а также качества воздуха, воды и почвы на уровне, достаточном для поддержания жизни и благосостояния человека, а также жизни животных и растений на все времена. Критерии устойчивого развития – стратегические направления практической деятельности для осуществления принятых принципов развития. Для определения критериев устойчивого развития используются различные подходы.

Особую роль в решении задач устойчивого экономического роста в России играет установление эффективных партнёрских отношений региональной администрации и бизнеса. Именно на региональном и местном уровнях в настоящее время формируются социально-экономический и институциональный фундамент рыночной экономики, определяются базовые пара-

метры нового социального контракта. Одновременно идет отбор институтов взаимодействия органов власти, бизнеса и населения, по которому можно определить важнейшие параметры формирующегося социального контракта.

Вместе с тем, муниципалитеты, также как и государство в целом, постоянно сталкиваются с проблемами, связанными с недостатками бюджетных ресурсов для реализации муниципальных инвестиционных проектов и ростом требований к предоставляемым им услугам. В то же время частный сектор накопил немало опыта и средств, которые он мог бы использовать для решения приоритетных муниципальных проектов.

В России формирование взаимодействия муниципалитетов и частного сектора, в полном объеме учитывающего потребности общества, оказалось сложной проблемой. Недостаточная проработанность институциональных правовых, экономических, организационных основ этого взаимодействия, в большинстве случаев, приводит к негативным последствиям. В этих условиях особую актуальность приобретает обобщение опыта других стран по привлечению частного бизнеса к реализации приоритетных муниципальных проектов, а также выработка предложений по разработке основных направлений совершенствования форм и методов государственно-частного партнерства на местном уровне в целях устойчивого и долгосрочного развития муниципалитетов России.

Практика говорит о том, что даже в развитых странах с их мощной институциональной базой партнёрские отношения частного бизнеса и государства иногда используются для реализации преимущественно частного интереса. Это сказывается на деформации в экономической политике, нарушении условий конкуренции, росте недоверия к партнёрским отношениям между государством и частным сектором. В реальной экономической действительности эти явления часто принимают форму коррупции. Устранить данные негативные явления непросто, однако свести их к минимуму и тем самым повысить эффективность реализации партнёрских отношений вполне возможно. Этому могут способствовать следующие факторы: эффективная структура экономики и справедливое распределение возможностей и рисков; прозрачное и эффективное распределение государственных заказов; возможность точного подсчёта издержек и выгод проекта. Немаловажное значение в устранении негативных явлений при реализации партнёрских отношений государства и бизнеса имеет политико-правовая среда. Именно она формирует стабильные базовые условия для развития и реализации государственно-частных проектов. При этом правила партнёрства должны быть легитимны, прозрачны, обоснованны и приемлемы для обеих сторон общества.

Партнерство представляет собой объединяющее начало для трех секторов общества - частного, некоммерческого и государственного. Оно становится двигателем социальных перемен и экономического развития. Партнерство дает дополнительные преимущества, такие как обретение новых знаний и доступ к ним или возможность обнаружения дополнительных ресурсов, которые ранее были скрыты. Бизнес способен стать проводником государст-

венной, региональной и местной политики. Предприниматели заинтересованы в формировании среды, в которой они могли бы свободно функционировать. Поэтому взаимодействие бизнеса и власти на основе партнерства является главным направлением при осуществлении эколого-экономической политики [2, С.203]. Однако в российских условиях сложилась ситуация, когда «правила игры» устанавливаются, прежде всего, властью. В данных условиях диалог между бизнесом и властью практически невозможен. В России только формируются предпосылки для партнерства власти и бизнеса. Наиболее важным вопросом является установление партнерских взаимоотношений на местном уровне.

Каждая из сторон партнерства вносит свой вклад в общий проект. Так, со стороны бизнеса таким вкладом являются: финансовые ресурсы, профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии решений, способность к новаторству и т.п. Участие предпринимательского сектора в совместных проектах обычно сопровождается внедрением более эффективных методов работы, совершенствованием техники и технологии, развитием новых форм организации производства, созданием новых предприятий, в т.ч. с иностранным капиталом, налаживанием эффективных кооперационных связей с поставщиками и подрядчиками. На рынке труда, как правило, повышается спрос на высококвалифицированные и хорошо оплачиваемые профессии.

На стороне государства в проектах государственно-частного партнерства (ГЧП) – правомочия собственника, возможность налоговых и иных льгот, гарантий, а также получение некоторых объемов финансовых ресурсов. Государство как главенствующий субъект и основной регулятор вправе перераспределять при необходимости ресурсы с чисто производственных программ на социальные цели (образование, здравоохранение, наука и культура), а это во многих случаях не только способствует общему улучшению социально-экономического климата, повышает инвестиционный рейтинг страны, но и прямо сказывается на партнерских проектах. Более того, в ГЧП государство получает более благоприятную возможность заняться исполнением своих основных функций – контролем, регулированием, соблюдением общественных интересов. Так, по мере развития ГЧП в сфере инфраструктуры государство может сместить акценты своей деятельности с конкретных проблем строительства и эксплуатации объектов на административно-контрольные функции. И немаловажно в связи с этим то, что неизбежные предпринимательские риски перераспределяются в сторону бизнеса. Общественная же значимость ГЧП заключается в том, что в конечном итоге выигрывает общество как глобальный потребитель более качественных услуг. С точки зрения развития принципов государственно-частного партнерства в сфере природопользования и охраны окружающей среды, со стороны государства важное значение имеет обеспечение природопользователей информацией о ресурсосберегающих, экологически чистых технологиях, наилучших доступных технологиях, экологических стандартах, состоянии окружающей среды;

поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; а также поддержка деятельности организаций системы образования и просвещения, осуществляющих экологическое просвещение и образование.

Эффективность проекта ГЧП во многом зависит от качества его подготовки. Поскольку такие проекты долгосрочные, большую роль играет определение наиболее значительных рисков, разработка мер по их снижению, а также распределения рисков между участниками проекта. Проект должен быть адаптирован под соответствующую местную, региональную специфику, готовые типовые решения могут не сработать в конкретной ситуации. Цели проекта должны быть непротиворечивыми и взаимодополняющими для государственной и частной сторон. Безусловно, договор по проекту должен быть грамотно юридически структурирован, должны быть прописаны возможные санкции и механизмы урегулирования потенциальных конфликтов между сторонами соглашения. И, конечно, отбор проектов должен производиться на конкурсной основе.

Поскольку устойчивое развитие - это социально-экономическое и экологическое измерение, то важно, чтобы в общепринятых показателях развития учитывалось влияние экологического фактора, то есть, чтобы они были экологически скорректированными. В настоящее время еще нет окончательных методологических разработок по исчислению влияния экологического фактора на общие показатели устойчивого развития, но чисто логический анализ структуры общих показателей с учетом экологического фактора такую зависимость выявляет.

Уровень ВВП, не учитывающий воздействие социально-экономической деятельности на окружающую среду, дает завышенную оценку экономического развития. В настоящее время разрабатывается методология исчисления экологически скорректированного ВВП. Предполагается получить его на основе учета издержек потребления природного капитала. Естественно, невозможно учесть влияние абсолютно всех факторов экологического характера на уровень и динамику общих агрегированных показателей социально-экономического развития, тем не менее, чрезвычайно важно учитывать те из них, которые поддаются исчислению.

В дальнейшем необходимо и в регионах показатели валового регионального продукта исчислять с учетом и без учета воздействия экологического фактора. Данное сравнение позволит выявить остроту проблемы устойчивого развития.

Общие показатели развития складываются под влиянием динамики и качественных характеристик всех секторов социально-экономического комплекса. Устойчивость развития определяется степенью учета экологического фактора во всех отраслях, производствах. Если идеология устойчивого развития идет сверху вниз, то практическая его реализация разворачивается снизу вверх, постепенно охватывая все сферы и ступени социально-экономического комплекса.

Одной из центральных задач устойчивого развития региона является ориентация на потребление экологически чистых товаров - важнейшего фактора улучшения здоровья населения. В связи с этим, важнейшим показателем ориентации производств на устойчивое развитие является доля экологически чистой продукции или доля продукции, полученной на основе экологически усовершенствованных технологий по промышленности в целом и в отдельных ее отраслях.

Показатели учета экологического фактора выступают в роли важного, полезного инструмента, позволяющего оценивать степень прогресса в ориентации на путь устойчивого развития. Все показатели социально-экономического развития должны быть сориентированы на обеспечение экологического равновесия.

Литература

1. Савон Д.Ю., Карибжанова Е.Л. Экологизация хозяйственной деятельности промышленных предприятий - основа устойчивого развития экономики региона //Экономические и гуманитарные исследования регионов. Научно-теоретич. журнал. 2012. №4.

2. Савон Д.Ю., Гассий В.В. Деятельность субъектов государственно-частного партнёрства при реализации приоритетных национальных проектов в условиях устойчивого развития //Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №3.

УДК 338.366

Гончарова О.Ю., Сидоренко И.Н.

Взаимное доверие государства и бизнеса – основа решения задач экономического развития России

В статье проанализированы состояние доверия между властью и бизнесом в России, выявлены практические шаги по его укреплению, сформулированы некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию взаимодействия государства и предпринимательских структур.

Ключевые слова: Взаимодействие власти и бизнеса, доверие между государством и предпринимателями, условия укрепления доверия между властью и бизнесом.

Решение задачи модернизации страны на основе инновационного развития возможно лишь при объединении усилий государства и экономических структур, что может быть реализуемым лишь на основе их взаимного доверия. К великому сожалению, его-то как раз в наши дни и недостает. Вопросы взаимного доверия в наши дни являются предметом заботы и руководства страны, и предпринимательских структур, и российского общества.

В обеспечении эффективного взаимодействия государства и экономики важное значение имеют как материальные, так и нематериальные факторы. Особенное место в их числе занимает степень их взаимного доверия.

Доверие между партнерами подразумевает предсказуемость действий субъектов экономических отношений, следствием чего является сокращение неопределенности, интенсификация процессов совместной деятельности и рост их эффективности. Выступая своеобразным «фундаментом» отношений,

доверие способствует их стабильности и продолжительности. В то же время оно является частью механизма легитимации властного авторитета, обеспечивая социальную базу поддержки властных институтов и проводимого ими политического и экономического курса.

Доверие является объективной потребностью при вступлении в экономические отношения с партнерами. Источниками формирования и укрепления отношений доверия являются:

- публичность курса реформ, открытость и доступность информации;
- справедливая и непротиворечивая законодательная база;
- добросовестность, честность и компетентность руководителей органов и компаний их структурных подразделений;
- устойчивость институтов, «правил игры», договорных отношений и партнерских связей, и др. [1].

Создание атмосферы доверия требует внимания к каждому аспекту системы – к ее структуре, политике и практике менеджмента, технологическим системам, неформальной культуре, к ценностям и ожиданиям ее членов, а также к поведению тех, кто занимает руководящие должности.

Гарантом доверия выступает государство (сильное государство), способное целым комплексом мер воспитания, наказания и устройства общества обеспечивать нужный обществу и экономике высокий уровень доверия.

Уровень доверия между государством и бизнесом обеспечивается формальными и неформальными механизмами, их согласованностью или рассогласованностью. Функционирование *формальных механизмов* обеспечивается формальным юридически правом, которое приводит те или иные действия в статус санкционированных и несанкционированных и определяет наказание за несанкционированные действия. Формальные механизмы - это, прежде всего, система права и правоприменения. То есть комплекс законодательных органов, кодифицированных норм законов, судебной системы и системы исполнения судебных решений. В своем Послании Федеральному собранию Президент РФ подчеркнул: «... лучший способ сделать бизнес патриотичным – обеспечить эффективные гарантии защиты собственности и выполнения договоров, сделать привлекательной российскую юрисдикцию» [2].

Неформальные механизмы обеспечивают взаимоотношения между властью и бизнесом на основе критерия убежденности и совпадения моральных норм и представлений субъектов взаимодействия о справедливости, на основе альтруизма. Такие неформальные механизмы создаются и воспроизводятся культурой и традицией. И определяют их те представления о должном и недолжном, благом и злом, допустимом и недопустимом, и, в конечном итоге, *справедливом и несправедливом*, которые являются своего рода «каркасом» распространенной в обществе морали.

Эффективность реализации государственной экономической политики может быть достигнута лишь в том случае, если доверие будет стержнем экономических отношений и на уровне отдельной компании, и на уровне

экономики в целом. Укрепление доверия между экономическими партнерами, между государством и бизнесом – прямой путь к снижению совокупных общественных издержек.

Необходимость создания взаимовыгодных отношений государства и предпринимательских структур - это не только задача современной России, она носит интернациональный характер и возникла в далеком прошлом. О важности доверия между государством и бизнесом, предсказуемости и последовательности экономической политики известно давно. Так, в середине прошлого века один из отцов «немецкого экономического чуда» В.Ойкен к числу важнейших «конституирующих принципов» комплексной, взаимосвязанной и долгосрочной экономической политики государства относил ее постоянство и последовательность. Предпочтение следует отдавать созданию стабильных рамок хозяйствования и предсказуемых условий инвестирования на микроуровне, избегая резких и опрометчивых изменений курса экономической политики. [3].

В современной России согласно результатам интерактивного голосования бизнес ключевыми условиями для ускорения экономики считает:

- эффективность институтов государства – 42% голосов;
- демонополизацию экономики – 23% голосов;
- предсказуемость и последовательность экономической политики – 21% голосов.

Для сравнения: бюджетные инвестиции сочли ключевым условием роста экономики 7% проголосовавших, низкую инфляцию – менее 5% [4].

Таким образом, наблюдается несоответствие устремлений государства и бизнеса. По мнению директора по развитию IBM в России и СНГ Олега Бяхова, «государство говорит о технических мерах, бизнес - о фундаментальных ценностях и, пока власти этого не слышат, они так и будут мучиться с техническими «подкрутками», не получая отдачи от бизнеса, который должен служить машиной для развития» [4].

Для России проблема доверия особенно актуальна, так как исторически отношение между государством и частным бизнесом характеризуются его чрезвычайно низким уровнем.

В силу того, что имущественные и правовые отношения еще не обрели четкую законодательную базу, вопрос доверия как основы регулирования правомочий собственности между государственным и частным секторами стоит крайне остро, что переводит его из экономической в политическую плоскость [5].

Анализ реальной ситуации в экономической сфере России показывает, что уровень взаимного доверия между государством и частным бизнесом опустился далеко вниз, а это порождает отчужденность, подозрительность, снижает возможности плодотворного сотрудничества, реализации программ и планов развития российской экономики.

По мнению руководителя РСПП А.Шохина, доверие к власти и бизнесу влияет на экономический рост: «Если, скажем, доверие к российской вла-

сти намного ниже, чем доверие к власти в других странах, то предприниматели начинают инвестировать в проекты за пределами России. Инвестор сравнивает не только чисто финансовые показатели, но и политические риски» [6].

По официальной статистике в период 2004-2008 гг. наблюдался рост инвестиций в основной капитал (2004г. -117,7 млрд. руб; 2005 г.-156,9; 2006 г. - 193,7; 2007 г.-303,4; 2008 г.- 366,9), в посткризисный период на территории Российской Федерации произошло заметное снижение данного показателя: в 2011 г. объем инвестиций составил 293,6 млрд. руб. В том числе бюджетные средства составили 32,6%, а собственные средства предприятий – 39%. В 2012 г. за 9 месяцев доля собственных средств предприятий уменьшилась еще на 10% [7].

Одновременно с сокращением объема капитала, вкладываемого в развитие экономики страны, растет поток денежных средств за границу. По данным Росфинмониторинга, в 2012 г. он вырос на 6% [8]. Деньги, главным образом, выводили под видом платежей за ввезенный товар, который в Россию не поступал. В целом за 2012 г. отток капитала из России составил 56,8 млрд дол. [9]. В.В.Путин в Послании Федеральному собранию объяснил эту страсть к уходу капиталов в оффшорные зоны «вопросом доверия бизнеса государству» [8]. Но это лишь одна сторона проблемы. Сумма уведенного капитала в полтора раза больше, чем частные инвестиции в отечественную экономику. Страшно и то, «что вместе с капиталом утекает новое поколение. Люди зарабатывают в России деньги и вывозят капиталы за рубеж потому, что понимают: перспектив здесь нет. Значит, нечего будет передать в наследство детям. Значит, надо уезжать. Вслед за деньгами россияне перевозят за границу семьи и детей. Отток капитала – это отток идей, свободного интеллекта. Это разрушение нации. Одна надежда на то, что Россия развивается циклически» [10]. Естественно, что такая ситуация снижает ресурс доверия государства и общества к бизнесу.

Изучение проблемы и практики формирования и укрепления взаимодоверия власти и бизнеса приводит к выводу о том, что сегодня стоит один из важнейших вопросов – вопрос о восстановлении доверия как предпринимателей к власти, так и власти к нормальному некриминальному бизнесу.

Разрушительные экономические реформы, осуществленные в России в 90-х годах, привели к определенному разочарованию населения деятельностью органов государственной власти, что послужило одной из причин падения их авторитета в глазах общества, и в частности в предпринимательском сообществе, значительного снижения доверия к ним [11]. Премьер-министр Д.Медведев констатирует, что в России по-прежнему не хватает доверия между властью и бизнесом...Он подчеркнул, что речь идет о доверии «между партнерами, между властью и бизнесом, чего, скажем откровенно, в нашей стране сильно не хватает» [12].

И сегодня взаимное недоверие государства и бизнеса является ключевой проблемой. Социологические опросы, проведенные «Опорой России» и

интернет-журналом «Капитал страны» при поддержке Минэкономразвития (2008) [13], подтверждают это. На вопрос «Если Вы оцениваете практику делового взаимодействия, то в какой степени Вы доверяете экономическим агентам»? были получены ответы, представленные в таблице.

Уровень доверия между представителями власти и бизнеса			
Вариант ответа	Представители бизнеса	Представители власти	Сотрудники компании
Полностью доверяю	9,4	6,6	46,9
Скорее доверяю, чем не доверяю	48,9	30,1	40,2
Скорее не доверяю, чем доверяю	23,1	33,4	5,5
Совсем не доверяю	9,7	19,7	3,0
Затрудняюсь ответить	8,9	10,2	4,3

Больше всех деловые круги доверяют своим собственным сотрудникам, а меньше всех – чиновникам, промежуточное положение занимают представители власти.

Два года спустя после этого исследования, в 2010 г., Edelman Trust Barometer фиксирует дальнейшее снижение доверия населения к власти. Согласно исследованию этой компании за последний год доверие к бизнесу в России сократилось на 10% – до 42%, что стало самым серьезным сокращением доверия среди исследуемых стран. Еще меньше в России доверяют власти – 38%. Среди респондентов в возрасте 25-43 лет бизнесу доверяют 52%, власти – 34% [14].

Известный экономист Иосиф Дискин в своем докладе «Революция во взаимоотношениях власти и бизнеса» заявил, что ключевой проблемой сегодня является «взаимное недоверие государства и бизнеса». Причем особенно опасно тотальное недоверие государства бизнесу: «Российское государство не доверяет бизнесу настолько, что не готово вкладывать никакие деньги в российские компании» [15].

После распада СССР в процесс внедрения в практику своеобразно понимаемых свобод и демократии, осуществления грабительской приватизации утратили свое значение сложившиеся в России деловая культура, принципы этики деловых отношений: честность, правдивость, обязательность, справедливость, соблюдение обещаний и договоров.

Еще в 1912 году российскими предпринимателями было выработано семь принципов ведения дел в России:

1. Уважай власть. Власть – необходимое условие для ведения дел. Во всем должен быть порядок.
2. Будь честен и правдив. Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах.

3. Уважай право частной собственности. Свободное предпринимательство – основа благополучия государства.

4. Люби и уважай человека. Любовь и уважение к человеку труда со стороны предпринимателя порождает ответную любовь и уважение. В таких условиях возникает гармония интересов, что создает атмосферу для развития у людей разнообразных способностей, побуждает их проявлять себя во всем блеске.

5. Будь верен своему слову: «Единожды солгавший, кто тебе поверит».

6. Живи по средствам. Не зарывайся. Выбирай дело по плечу. Действуй сообразно своим средствам.

7. Будь целеустремленным. Служение двум господам противоестественно. В стремлении достичь заветной цели не переходи грань дозволенного. Никакая цель не может затмить моральные ценности [16].

Социально-государственный слом в России в постсоветский период не мог не сказаться на механизмах, обеспечивающих доверие между экономическими субъектами. Они оказались очень сильно ослабленными. Особенно серьезные изменения произошли в системе неформальных механизмов. В упадок пришла мораль, утрачены альтруизм и разумный эгоизм, значительно менее востребованными оказались ответственность, справедливость, солидарность.

Кризис 2008-2009 гг. ярко высветил проблему доверия в экономике, В. Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, не случайно обратил внимание на то, что «глобальный экономический кризис породил самый опасный социальный кризис – кризис доверия» [17]. Там, где рушится доверие экономических субъектов друг к другу, своим правительствам, мировым финансовым структурам, возникает всеобщее недоверие граждан к экономическим и правовым национальным и международным институтам.

В очень многих случаях доверительные отношения чиновников и предпринимателей, вместо того чтобы содействовать развитию экономики используются в корыстных, преступных целях. Об этом сегодня речь идет и на высоких государственных площадках, и в средствах массовой информации. Обычно, когда речь идет коррупции имеется в виду чиновничество. Но ведь взаимодействие не может быть односторонним, забывая о предпринимателях. Именно бизнес, добивающийся максимальной прибыли любой ценой, идет к этой цели, попирая многие моральные нормы. Не чиновники строят дома и дороги, станки и машины, товары и продукты с отступлениями от стандартов, нарушают сроки изготовления и поставок товаров и услуг, откупаясь от возмездия. Коррупция, «откаты», взяточничество, воровитость чиновников и предпринимателей дорого обходятся стране. «Вряд ли можно добиться успеха в модернизации, если платить коррупционный налог, составляющий 7% ВВП, многие сотни миллиардов в год. На нынешнем этапе, пожалуй, особое значение приобретает задача противодействия сращиванию чиновничества с бизнесом. О том, что данной ситуацией власть серьезно оза-

бочена, свидетельствует то, что в последнее время принят целый пакет антикоррупционных законов и установлен контроль за их исполнением. Нельзя не заметить, что ситуация меняется. Тысячи коррупционеров и взяточников, в том числе и представителей федерального эшелона власти, осуждены и получили срок.

В наши дни у субъектов экономических взаимоотношений в России снижение доверия выражается в следующем:

- власти заявляют, что корпоративные социальные программы в регионах зачастую работают недостаточно эффективно;

- руководители предприятий считают, что они на местах не имеют возможности, по сути, бесконечно компенсировать низкое качество регионального и местного управления, неэффективность расходования бюджетных средств.

Статистическое обследование промышленных предприятий показало, что основными факторами, ограничивающими инвестиционную деятельность, являются:

- неопределенность экономической ситуации в стране (назвали 38% респондентов);

- высокий процент коммерческого кредита (назвали 36% респондентов);

- недостаточность (по меркам развитых стран) государственных инвестиций в развитие экономики.

Сложившаяся в современной российской экономике ситуация с жесткой необходимостью востребовала совершенствование конструирования и укрепления доверия между государственными органами и бизнес-сообществом. При этом конструирование доверия «выступает как искусство гармонизации и нахождения общих задач и опорных точек сотрудничества, вокруг которых будут строиться совместными усилиями институты создания и поддержания доверия [18].

Заслуживает внимания годичный опыт деятельности одной из площадок деятельности Агентства стратегических инициатив «Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса». Его участники – предприниматели, знающие проблемные точки бизнеса как свои пять пальцев. Они понимают, как оперативно эти проблемы устранить. Они видят и прогнозируют, где могут возникнуть сложности и что нужно сделать, чтобы проблемы не возникали. Для деятельности «Клуба» характерны не критика или поиск виновных, а предметная работа над выявлением причин невыполнения пунктов «дорожных карт», совместные конструктивные и конкретные решения, изучение и применение международного опыта. Бизнес готов полноправно разделить ответственность за «дорожные карты», а не просто участвовать в их подготовке и вести мониторинг. В своем стремлении содействовать улучшению инвестиционного климата, движению навстречу изменениям как со стороны предпринимательского сообщества, так и со стороны власти, «клуб» ведет свою работу, вступая в диалог с ТПП РФ, РСПП, «Деловой Россией». *Он установил качественные прямые коммуникации с Минэкономразвития [19].*

Конструирование доверия может быть продуктивным лишь в том случае, когда для его осуществления объединяют свои усилия государство, бизнес-структуры и институты гражданского общества. При этом государство, определяя перспективы развития экономики и социальной сферы, одновременно создает необходимые институты, призванные обеспечивать высокий уровень доверия.

Реализуя функции осознанной координации деятельности субъектов взаимодействия, вырабатывая программы социально-экономического развития страны, государство тем самым создает условия для формирования и укрепления доверия экономических агентов и институтов гражданского общества.

Примером конструирования доверительных отношений между властью и бизнесом служит пробивающая в последние годы себе дорогу такая модель их взаимодействия, как *государственно-частное партнерство* – сотрудничество государственных и частных структур как равноправных партнеров, взаимно дополняющих друг друга. Характерными особенностями такой модели являются следующие признаки:

- стороны партнерства должны быть представлены как государственным, так и частным секторами экономики;
- взаимоотношения сторон государственно-частного партнерства должны носить партнерский, т.е. равноправный, характер;
- стороны государственно-частного партнерства должны иметь общие цели и четко определенный государственный интерес;
- стороны государственно-частного партнерства должны объединить свои вклады для достижения общих целей;
- взаимоотношения сторон государственно-частного партнерства должны быть зафиксированы в официальных документах (договорах, контрактах и др.);
- стороны государственно-частного партнерства должны распределять между собой расходы и риски, а также участвовать в использовании полученных результатов [20, с. 358-359].

На уровне регионов на формирование и укрепление доверия государственных и частных структур все чаще используется такая модель взаимных экономических отношений, как *кластер*. В экономическом смысле *кластер* - это устойчивое пространственное (на уровне региона или муниципального образования) партнерство, объединенное инновационной программой внедрения передовых производственных, инжиниринговых, финансовых, управленческих технологий с целью повышения конкурентоспособности его участников, основанное на взаимодействии власти, бизнеса и общества.

Кластерная модель взаимодействия меняет содержание региональной промышленной политики: усилия органов власти направляются не на поддержку отдельных предприятий и отраслей, а на развитие системы взаимоотношений между субъектами экономики, властью в лице государственных институтов и обществом. Она дает возможность сформировать и реализовать

крупные межотраслевые и межрегиональные инвестиционные и инновационные проекты национального значения [20, с.314].

В арсенале форм взаимодействия государства и предпринимательских структур, действующих на основе доверия, специфическое место занимают *саморегулируемые организации* (СРО), которым государство делегировало часть своих организационных и контрольных функций. Саморегулируемая организация – это некоммерческая организация, созданная в целях саморегулирования, основанная на членстве, объединяющая субъектов предпринимательской деятельности, исходя из единства отрасли производства товаров (услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг), либо объединяющая субъектов профессиональной деятельности определенного типа.

В России порядок образования и деятельности СРО, основные цели и задачи регламентируются Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 315 – ФЗ «О саморегулируемых организациях» и Гражданским кодексом РФ. Основная идея СРО – переложить контрольные и надзорные функции за деятельностью субъектов в определенной сфере с государства на самих участников рынка. При этом государственный надзор за деятельностью смещается на надзор за качеством и результатом деятельности.

В связи с внедрением института СРО постепенно будет отменяться лицензирование отдельных видов деятельности. С 2010 г. функции лицензирования профессиональной деятельности, связанной с безопасностью и повышенной ответственностью, были переданы СРО, которые в настоящее время и выдают *свидетельства о допуске* к строительным, проектировочным, изыскательским, инженерным работам, а также разрешения на проведение энергетического аудита. Членам СРО в области строительства в соответствии с законодательством доверено контролировать работу друг друга – с точки зрения соблюдения технологий строительства, качества и безопасности объектов, а также финансовых отношений с третьими лицами.

Создание СРО как механизма доверительных отношений между предпринимательскими структурами и между властью и бизнесом привнесло на российский рынок основные преимущества и выгоды:

- очевидное снижение бюрократической и коррупционной составляющей в лицензировании отдельных видов деятельности;
- повышение профессионального контроля над разработкой и реализацией профильных проектов;
- оперативная выплата компенсаций пострадавшим в случае нанесения ущерба;
- защита и поддержка добросовестных подрядчиков и исполнителей на всех уровнях;
- улучшение взаимоотношений между бизнесом и государством;
- повышение квалификации на основе организуемых саморегулируемыми организациями курсов и тренингах;
- более динамичное внедрение инновационных технологий с помощью постоянного обмена опытом;

- проведение круглых столов, третейских судов, независимых экспертиз на профессиональном уровне;
- глобальная информированность участников обо всех знаковых вопросах и проблемах отрасли;
- ужесточение финансовых санкций к недобросовестным подрядчикам, включая отказ в повторной выдаче Свидетельства допуска;
- целенаправленный и продуманный поиск инвесторов, партнеров и заказчиков;
- общий рост ответственности за реализуемые программы с соответствующим повышением качества и соответствия проектов актуальным стандартам и нормам [21].

В настоящее время в России саморегулируемые организации успешно действуют в сфере строительства, проектирования, хозяйственного арбитража и в других сферах.

Членам СРО в области строительства в соответствии с законодательством доверено контролировать работу друг друга – с точки зрения соблюдения технологий строительства, качества и безопасности объектов, а также финансовых отношений с третьими лицами.

В современной России реальные действия представителей бизнеса и власти во многих случаях существенно отличаются от тех принципов, которые содержатся в правовом механизме, в моральных нормах деловых отношений. Оптимальная модель взаимоотношений государства и предпринимательского сообщества пока еще только формируется. Нередко их взаимодействие строится не столько на нормативно-правовых основаниях, сколько на личных договоренностях, соглашениях, основанных на теневых взаимоотношениях и др., которые потом облачаются в официальные документы. Довольно часто такие отношения проявляются в невыполнении обязательств, двойной игре: предприниматели - скрывают налоги, государственные структуры – допускают неэффективное расходование бюджетных средств.

В очень многих случаях доверительные отношения чиновников и предпринимателей, вместо того чтобы содействовать развитию экономики используются в корыстных, преступных целях. Об этом сегодня речь идет и на высоких государственных площадках, и в средствах массовой информации. Обычно, когда речь идет о коррупции имеется в виду чиновничество. Но ведь взаимодействие не может быть односторонним, забывая о предпринимателях. Именно бизнес, добивающийся максимальной прибыли любой ценой, идет к этой цели, попирая многие моральные нормы. Не чиновники строят дома и дороги, станки и машины, товары и продукты с отступлениями от стандартов, нарушают сроки изготовления и поставок товаров и услуг, откупаясь от возмездия. Коррупция, откаты, взяточничество, воровитость чиновников и предпринимателей дорого обходятся стране. «Вряд ли можно добиться успеха в модернизации, если платить коррупционный налог, составляющий 7% ВВП, многие сотни миллиардов в год. На нынешнем этапе, пожалуй, особое значение приобретает задача противодействия сращиванию

чиновничества с бизнеса. Нельзя не заметить, что ситуация меняется. О том, что данной ситуацией власть серьезно озабочена, свидетельствует то, что в последнее время принят целый пакет антикоррупционных законов и установлен контроль над их исполнением. Сотни коррупционеров и взяточников, в том числе и представителей федерального эшелона власти, осуждены и получили срок.

Проблема взаимного недоверия многоаспектна и требует не частичных решений, а комплексного подхода, использования мер правового, экономического, организационного, психологического характера, привлечения к ее разрешению не только субъектов исследуемого взаимодействия, но и средств массовой информации, образования и науки, системы мотивации, форм и методов принуждения, совершенствования законодательства и правоприменения.

Для восстановления полноценного социального доверия представляется необходимым: во-первых, восстанавливать во всем обществе ослабленные в последние десятилетия неформальные механизмы альтруизма и разумного эгоизма, то есть основы моральной регулятивности. Во-вторых, точно и аккуратно выстраивать формальные правовые регулятивные механизмы в осознанном сопряжении с неформальными моральными механизмами. В том числе учитывать и обеспечивать продуманный баланс между принципами альтруизма и разумного эгоизма в нормах законодательства.

Укрепление доверия государства и бизнеса возможно при совершенствовании структуры и деятельности системы государственного управления, создании условий для повышения эффективности и социальной ответственности российского бизнеса и его заинтересованности в решении общественно значимых задач.

В этих целях представляется необходимым на основе систематического мониторинга и анализа реальной ситуации, выявления проблем и реальной оценки имеющегося потенциала – определять цели и задачи развития экономики страны и разрабатывать научно-обоснованные программы и планы их реализации, используя потенциал эффективности взаимодействия государства и бизнеса.

Практика свидетельствует, что фундаментом процесса формирования и укрепления доверия власти и бизнеса, основой для эффективного их сотрудничества должны служить обратная связь, открытость, прозрачность, ясность, бесконфликтность в их отношениях. Деятельность частных предприятий должна быть понятна для власти, но и бизнесу должно быть совершенно ясно, какова реальная позиция власти по отношению к нему. Противоречия во взаимоотношениях бизнеса и органов власти снимаются, прежде всего, транспарентностью (открытостью) и взаимной социальной ответственностью. Народная мудрость утверждает: «Открытость формирует доверие, доверие порождает уважение, уважение ведет к содействию и взаимопониманию». Власть будет доверять бизнесу, если будет видеть открытость частных

компаний, и бизнес чувствует себя тем комфортнее, чем выше его доверие государству.

Повышению уровня взаимного доверия бизнеса и власти способствует развитие системы партнерских взаимоотношений (ГЧП, кластеры и др.), ориентированной на конструктивный диалог государственного аппарата и бизнес-структур, рассчитанной на обеспечение синергетического эффекта от согласованной деятельности всех субъектов экономической деятельности.

Заинтересованность обеих сторон в обеспечении нормальных осознанных взаимоотношений востребовало создание соответствующих служб в государственных и частных структурах. В компаниях создаются службы по связям с органами государственной власти (GR), а в органах государственной власти – PR-подразделения по связям с общественностью. Такие подразделения, (совместно с руководством компаний и госорганов), в целях создания условий для открытости и предсказуемости взаимоотношений, стремятся находить общий язык, формулировать общие, взаимоприемлемые принципы взаимодействия бизнеса и государства.

Несовпадение объективных интересов государства и предпринимателей нередко приводит к возникновению спорных вопросов, которые не всегда целесообразно решать в судебном порядке, а достаточно обсуждения и совместного решения с участием неофициальной стороны. Необходим специальный институт, обладающий не только специальными знаниями в предметной области, но и обладающий соответствующими необходимыми полномочиями. В отечественной и зарубежной практике в качестве таковой инстанции зарекомендовал себя «третейский суд», создаваемый при торгово-промышленных палатах. Участие в разрешении спорных вопросов «третейского судьи» гарантирует объективность принимаемого решения, удовлетворяющего обе стороны. «Однако для того, чтобы данный институт был достаточно легитимен, необходимо гарантировать ему полную независимость и придать ему соответствующий политико-административный статус» [5, с.85].

Дальнейшее укрепление доверия государства и бизнеса возможно при совершенствовании структуры и деятельности системы государственного управления, создании условий для повышения эффективности российского бизнеса и его заинтересованности в решении общественно значимых задач.

Таким образом, четкое формулирование и выявление реальных проблем в деятельности по формированию доверия между властью и бизнесом, факторов и условий, обеспечивающих его укрепление, а также блокирующих данный процесс, способствует совершенствованию взаимоотношений государства и предпринимательских структур, позитивного социально-экономического развития страны.

Литература

1. Мильнер Б.З. Принципы установления доверия. {Электронный ресурс} <http://amt-training.ru/content/articles/2396/>
2. Российская газета. 2012. 13 декабря.
3. Невский С.И. Концептуальные основы послевоенного экономического строения ФРГ//http://economicarggu.ru/2008_2/16.shtml

4. Роста экономики не будет//<http://finance.rambler.ru/news/economics/126038761.html>
5. *Изгалина Л.Г.* Глобальный кризис и механизмы государственно-частного партнерства.//Власть.-2009.-№10.-С.84
6. <http://www.eg-online.ru/article/93339/>
7. http://waytop.ru/obem_investicij_v_osnovnoj_kapital.html
8. Российская газета.2013.22 февраля.
9. <http://www.forbes.ru/news/231950-ottok-kapitala-iz-rossii-v-2012-godu-snizilsya-do-568-mlrd>
10. <http://www.hakamada.ru/1323/Paper/Dokument.2004.09.21.4503>
11. *Кара И.В.* Общество и власть в России: стратегии доверия и взаимодействия. {Электронный ресурс}<http://www.gazetaprotessant.ru/2012/01/obshhestvo-i-vlast-v-rossii-strategii-doveriya-...>
12. http://rus.ruvr.ru/2012_09_21/Medvedev-Bjdzhet-RF-okasalsja-zhestchem-pred...
13. Рынок доверия и национальные модели корпоративного сектора экономики <http://capital-rus/articles/article/174021>
14. <http://www.hse.ru/busgov/news/15984165.html>
15. <http://bishelp.ru/vlast/detail.php?ID=4614>
16. Цит. по: *Тимофеева Л.Н.* Роль GR-служб формировании доверия между бизнесом и властью.//Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия. М.: Изд-во РАГС.2010.
17. *Зорькин В.* Доверие и право.//Российская газета. 2013. 29 апреля
18. <http://do/gendocs/ru/docs/index-243858.html?page=3>
19. <https://news.dip.ru/ekonomics>.
20. *Уколов В.Ф.* Взаимодействие власти, бизнеса и общества. Учебник. М.: «Экономика», 2009. С. 358-359.
21. <http://azbuka-sro.ru/>

УДК 323

Голобородько А.Ю.

«Человеческое измерение» государственной культурной политики в системе национальной безопасности

В статье представлено обоснование авторской позиции, в соответствии с которой в качестве релевантного контента государственной культурной политики в системе национальной безопасности рассматривается изучение вопросов развития человеческого потенциала; в рамках позиционируемой гипотезы государственная культурная политика в целевых контурах повышения качества человека выступает фактором гармонизации общественной и политической жизни, условием социального развития и предпосылкой системной модернизации страны.

Ключевые слова: развитие человеческого потенциала, государственная культурная политика, национальная безопасность.

Среди наиболее ярких и очевидных тенденций сегодняшнего, безусловно, противоречивого, этапа развития мирового сообщества, специалистами выделяется феномен «изменчивости»; ср. меткую характеристику профессора И.Л. Андреева, отмечающего, что «... неизменными сегодня становятся сами изменения, носящие все более глубокий и тревожно непредсказуемый характер» [1, с. 95].

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что в эпоху «текучей модернити» (по терминологии З. Баумана) получает развитие и практическое подтверждение положение, при котором «изменение – единственная неизменность, а неопределенность – единственная определенность» [2, с. 81]. Ряд исследователей, в рамках анализа и выявления трендов эпохи неоглобализма, отмечают, что в нынешних условиях время становится нелинейным – оно ускоряется и тоже неравномерно, рывками... (ср.: «социальное время в эпоху информатизации и глобализации сжалось неимоверно» [3, с. 90]). Изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным. Люди живут, как кочевники, и не строят длительных жизненных планов. Это порождает аномию – разрыв человеческих связей и утрату чувства взаимной ответственности. Начинается эпоха «слабых связей». Жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений» [4, с. 27].

Учёные, исследующие современный мир в контурах глобализации, противоречивы в оценке перспектив мирового развития. Прямо или косвенно признается, что, так как мы находимся далеко от общества «всеобщего бла-

годенствия», конечный экономический разрыв между «золотым миллиардом» и остальным миром усугубляется; и Россия в этом пространстве рискует закрепится в статусе мировой периферии (ср. [5, с. 179]).

Что может противопоставить Россия вызовам времени, на каких релевантных основаниях может строиться модель стратегического развития, призванная обеспечить достижение заявленной цели широкомасштабной модернизации и инновационного технологического прогресса?

Заместитель главного ученого секретаря РАН, член президиума ЮНЦ РАН В.В. Иванов (см. [6]) совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает: опыт стран показывает, что наиболее интенсивного развития можно добиться, если проводить политику, в основе которой лежит приоритет человеческого...; это требует формирования государственной политики инновационного типа, принципиальным отличием которой от традиционной инновационной политики является переход от безудержного потребления и создания инноваций в интересах бизнеса к политике повышения качества жизни, развития человеческого потенциала на основе достижений науки.

Именно поэтому безусловную актуальность применительно к России как государству-цивилизации (считаем подобную номинацию оправданной, справедливой и исторически обусловленной) приобретает необходимость поиска новой формулы человеческого общежития – альтернативной сосредоточенности на экономическом росте как на единственном лекарстве от всех социальных недугов.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020» (документе, имеющем при очевидной небесспорности ряда посылов, по нашему мнению, серьёзные основания позиционироваться в качестве доктринально оформленного и гносеологически значимого смыслового конструкта) отмечается, что системная модернизация страны, результатом которой должны стать существенное повышение качества жизни населения и обретение Россией статуса мировой державы, самым тесным образом связана с решением задач, напрямую относящихся к сфере культуры (см. [7]).

Решение этих задач может, по нашему мнению, конкретизироваться разработкой и реализацией инструментария, призванного обеспечить оптимизацию возможностей использования потенциала культуры как фактора гармонизации общественной и политической жизни, условия социального развития.

«Культуроустремленные» механизмы консолидации общества и оптимизации пространства межличностных коммуникаций, ориентированные, в рамках позиционируемой гипотезы, в том числе на возрождение межпоколенческих связей, восстановление отношений преемственности в «цепи времён», могут быть институционально оформлены в виде особой когнитивной и технологической платформы – государственной культурной политики.

Государственная культурная политика изучается нами как фактор развития человеческого потенциала и повышения качества человека, ресурс

противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности в современных условиях и предпосылка системной качественной модернизации страны.

И действительно: одним из базовых факторов успешности «движения страны» в сторону достижения стратегической цели широкомасштабной модернизации является осознание однозначности и бесспорности того, что единственной возможностью для этого может выступить включение дополнительных, выходящих за рамки экономического измерения, ресурсов. Речь, очевидно, идет о создании условий для возрождения и преумножения духовных традиций народа, переориентации получивших развитие в последнее время ценностно-мотивационных установок в «материально-потребительских координатах» посредством возрождения преданных, в значительной степени, забвению морально-этических и культурно-творческих ориентиров жизнедеятельности (ср. [8, с. 86]).

Вопросы стратегического развития страны гораздо шире собственно экономического пространства реализации: «...мне всего, – писал Н.А. Бердяев, – экономика может создать нового человека. Экономика относится к средствам, а не целям жизни. И когда её делают целью жизни, то происходит деградация человека» [9, с. 648]. В современной России, как представляется, и произошла эта подмена: экономика перестала быть средством и стала целью, вызвав тем самым спрогнозированный одним из крупнейших российских мыслителей эффект снижения духовных и нравственных ценностей в континууме жизненных установок, поступков и поведенческих актов человека.

Разрабатываемая нами точка зрения заключается в том, что государственная культурная политика в системе национальной безопасности России обусловлена потребностями и характером провозглашенной социальной и политической модернизации. При этом в качестве базовой теоретической посылки выступает позиция, заключающаяся в том, что при разработке культурной политики в контексте обеспечения национальной безопасности ведущую роль должны играть ориентиры на сохранение целостного культурного пространства страны, активизацию элементов гражданского общества и духовно-интеллектуального потенциала культуры России.

Именно в гуманитарной сфере общества, в решении задачи развития человеческого потенциала, повышения уровня нравственности, преумножения духовных традиций, расширения культурного пространства и создании возможностей для активного использования в экономической, политической, социальной, образовательной и других сферах культурного потенциала народа, лежит ключ как к обеспечению национальной безопасности современной России (ср. [10, с. 46]), так и, по нашему мнению, достижению целей системной модернизации. Наша позиция, очевидно, коррелирует с точкой зрения Ю.Г. Волкова, отмечающего в контурах размышлений о поиске оптимального пути (проекта) стратегического развития страны, что «...если считать экономику не ограничением, а реализацией творческой природы человека, его инновационного потенциала, если не видеть в социальной сфере только функциональную взаимосвязь, а сеть социальных коммуникаций, если обра-

щаться к культуре как мере человеческого в человеке..., то такой проект может быть гуманизацией российского общества» [5, с. 182-183].

Для гуманизма высшей целью является развитие человека...

«Человек – мера всех вещей», «построить модель экономики без модели человека невозможно», «модернизация экономики станет реальностью только при условии модернизации сознания» – эти и многие другие широкоизвестные формулы могут и должны, по нашему мнению, «обрести дыхание» в наши дни, во втором десятилетии XXI-го века – в эпоху, одной из очевидных тенденций которой становится феномен «сосуществования» различных моделей, комплементарности и взаимозависимости используемых теорий, практик и технологий организации современного устройства стран и мира в целом.

Для сегодняшней России, переживающей сложный переходный период своего развития, особую актуальность приобретает цель возрождения традиционных социокультурных образов и духовно-нравственных основ, в разное время служивших смысловыми скрепами народного единства, фактором развития пассионарности (в её понимании как «общего психологического тонуса») народа России... фундаментом для строительства ценностей и ориентиров, исторически определявших уникальность, устойчивость и успешность существования России как государства-цивилизации и способствовавших укреплению национальной безопасности страны.

Каковы в этой связи могут быть шаги, механизмы, инструменты, использование которых будет способствовать, посредством оптимизации условий для аккумулирования потенциала культуры в политике и управленческой практике, расширению возможностей развития человеческого потенциала, строительства нравственных и духовных ценностей и ориентиров как стратегических основ жизнедеятельности человека.

Выделим, в качестве возможных теоретических и практических шагов, предлагаемых рядом современных исследователей и разделяемых нами, в частности, следующие:

– активная пропаганда гуманистического мировоззрения, культуры и воспитания (В.В. Цыганов);

– разработка ряда стратегически важных, доктринального порядка, документов (Д.Ш. Халидов): доктрины информационно-культурной безопасности современной России, дополненной геополитической доктриной и доктриной национальной безопасности России; Федерального Закона «СМИ и национальная безопасность»: очевидно, что в век «обилия информации» (которое, как показывает реальность, зачастую её и обесценивает) представляется очень важным «информационно-ориентированный» аспект нормо/законотворчества в области организационно-управленческого обеспечения реализации государственной культурной политики как фактора национальной безопасности;

– разработка и активное внедрение в практику средней и высшей школы образовательных программ и просветительских курсов по проблемам

тике государственных ценностей, государственно-информационной политики (С.С. Сулакшин, С.Г. Кара-Мурза и др.), политики и морали (Л.Н. Тимофеева) и др.

В усиление указанной позиции относительно необходимости реализации, в рамках поиска возможностей повышения эффективности государственной культурной политики, комплекса действий, направленных на развитие сущностных, естественных с точки зрения самой природы человека, качеств и ценностей человеческого присутствия в мире, представляется уместным, обратившись к творческому наследию ряда ведущих отечественных и зарубежных учёных в области психологии, отметить, что «... Смысловая архитектура внутреннего мира человека позволяет не только смыслообразно строить свои отношения с миром, но и всякий раз преодолевать ограничения собственного «Я», выходя в социальное и духовное измерения; социальный и духовный миры в той же степени являются необходимыми фрагментами целостного мира, в котором познает и действует человек, как и физическая среда, окружающая его» [11, с. 109]. При этом «любое психическое образование... является не результатом пассивного зеркального отражения предметов и их свойств, а результатом отражения, включенного в действенное, активное отношение субъекта к этим предметам и их свойствам...» [12, с. 474].

«Психологический» аспект рассуждений относительно природы присутствия в сознании человека – субъекта познания – модели мира как образа бытия, на наш взгляд, оправдан в рамках настоящей работы с точки зрения эксплицирования и обоснования выдвинутой нами гипотезы о важности и востребованности использования ресурсов культуры как смыслоориентированного пространства человеческой жизнедеятельности в государственном управлении, одним из предназначений и результирующим эффектом которого, очевидно, является обеспечение национальной безопасности. К тому же значительная роль в нашем исследовательском конструкте отводится набирающей вес в современной политологии позиции, в соответствии с которой в начале XXI-го века констатируется новый тип гуманитарной инноватики, базирующейся на когнитивной матрице, которая апеллирует к категориям «смысл», «понимание», «интерпретация» и др. (ср. [13, с. 36]).

Предположим в этой связи (разделяя мнение С.Г. Кара-Мурза о том, что созданные в культуре и внедренные в сознание человека образы (в частности, добра и зла) должны постоянно «возделываться» из сырья объективной реальности инструментами государственного участия [14, с. 6]), что одним из основных инструментов государственной культурной политики должна стать системная информационно-просветительская работа, культурно-историческое просвещение населения в части пропаганды нравственных, духовных ценностей. Человек с юных лет должен получать возможность познавать эти ценности, причём не только познавать, но и делать свое понимание (= осознание) их достоянием собственного психического опыта, своей смыслоориентированной деятельности, маркером своего присутствия в мире.

На основе вышесказанного целесообразным представляется отметить, что наш исследовательский конструкт изучения государственной культурной политики в системе национальной безопасности, получая очевидное «человеческое» (как пространства смыслов) преломление, позволяет констатировать достаточно высокую степень релевантности рассмотрения успешности государственной культурной политики, реализуемой в рамках деятельности институтов государственного управления, и достижения стратегической цели повышения «качества человека» – гражданина России – как её главного адресата; или, в психолого-когнитивной терминологии – эмпирического субъекта, строящего на протяжении всей своей жизни при помощи сознания свою теорию – картину мира, свой образ бытия.

В свою очередь полагаем, что вопрос оценки качества человека как показателя и результирующей государственной культурной политики, и в содержательном плане, и «по линии» выделения критериев эффективности, естественным образом коррелирует с наполнением его (человека) жизнедеятельности смыслами духовно-нравственного ориентирования, с «расширением пространства добра», осуществляемого человеком (см., например, у Н.К. Рериха: «Культура есть утверждение добра во всей его действительности» (цит. по [15, с. 31]), что есть не что иное, как расширение пространства культуры как тотальности (по терминологии Ю.А. Жданова) человеческой деятельности (ведь «Мир культуры – мир целостности, охватывающий все стороны деятельности, в этом смысле культура представляет собой тотальность деятельности, интегративную и интегрирующую её сторону» [там же]).

Кроме того, одним из существенных признаков культуры является её преемственность: без преемственности, эстафетной передачи содеянного от поколения к поколению, опоры новых поколений на фундамент, построенный их предшественниками... бессодержательным и пустым является представление о развитии и прогрессе (ср. [15, с. 412]). В этой связи именно механизмы культурной политики могут, думается, обеспечить возможность постепенного преодоления и разрыва «гордиева узла» проблем, вызванных выдвиганием в авангард современных процессов общественного устройства негативных трендов, одним из проявлений которых выступает вышеобозначенный феномен «аномии».

В завершение подчеркнем, что изучение вопросов «человеческого» измерения государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности представляется нам целесообразным и релевантным, что может, в частности, быть эксплицировано следующими причинами: во-первых, пониманием того факта, что именно на человека как действующего субъекта и смысловую модель мира ориентирован наш поиск продуктивного инструментария государственной культурной политики; во-вторых, необходимостью определения, в рамках конструкта и применяемой методологии исследования, базовых результирующих ориентиров, одним из которых снова выступает, очевидно, – объект (адресат, реципиент) самого политического воздействия; в-третьих, попыткой продвижения, сколь бы смело это ни

звучало, на пути к обнаружению ответа на один из фундаментальных вопросов политики: что есть человек?

Позиционируемое в работе понимание смысла человеческой деятельности как расширение пространства культуры (осознающейся нами как тотальность человеческого бытия), представленный, в формате ряда предложений по реализации некоторых практически ориентированных действий, инструментарий культурно-исторического просвещения, обеспечения культурно-информационной безопасности и др., может, на наш взгляд, выступить предпосылкой возрождения в российском обществе ценностей духовности, нравственности в их «способности быть выше своего собственного материального и иного удовольствия, быть в интересах других», что, в конечном итоге, обеспечит развитие многообразия смыслового присутствия человека в обществе, стимулирует в нем созидательное творческое начало.

«Человеческое» измерение государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности России в методологическом, технологическом и результирующем аспектах должно, на наш взгляд, предусматривать цель повышения «качества человека» как гражданина-патриота своей страны, его развитие как творческой смыслоориентированной личности в рамках общества, его следование нравственным ориентирам в пространстве многообразной деятельности: «перед каждым человеком стоит задача – быть человеком – сегодня, завтра, всегда... из этого и складывается история» – писал в своём удивительно мощном по силе культурно-просветительского, мировоззренческого и гносеологического воздействия романе «Плаха» гениальный Ч. Айтматов...

Ведь прежде всего важно то, что происходит в мире, который ты построил внутри себя... и если в этом, каждый раз заново выстраиваемом мире налажено производство смыслов, восполняется понимание, значит, ты находишься в потоке жизни... (ср. [11, с. 330]).

Литература

1. *Андреев И.Л.* Современные представления о сознании человека и человечества // Современное представление о человеческом сознании. Материалы науч. семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2012. С. 7-95.

2. *Бауман З.* Междувластие: Зигмунт Бауман беседует с Винченцо Делла Салла // Россия в глобальной политике. <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhduvlastie-15784>.

3. *Халидов Д.Ш.* Неадекватность системы управления в России // Государственная политика и управление современной России... Материалы науч. семинара. Вып. 1 (48). М.: Научный эксперт, 2012. С. 81-90.

4. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012.

5. *Волков Ю.Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006.

6. *Иванов В.В.* Имитация и инсценировка как признаки современности // Академия. 2013. № 3.

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/2009/05/13/>.

8. Багдасарян В.Э. Цивилизационно-ценностные ресурсы экономической стратегии // Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. М. Научный эксперт, 2011. С. 86-91.

9. Борохов Э. В. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999.

10. Колин К.К. Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 46-58.

11. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира: Прологомены к психологической теории смысла. Самара, 2000.

12. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание и деятельность // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 474.

13. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

14. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России... Материалы науч. семинара. Вып. 2 (49). М.: Науч. эксперт, 2012. С. 6-9.

15. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / В кн.: Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005.

УДК 32.01

Уварова Г.Г.

Политические механизмы парирования рискогенных экологических факторов в контексте политической науки

В статье анализируются различные аспекты и взаимосвязи с направлениями политологических исследований, показывая сложность и многоаспектность экологических проблем и рискогенных факторов, а также их значение для современной политики и политической науки.

Ключевые слова: экология, политика, политические механизмы, риск, политическая наука.

В настоящее время имеются основания с большой уверенностью утверждать, что современная политическая наука является достаточно сложной по своей внутренней структуре и затрагивает различные сферы, в которых в современной человеческой цивилизации проявляются различные политические факторы и процессы. В этом ключе исследование экологии в проблемном поле политической науки обуславливается зависимостью функционирования человеческой цивилизации от природных факторов[1].

Существенно детерминирует политические рискогенные факторы и механизмы их эффективного и своевременного парирования недостаточная компетентность политических лидеров, которая является одним из основных направлений политологического анализа. На первый взгляд кажется, что чем более знающим, опытным и профессионально подготовленным будет военно-политический деятель, тем вернее будет принятое им решение. Однако на

практике это не всегда так. Опыт и знания без развития могут приобрести форму стереотипа и вполне способны трансформироваться в косность мышления, рутинный подход к решению проблем. Между тем, перманентная и высокая динамика военно-политических процессов менее всего допускает клиширование подходов к решению возникающих задач обеспечения военной безопасности. Необходимость осуществить переход к новой модели эко-развития связан с определенной трансформацией подходов к разработке политических механизмов парирования рискогенных факторов в экологической политике. В контексте этой задачи экологическая политика должна:

1) переосмыслить развитие не примитивно экономически, только как увеличение потребления, но как создание достойной человека среды обитания;

2) учитывать долговременные, а не сиюминутные факторы и стать приоритетной в общей политике государства;

3) максимально приблизить технологические циклы к требованиям природы, использовать до конца ресурсы, вовлеченные в переработку, а отходы включать в природные биогехимические циклы без их нарушений;

4) изменить самого человека, его понимание ценностей, систему образования и воспитания[2, с.121].

Таким образом, защита интересов человечества, экологический императив его выживания, вобравший в себя множество забот и проблем, в том числе социально-экономических и политических, составляет суть экологизации политики.

Сегодня среди специалистов нет общего согласия относительно того, какие аспекты окружающей среды следует считать имеющими экологическое значение для политической системы и обладающими высокой степенью рискогенности. Некоторые авторы явно относят сюда целиком физическую, культурную и социальную окружающую среду. Другие сводят экологию к окружению физическому и не относящемуся к человеческому роду. Третьи же считают, что экология политической системы охватывает как физический, так и социальный аспекты окружающей ее среды, не включая в себя, однако, другие политические системы. Между тем, экология в качестве научной концепции первоначально была разработана как теория взаимодействующих биологических систем, с тех пор применялась к изучению многих видов социальных и политических систем. С этой, третьей, позиции другие политические системы рассматриваются как часть политического контекста, а не изолировано, как часть экологии изучаемой системы. При этом исследование взаимодействия между политической системой и ее контекстом иногда называют контекстуальным анализом в отличие от экологического анализа. Так в политологии заостряется внимание на важности факторов окружающей среды для функционирования политической системы, а также и обратного воздействия последней на окружающую среду. Например, серьезное воздействие на окружающую физическую, культурную и социальную обстановку может оказать правительство в какой-либо развивающейся стране, приступающее к осуществлению широкой программы земельной реформы. Итогом могут

быть, в частности, революция в агротехнике и землепользовании, развитие национального самосознания и чувства национальной общности, а также массовое перемещение людей из деревни в крупные города. Такие изменения, в свою очередь, могут иметь важные последствия для дальнейшего существования данной политической системы.

В связи с этим политический механизм парирования рискогенных факторов в современной экологической политике включает в себя и негосударственных акторов с их политическими целями, сложившимися правилами и процедурами. По нашему мнению, такое состояние будет обусловлено тем, что политика как социальная и системная деятельность носит имманентный характер, т.е. постоянно и внутренне связана с общественными противоречиями и конфликтами[3,с.5]. Поэтому рискогенные факторы играют важную роль уже в силу своей общественной значимости и постоянного присутствия в политическом дискурсе.

В проблемное поле политической науки концепт экологических рисков в их связи с экологической политикой был включен еще 70-80-е гг. XX в. Особенно заметно это прослеживается в трудах таких видных политологов, как Жан де ла Торре и Д. Нескарром. Именно этим ученым принадлежит фактически первая попытка классифицировать политические рискогенные факторы, связанные с экологической политикой, что позволило впоследствии сгруппировать и источники их возникновения, а, следовательно, и выработать методы парирования[4]. В основе предложенной ими классификации находится, прежде всего, объект воздействия рискогенных факторов, связанных с экологической политикой.

Вместе с тем, экологическая политика будет неизбежно связана с такими категориями, как экологическая стратегия, которую мы можем определить как совокупность конкретных политических целей и задач в экологической сфере, рассчитанных на реальные возможности и политические ресурсы их достижения. Известно, что экологическая политика непосредственно реализуется в сфере предотвращения глобальных экологических катастроф, охраны окружающей природной среды и использовании природных ресурсов, взаимодействия различных заинтересованных стран-участников и международных экологических организаций[5, с.24].

Следует отметить, что в теоретическом осмыслении политические механизмы парирования рискогенных факторов в современной экологической политике связаны с категорией естественного риска, и, видимо, ее следует рассматривать в рамках концепции конкретно российского и общемирового сообщества как многофакторное сочетание множества самых разных социальных, природных, предметных элементов, находящихся в постоянной динамике взаимоотношений. Поэтому риск в таком контексте – это естественно присущее, неотъемлемое свойство, которое хотя и является угрожающим фактором для равновесия и устойчивости существования любой социальной и политической системы, но как бы предусмотрено самим устройст-

вом мира и составляет один из факторов, обеспечивающих гармонию и целостность мира.

Очевидное стремление человека упорядочить первичный хаос бытия, предусмотреть максимальное количество обстоятельств своего будущего и определить в связи с этим направления своей деятельности, учесть все возможные перспективы развития событий и на основе этого принимать решения является составной частью политических механизмов парирования рискованных факторов в экологической политике. Именно это естественное стремление человека подстраховаться от риска своей деятельности привело к появлению особой отрасли знания (так называемой, калькуляции риска), особого направления, которое по определению предназначалось для разделения ответственности за риск отдельного лица или политической структуры. Так появилась первая осознанная, социально значимая форма упорядочения естественного риска, попытка проникновения воли человека в самоустройство мира с целью его корректировки. Не случайно, уже в эпоху Просвещения в науке проблема риска как стечения неблагоприятных случайных обстоятельств и угроза благополучному исходу отдельного предприятия или действия получила освещение в вероятностной математике, описывающей вероятность актуализации случайного события. Таким образом, движение социального мира в сторону развития договорных отношений между людьми и между обществом и государством можно рассматривать, как попытку унифицировать формы человеческого взаимодействия, т.е. создать одинаковость исходных условий для этого взаимодействия и, соответственно, поставить участников в равное положение относительно его срыва, актуализации риска и возможного ущерба для его участников. Таким образом, можно заключить, что в домодерном обществе уровень осознания обществом и индивидами сущности риска соответствовал степени реального риска социального бытия, который, хотя и присутствовал постоянно, вовсе не был тотальным и потому воспринимался как случайность.

Крупнейшие современные политологи связывают изменение отношения общества к рискам с началом модернизации. Причем, само по себе, понятие «модернизация» относится к историческому процессу перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, секулярному. Исследованию феномена модернизации в целом и конкретных модернизационных процессов, в частности, посвящена разнообразная литература. Было создано целое семейство теорий, стремящихся осмыслить логику развития человеческих обществ с помощью представления об универсальных типических стадиях развития культуры, через которые они проходят. При этом чаще всего такие стадии обозначаются двумя группами сходных понятий: это либо традиционное, современное и постсовременное (вариант – постэкономическое), либо доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное (информационное) общество. К тому же различные политические концепции часто вкладывают в эти понятия неодинаковое содержание. Наиболее детальный критический анализ классических и новых теорий модернизации

как генератора рискогенных факторов в экологической политике выполнен П. Штомпой [6]. Отдавая должное важной роли этих теорий в познании закономерностей общественного развития, автор отмечает, что они успели пережить сначала мощный расцвет, затем период резкой и справедливой критики и, наконец, реанимацию в форме современных постмодернизационных теорий.

В современных условиях модернизация общества, прежде всего, предполагает его индустриализацию, что привносит новые смысловые значения в понимание роли экологических проблем в проблемном поле современной национальной и мировой политики. Исторически возникновение современного общества тесно связано с зарождением промышленности и возрастанием давления на окружающую среду и с постепенным изменением отношения к этому явлению, а значит, и смещением политических акцентов. Все имеющиеся характеристики, связываемые с понятием модернизации, могут быть соотнесены с тем рядом перемен, который два столетия назад вызвал к жизни индустриальный тип общества: от концепции человека – покорителя и завоевателя – к пониманию политической опасности экологических рисков и стремлению к их минимизации. По вполне обоснованному мнению большинства исследователей, какие бы различия в истолковании модерности и модернизации ни существовали, общим является признание в качестве важнейшего фактора технологических инноваций. Кроме того, значение производственных технологий, индустриализация и выстраивание по технологическому признаку политической организации и даже параллель между технологическим производством и формированием сознания являются необходимым и достаточным признаком современности.

Бесспорно, на наш взгляд, то обстоятельство, что с развитием индустриальной цивилизации нарушился естественный баланс сил в связке политического и природного мира. Такой постепенный переход от трудовой производительной деятельности человека в пределах натурального хозяйства к промышленному производству и освоению природных ресурсов означал переход от самообеспечения своего выживания и выживания своей семьи к разделению труда и массовому производству отдельных видов товаров для свободного обмена на нужную продукцию иного рода. Это происходило через универсальное средство – деньги, к дальнейшей формализации человеческих отношений.

В доиндустриальную эпоху понятие природных ресурсов, необходимых для национального развития, не было рассмотрено в политическом поле. В эпоху масштабной индустриализации проблематика, связанная с природой, вошла сначала в русло борьбы за ресурсы, а затем и в идеологическую область, став одной из важнейших основ практически всех известных идеологий. Таким образом, суть подхода всех существующих на сегодняшний день систем политической оценки состоит в том, что основная ответственность за риск возлагается на национальное государство, которое до сих пор сохраняло за собой роль главной политической арены. При этом государство представляло собой своего рода институциональную матрицу для возникновения и

развертывания внутренних политических конфликтов, а его внешний контекст определяла биполярная структура международных отношений [7, с.102].

Основа процессов политической и экономической модернизации – индустриализация и создание индустриальной культуры, чрезвычайно улучшившей удобства человеческой жизни, условия существования человека. Известно, что эта эпоха характеризовалась формированием масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. В целом производство масс было составной частью индустриального производства: индустриальная система порождает и бюрократию, которая вполне «конкурентоспособна» по отношению к государству в подавлении свободы. Своеобразным триумфом индустриальной эпохи было вступление Запада в гедонистическую фазу, превращение его в общество потребления, в котором непосредственно экологическая составляющая и связанные с ней политические рискогенные факторы начинают играть доминирующую роль.

С методологической точки зрения, определяя место политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике, мы можем говорить о наличии в политической науке градации определенных видов экологической политики:

1. *Глобальная* – осуществление международных, политических и внешнеэкономических акций с расчетом экологических ограничений в социально-экономическом развитии, запасов имеющихся в мире природных ресурсов и их распределение между различными странами.

2. *Государственная* – социально-экономическая политика, в том числе внешняя, построенная на понимании эффектов и недостатков, связанных с плохим экологическим состоянием территорий и акваторий.

3. *Региональная* – связана с действиями конкретных государств в отношении собственных регионов, а также экологическая политика, которая осуществляется регионами в собственных интересах для эффективного парирования рискогенных факторов в экологической политике.

4. *Экологическая политика на уровне предпринимательства*. После получения экологией доминирующего статуса в системе общественных ценностей предприятие уже не может обойтись без отображения своей экологической политики в долгосрочных планах развития. Поэтому экологическую политику на уровне предпринимательства, особенно если учитывать значимость и экологическую опасность крупного бизнеса, необходимо рассматривать как стратегический элемент долгосрочного планирования глобальной, межрегиональной, национальной и региональной политики.

5. *Местная экологическая политика* заключается, в основном, в проведении локального объективного мониторинга, включающего в себя осуществление контроля соблюдения природоохранного законодательства, а также организацию разработки местных экологических программ и проектов, их согласование с общегосударственной экологической политикой.

В этой связи в проблемном поле политической науки могут рассматриваться самые разнообразные инструменты экологической политики. Это,

прежде всего, инструменты, используемые национальными правительствами, чтобы осуществить собственную экологическую политику. Например, экономические стимулы и основанные на рыночных отношениях инструменты, такие как налоги и освобождения от них, ходкие разрешения и взносы могут быть очень эффективными, чтобы поощрить их согласие с экологической политикой[8].

Достаточно часто несколько инструментов объединяются для решения определенной проблемы охраны окружающей среды. И так как у современных экологических проблем часто имеется много различных политических аспектов, могут быть объективно необходимы несколько научно-познавательных и аналитических инструментов, для того, чтобы обратиться к каждому аспекту, непосредственно связанному с экологической политикой. Кроме того, комбинации инструментов экологической политики могут дать правительствам и всем заинтересованным сторонам политического процесса большую гибкость в поиске способов решения экологических проблем и своевременного парирования возникающих в экологической политике рискованных факторов, используя при этом адекватные политические механизмы, и таким образом уменьшая неуверенность в стоимости выполнения. Однако сочетания инструментов должны быть тщательно сформулированы так, чтобы отдельные меры в пределах них не дискредитировали друг друга. Кроме того, накладывающиеся друг на друга инструменты ведут обычно к ненужным административным расходам, делая стоимость выполнения различных мероприятий, связанных с экологической политикой, выше, чем современное общество готово принять безболезненно для себя.

В качестве конкретного примера системности подобных эколого-политических проблем и необходимости их комплексного анализа в политологическом исследовании можно привести известные меры по повышению эффективности использования энергии. Проблема состоит в том, что в современных условиях требуется все больше энергии, однако попытки реализовать действия, которые могут фактически увеличить ее потребление в традиционном ключе, ростом добычи углеводородных ресурсов, встречают серьезное политическое сопротивление. Очевидно, что человечеству требуется начать использование более эффективных энергоносителей, но при этом возникают значительные политические и экономические издержки. Так, одним из недавних примеров является попытка ввести для германских автомобилистов новый вид топлива, который до конца не изучен и использование которого привело к массовым поломкам автомобилей, вызвав волну протестов, ставших серьезным внутривнутриполитическим фактором.

В проблемном поле политической науки экология представляется в качестве направления, отличающегося достаточно жесткими алармистскими установками. Экология значительно трансформировала политический дискурс, поскольку глобальная экология уже по своей сути предполагает прорыв в будущее, она футурологична. В этом качестве она отвечает не только общей направленности теории развития, ищущей разгадки будущего, но и в высокой

степени стимулирует этот поиск. Кроме того, экологические отношения расширили круг глобальных и вообще всех проблем общественного развития рядом универсальных и общественно значимых проблем, решение которых потребовало совместных усилий многих направлений общественной мысли и одновременно обогатило их экологической темой [9, с.79].

Экологическая тематика действительно обогатила политическую науку новыми направлениями и идеями, но она принесла и новые когнитивные проблемы и задачи. Прежде всего, современная экологическая система как фактор политической жизни связана с рядом дополнительных категорий. К ним мы можем отнести в первую очередь ее повышенную рискогенность, взаимосвязанность различных элементов – глобальных, региональных и локальных, необходимость политического реагирования на любую экологическую катастрофу и проблему, очевидную значимость политических механизмов в решении экологических проблем и в преодолении последствий уже произошедших экологических катастроф.

Однако очевидно, что за последние 10-15 лет в обществе произошли серьезнейшие трансформации, которые, вероятно, не оказывают прямого воздействия на политические риски, но, тем не менее, меняют поле его возникновения. Когда мы говорим о «поле», мы, прежде всего, подразумеваем совокупность взаимосвязей политического характера в когнитивном пространстве, связанном с разработкой эффективных политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике.

Литература

1. *McCormick J.* Environmental Policy in the European Union. The European Series. Palgrave, 2001; *Dieter H.* Environmental policy: Objectives, instruments, and implementation. Oxford: University Press Distribution Services (UK), 2000; *Jane R.* Environmental policy. Routledge, 2004.

2. *Климов Ю.* Политическая экология – новое научное направление. М.: Дело, 2011. С. 121.

3. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1982. P. 5.

4. *De la Torre J., Neckar D.* Forecasting political risk for international operations // International journal of forecasting, 1988.

5. *Vig N.J., Kraft M.E.* Environmental policy: new directions for the twenty-first century. D.C. CQ Press, 2003. P. 24.

6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. Гл. 9 (Теории модернизации. Старые и новые), гл. 6.

7. *Глухова В.* Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социальные исследования. 2005. № 6. С. 102.

8. *Homier-Dixon T.* Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. 1994. Vol. 19. № 1. P. 5-40.

9. *Кравченко И.И.* Будущее мира и российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М.: Ин-т философии РАН, 2005. С. 79.

Проблемы геополитических и этнополитических детерминаций политического процесса на Южном Кавказе

В статье рассматриваются проблемы геополитической и этнополитической детерминации развития демократических политических процессов на Северном и Южном Кавказе.

Ключевые слова: геополитика, этнополитика, демократия, оппозиция.

На современном этапе геополитические интересы практически всех стран мира стали одними из основных движущих сил в современных политических процессах. Коренное изменение миропорядка и геополитической ситуации после прекращения идеологического противостояния двух социальных систем происходит на фоне повсеместного усиления угроз экспансионизма, сепаратизма, национализма, международного терроризма. Это все актуализирует необходимость обновления идейно-теоретических и методологических основ исследования геополитических позиций основных политических субъектов как власти, так и оппозиции. Политический процесс выстраивается на определенных этапах в соответствии с фиксированными геополитическими интересами, которые в современных условиях становятся важными факторами, детерминирующими характер отношений между государствами, связанных с решением территориальных и ресурсных проблем. Геополитика является одновременно политическим процессом, обусловленным пространственными факторами, а также целенаправленной стратегией управления политическим пространством. Важным направлением геополитики в глобализируемом мире становится внутренняя геополитика, т.е. совокупность целей, принципов и направлений деятельности субъектов политики на субнациональном (внутригосударственном) уровне. В современной западной геополитике стали преобладать постмодернистские концепции «soft power», предполагающие взаимодействие не только национальных государств, но и в нарастающей мере транснациональных корпораций, международных организаций, внутригосударственных регионов, наконец, оппозиционных партий и политических движений. Методы обеспечения геополитического контроля становятся все более гибкими, преобладают идеологические и экономико-финансовые способы подчинения пространства.

Рассмотрение политического процесса, как демократического, так и авторитарного сквозь призму геополитических воззрений позволяет понять перспективы развития Северного и Южного Кавказа. Особенно актуальным остается теоретическое осмысление содержания самих геополитических позиций, лежащих в основе современного политического процесса в таком сложно регионе, как Северный и Южный Кавказ, прояснение их роли, содержания и характеристики.

По определению В. Цымбурского, Кавказ - это Великий Лимитроф, образованный переходящими друг в друга перифериями всех цивилизаций Старого Света, и здесь будут разыграны важнейшие военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI столетия. Кавказский макрорегион – это многоуровневая система, в рамках которой переплетены народы, религии и культуры. Динамику взаимоотношений геополитических субъектов в этом макрорегионе продуктивно рассматривать на различных уровнях: административно-территориальном, этнонациональном, конфессиональном, правовом, энергетическом, которые вместе представляют собой кавказский геополитический феномен. Кавказ состоит из трех неравнозначных по своей внутренней структуре и значимости частей: во-первых, региона Северного Кавказа в составе Северо-Кавказского федерального округа и частично Южного федерального округа Российской Федерации; во-вторых, государств Закавказья, которые обрели независимость после распада Союза ССР – Азербайджана, Армении и Грузии. В-третьих, вновь образованных государств Абхазии и Южной Осетии. Одни республики однородны и гомогенны (как, например, Армения и Азербайджан), другие, напротив, гетерогенны (Грузия, большинство республик Северного Кавказа). Давно существует исторически обусловленные противоречия между армянами и азербайджанцами (нагорно-карабахский конфликт), осетинами и ингушами (осетино-ингушский конфликт), осетинами и грузинами, абхазами и грузинами (конфликтогенные процессы вокруг квазинезависимых Южной Осетии и Абхазии), между кабардино-черкесской и карачаево-балкарской (тюркской) этническими группами. Большой конфликтогенный потенциал несет в себе модернизация архаично настроенных вайнахских элит. Сложная ситуация в Дагестане, где проживают аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, ногайцы и другие народности, равновесие между которыми поддерживается на основе традиций по сохранению этнического баланса. Наконец, что на Кавказе, в т.ч. в бывших республиках СССР, проживает определенное количество русского (шире – русскоязычного) населения.

Известный специалист И.П. Добаев подчеркивает, что совершенно особое значение имеет тот факт, что на Кавказе исповедуют ислам многие этнические группы, за исключением армян, грузин, осетин и русских (христиане). Однако интеграция между мусульманскими этносами по религиозному признаку затруднена, с одной стороны, из-за богословских разногласий между суннизмом и шиизмом (характерен преимущественно для Азербайджана), а с другой, из-за широкого распространения школ суфизма (тарикатов, вирдовых братств), не признающих исламского универсализма. Авторитет глав вирдов (шейхов) очень велик и в республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне, Ингушетии и Дагестане, превышает влияние официальных мулл (муфтиев духовных управлений мусульман). Наконец, известно стремление исламских радикалов использовать так называемый политический ислам в своих целях. В сентябре 2002 г. в четырех номерах газеты «Известия» была напечатана статья О. Осетинского, в которой распространённые в мас-

совом сознании фобии по отношению к выходцам с Кавказа и Средней Азии получали оправдание уже с радикально-западнической точки зрения: «Запад сегодня имеет полное право считать, что каждый мусульманин — потенциальный террорист, ... поскольку весь исламский мир последует за своими радикальными лидерами — однозначно». Острая полемика в печати по этому поводу свидетельствует о том, что политическая позиция, заявленная в этой публикации, может быть в скором времени востребована некоторыми политическими кругами, ищущими идеологической опоры в консервативном лагере, а поддержки — у националистически настроенного электората.

Несмотря на этнорелигиозный плюрализм кавказского региона, тем не менее, принято говорить о значительной степени его культурной идентичности, о существовании особой «кавказской ментальности» в рамках «Большого Кавказа» (Северный Кавказ и Закавказье). По мнению И.П. Добаева, это утверждение оборачивается геополитической амбивалентностью. Так, для Москвы (взгляд из Кремля) единый Кавказ означает укрепление стратегических интересов России на южных рубежах: сохранение территориальной целостности, обеспечение безопасности региона, налаживание партнерских отношений с соседями из Закавказья, широкое сотрудничество в вопросах борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, совместная разработка недр, контроль над транспортировкой добываемых природных ресурсов и т.д. На следующем этапе возможна более глубокая интеграция Кавказа в рамках таких надгосударственных структур, как СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ. Взгляд «с той стороны океана» (из Вашингтона), напротив, видит в идеологии единого Кавказа легитимацию для наращивания в регионе собственного военно-политического и экономического присутствия, дальнейшей геополитической экспансии вглубь континента. С одной стороны, это означает укрепление уже приобретенных позиций в Армении, Азербайджане и Грузии (особенно, после успешно проведенной «революции роз»), с другой стороны, распространение своего влияния на вторую часть «Большого Кавказа» — в составе РФ. Концепция «Постмодерна Евразии», отражающая континентальную ментальность, несущая «модернизацию без вестернизации». И.П. Добаев видит будущее в геополитической конструкции, интегрировавшей в себе евразийское «большое пространство» и бросившей асимметричный вызов однополярной глобализации по-американски. Исчерпывающее описание указанного мировоззрения осуществлено в рамках современного российского неоевразийства, в частности, в работах его неформального лидера А.Г. Дугина. Некоторые тенденции к его практической реализации содержатся во внешней и внутренней политике В.В. Путина.

На современном этапе радикально изменился характер геополитических концепций ряда субъектов Южного Кавказа в связи с преобразованием геополитической картины, в том числе с разукрупнением субъектов политического процесса, с одной стороны, с другой, — с укрупнением, выражающемся в создании союзов, альянсов, блоков. Геополитические отношения проявляются на разных уровнях: международном, региональном, государственном.

Однако в регионе главным остается рассмотрение регионализации как фактора глобального процесса с тем, чтобы выйти на решение вопроса о прояснения сущности и механизмов реализации геополитических интересов современной России.

Особую актуальность приобретает вопрос артикуляции геополитических интересов современной России на Кавказе, которые в современных условиях проявляются, прежде всего, в обеспечении безопасности государства, сохранении его места и роли на международной арене, достижении устойчивого развития по пути демократизации и общецивилизационного подъема. В первые часы после вступления в должность Президента России в мае 2012 г. В.В. Путин подписал ряд указов принципиального характера, определяющих рамки приоритетной политики будущего 6-летнего президентского срока. В том числе был подписан Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». Отдельно выделены В.В. Путиным, как пункты внешнеполитической повестки вопросы определения статуса для Приднестровья и Нагорного Карабаха, а также социально-экономическое развитие Абхазии и Южной Осетии. Неслучайно новейшие государства на пространстве СНГ, как признанные (Абхазия и Южная Осетия), так и пока непризнанные, но ожидающие определения своего статуса, подчеркнуто заявлены как отдельное и важное направление внешней политики РФ. В сложившейся геополитической ситуации становится необходимым осознание гражданами коренных интересов своих государств, что может стать важным фактором в процессе политического выбора и в более широком плане – в укреплении национально-государственной безопасности. Неслучайно Ив Лакост и Андре Зигфрид предложили концепцию электоральной геополитики. Механизмы электоральной геополитики были тщательно проанализированы американскими центрами в контексте сетевых войн. Все «цветные революции», произошедшие как на постсоветском пространстве, так и в других регионах, так или иначе, связаны с геополитическим влиянием на электорат и его манипуляцией.

Оппозиционное политическое поведение является неотъемлемой частью политической жизни общества и выступает в качестве важного системообразующего фактора общественно-политической системы в целом. Детерминанты такого политического поведения столь же многообразны, как и проявления этого явления. Традиционно выделяют группу детерминант политическую – влияние политического режима, степень развития демократизма и легитимности политических элит, уровень политической стабильности и защищенности, характер взаимоотношений между управляющими и управляемыми и т.д. Совокупность данных детерминант в зависимости от их содержания и направленности может задавать разные варианты политического процесса. В литературе справедливо указывается на ошибочность многих западных исследований, в которых политическая активность или ее отсутствие

связывается исключительно с теми или иными чертами личности и полностью исключаются структурные особенности самой политической системы**.

Постсоветское пространство на юге европейской части бывшего СССР включает в себя субъекты Северного Кавказа, в том числе примыкающие к Кавказу Ставропольский и Краснодарский края, и Южный Кавказ. Все эти субъекты, включая закавказские республики, длительное время связаны с Россией политическими, экономическими, культурными, интеллектуальными, конфессиональными, этническими и иными отношениями в рамках единого многонационального, многокультурного и многоконфессионального многосоставного государства. Сравнительный анализ политического процесса в этих регионах и выявление геополитических позиций власти и оппозиционных структур показывает закономерности и перспективы развития всех сегментов. Одной из таких закономерностей стало то, что после распада СССР и крушения цементировавшей советское общество коммунистической идеологии на первый план вышли националистические идеологии, опирающиеся на геополитические теории, интерпретируемые в интересах ведущих этнократических групп. Но на современном этапе в субъектах РФ на Северном Кавказе геополитические взгляды власти и системной оппозиции в основном развиваются в русле российской геополитики и не являются предметом разногласий и дискуссий, за исключением немногочисленной национально-террористической оппозиции. В субъектах Закавказья геополитические взгляды власти и оппозиции имеют определенные, хотя и не принципиальные отличия, и они значительно влияют не только на внешнюю политику, но и на внутривнутриполитический процесс.

Объяснить эту ситуацию в кавказском макрорегионе можно на основе методологического конструкта изучения политического процесса, что предполагает его рассмотрение на цивилизационном, этническом и политическом уровнях в следующей последовательности: цивилизация – геополитическая культура как часть общей политической культуры, – архетип поведения – модель политического поведения. Цивилизационная матрица предопределяет влияние государства, традиционной культуры, традиционных конфессий (прежде всего православия и ислама) в качестве доминантной модели интеграции.

Цивилизационный фактор является самой общей детерминантой политического поведения этносоциальных общностей в современной России. Сущность политического процесса в цивилизационном контексте определяется ценностно-детерминированным образом действий людей в политической сфере в строго определенных естественно-географических, общественно-политических и культурно-конфессиональных условиях. Типы и формы политического поведения означают конкретизацию цивилизационной детерминации в определенных условиях и историческом времени соответствующих ценностей, стереотипов поведения, ментальности.

** Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 295.

Роль цивилизационного фактора проявляется в этнических детерминантах политического поведения этносоциальных общностей. Трансформация этнических моделей политического поведения любого этноса в рамках российского общества первично обусловлена его цивилизационной спецификой, вторично – относительно самостоятельными развившимися на этой основе национальными интересами. Под влиянием имманентных факторов, характерных для российской цивилизации, сформировались менталитет великорусского этноса, специфика его национального характера, патриархально-подданнический тип политической культуры, определяющие свойственные ей традиционалистские стереотипы: духовность, общинность, имперский дух, патриотизм, изоляционизм, державный этатизм, государственный патернализм, политическая пассивность, персонификация власти, наличие традиционализма, правового нигилизма. Под влиянием имманентных факторов, характерных для северокавказской цивилизации, сформировались близкие по ряду позиций к менталитету великорусского этноса черты менталитета горского суперэтноса, специфика его национального характера, патриархально-подданнический тип политической культуры, определяющие свойственные ей традиционалистские стереотипы: духовность, общинность, патриотизм, изоляционизм, в известной мере религиозный фанатизм. Политическая культура включает разнородные пласты, обуславливающие ее многослойность, гетерогенность, фрагментарность и внутреннюю противоречивость. Ее конкретную специфику определяет цивилизационный раскол, вызванный антагонизмом между процессами модернизации и традиционалистскими ценностями. Особенности российской политической культуры выражены в варианте геополитической культуры основного населения макрорегиона в рамках развития той или иной цивилизации.

В ходе произошедшей трансформации советского общества особое значение приобрели геотнopolитические ценности. В этих условиях процессы трансформации этнических отношений протекала в плотной увязке с геополитическими интересами своего государственного образования и внешнеполитических партнеров. В процессе цивилизационного надлома великорусский суперэтнос постепенно теряет свою имперскую идентичность и пассионарность и частично отходит от активной геополитической борьбы за лидерство в зоне своих жизненных интересов в политическом пространстве евразийской цивилизации. В свою очередь обретшие свою государственность бывшие советские республики как союзные, так и автономные, и доминирующие в них этносы ведут самую активную борьбу за новое место в системе геополитических отношений.

Геополитическое пространство Кавказского макрорегиона, формируемое в условиях цивилизационного надлома, многомерно и противоречиво. В каждом субъекте макрорегиона можно выделить властные и оппозиционные образования, борющиеся за различные варианты общественного развития России (государственнический, коммунистический, национально-патриотический, конфессиональный). Замедленное структурирование средне-

го класса усиливают цивилизационную маргинальность новых и старых социальных образований. Трансформационная структура современного российского общества отражает основные латентные характеристики российской цивилизации, опосредствованно влияющие на политическое поведение.

В кавказском обществе отчетливо проявилась тенденция к социальной активности, в ходе которой происходило усиление традиционных коллективных связей и нормативно-моральных регуляторов поведения. В то же время активизация терроризма временно дестабилизировала геотнopolитическое сознание, усилила тенденцию маргинализации северокавказского общества, что в целом определило многообразие форм девиантного поведения. Образовалась модель формирования протестной модели политического поведения: относительно высокая политическая активность населения - контролируемые административным ресурсом выборы, частичная легитимность политической власти. Уровень политического сознания и поведения различных социальных групп на Юге России зависит от развития институциональных форм выражения и защиты их социальных интересов.

Формирующийся в России инновационный тип политической активности, отражает противоречивый процесс реализации социально-политических нововведений с целью обеспечения эффективности общественного саморазвития на основе культивирования имманентных факторов, но он не востребован властью и не играет роли регулятора социальных отношений. Развитие инновационной модели политической активности отдельных социальных групп предполагает относительный отход от традиционализма при сохранении здорового консерватизма, рациональное следование мировым ценностям, освоение ценностей гражданской геотнopolитической культуры, толерантности и гуманизма как интегральной идеологии, дающей ощущение принадлежности к мировой цивилизации. Общей чертой геополитической конфронтации и консолидации на современном этапе развития является то, что в их основе лежит пересечение геотнopolитических интересов как основных детерминант современного политического процесса. Демократизация как основная тенденция современного политического процесса, сопровождается двумя тенденциями – суверенизацией и регионализацией. Эти две тенденции характеризуются объективной взаимосвязью и единством, которые выражаются в различении геополитических интересов стран и регионов с разной ментальностью, уровнем развития и ролью в политике. В условиях современной геополитической ситуации современная Россия сохраняет возможности для реализации своих геополитических интересов на Южном Кавказе на основе политики двойного участия во власти и оппозиции регионов.

В структуре геополитических интересов России весь Кавказ занимает особое место. От степени контролируемости и предсказуемости ситуации в данном регионе в известной степени зависит государственная политическая стабильность, безопасность и устойчивое развитие российского общества, по крайней мере, на Юге страны. В связи с этим, без урегулирования геополитических проблем на Северном Кавказе и взвешенной региональной политики

центра невозможно реализовать основной геополитический интерес российского государства — сохранение целостности геополитического пространства.

Особой составляющей политической культуры является геоттнополитическая культура, которая связана со способностью объективно оценивать происходящие в мире события, геополитическую картину мира, геополитический статус страны. Геоттнополитическая культура является одним из факторов современного политического развития российского общества, направленным на укрепление геополитического статуса России и обеспечение государственных интересов в сфере международных отношений.

Основными функциями геоттнополитической культуры, оказывающими влияние на политическое развитие российского общества, являются: во-первых, формирование представлений о роли и месте России в современном геополитическом пространстве и связанное с научным знанием как элементом геополитической культуры; во-вторых, убеждения и эмоционально-психологические переживания, которые способствуют формированию мотивов политической активности в отстаивании геополитических интересов и национальной идентичности; в-третьих, формирование международных стандартов геополитического процесса в рамках международного права; в-четвертых, формирование представлений о перспективных направлениях геополитического развития; в-пятых формирование ориентации субъектов геополитического взаимодействия на нравственные ценности и традиции как элементы геоттнополитической культуры.

Ведущими субъектами формирования геоттнополитической культуры в современных условиях являются: во-первых, государство, система власть - оппозиция, которая, которая в процессе взаимодействия политических субъектов объективно формирует нормативно-правовую базу реализации геополитического курса в области международных отношений; во-вторых, подконтрольные средства массовой информации, которые осуществляют популяризацию знаний о геоттнополитических проблемах современности; и, наконец, высшее образование, распространяющее и формирующее геополитические знания в креативном классе.

Геоттнополитическая культура современного российского общества имеет такие её черты, как политическая пассивность основной массы населения, особенно на периферии, противоречивость и фрагментарность представлений рядовых граждан о геополитике, которые обусловлены неоднозначностью восприятия россиянами геополитического статуса России; патернализм, проявляющийся как в убеждении, что государство обязано заботиться о гражданах, так и в обосновании заботы крупных держав над более слабыми государствами и подопечными территориями; этатизм, выражающийся в отождествлении общества и государства. Эти черты геоттнополитической культуры обусловлены особенностями геополитического положения страны и собственно историческим развитием российской государственности и менталитетом народов России. С распадом Советского Союза геополитический статус России как второй великой сверхдержавы сменился на статус «регио-

нальный лидер» и потенциальный полюс власти в многополюсном мире. Однако по-прежнему Россия обладает рядом геополитических преимуществ, связанных с уникальностью ее географического положения, с наличием огромных источников природных ресурсов, позволяющих эффективно взаимодействовать со странами мира. Россия обладает ракетно-ядерным потенциалом, обеспечивающим военную безопасность государства, и паритетные отношения в военной сфере с США, не говоря уже о других странах. Это влияет на характер и уровень геотнopolитической культуры россиян, устойчивость и позитивность их национальной идентичности.

Главной проблемой формирования гражданской геотнopolитической культуры в национальных республиках в границах ЮФО и СКФО является интеграция в нее национально-государственных культур, со всеми их особенностями социально-этических норм и правового сознания, базирующихся на этнических традициях и на сформировавшейся в советский период национально-государственной культуре. Серьезным препятствием интеграции является национализм с его главным проявлением – этнорегиональным сепаратизмом и религиозной ортодоксией. Богатство политической культуры Юга России заключается в разнообразии его операциональных элементов, способствующих раскрытию творческих возможностей своих субъектов и укреплению их общности. В сочинском анклаве Краснодарского края в большей мере, чем в основной части Краснодарского края прослеживалась тенденция достижения множественности в единении, в реализации принципов общественной демократии, политической конкуренции, в развитии полноценного и толерантного гражданского диалога. Геотнopolитические и социокультурные проблемы многонациональных российских субъектов, являющихся территорией Российской Федерации, не могут быть решены силами только региональных властей. Федеральный центр не должен оставлять без внимания, отражающиеся в сознании всего российского населения процессы. Их игнорирование или табуирование ведет к непредсказуемому развитию событий на южных рубежах России, перспектива миграционно-демографического передела которых реально просматривается уже сегодня. Необходимо акцентировать внимание на том, что предпринимаемые меры федерального правительства должны быть ориентированы не только на экономические или политические мероприятия в названных регионах, но и на защиту прав и свобод реципиентного населения (русскоязычного и других коренных этносов) порубежных российских территорий.

Геополитические процессы на Кавказе, Армении, Грузии и Азербайджане в постсоветский период имели черты спонтанности, циклического нарастания конфликтов, постепенного вовлечения в трансграничные международные отношения, институционализации участия зарубежных акторов. Российская Федерация в силу комплекса исторических, социокультурных и правовых причин способна интегрировать Кавказ в евразийское геополитическое пространство. Реализация этого императива требует нарастить политические и военно-экономические ресурсы влияния РФ в регионе, ликвидировать оча-

ги насильственного сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе, способствовать соблюдению прав граждан и установлению миропорядка на Южном Кавказе.

Избрание в 1990-х гг. этнонационализма в качестве главного принципа построения нации-государства породило целый ряд этнических конфликтов и сепаратистских движений. Это привело в большинстве случаев к образованию новых государств, которые в реальности принадлежат к единой Кавказской цивилизации. Территориальные проблемы усугубляются политическими противоречиями.

Страны Южного Кавказа с момента обретения независимости постоянно стремятся преодолеть разрыв между современностью и традиционализмом на своем политическом поле, устранить несоответствие, порождаемое наличием формальных демократических процедур и авторитарных неформальных практик. Анализ политики Грузии, Азербайджана и Армении позволяет сделать вывод, что динамика политического процесса в этих странах отличается высокими темпами усиления политических институтов при относительно низких темпах роста гражданского общества и сплоченности нации. Решение актуальных проблем мира и войны связано с особенностями геополитики, экономики, культуры и социальной структуры государств Южного Кавказа. Принятие политических решений сосредоточено в рамках узкого круга политических лидеров. Деятельность политических институтов в высокой степени зависит от неполитических сил и групп.

Чисто геополитические факторы не являются постоянно действующими, но активизируются на определенных этапах и серьезно влияют на внутривнутриполитические процессы при незавершенных процессах геополитической идентификации. В СССР длительное время отсутствовало влияние геополитического фактора (если не считать гонки вооружений). В условиях системного кризиса резко возросло воздействие геополитического фактора как извне, так и внутри СССР. В результате геополитический распад СССР стал итогом борьбы геополитических программ субъектов республиканских властей, выступавших в качестве оппозиции по отношению к федеральному центру.

Внутри отделившихся республик произошел новый раскол в связи с геополитической ориентацией, но он не стал определяющим фактором. В бывших союзных республиках Кавказа после выхода из СССР и образования независимых государств наблюдается единство власти и оппозиции по основным направлениям геостратегии, при сохранении разногласий по тактическим вопросам. В Азербайджане авторитарный режим и слабая политическая оппозиция выступают за возвращение Нагорного Карабаха, союз с Турцией и партнерство с Россией, оппозиция предлагает более умеренную тактику. В Армении демократический режим опирается на геополитическое единство власти и оппозиции, сохранение статус-кво Нагорного Карабаха, конфронтацию с Азербайджаном и союз с Россией при более умеренных требованиях оппозиции. В Грузии достигнуто геополитическое единство против России за

возрождение Грузии в прежних советских границах при борьбе за власть оппозиции, выдвигающей умеренные геополитические требования.

Во вновь образованных малых государствах Кавказа в связи реализацией права наций на самоопределение вплоть до образования независимого государства проблема геополитического выбора не стала предметом политических разногласий власти и оппозиции. Оппозиции внутри таких государств стали оформляться, в общем и целом, в качестве устойчивых союзников режимов власти в процессе реализации общей геополитической стратегии. В Абхазии – почти все политические субъекты за сотрудничество с РФ при сохранении самостоятельности и противостояния агрессии Грузии. В Южной Осетии все политические субъекты выступают против возвращения в состав Грузии за вхождение в РФ, участвуя в политической борьбе за власть обычного типа.

На Северном Кавказе на современном этапе особые геополитические позиции имеет ваххабитская националистическая оппозиция в Чечне, Дагестане, черкесская оппозиция в Адыгее (и черкесская диаспора за пределами Адыгеи). Постсоветское пространство на юге европейской части бывшего СССР включает в себя субъекты Северного Кавказа, в том числе примыкающие к Кавказу Ставропольский и Краснодарский края, и Южный Кавказ. Сравнительный анализ политического процесса в этих регионах и выявление геополитических позиций власти и оппозиционных структур показывает закономерности и перспективы развития всех сегментов. После распада СССР и крушения цементировавшей советское общество коммунистической идеологии на первый план вышли националистические идеологии, опирающиеся на геополитические теории, интерпретируемые в интересах ведущих этнократических групп. В субъектах РФ на Северном Кавказе геополитические взгляды в основном развиваются в русле российской геополитики и не являются предметом разногласий и дискуссий, за исключением немногочисленной национально-террористической оппозиции. В субъектах Закавказья геополитические взгляды власти и оппозиции имеют определенные, хотя и не принципиальные отличия, и они значительно влияют не только на внешнюю политику, но и на внутривнутриполитический процесс.

В известном смысле кавказский макрорегион в цивилизационно-геоэтнокультурном плане разделяется не на Северный и Южный Кавказ, а на христианско-евразийский сегмент (Краснодарский и Ставропольский края, Северная и Южная Осетия, Грузия и Армения) и исламско-восточный (республики Северного Кавказа и Азербайджан). Власть и оппозиция исламских республик Северного Кавказа направили в основном геоэтнокультурный потенциал в поддержку политического режима Путина-Медведева. В рамках больших южнокавказских субъектов - Грузии, Армении и Азербайджана формируются различные подходы к решению проблемы геополитической ориентации и определению политической тактики в отношении отколовшихся автономий - вновь образованных государств Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Геополитический раскол Грузии и геоамериканизм ее власти и оппозиции вывел ее за пределы Российской евразийской цивилизации. Грузинская оппозиция в период боевых действий выразила готовность

воздержаться от критики М. Саакашвили, «чтобы слишком его не ослаблять и дополнительно не усугублять положение Грузии», но уже через несколько месяцев после войны оппозиция поставила президенту в вину, что он «самочинно принял решение о войне и мире». Все это в комплексе привело к формированию политических союзов: Россия (Северная Осетия) – Южная Осетия – Абхазия; США – Грузия – Азербайджан – Нахичевань – Турция; Армения – Нагорный Карабах.

Элиты новых южнокавказских государств практически единодушно решили вопрос о геополитическом самоопределении и выборе стратегического союзника - России на длительный период развития. В Абхазии и Южной Осетии существует относительное единство власти и оппозиции в вопросе о необходимости сохранения суверенитета и независимости, противостояния в этих вопросах с Грузией, требующей возвращения этих государств под свою юрисдикцию. Противоборство правящих и оппозиционных структур происходит по поводу перераспределения властных полномочий в рамках демократического развития страны. Единственное отличие в позициях заключается в том, что абхазская позиция предлагает некоторое дистанцирование от России в культурных, языковых и т.п. вопросах, то югоосетинская оппозиция – на более прочных связях с Россией по всем параметрам. Тип политического процесса в Абхазии и Южной Осетии соответствует политическим отношениям субъектов Северного Кавказа, прежде всего Северной Осетии. Эта ситуация детерминирована общей геотнopolитической культурой данных народов.

Разрешение этнополитических конфликтов в Закавказье - карабахского, южноосетинского и абхазского зависит от исхода геополитического противоборства стратегических партнеров – России и США, а также от тактического решения: установить сотрудничество противоборствующих сторон до или после решения конфликтов. Руководство Азербайджана и Грузии отвергает всякое сотрудничество с противниками до политического разрешения конфликтов. Оппозиции в Грузии и Азербайджане не отвергают сотрудничество с оппонентами. Для него на первом месте стоит решение карабахской проблемы на базе восстановления старого статус-кво в соответствии с азербайджанской моделью, суть которой заключается в установлении азербайджанской юрисдикции над Карабахом.

Правящий режим Армении предлагает найти инновационные подходы и нестандартные решения и проложить новые пути, которые будут способствовать решению Нагорно-Карабахского конфликта при сохранении статус-кво. Предполагается, что развитие экономического сотрудничества между сторонами, вовлеченными в конфликт, изменит ситуацию и создаст более благоприятные условия для его будущего разрешения. Оппозиция Армении выступает с более радикальными позициями, отвергая возможное сотрудничество с геополитическими противниками.

Успех развития Северного и Южного Кавказа возможен только при раскрытии всего геотнopolитического капитала региона с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Это означает переосмысление в рамках геотнopolитического знания имеющегося отношения к цивилизационному и антропокультурному наследию народов этого макрорегиона.

УДК-33

Склярова Е. А., Козлова В., А.

**Антропологические основания информационной экономики
в работах М. Кастельса**

В статье рассматривается феномен экономического человека. Анализируются основные положения об информационном обществе, его становлении и развитии. Исследуется отношение к труду как отправной точке рассмотрения модели экономического человека в информациональном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, человек, информационная экономика.

Мануэль Кастельс является одним из самых известных авторов понятия нового общества. Его работы посвящены анализу фундаментальных цивилизационных процессов, возникших в результате изменения роли новых информационных технологий. Используя статистические данные национальных и международных систем учета, анализируя экономические и социологические исследования других авторов, осуществляя собственные крупномасштабные изыскания, Кастельс разработал целостную теорию, раскрывающую фундаментальные последствия воздействия НТР на все сферы общественной жизнедеятельности общества.

В своих работах Кастельс рассматривает в культурно-историческом аспекте не только экономические изменения и формирование информационной/глобальной экономики, но и зарождение нового информационного общества. Новое общество понимается как специфическая форма социальной организации. В нем источником власти и производительности становятся технологии, позволяющие генерировать, обрабатывать и передавать информацию. Представленные технологии начинают проникать во все сферы жизни человека, от экономической деятельности до обычной повседневной активности.

Деятельность человека начинает подчиняться логике сетевой структуры, которая формируется как сеть, сплетенная из власти, опыта и производства, создающих культуру виртуальности. В целом, жизнь человека в информациональном обществе Кастельс рассматривает с позиции «человек как фактор труда». В своем анализе он не использует стандартные приемы и не рассматривает деятельность человека через категории полезности и рациональности. Подход заключается в рассмотрении изменения трудовой деятельности человека в новых условиях.

Обращая значительное внимание на изменения в современной экономической системе и развитие информационного капитализма, Кастельс задается вопросом о том, что происходит с такой категорией как труд [1, 501]. В отличие от многих авторов, он склонен считать, что в новом обществе работа

остаются в избытке, а сами работники не исчезают в пространстве финансовых потоков. Сегодняшний мир наполнен большим количеством рабочих мест. В структуре занятости все больше людей относят к группе самозанятых, причем такого количества самодеятельного населения не было никогда в истории. Структура занятого населения претерпела значительное изменение в связи с включением женщин в категорию оплачиваемого труда. Рынок без особых проблем принял новую группу трудящихся. Можно предположить, что представленные изменения на рынке труда, сопровождающиеся активным внедрением информационных технологий, не способствуют значительному сокращению рабочих мест, а, следовательно, расцвету безработицы.

В новом обществе значительные изменения происходят в социальных взаимоотношениях между капиталом и трудом. С экономической точки зрения капитал сегодня носит в своей сути глобальный характер. Труд же необходимо отнести к локальному уровню. Воздействие информационно-коммуникационных технологий на их развитие приводит, с одной стороны, к концентрации капитала, с другой, к его глобализации при децентрализации сетевых структур. При аналогичном воздействии труд становится расчлененным соответственно осуществляемым операциям, разделенным по организационному признаку, диверсифицированным по наличию или отсутствию работы, распределенным при коллективной деятельности [1, 501].

В этих условиях труд человека меняется. Причем утрачивается его исторически сложившееся свойство – коллективная самобытность. Услуга труда, реализуемая индивидом, становится максимально индивидуализированной. Процесс индивидуализации оказывает влияние на возможности работников, на те условия, в которых реализуется трудовая функция, на заинтересованность в труде и его потенциале, перспективах. В трудовых отношениях меняется все, сложно сказать, кто теперь владелец, изготовитель, хозяин и исполнитель. Данные понятия и категории размываются в производственной системе, которая, в свою очередь, меняет конфигурацию. Создаваемое сетевое общество смешивает производственные процессы, создавая условия для совместной работы. Кагельс задает вопрос: действительно ли стоимость создается трудом? Если ответ положителен, то какой это труд?

Ответ на этот вопрос кроется в специфике самого общества. С одной стороны, глобальные сети создали все условия для объединения всех производственных процессов в комплексное, единое целое. Но сегодня происходит дифференциация трудовых процедур. Труд расчленяется в глобальных масштабах. Происходит расслоение работников. И если в условиях классического капитализма труд и капитал, создающие стоимость, шли рука об руку, то в информациональном обществе ситуация совершенно иная. Труд и капитал разносятся сетью в разные стороны. По Кагельсу, это даже разное место и время. Капитал все меньше зависит от конкретной услуги труда. Но зависимость его растет от общего накопленного труда в глобальном масштабе.

Представленная двойственность скрывает за собой значительный объем социального многообразия. Здесь мы видим все то, что есть в обычной

жизни каждого человека. Но за этой завесой, в глубине социума, труд меняет свое сущностное наполнение. Человек перестает быть только частью трудового коллектива. На поверхность выходит его индивидуальность, которая проявляется во всех социальных отношениях. Развитие индивидуализма становится не просто культурной тенденцией, а системой ценностей и убеждений, формирующих поведение человека, основывающейся на материальных условиях труда и способах получения средств существования [2, 49].

Большинство ученых, изучающих информациональное общество, склонны считать, что в настоящий период происходит формирование новой системы социального взаимодействия, в центре которого находится человек. На наших глазах создается новая доминирующая структура, названная Уэллманом, «персонализированными сообществами», представленная эгоцентричными сетями, предполагающими приватизацию социальности.

Такая специфическая форма социальности выражается в индивидуализированной связи с обществом, имеющей в своей основе индивидуализацию отношений между рабочим и трудовым процессом, между трудом и капиталом. Предпосылки изменения социальности кроются в кризисе патриархальности и распаде нуклеарной семьи. Новая социальность находит поддержку в новых моделях урбанизации. Разрастание пригородов, загородных поселений, городов-гигантов приводит к индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни [3, 152]. Поддерживает ее также кризис политической легитимности и представительства, что, в свою очередь, также приводит к выходу индивидуализма из общественной сферы. Представленную Кастельсом новую модель индивидуализма можно назвать сетевым индивидуализмом.

В исторической перспективе сетевое общество может привести к качественным изменениям жизни человека. Для отслеживания этих изменений необходимо обратиться к системе взаимосвязей, возникших между природой и культурой. На первом этапе, продолжавшемся тысячелетиями, природа доминировала над культурой. Эта идея подтверждается длительной борьбой человека с внешними силами природы. На заре современной эпохи, под воздействием промышленной революции, человек попытался избавиться от ига природы, создав собственные формы эксплуатации и подчинения. На сегодняшний день человечество переросло эту стадию, выйдя на новый этап, когда уже природа нуждается в защите от культуры.

Иллюзия полной победы над природой создала в человеке ощущение определенной свободы, но его труд все равно остается основным источником производительности, новаций и конкурентоспособности. В условиях информационного взрыва, человек, работник становится востребованным как никогда ранее, так как стабильность экономики стала зависеть от способности к поиску, обработке и использованию информации в постоянно возрастающих масштабах.

Объемы информации действительно грандиозны. Фирмы обладают доступом к массиву данных, доступных для рекомбинации и использования

применительно к любым целям и любому контексту. Но это увеличивает нагрузку на человека. В экономике информационного общества основной чертой работника становится возможность оперировать этими потоками данных посредством специальных знаний и приводить в соответствие с целями и задачами рабочего процесса.

Чтобы соответствовать указанным требованиям, работники должны быть инициативными и высокообразованными людьми. Качество и самостоятельность сотрудников становятся для малых и больших предприятий залогом успеха. Кастельс в своей работе «Галактика Интернет» отмечает, что качество сотрудника определяется характером его образования. Человек, занятый в новой экономике, должен уметь в отношении собственного мастерства, знаний и мышления перепрограммировать себя, адаптируясь к новым целям и задачам. Для того, чтобы человек стал самопрограммируемым, необходимо наличие определенного типа образования, которое предполагает возможность расширения знаний посредством поступающей информации в течение всей жизни.

Однако данные навыки не могут быть результативны в условиях традиционной деловой среды. Кастельс ссылается на исследования, проведенные Бренханом, Бриньолфсоном и Хиттом, которые выявили взаимосвязь между информационными технологиями, организационной гибкостью и высококвалифицированными работниками на уровне фирмы [3, 114]. Для того, чтобы человек мог раскрыть свой потенциал в электронной фирме, необходимо наличие плоской иерархии, свободного общения руководства, подчиненных и системы коллективного труда. Эти принципы должны распространяться во все отделы, структурные подразделения и отдельные уровни. Да и само существование сетевого предприятия становится возможным лишь тогда, когда сетевые работники реализуют свои возможности в Интернете, включая в производственные процессы собственный интеллектуальный капитал.

Кастельс считает, что в сфере электронного бизнеса главным фактором производства становятся люди. Главной целью для фирмы становится удержание и эффективное использование рабочей силы. Рынок труда сегодня является высококонкурентным рынком. На нем существует высокий спрос на самопрограммирующуюся рабочую силу. В результате, компании стремятся удержать своих лучших сотрудников, посредством непосредственного финансового стимулирования, а также предоставления опционов акций, которые позволяют пользоваться результатами деятельности всего коллектива. Так можно увязать судьбу работника и успех фирмы.

Но информационное общество создает все больше условий для возрождения самостоятельного труда. Эту идею можно продемонстрировать на примере развития мелкого бизнеса. Все больше людей предпочитают индивидуальный труд в качестве консультантов или субподрядчиков. Такие предприниматели обладают необходимым объемом средств производства: телефоном, компьютером, выходом в сеть, рабочим местом. Главным достоинством такого человека являются его умственные способности, которые позво-

ляют накапливать капитал и вкладывать акции в компании, на которые они работают. Представленный процесс становится двунаправленным. Одновременно происходит концентрация капитала и разукрупнение рабочей силы. Кастельс оценивает эти процессы как ключевые в новой экономике.

Как мы видим, на сегодняшний день самопрограммирующаяся рабочая сила становится очень востребованной. Повышение спроса на нее приводит к дефициту подобных работников. Компании нуждаются в профессионалах, способных развивать новые способности, адекватные потребностям столь динамичного рынка. Кастельс считает, что покрытие дефицита кадров может осуществляться по двум основным направлениям: активное привлечение женщин и мигрантов.

Но только ли самопрограммирующаяся рабочая сила нужна электронной экономике? Отнюдь нет. В мире продолжает существовать так называемая «общая рабочая сила». Примером ее могут стать люди, не обладающие специальными навыками, либо не способные приобретать их в процессе трудовой деятельности. Такой человек использует уже имеющиеся у него навыки для выполнения указаний руководства. Естественно, технический прогресс может позволить заменить такого человека машиной уже сегодня или в ближайшем будущем. Хотя есть и другие варианты, когда работодатель может привлечь представителей общей рабочей силы из других стран и регионов посредством телеработы. Выбор одного из вариантов, как правило, осуществляется на основе экономических расчетов.

Для общей рабочей силы нет какой-либо зависимости от качеств отдельного человека. Это результат отсутствия вложений в интеллектуальный капитал. Индивиды этой группы выполняют операции, необходимые для существования экономики, но не откладывают личностный отпечаток на эти функции. В принципе, их экономическая активность не является примитивной, но так ее воспринимает общество. Чаще всего, социум воспринимает подобные профессии как малозначимые в аспектах оплаты, подготовки и набора кадров.

Кастельс обращает внимание, что общая рабочая сила с течением времени может трансформироваться в саморазвивающуюся. Для этого необходимо, чтобы общество в лице его институтов и бизнес отказались от существующих моделей неравенства и уделили внимание развитию кадров. Трансформация общей рабочей силы приведет к повышению производительности труда и ускорению внедрению инноваций.

Но столь разные люди, относящиеся к представленным группам рабочей силы, обладают общей чертой – гибкостью. В новом обществе развиваются технические возможности, позволяющие сокращать пространство и время. Вкупе с сетевой организацией фирм и высокими темпами развития экономики они дают возможность людям работать в режиме онлайн. Компании и частные лица постепенно формируют гибкую систему занятости. Она имеет значительные отличия от стандартов, сложившихся в капиталистическом обществе. Занятость с полным рабочим днем, договорными отношения-

ми на длительный период для большинства людей постепенно вымываются из практики трудовых отношений в бизнес-сфере. Единственным исключением является государственный сектор, где сохраняются прежние традиции.

В целом, Кастельс обращает значительное внимание на развитие сети Интернет. Он оценивает ее не только как предпосылку внедрения гибкой занятости, но и рассматривает как материальную опору сетевого индивидуализма. Действительно, в современном обществе Интернет становится эффективной поддержкой слабых связей. Они могли быть прекращены в результате компромисса между актом вступления в связь (например, звонок по телефону) и важностью этого общения. Сеть способствует не только поддержке слабых связей, но и стимулирует формирование новых слабых связей. Но, как правило, данные связи не развиваются и не перерастают в долговременные личные отношения. Человек, входящий в виртуальные сообщества, рассматривает последних как нечто эфемерное, в результате чего данные связи редко получают физическое воплощение.

Высоко оценивает Кастельс сеть Интернет и за поддержку крепких связей на расстоянии. Так, электронная почта оказывает благоприятное воздействие на семейные отношения, испытывающие воздействие индивидуализма, географической мобильности, неравенства семейных форм. Сеть структурирует общественные отношения, складывающиеся в новой модели социального взаимодействия. Однако надо уточнить, что сам Интернет не создает модели сетевого индивидуализма. Он выступает как материальная база, развитие которой способствует распространению основной формы социальности в виде сетевого индивидуализма.

Рассматривая термин «сетевой индивидуализм», Кастельс отмечает, что это действительно социальная структура, а не просто совокупность изолированных индивидов. Человек стремится создать свою сеть на основании интересов, склонностей, предпочтений. Онлайн-социальное взаимодействие играет все возрастающую роль в обществе благодаря гибкости Интернета и развитию коммуникаций в целом. Потенциал виртуальных сообществ велик. Они могут не уступать реальным сообществам с позиции объединения и мобилизации. Информационно-коммуникационные технологии уже сегодня создают Сеть, сводящую воедино физическое и киберпространство [4, 95].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что рассмотрение феномена человека Кастельсом проходит сквозь призму труда. Для него человек – это в первую очередь работник, выполняющий определенные операции. Отталкиваясь от рассмотрения связки «труд-капитал», можно прийти к выводу, что в современном мире наметился разрыв, характерный для нового общества. Капитал становится глобальным, а человек как носитель фактора труда остается на локальном уровне. Причем сам локальный уровень разрывается, сегментируется. Индивид отрывается от реальности. В результате формируется новая социальность – сетевая. В этих условиях человек переносит свои основные связи в виртуальную среду, которая позволяет поддерживать имеющиеся, даже слабые связи, а также формировать новые. Будучи ок-

руженным Сетью, человек развивает индивидуализм, который проявляется во всех сферах жизни, в том числе, и в экономической деятельности. Индивид начинает самостоятельно определять специфику своей трудовой деятельности, программировать свою занятость. Этот феномен был назван Кастельсом «самопрограммируемой рабочей силой».

Литература

1. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004.
4. *Кастельс М., Химанен П.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. / Пер. с англ. А.Калинина, Ю.Подороги. — М.: Логос, 2002.

УДК 338.2

Калинина А.Г.

Декомпозиция общественных предпочтений в экономической политике государства

В статье обосновывается роль экономических предпочтений в процессе построения экономической политики государства. Описывается возможность определения национальных (государственных) предпочтений на основе научного метода декомпозиции. Раскрываются особенности каждого из существующих видов предпочтений: индивидуальных, групповых, государственных, муниципальных, региональных и национальных.

Ключевые слова: национальные предпочтения, метод декомпозиции, муниципальные интересы, мезо- и макросистемы.

Сегодня изучение категории экономических предпочтений является предметом не только фундаментальной науки, но и государственной практики управления. Их структурирование выступает в качестве первоначального этапа построения государственной политики как в экономической, так и в социальной сферах. Исследование экономических предпочтений очень часто основывается на принципе иерархичности (носит вертикальный характер). В частности, для выявления общественных предпочтений, выступающих в качестве вектора развития страны, государство вынуждено проводить анализ индивидуальных и групповых предпочтений среди членов общества.

Индивидуальные предпочтения, которые в экономике получили еще распространение как личные, представляют собой наиболее освещенный тип предпочтений в рамках микроэкономики. Основные трудности при систематизации связаны со спецификой предпочтения каждого индивида. Еще Гельвеций утверждал, что именно индивидуальные предпочтения выступают «движущей силой социальных трансформаций» [1, с. 12]. Личностные предпочтения аккумулируются в коллективные или групповые предпочтения, которые являются агрегированной суммой интересов и предпочтений определенного количества субъектов экономики, имеющих совместное видение удовлетворения схожих потребностей.

Общественные предпочтения выступают в качестве вершины данной пирамиды, основываясь на индивидуальных и коллективных предпочтениях. Р. Нельсон и С. Уинтер утверждают: «Такой вещи, как “общественные предпочтения” не существует, есть только совокупность индивидуальных интересов. Для того чтобы прийти к коллективным решениям, следует разрешить конфликты между интересами» [2, с. 411]. С этой точкой зрения согласен и Дж. Бенгам: «Общество только сумма индивидов. Чем больше будет польза, удовольствие, счастье каждого, тем больше будет «совокупное счастье» в обществе» [3, с. 242-243].

Одним из способов получения актуальных результатов выбора среди членов общества можно назвать научный метод декомпозиции. Он является обратным про-

цессом по отношению к синтезу, выраженному в качестве агрегирования индивидуальных предпочтений в групповые и далее в общественные.

В связи со спецификой государственного устройства России можно говорить о территориальном синтезе предпочтений. Критерием данной классификации, образуемой муниципальными, региональными и национальными предпочтениями, выступает признак масштабности. В последнее десятилетие развитие России идет в соответствии с последовательно выстроенным и логически выверенным курсом стратегического планирования стабильного и качественного экономического роста национальной экономики на макро-, мезо- и локализованно-территориальном уровнях. Его эффективная реализация возможна лишь путем системной организации экономических институтов, которая в свою очередь может трактоваться как совокупность норм, механизмов, форм согласования принципов рыночной экономики с принципами федерализма, регионального и местного самоуправления, которые позволяют осуществлять компромисс экономических, социальных, экологических и иных интересов самых различных субъектов рассматриваемых отношений [4, с. 118].

Метод декомпозиции рассматривает общественные предпочтения в качестве национальных, которые образованы на основе региональных и муниципальных предпочтений.

Отправной точкой исследования выступает муниципальный уровень, показывающий муниципальные интересы, «представляющие собой отношения субъектов (предприятий различных форм собственности, местного самоуправления и населения) по поводу удовлетворения материальных потребностей муниципалитетов. Муниципальные экономические интересы могут быть реализованы через муниципальную собственность. Муниципальная собственность является важным элементом экономической основы самостоятельности и независимости органов местного самоуправления и используется как инструмент социальной защиты и финансовой поддержки отдельных социальных групп» [5, с. 213].

Центром субъективизации, коллективным актором всей этой сложной системы можно назвать совокупность активных граждан. В связи с необходимостью совместного проживания на одной территории возникают интересы местного сообщества – групповой интерес, который в значительной степени отличается от государственного и личного интереса, выступая в качестве промежуточного звена в цепочке экономико-социальных предпочтений. В современных условиях местное сообщество заинтересовано преимущественно в эффективном управлении и максимальном удовлетворении своих материальных и духовных потребностей, реализуемых на основе решения многогранного комплекса задач. Таким образом, муниципальные предпочтения выступают точкой начала распространения импульса к формированию последующего круга предпочтений.

Следующий этап на пути формирования национальных предпочтений представлен региональным уровнем. Он отображает предпочтения, которые объединены пределами удовлетворения интересов людей, проживающих на определенной территории со сложившейся культурой, экономикой и природными условиями. Неоднократно в истории экономической мысли обращали внимание, что на характер формирования предпочтений оказывает влияние среда пребывания носителя того или иного предпочтения. Не только от внутренней, но и от внешней ситуации зависит характер потребностей, а с ними и процесс формирования предпочтений. В частности, «институционалисты уделяли большое внимание изучению проблем, связанных со средой, в которой формируются и реализуются экономические предпочтения» [6, с. 60].

Данный тип экономических предпочтений можно представить в виде двух подсистем. Аккумуляция всех муниципальных предпочтений сосредоточивается на уровне региона (субъекта страны), представляя мезосистему. Но для нашей страны характерным является не только конституционно закрепленное административно-территориальное деление, но и условное – экономическое. Оно представлено экономическими районами, которые образуют макросистему. Еще одно деление, получившее в последние годы актуальность, вызвано разделением страны на восемь федеральных округов, имеющих иные границы, чем ранее существовавшие военные и экономические районы.

Практическое применение полученных результатов анализа муниципальных предпочтений находит свое выражение в качестве стратегий и концепций социально-экономического развития федеральных округов и субъектов.

В качестве примера рассмотрим Южный федеральный округ, где сегодня действуют более сотен различных программ, реализуемых на территории всех шести субъектов и охватывающих все сферы жизнедеятельности населения. Данные программы представляют собой не только специализацию, характерную для отдельного субъекта, но и носят комплексный характер. Это позволяет решать возникшие трудности с учетом межрегиональных экономических связей. На основе выявленных проблем на уровне региона государство оценивает общую ситуацию в стране, определяя точки роста и провалы по основным направлениям своей деятельности. Результатом данного мониторинга является формирование национальных предпочтений.

Национальные предпочтения являются синтезом экономической и политической деятельности государства, в основании которых заложен национальный интерес, представленный «консолидирующим механизмом, который снимает противоречие между интересами государства и гражданами по общим вопросам» [7, с. 116].

Следует отметить, что национальные предпочтения в настоящее время тесно переплетаются с международными, что обусловлено глобальным экономическим кризисом. Так, по мнению Т.В. Игнатовой, в условиях мирового экономического кризиса 2008-2011 гг. и развертывания процессов своеобразной национализации даже в странах с развитой рыночной экономикой проблемы управления госкорпорациями, финансового оздоровления институтов, перешедших в государственную собственность либо получивших стабилизационные кредиты и государственные гарантии, приобретают действительно глобальный характер, так как от эффективного их решения национальными правительствами зависит экономическое и политическое положение в остальных странах, темпы и траектория выхода из кризиса всей мировой экономики [8, с. 11].

Сегодня национальные предпочтения, так же как и региональные, получают свое официальное закрепление в качестве нормативно-правовых актов, выраженных в Указах Президента, его ежегодных посланиях Федеральному Собранию, программам и стратегий социально-экономического развития как конкретной отрасли, так всей страны в целом.

С.Р. Кириллов и В.Е. Ковалева считают, что «ключевым этапом реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития России является модернизация общественной социально-экономической системы. Проблема модернизации нашла отражение в Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г. При определении сущности модернизации должен применяться синергетический подход. Это комплексное направление политики государства. Оно распространяется и на политическую систему, судебную власть, общественные от-

ношения и, конечно, на экономику. Очевидно, они не могут модернизироваться не во взаимосвязи друг с другом» [9, с. 38].

В Указе Президента «О долгосрочной государственной экономической политике» в целях повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста, увеличения реальных доходов граждан России, достижения технологического лидерства российской экономики определены следующие задачи: создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.; увеличение объема инвестиций не менее чем до 25 % внутреннего валового продукта к 2015 г. и до 27 % – к 2018 г.; увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.; увеличение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г.; повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й – в 2015 г. и до 20-й – в 2018 г. [10].

Ранжирование предпочтений государства в экономической политике происходит главным образом за счет двух инструментов – инвестиционных и денежных потоков. В трехлетней перспективе планируется отдать предпочтения в области бюджетных инвестиций национальной обороне, а также объектам социальной сферы, в частности: здравоохранению, образованию, культуре и кинематографии, физической культуре и спорту, средствам массовой информации, охране окружающей среды. «Национальная экономика» занимает четвертое место в данном списке, уступая «национальной безопасности и правоохранительной деятельности».

Подводя итоги анализу экономической политики ближайших лет, мы видим значительный дисбаланс предпочтений между социальной и экономической составляющей отечественной структуры экономики. Удовлетворение потребностей населения в высоком уровне социальной защиты, социальной обеспеченности и доступности сегодня, без должного финансирования инновационных и обрабатывающих отраслей экономики, приведет к упадку и дальнейшему отставанию по темпам экономического роста российской экономики завтра. Что в дальнейшем найдет свое отражение в снижении достигнутых результатов.

Таким образом, роль экономических предпочтений на современном этапе развития экономики является ключевой. Именно с помощью правильной оценки уровня удовлетворенности населения можно выстраивать общий вектор развития страны. Механизм выявления данных предпочтений может быть как иерархичный по количеству акторов экономических отношений, так и территориальный. Использование каждого из данных подходов позволяет получить необходимую информацию. Комплексное их использование позволяет увидеть многогранность данных проблем и точнее выстроить экономическую политику государства.

Литература

1. *Гельвеций. Г.* Соч. В 2-х т. / Под ред. Х.Н. Момджяна. М.: «Мысль». Т. 1. 1973. С. 12.
2. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000. С. 411.
3. *Аникин А. В.* Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса. М.: Политиздат, 1985. С. 242-243.
4. *Коровин И.С.* Региональные особенности интеграции малого бизнеса и корпораций с учетом интересов территории // *Экономические науки.* 2011. № 12 (73). С. 118.
5. *Лыскова Н.А.* Совершенствование управления муниципальной

собственностью как условие реализации муниципальных экономических интересов // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 3. Ч. 2. С. 213.

6. *Расулов М.М.* Методологические аспекты категории общественных предпочтений в анализе взаимосвязей экономической эффективности и социальной справедливости в современной экономической теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 2 (140). Вып. 18. С. 60.

7. *Чекулаев А.А.* Ключевые факторы формирования национальных интересов государства // Политология: актуальные аспекты. 2010. № 3. С. 116.

8. *Игнатова Т.В.* Формирование комплекса мер управления антикризисным взаимодействием государства и бизнеса // Российское предпринимательство. 2012. № 5 (203). С. 11.

9. *Кириллов С.Р., Ковалева В.Е.* Государственная политика модернизации и инновационный процесс в России // Экономические науки. 2012. № 3(88). С. 38.

10. *КонсультантПлюс.* Указ Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике». № 596. 7 мая 2012 г.

УДК 351.82:338.439.5

Хирамагомедов М.Г.

Особенности регулирования рынка зерна в Украине

В статье проанализированы особенности формирования и государственного регулирования рынка зерна в Украине, намечены приоритеты развития.

Ключевые слова: государственное регулирование, рынок зерна, залоговые закупки зерна, складские свидетельства, государственные интервенции.

Зерновой сектор является стратегической отраслью экономики Украины, которая определяет объемы предложения и стоимость основных видов продовольствия для населения страны, в частности продуктов переработки зерна и продукции животноводства, формирует значительную часть доходов сельскохозяйственных производителей, определяет состояние и тенденции развития сельских территорий, формирует валютные доходы государства за счет экспорта.

На протяжении последних двух десятилетий формирование рынка зерна в Украине характеризовалось следующими особенностями:

- сокращением государственных закупок зерна и переориентация системы реализации с государственных на альтернативные каналы сбыта;
- значительными колебаниями рыночных цен на зерно в зависимости от урожайности и сезонности производства, что оказывало дестабилизирующее влияние на доходы производителей зерна;
- появлением на рынке большого количества посреднических структур, диктующих сельхозпроизводителям невыгодные ценовые условия;
- недостаточной информационной прозрачностью рынка и, как следствие, отсутствием равновесной цены, определяющей реальный спрос и предложение;
- деформированием системы ценообразования на зерно, диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, снижением зависимости между ценой и качественными показателями зерна [1-3].

На протяжении указанного периода уполномоченными органами государственной власти очень часто применялось административное государственное регули-

рование рынка зерна. При этом, ставя цель защиты национальных потребителей от роста мировых цен на зерно, государственные органы не учитывают экономических последствий действий "ручного" регулирования имиджа страны как надежного поставщика зерна на мировой рынок.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих взаимоотношения между субъектами зернового рынка и государством, в Украине является Закон "О зерне и рынке зерна в Украине", в котором рынок зерна определяется "как система правовых отношений, которые возникают между его субъектами в процессе производства, хранения, доработки, торговли и использования зерна на основе свободной конкуренции, свободного выбора каналов реализации зерна и определения цен, а также государственного контроля его качества, хранения и рационального использования" [4].

Закон регулирует производство и рынок зерна по таким основным направлениям:

- обеспечение продовольственной безопасности государства;
- формирование благоприятной для развития зерновой отрасли инвестиционной, кредитной, налоговой, таможенной политики;
- оптимизация структуры и эффективности зернового производства с учетом потенциала природноклиматических условий и рыночной конъюнктуры;
- обеспечение функционирования рынка зерна на основе сочетания свободной конкуренции и государственного регулирования с целью согласования интересов субъектов рынка и государства;
- наращивание экспортного потенциала зерна;
- определение приоритетности рынка зерна;
- установление государственного контроля качества зерна и рационального использования ресурсов зерна, продуктов его переработки и сортовых семян;
- установление организационно-правовых и экономических механизмов функционирования рынка зерна;
- проведение интервенционных операций на рынке зерна;
- введение механизма залоговых закупок зерна;
- установление гарантий относительно получения сельскохозяйственными товаропроизводителями своевременной оплаты за зерно при осуществлении его залоговых закупок [4].

Одним из основных пунктов этого закона является положение о складских свидетельствах на зерно – ценной бумаге на предъявителя, которую зернохранилища предоставляют владельцам зерна в подтверждение их права распоряжаться им. Зерно в течение срока его хранения может быть предметом залоговой путем передачи складского свидетельства на зерно залогополучателю [4].

Это должно было позволить сельхозпроизводителям привлекать необходимый объем кредитных ресурсов на проведение как осеннего, так и весеннего комплекса весенне-полевых работ. Однако этот механизм государственного регулирования рынка зерна в Украине был неэффективен.

Поэтому в ноябре 2012 г. был принят Закон Украины № 9611 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты относительно Гарантийного фонда исполнения обязательств по складским документам на зерно», в котором предусмотрено создание Гарантийного фонда, который должен контролировать выполнение обязательств со стороны складов и элеваторов по хранению зерна и в случае их нарушения компенсировать кредиторам стоимость товара [5].

По сути, она является продолжением направления о введении такого механизма, как аграрная расписка, и вводит понятие гарантии на операции с зерном при форвардных закупках. Данная норма даст гарантии кредиторам, которые готовы заплатить деньги сельхозпроизводителю за будущий урожай.

Следует отметить, что аграрные расписки и их гарантирование со стороны государства позволяют, например, в Бразилии ежегодно привлекать в аграрный сектор около 5 млрд долл. кредитных ресурсов [6, с. 60].

В состав Гарантийного фонда войдут представители Нацбанка Украины, Минфина, службы, выдающей сертификаты элеваторам (Госсельхозинспекции), представители зерновых складов, аккредитованных бирж, субъекты рынка страхования и производства зерна. Фонд, из которого предполагается погашение проблемных расписок, не обеспеченных зерном, будет формироваться Министерством аграрной политики и продовольствия.

Предоставление государственных гарантий на зерно положительно скажется на развитии рынка зерна в Украине, так как государство будет нести ответственность за достоверность складской расписки, которая в современных условиях часто бывает необеспеченной зерном на складе. Выиграют от указанной новации, в первую очередь, предприятия, закупающие зерно: пекарни, переработчики зерна, зернотрейдеры, которые теперь будут охотнее заключать форвардные контракты с аграриями, а также банки, выдающие кредиты под будущий урожай. Для них складская расписка – документ, гарантирующий его обеспечение зерном, в противном случае, Гарантийный фонд, созданный государством, обязуется компенсировать владельцу данного документа 90 % стоимости зерна [5].

Складские расписки и государственные гарантии под нее выгодны всем участникам зернового рынка Украины, ведь сельхозпроизводителю она обеспечит приток оборотных средств в канун посевной, зернотрейдеру – возврат этих средств, элеваторам и складам – гарантию по затовариванию зерном. Однако успех этой схемы будет зависеть от того, какой механизм работы Гарантийного фонда примет государство и насколько эффективным будет контроль оборота зерна на складах.

Создание Гарантийного фонда позволит также государству осуществлять более эффективную интервенционную политику, которая направлена на стабилизацию цен на зерно в Украине.

Государственная интервенционная политика в Украине осуществляется путем проведения закупочных и товарных операций с зерном. Так, с целью предотвращения стремительного обвала цен, особенно в период 2-3 первых месяцев после уборки зерновых, государство должно изымать с рынка 2-3 млн т продовольственного зерна, в т.ч. около 600-800 тыс. т на формирование Аграрным фондом государственного продовольственного резерва, а также 1,5 млн т на формирование трехмесячного регионального запаса зерна. Ведь гарантией продовольственной безопасности страны является формирование достаточных продовольственных запасов зерна (двухмесячный запас внутреннего потребления) [7].

Важным направлением государственного регулирования рынка зерна в Украине, согласно Закону “О зерне и рынке зерна в Украине” является также организация залоговых закупок зерна, при которых товаропроизводители передают зерно на хранение зернохранилищам. В соответствии с договором, который заключается с государственным агентом, товаропроизводителю перечисляются средства за зерно по залоговым ценам. При этом товаропроизводители могут реализовать зерно в течение срока его хранения в случае увеличения рыночных цен, возместив расходы на хранение продукции.

Нормативно-правовое поле государственного регулирования рынка зерна в Украине также представлено такими основными документами.

Указ Президента Украины “О безотлагательных мероприятиях по стимулированию производства и развитию рынка зерна” гарантирует цивилизованное движение зерна, создание прозрачной рыночной инфраструктуры, снижение негативных последствий сезонных и конъюнктурных колебаний цен на зерно, повышение уровня рентабельности и стимулирования его производства [7].

Государственной Программой «Зерно Украины – 2015» определены пути наращивания производства зерна, раскрыты технологические, экономические и нормативно-правовые основы решения зерновой проблемы. С принятием этой Программы предусматривается разработка и внедрение ряда подзаконных актов:

- о государственной и региональной программе целевого развития зернового хозяйства;
- об установлении паритетности цен на зерно и материально-технические ресурсы для зернового хозяйства;
- о стимулировании качества зерна и внедрении новых прогрессивных технологических процессов в выращивании, хранении, переработке и использовании зерна [7].

Важным элементом для достижения выполнения целей и задач Программы «Зерно Украины – 2015» является развитие рынка зерна. Государственная аграрная политика по созданию условий для эффективного функционирования зернового рынка будет концентрироваться на следующих основных направлениях:

- создание системы маркетинга рынка, анализ состояния рынков (внутреннего и внешнего), поиск перспективных рынков и продвижение зерна на внешние рынки;
- стимулирование рыночного спроса и предложения на зерно;
- формирование и функционирование инфраструктуры рынка зерна;
- защита интересов отечественных товаропроизводителей при осуществлении внешнеэкономической деятельности;
- научно-техническое и информационное обеспечение развития рынка;
- повышение инвестиционной привлекательности зернового сектора, создания благоприятных условий для привлечения международных и отечественных финансовых и кредитных ресурсов;
- усовершенствование механизмов государственной поддержки участников рынка зерна, согласно требованиям Всемирной торговой организации; использование механизмов "зеленой" корзины ВТО [8, с. 262];
- улучшение имиджа украинского зерна на мировом зерновом рынке, путем широкого информирования о его качественных характеристиках;
- развитие международного сотрудничества, в частности активного участия в работе Международного совета по зерновым и другим системообразующим организаций мирового зернового рынка;
- гарантирование стабильности и прогнозируемости государственной политики на рынке зерна, контроль выполнения требований действующего законодательства органами исполнительной власти [7].

В Украине также приняты другие нормативно-правовые акты с целью государственного стимулирования развития рынка зерна. Так, Правительством Украины оказывается поддержка сельскохозяйственным товаропроизводителям в рамках следующих программ:

- выплата частичной компенсации затрат на посев озимых культур, яровой пшеницы;
- частичное возмещение стоимости минеральных удобрений отечественного производства;
- государственная поддержка производства продукции растениеводства;
- финансовая поддержка предприятий через механизм удешевления процентной ставки по краткосрочным и среднесрочным кредитам;
- компенсация аграриям страховых премий;
- выплата компенсаций хозяйствам, пострадавшим в результате неблагоприятных погодных условий;
- льготный режим налогообложения.

На основе вышеизложенного можно заключить, что государственная политика относительно зернового рынка в Украине является недостаточно прогнозируемой и стабильной. Государственное регулирование зернового рынка в Украине пока не может эффективно реагировать рыночными методами на вызовы глобального рынка.

Следствием недостаточной системности и несогласованности законодательства Украины, а также его выборочного исполнения, является применение вместо рыночных подходов к регулированию зернового рынка, предусмотренных действующим законодательством, административного вмешательства, в частности применения механизмов административного ограничения экспорта зерна, которые уменьшают прибыль или наносят убытки участникам зернового рынка и отрицательно влияют на имидж страны, как экспортера зерна.

Отсутствие системного подхода к регулированию зернового рынка в Украине не может привести к дальнейшему уменьшению показателей урожайности и объемов производства зерна, сокращению доходов сельскохозяйственных производителей, что, в частности, будет угрожать продовольственной безопасности страны. Поэтому необходим стратегический подход к государственному регулированию зернового рынка и усовершенствование законодательной и нормативно-правовой базы, которая регулирует правоотношения на рынке зерна.

Обобщение основных механизмов и инструментов государственного регулирования рынка зерна в Украине позволяет выделить те функции органов государственной власти, которые целесообразно развивать и усовершенствовать в будущем, а именно:

- анализ и прогноз ситуации на зерновом рынке, поддержка необходимой обществу структуры производства и потребления;
- усовершенствование аграрного законодательства, касательно форм, методов и направлений государственного регулирования зернового рынка;
- разработка, организация и финансирование выполнения целевых программ в зерновой сфере;
- контрольно-инспекционная деятельность (разработка стандартов на отдельные виды зерна и продукты его переработки, контроль по качеству).

Таким образом, государство должно создавать необходимые условия, стимулирующие развитие рынка зерна. Государственная поддержка субъектов зернового рынка должна содействовать, с одной стороны, обеспечению необходимого уровня их доходов, внедрению новой техники и прогрессивных технологий, структурной перестройки отрасли с учетом конъюнктуры зернового рынка, как национального, так и мирового, а с другой, обеспечить качество и безопасность, а также экономическую доступность зерна и продуктов его переработки для населения.

Литература

1. Лобас М.Г. Розвиток зернового господарства України. К.: 1997.
2. Назаренко В. Государственная политика в аграрной сфере // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 40–53.
3. Рамазанова-Стёпкина Е. Вопросы государственного регулирования рынков агропродукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа к стр. : <http://agro.ua.net/>
4. Закон України “Про зерно та ринок зерна в Україні”. № 37-IV від 4 лип. 2002 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к стр. : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi>.
5. Кабаш Н. Государство будет охранять зерно по-бразильски / Н. Кабаш. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к стр. : <http://markets.eizvestia.com/full/gosudarstvo-budet-ohranyat-zerno-po-brazilski>
6. Мадай А. Пищя бумага // Бизнес. 2012. № 47 (1034). С. 60–61. (19 ноября).
7. Програма “Зерно України – 2015”. К.: ДІА, 2011.
8. Штефан фон Крамон-Таубадель, Зоря С. Наслідки вступу до СОТ для аграрної політики в Україні. // Вступ України до СОТ: новий виклик економічній реформі. К.: В-во “Альфа-принт”, 2003. С. 262–276.

УДК 808

Казарян А.Н.

Положение русского языка на постсоветском пространстве в контексте оптимизации государственной языковой политики России

В статье рассматривается роль русского языка в процессе социально-экономической и культурной модернизации постсоветского пространства.

Ключевые слова: языковая политика, билингвизм, постсоветское пространство.

Исторически сложилось так, что русский язык является не только языком конкретной нации – русских, но и используется как язык межнационального общения представителями многих других национальностей, проживающих как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами – прежде всего в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Русский язык входит в число шести официальных и рабочих языков Организации Объединенных Наций, а также других авторитетных международных организаций. Являясь основным средством общения такой многонациональной страны, как Россия, русский язык выступает в качестве средства коммуникации населения, трансляции основных культурных и мировоззренческих ценностей многонационального российского народа.

На определенном этапе исторического развития Российского государства началось распространение русского языка на национальных окраинах страны, происходившее параллельно с модернизацией экономической и культурной жизни данных территорий. В частности русский язык стал языком системы среднего и высшего профессионального образования, здравоохранения, администрирования, управления промышленностью, транспортом и связью.

В результате в большей части национальных территорий утвердился билингвизм, т.е. практически все население, помимо родного языка, овладевало также русским как государственным языком страны. Среди городского населения билингвизм привел к постепенному ослаблению знания родных языков и, как следствие, к языковой ассимиляции. В свою очередь, русские, мигрировавшие на национальные окраины и составлявшие значительную часть городского населения, билингвами, за ред-

ким исключением, не являлись, что впоследствии позволило националистически настроенным элитам национальных окраин говорить о политике русификации территорий с помощью утверждения приоритета русского языка.

Распад СССР привел к возрождению этнической идентичности, принятой за основу государственной идеологии подавляющего большинства возникших на постсоветском пространстве государств. Соответственно, процесс возрождения этнической идентичности затронул и политику новых суверенных государств в отношении русского языка. Очевидно, что для русского языка два последних десятилетия оказались не лучшим периодом в истории. Политические и социально-экономические трансформации бывших советских республик, массовая эмиграция русского населения способствовали заметному снижению роли русского языка как языка межнационального общения на постсоветском пространстве [1, с. 13].

В настоящее время в большинстве постсоветских государств продолжается процесс вытеснения русского языка из общественно-политической и культурной жизни, что, безусловно, говорит о необходимости принятия комплекса мер, направленных на восстановление и дальнейшее развитие русскоязычного культурного влияния на постсоветском пространстве.

В контексте вышесказанного крайне важным представляется принятие мер по поддержке русского языка на постсоветском пространстве со стороны Российской Федерации. В первую очередь потому, что русский язык является родным для миллионов этнических русских, в силу различных обстоятельств оказавшихся за пределами РФ. Отстаивая права на сохранение и полноценное использование русского языка, можно апеллировать не только к нравственным нормам, которые порой являются весьма условной категорией, но и опираться на нормы международного законодательства. Также следует отметить, что знание русского языка является залогом наиболее успешной интеграции мигрантов в российское общество.

Распад СССР отчасти стимулировал сближение Российской Федерации со странами дальнего зарубежья. Одним из наиболее актуальных вопросов стало налаживание взаимодействия и сотрудничества с диаспорами выходцев из стран бывшего СССР, оказавшихся в силу различных обстоятельств на территории дальнего зарубежья, и, в еще большей степени, с русским и русскоязычным населением государств, возникших на территории постсоветского пространства. Со временем правительство РФ стало уделять данной проблеме больше внимания, сделав ее одной из важнейших задач российской внешней политики и выведя на уровень важнейшего компонента процесса модернизации.

Согласно положениям государственной политики РФ, активное сотрудничество с русскими диаспорами, наряду с защитой прав соотечественников, находится на одном из первых мест в перечне приоритетов государства. Подобный подход обусловлен стратегическими планами перспективного развития России. Он представляется нам вполне оправданным, поскольку, как показывает исторический опыт, именно синтез различных культурных начал может обогатить культуру каждого народа [2].

Многогранность русского мира объясняется его разнородностью, поскольку русский мир – не только Россия, но и русскоязычное население всех бывших советских республик, русские и русскоязычные диаспоры в странах дальнего зарубежья. По сути, русское зарубежье стало одним из сложнейших компонентов в процессе формирования стратегии межгосударственных отношений, которая бы соответствовала запросам современной действительности, параллельно давая России возможность укреплять свой авторитет на международном уровне. На наш взгляд, словосочетание «русский мир»

подразумевает многогранный социально-культурный феномен, который объединяет Россию и цивилизационное пространство, соотносящееся с ней.

Рассматривая развитие такого уникального явления, как русское зарубежье, можно выявить определенную специфику, свойственную взаимоотношениям между культурой, этносом и языком. Для тех, кто является непосредственным участником «системы» русского мира, важнейшую роль играют именно языковые, т.е. вербальные коммуникации, причем они порой выполняют более значимую функцию, чем устоявшиеся этнические традиции. Одной из наиболее замечательных характеристик современного русского зарубежья можно считать двойную идентичность.

В конституциях советских республик государственный статус титульных языков был впервые обозначен в 1989-1990 гг., в то время как русский язык был лишен статуса государственного (каждая республика по-своему определяла его модальность). Символично, что правительства балтийских государств не сочли необходимым обозначить в качестве языка межнационального общения русский язык, что объясняется общим негативным восприятием советского периода истории этих государств национально ориентированными балтийскими элитами.

Вместе с тем фактически на всем постсоветском пространстве русский язык после распада СССР начал дискриминироваться, пусть даже в ущерб действительным интересам и потребностям новообразовавшихся государств. Это связано с позицией националистически настроенной интеллигенции и властных элит суверенных республик в отношении русского языка как языка колонизации и оккупации.

Государственная языковая политика, проводимая в государствах, получивших суверенитет после распада Советского Союза, в основном способствовала нивелированию роли русского языка, значительно сократив сферы его применения. Русский язык по-прежнему сохраняет позиции важнейшего коммуникативного инструментария, применяемого при осуществлении межнационального общения между представителями России, стран СНГ и Балтии. Несмотря на это, в последнее время становится все более очевидным тот факт, что в каждом из этих государств официальное признание языка титульной нации как единственного государственного практически привело к исключению русского языка из местной политики, культуры, образования, и т.д.

Отдельно следует подчеркнуть, что в странах ближнего зарубежья реформы информационной сферы, в частности СМИ, зачастую оказывают заметное воздействие на положение русского языка. Тиражи русскоязычной прессы постоянно снижаются, на ТВ и радио сокращается доля вещания на русском языке. В этом процессе наиболее активно участвуют Туркмения, Азербайджан, Грузия, Таджикистан, и прежде всего Украина, где упорно предпринимаются попытки полностью исключить русский язык из сферы средств массовой информации [3, с. 82].

Однако не следует забывать и о том, что уровень развития национальных языков и степень их использования в бывших советских республиках существенно разнятся. В странах Балтии, Молдове, на Украине, в Армении и Грузии государственные языки могут полноценно играть роль не только языков бытового общения, но и научной, деловой, культурной коммуникации. Другая ситуация – в республиках Центральной Азии, где и наблюдается относительно сложная ситуация с русским языком. Долгое время в Центральной Азии русский язык выполнял так называемую цивилизующую роль и только потом служил для облегчения межнационального общения. В странах Центральной Азии большинство населения до сих пор использует русский язык, в Казахстане и Кыргызстане для значительной части коренного насе-

ления, проживающего в крупных городах, русский язык является родным, поскольку национальными языками многие горожане практически не владеют.

По своей сути, русский язык не только для русского, но и для многих других народов, является ключом, открывающим двери в мир знаний. Сегодня на русский язык переведена без преувеличения вся мировая научная, техническая и художественная литература. В то же время, по меткому замечанию исследователей, на языках народов Центральной Азии для тотального большинства научных понятий до сих пор не придумали соответствующей терминологии [4, с. 120].

В свете вышесказанного риск утраты русским языком доминирующих позиций в бывших союзных республиках представляется особенно опасным. Потеря позиций русского языка на постсоветском пространстве, как мы можем предполагать, будет способствовать не только снижению уровня общего культурного развития, но и усилению противоречий между Россией и другими постсоветскими республиками. Тем более, если учитывать, что население последних в значительной степени ориентировано на использование русского языка как средства коммуникации. В наши дни население постсоветских стран, за исключением России, насчитывает более 140 млн чел., из которых примерно 64 млн постоянно в той или иной степени используют русскую речь, а около 40 млн понимают русский язык, не прибегая к нему при общении [5].

Приходится констатировать, что в большинстве республик собственного интеллектуального потенциала оказалось недостаточно для того, чтобы генерировать хотя бы подобия тех основных ценностей, которые впоследствии стали бы фундаментом для развитого государства. Местных интеллектуальных усилий хватило лишь на то, чтобы уничтожить наследие, оставленное русской цивилизацией. Народы, получившие долгожданный суверенитет, до сих пор не смогли создать собственную альтернативу изгнанной русской культуре или науке.

Владение русским языком дает значительные преимущества не только информационно-культурного характера. Оно крайне важно для успешного трудоустройства и дальнейшего карьерного роста, тем более что в ряде сфер (например, в административной), по-прежнему актуален билингвизм – узбекско-русский, таджикско-русский, кыргызско-русский, казахско-русский, и т.д. Отметим, что данная ситуация – традиционна для Центральной Азии: так, до российской колонизации региона функцию «лингва франка» в регионе выполнял персидский язык (фарси).

Еще одним оплотом билингвизма является информационная сфера. При том, что число средств массовой информации, выходящих на государственных языках постсоветских республик, неуклонно растет, общие тиражи и качество публикуемой информации в национальных СМИ снижаются. Наиболее востребованные электронные средства массовой информации в настоящее время и являются основными каналами распространения русского языка, причем, как ни парадоксально, этому в немалой степени способствовала местная коммерческая реклама. Дело в том, что большинство предпринимателей предоставляют информацию на русском, чтобы привлечь внимание как можно большей целевой аудитории.

Распространение вещания российских средств массовой информации на территории бывших союзных республик представляет особую важность в контексте развития интеграционных процессов и укрепления межгосударственного взаимодействия и межнациональной коммуникации на всей территории постсоветского пространства. Не менее значимо сохранение русских школ в постсоветских республиках, возможности обучения на русском языке в учреждениях высшего профессионального образования. В 2013 г. Министерством образования и науки РФ начата программа по

созданию системы дистанционного образования на русском языке в странах СНГ, при этом дистанционные русские школы будут находиться под контролем российских университетов. Введение дистанционного школьного обучения на русском языке представляется закономерным ответом на политику ряда государств постсоветского пространства по постепенной минимизации изучения русского языка в республиканских образовательных учреждениях [6].

Хотелось бы еще раз подчеркнуть высокую значимость сохранения русского языка на постсоветском пространстве, более того, необходимость его активного распространения. Это важно с позиции сохранения организованного канала коммуникации политических и общественных структур, поддержания конструктивного диалога так называемой «публичной» дипломатии, которая в определенных критических ситуациях нередко оказывается гораздо более результативной, чем официальная [7, с. 4]. Российское правительство может воздействовать на положение русского языка в ближнем зарубежье посредством дипломатических рычагов влияния, используя богатый инструментарий влияния, зависящий от временной и ситуационной конкретики.

В настоящее время остро стоит вопрос о межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве. В первую очередь, в интеграции нуждаются именно республики Центральной Азии, значительная часть населения которых находится в Российской Федерации на заработках или обучается в российских высших и средних учебных заведениях. Тесные экономические связи с большинством постсоветских государств также подразумевают необходимость укрепления интеграционных процессов, что актуализирует и проблему совершенствования государственной политики в направлении интеграции постсоветских государств. Придать интеграционным процессам мощный импульс сможет в первую очередь организация сотрудничества между зарождающимися структурами гражданского общества, сохраняющими лингвистическую идентичность.

Существование языковой общности между ставшими суверенными государствами является фактором, значительно упрощающим ведение политического диалога, а также стимулирующим культурологический обмен. При этом именно русский язык, входящий в группу наиболее признанных мировых языков, устанавливает формат интеграции постсоветских республик в мировое культурное и политическое сообщество. Соответственно, укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве должно стать одной из основных задач в рамках государственной языковой политики Российской Федерации.

Литература

1. *Кетцян Г.В.* Этноязыковая политика как институциональный фактор развития межнациональных отношений на постсоветском пространстве. Автореф. дис. ... канд.полит.наук. М., 2011. С. 13.
2. *Гуцин А.В., Левченко А.С.* Русский язык на постсоветском пространстве – социокультурные аспекты взаимодействия // <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/postsovetskoe-zarubeje/postsovetskoe-zarubeje/ruskiie-mir-na-postsovetskom-prostranstve-%E2%80%9393-sociokulturnie-aspekti-vzaimodeistviya.html>
3. *Лобанова Л.А., Могилева И.Б.* Статус русского языка на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО - университета. 2008. № 3. С. 82.
4. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). Сохранение и укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве в контексте внешнеполитической стратегии России / Под рук. К.Ф. Затулина. М., 2011. С. 120.

5. Байков А., Болгова И. Центральная Азия и перспективы СНГ // Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества: сборник докладов ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр постсоветских исследований. М., 2010.

6. Россия откроет дистанционные русские школы в СНГ – Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом – 17.04.2013 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: - // <http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=696>

7. Болтовский С.О. Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Автореф. дис. ... канд.полит.наук. М., 2012. С. 4.

УДК 338:352

Парасоцкая В.Г.

Современные проектно-управленческие технологии как фактор организации эффективного решения вопросов муниципального управления

Статья посвящена анализу роли межмуниципального сотрудничества при определении современных управленческих технологий и разработке проектов для муниципалитетов-аналогов, способствующих решению проблем управления социальными и экономическими системами.

Ключевые слова: управленческие технологии, межмуниципальное сотрудничество, муниципальные проекты

Залогом успешного развития территорий и решения проблем управления социальными и экономическими системами является внедрение современных управленческих технологий. С этой целью в России происходит изменение законодательной базы, образовательных стандартов, создаются научно-исследовательские и инновационные агентства. Активно развиваются договорные формы сотрудничества, различного рода соглашения о намерениях, об обмене опытом, оказании консультационной и методической помощи по различным вопросам между органами власти и коммерческими структурами.

Многие муниципальные образования уже достигли определенных положительных результатов, другие только начинают осваивать современные управленческие технологии. Соответственно между муниципалитетами существуют отличия в эффективности функционирования управленческих структур и степень их взаимодействия с научно-исследовательскими организациями.

В этом случае, важно ответить на такие вопросы: как должны взаимодействовать муниципалитеты между собой, какие использовать управленческие технологии для эффективного внедрения новшеств, каким образом осуществлять разработку, обмен и тиражирование лучшего опыта и проектов в межмуниципальном пространстве?

Анализируя существующую систему сотрудничества организаций, выполняющих исследования и разработки, с органами местного самоуправления, стоит отметить активное использование аутсорсингового подхода. Такой механизм выведения определенных функций и процессов за рамки основной деятельности, с одной стороны, создает условия для фокусирования внимания на ключевых направлениях и компетенциях [1]. С другой стороны, позволяет привлекать к решению вопросов местного значения специалистов и организации, обладающих лучшими проектными

решениями и навыками работы. Однако, на местном уровне не возможно повсеместное использование аутсорсинговой системы.

Рассмотрев современную ситуацию на уровне муниципалитетов, отметим, во-первых, что на муниципальном уровне: задач и проблем много – ресурсов мало. В условиях ограниченности финансовых средств популярность аутсорсинга снижается. Отсутствует возможность передачи на исполнение внешним организациям большего числа вопросов. Чаще всего отдают функции обеспечивающего характера: поставка канцелярских товаров, уборка помещений или территории, проведение ремонтных работ и т.д. Значительно реже заказываются услуги по проведению научно-исследовательских работ или внедрению инновационных разработок (проектов). При этом существует вероятность того, что расходование бюджетных средств на приобретение аутсорсинговых проектов может быть выше, чем на оплату труда штатных специалистов. Хотя полученный результат может иметь аналогичные свойства или быть хуже.

Конечно, можно создать в структуре местной администрации специализированное подразделение, отвечающее за внедрение инноваций и проектов. Однако существует противоречие: объект реформ (орган власти) выступает субъектом (заказчиком) инновационных технологий и экспертом, определяющим целесообразность и результативность использования инноваций. Что, в конечном итоге, способно создать коррупционные механизмы и повлиять на результативность.

Во-вторых, отсутствуют технологии определения степени использования аутсорсинговой системы. Существующая система административного управления характеризуется низким уровнем маневренности относительно нововведений. При этом предлагаемые проекты не всегда соответствуют ожиданиям граждан и целям развития муниципалитета. Ведь не все муниципальные образования имеют утвержденный и одобренный местным сообществом комплект стратегических документов социально-экономического развития территории, разработанных по программно-целевому и проектному принципу с перспективными направлениями, целями и задачами.

В-третьих, существует крайне низкая степень сотрудничества для разработки проектных решений муниципалитетов и инновационных структур в межмуниципальном пространстве. Причем речь идет не только об инновационных проектах. На уровне муниципальных образований существуют решения, которые позволяют им в сложных финансовых, кадровых, ресурсных условиях достигать значительных результатов. То, что для одних территорий является практикой и позволяет достигать высоких показателей эффективности, для других может стать инновационным проектом. Таким новшествами могут стать незначительное изменение стандартной последовательности и технологии сбора зерна, установка защитных устройств от вредителей на посевах, видоизменение функциональных обязанностей и нагрузки специалистов по благоустройству территорий и т.д. Но для того, чтобы поделиться существующим опытом должны быть тесные межмуниципальные связи и развитое межмуниципальное сотрудничество.

Хотя существует проблема того, что предлагаемые проекты не будут соответствовать ожиданиям граждан и целям развития муниципалитета. Различия территорий по «стартовым» условиям и ресурсному потенциалу ставит под вопрос возможность повсеместного внедрения типовых технологий. Соответственно при разработке инноваций следует учитывать ресурсный потенциал муниципального образования, отдельные его составляющие, что влечет за собой необходимость адаптации проектов под нужды конкретной территории. Отсутствие комплексных и апробиро-

ванных предложений подразумевает необходимость проведения новых разработок, что влияет на повышение стоимости и сроки реализации.

В-четвертых, в регионах не создан единый координационный центр, обеспечивающий сотрудничество субъектов различных сфер деятельности, тиражирование проектов и обмен опытом на межмуниципальном пространстве. Практически в каждом регионе присутствует весь спектр организаций, позволяющих разрабатывать и внедрять комплексные проекты. Например, в Ростовской области функционирует 104 организации, выполняющие исследования и разработки, в том числе: 54 научно-исследовательских организаций, 15 конструкторских организаций, 14 высших учебных заведений, 12 научно-технических подразделений на промышленных предприятиях, 7 прочих инновационных организаций, 3 технопарка, центр трансфера технологий, 3 лизинговые фирмы, ряд ведомственных и межотраслевых информационных центров, 2 инновационно-технологических центра, 8 бизнес-инкубаторов^{††}.

Конечно, существуют отдельные инициативы регионов по созданию региональных агентств и представительств федерального агентства стратегических инициатив (Ленинградская, Новосибирская, Свердловская и Ульяновская области, Республика Татарстан, Приморский край) [2]. Но масштабы страны и региональный уровень не позволяет в полной мере удовлетворять потребности поселений.

В-пятых, уровень подготовки муниципальных служащих не соответствует современным требованиям для решения новых задач. Зачастую они их не понимают, а иногда просто не принимают разработки и инновации. Это подтверждается результатами исследований [3], в ходе которых не все главы муниципалитетов без затруднений ответили на вопрос о приоритетах развития, источниках ресурсов и действий по достижению поставленных целей.

Соответственно отсутствие комплексной системы сотрудничества муниципалитетов, научно-технического обеспечения решения вопросов местного значения и обмена информацией в межмуниципальном пространстве влияет на качество проектных разработок и эффективность управленческих технологий органов власти. Необходимо, с одной стороны, подход с ориентацией на инновационное опережение, соотношение «цена-качество» с учетом особенностей деятельности органов местного самоуправления и ресурсов территории. С другой стороны, значимость приобретает реструктуризация системы управления муниципалитетом с применением новых подходов к проектной технологии и взаимодействию с организациями-партнерами. Внимание заслуживает определение тех компетенций, реализация которых эффективна путем использования технологий административного управления, а также вопросов, требующих проектного управления.

Для определения типовых территорий, характеризующиеся схожими проблемными вопросами и уровнем социально-экономического развития, предлагается группировать муниципальные образования-аналоги. Собранные сведения на основе оценки и агрегирования исходной системы социально-экономических показателей способствует поиску в межмуниципальном пространстве естественных (или даже синергетических) партнеров, позволяют проанализировать результаты работы руководства муниципалитета, его опыт, понять причины того, почему муниципальные образования, обладающие схожими задачами, работают и развиваются по-разному [4]. На основе этого, определить лучший для изучения определенной группы территории управленческий опыт. А также принять решение о перспективных направлениях

^{††} Подготовлено автором на основании данных Правительства Ростовской области. – [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru>

ях развития и разработки для муниципалитетов-аналогов типовых или групповых проектов (рис.1).

Рисунок 1. - Механизм разработки проектного решения для развития групп муниципальных образований

Группировка муниципальных образований создает условия для определения направлений межмуниципального взаимодействия между территориями, как в рамках группы, так и в межгрупповом контексте. Реализация проектов в рамках межмуниципального сотрудничества позволяет получать синергетический эффект от экономической целесообразности и дополнительный доход при совместном использовании объединенных средств. Что достигается при создании проектов для группы аналогов и разработки межмуниципального проекта для группы территорий.

В первом случае, снижение стоимости происходит за счет увеличения количества потенциальных потребителей и цикличности (многократности) группового внедрения. Второй случай касается, прежде всего, производственной инфраструктуры и внедрения энергоэффективных технологий организации электро-, тепло- и газоснабжения и других. Преимущества от реализации проекта в одном муниципальном образовании распространятся на жителей соседней территории. Поскольку полученный результат не всегда потребляется только жителями той территории, где он производится. Например, обеспечение развития физкультуры и спорта, обустройство мест массового отдыха граждан и другие. Без эффекта масштаба все затраты пере-

кладываются на муниципальное образование и бизнес-структуры, находящиеся на его территории. Не каждый субъект будет готов к этому.

Такой вид сотрудничества становится связующим элементом в процессе развития и взаимодействия муниципальных образований, а также ключевой функцией органов местного самоуправления при реализации стратегических направлений. Согласование интересов разрешит увязать программы и проекты различных муниципалитетов между собой. Тем самым, повысит эффективность их реализации, включив в экономический оборот потенциальные возможности каждой территории.

Таким образом, межмуниципальное сотрудничество становится основой межмуниципального развития, взаимодействия органов управления, хозяйствующих субъектов и местного сообщества различных территорий с целью осуществления эффективного территориального управления. Причем право муниципального образования совместно с частными или исключительно через свои унитарные предприятия производить различные материальные блага (услуги) позволяет осуществлять тиражирование апробированных технологий и проектных решений на коммерческой основе в другие муниципалитеты. Тем самым, выступать в роли разработчика или внешнего исполнителя по отношению к другим территориям, предлагая свои ресурсы (финансовые, человеческие и т.д.) для удовлетворения потребностей граждан. В этом случае, важно создать условия для отбора и тиражирования «лучшего опыта» на межмуниципальный уровень, установить в межмуниципальном пространстве отношения взаимопонимания и взаимоподдержки.

Решением поставленной задачи становится создание межмуниципального инновационного центра с разветвленной сетью участников, выступающего единой координационной структурой для обеспечения сотрудничества субъектов различных сфер деятельности, тиражирования проектов и обмена опытом на межмуниципальном пространстве. Он становится основой горизонтальной системы сотрудничества с общей управленческой структурой. Основные направления деятельности межмуниципального инновационного центра заключаются, во-первых, в обобщении информации по результатам анализа регионального и муниципального опыта решения социально-культурных и народно-хозяйственных вопросов; во-вторых, в разработке проектных решений для групп территорий-аналогов; в-третьих, в подборе организаций-исполнителей для реализации проектов; в-четвертых, в поиске технологий, покупке электронных версий научно-технических и информационных материалов; в-пятых, в продвижении инновационных проектов и поддержке уникальных общественно значимых инициатив и коллективов-инноваторов.

Анализ практики осуществления в Российской Федерации межмуниципального взаимодействия показывает, что отсутствуют межмуниципальные организации, оказывающие комплексные услуги в сфере инновационного развития и внедрения проектных решений. Хотя на территории страны зарегистрировано 114 межмуниципальных хозяйственных обществ [5]. Свою деятельность указанные организации осуществляют в жилищно-коммунальном хозяйстве (78 организаций), оказании транспортных услуг и организации транспортного обслуживания населения (4 организации), ритуальных услуг (2 организации) и строительной сфере (2 организации). В международной практике (Германия, США, Дания, Франция, Испания и другие) уже наработан определенный опыт функционирования организаций (синдикаты, агентства по планированию, инновационные структуры Национальной ассоциации местных властей, региональные агентства развития), занимающихся решением вопросов в рамках муниципального и межмуниципального развития.

Межмуниципальный инновационный центр дополняет и объединяет действующие инновационные центры, бизнес-инкубаторы, агентства по поддержке предпринимательства и другие. Что создает условия для усиления межмуниципально-интеграционных процессов, формируя единое экономическое пространство в рамках нескольких или даже значительного числа муниципальных образований, способствует преодолению неравномерности их развития и снижению барьерно-заградительных преград. Организация межмуниципальных центров в регионах Российской Федерации, а затем объединение аналогичных структур на национальном уровне позволит создать условия для использования системно-синергетического подхода в процессе разработки и внедрения лучших и инновационных проектов, взаимодействия с международными организациями, занимающимися аутсорсингом и инновационными технологиями, оценки отечественных предприятий в сравнении с мировыми компаниями-лидерами.

Положительной стороной предлагаемого варианта взаимодействия организаций в процессе разработки и внедрения проекта является информативность, прозрачность, мобильность и адаптивность в зависимости от изменения внутренних и внешних условий. Что достигается путем постоянного информирования местного сообщества о результатах внедрения проекта путем создания информационно-коммуникационной базы (портала) с общим доступом для размещения актуальной информации о проектной группе, текущем состоянии проекта, его документов и экспертной оценке. При этом содержание в базе данных сведений о проектных решениях других территорий, о «лучших проектах» и проектных менеджерах позволит реализовать механизм непрерывно движущегося информационного потока и возможность on-line оценки территорий местным сообществом.

Участие в работе проекта представителей местного сообщества, органов власти, коммерческих и научно-исследовательских организаций создает условия для приобретения ими практических знаний и проектных навыков. Увеличение количества реализуемых проектов позволит осуществить постепенное кадровое обновление в структурах органов местного самоуправления.

В результате, нахождение эффективных путей решения существующих и потенциальных проблем, связанных с разработкой и внедрением социально-экономических проектов в контексте стратегического развития муниципальных образований, является приоритетной задачей создания эффективной системы управления как в отдельных сферах, так и в целостной региональной системе. Внедрение межмуниципального механизма в практику местного самоуправления становится ключевой функцией при реализации развития муниципальных образований.

Литература

1. *Рудая И.Л.* Аутсорсинг: методология и практика: Монография. - Самара: Изд-во «Универс-групп», 2009. – С.230.
2. Информация официального сайта Агентства стратегических инициатив. URL:http://www.asi.ru/about_agency/job.php
3. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. – М.: ЦПИ МСУ, 2009. – С.146.
4. *Капогузов Е.А.* Бенчмаркинг как инструмент анализа организаций общественного сектора: международный опыт // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2009.- № 1. С.5–8.
5. Данные из Единого государственного реестра юридических лиц получены на официальном сайте Федеральной налоговой службы России – [Электронный

Государственная закупочная политика как механизм стимулирования закупок инновационной продукции

В статье рассматривается роль государственной закупочной политики в повышении инновационной активности предпринимательских структур. Обоснована необходимость создания независимых экспертных структур, координирующих действия заказчиков и поставщиков при закупке инновационной продукции.

Ключевые слова: государственная закупочная политика, инновационная продукция, координационный совет, транспарентность, профессионализм.

В последнее время в мире все больше внимания уделяется вопросам стимулирования спроса на инновации, в первую очередь, в рамках государственных закупок, которые служат мощнейшей мерой поддержки инновационного бизнеса. Государственная закупочная политика, направленная на приобретение инновационных товаров и услуг, способна стимулировать рыночный спрос, обеспечивая тем самым первичное потребление и стабильный экономический рост. В настоящее время в России государственные закупки еще не являются действенным инструментом стимулирования инновационной активности, в то время как в развитых странах закупки для государственных нужд выступают в качестве важного ресурса для создания спроса на инновации.

Ярким примером является сопоставление экономик индустриально развитых и развивающихся государств. Например, доля частного финансирования инновационной деятельности в экономике США, Японии, Израиля, Германии, Южной Кореи находится на уровне 70% от общего объема финансирования инноваций [1]. В то же самое время аналогичный показатель для России и Польши составляет около 30%, что свидетельствует о значительно более высокой доле государственного финансирования инновационной деятельности и недостаточном развитии частной активности. Данная статистика подтверждает идею о том, что с развитием инновационных процессов роль государственного финансирования снижается, в то время как возрастает роль государства как гаранта развития рыночных сил.

На поведение производителей прежде всего влияет покупательная способность потребителей их продукции. Если оставить в стороне коллективную покупательную способность отдельных субъектов, то именно государство через механизм государственных закупок является крупнейшим потребителем. Общий объем государственного и муниципального заказа с учетом госкорпораций и естественных монополий в 2012 году составил около 13 трлн. руб., что больше показателя предыдущего года на 4 %. Принимаемые при осуществлении государственных закупок заказчиками управленческие решения о приобретении продукции оказывают существенное влияние на функционирование соответствующих рынков, особенно тех, где государство выступает в качестве единственного потребителя.

сумма, трлн руб

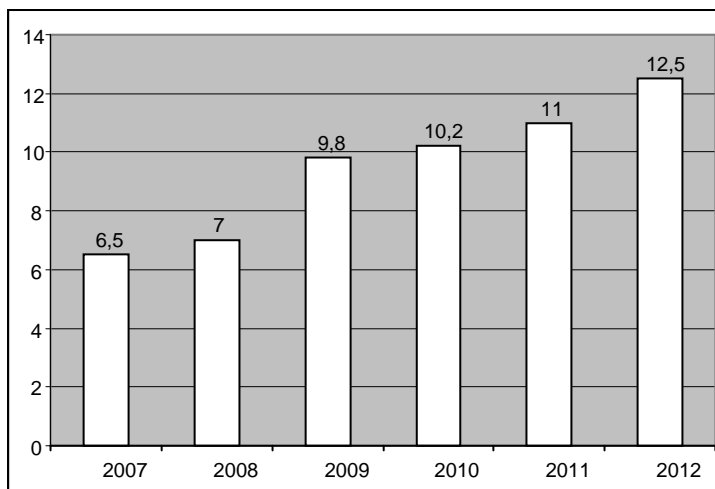

Рис.1. Динамика расходов через государственные закупки в 2007 – 2012 гг.

Как показывает проведенный анализ статистических данных Министерства экономического развития РФ, объем средств, выделяемых на госзаказ, ежегодно увеличивается. Показатель расходов 2012 года превысил показатель 2007 года на 92%.

В большинстве высокоразвитых стран основной тенденцией государственных закупок является повышение их инновационной активности на основе перехода к системе «sustainable procurement», т.е. государственные закупки в целях устойчивого социально-экономического развития. Так, в Великобритании размер бюджета примерно в девять раз превышает собственные затраты британских компаний на инвестиции в исследования и развитие [2].

Базируясь на оценке зарубежного опыта, необходимо отметить невозможность достижения успеха в деле трансформации российской экономики из сырьевой в инновационную при отсутствии механизмов поддержки инновационной деятельности в рамках государственной закупочной политики. В российской экономике доля госзаказа велика, поэтому именно государственная закупочная политика может стать основным источником развития инновационных компаний, причем в наиболее инновационно-технологических секторах, таких, как энергоэффективность, машиностроение, металлообработка, авиакосмические технологии, транспорт и другие [3].

На основе анализа данных, опубликованных Росстатом, можно сделать вывод, что с 2009 года не наблюдается динамики расходов бюджета на инновационную продукцию. Одной из причин является низкая мотивация бизнеса участия в проектах такого характера, неразвитость инструментов, направленных на развитие данного направления.

В настоящее время ориентированность государственной закупочной политики РФ на приобретение продукции инновационного характера определена в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – контрактная система), который вступает в силу с 1 января 2014 года. Закон

предусматривает совершенствование механизмов государственной закупочной политики с целью формирования экономических предпосылок для создания принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции.

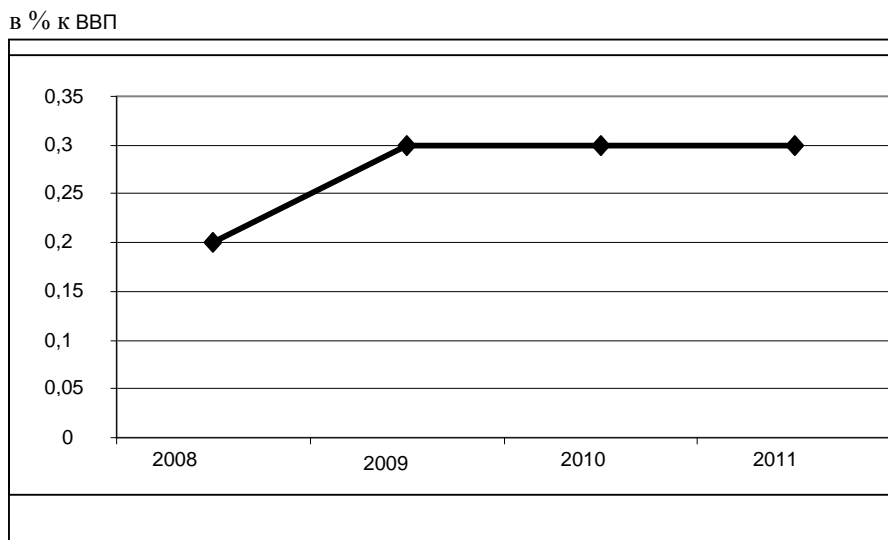

Рис. 2. Доля расходов на прикладные научные исследования в области национальной экономики в процентах к ВВП соответствующего года [4].

Одним из основополагающих принципов контрактной системы в сфере закупок является принцип стимулирования инноваций. Так, заказчики при планировании и осуществлении закупок должны исходить из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции [5, ст. 10]. В целях обеспечения прозрачности информации о потребностях бюджетных учреждений в инновационной продукции, соблюдения принципа конкурентности в планы закупок включается информация о потребности в продукции инновационного характера. К ним относятся те товары, работы, услуги, которые по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологичного или специализированного характера способны поставить, выполнить, оказать только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также предназначенные для проведения научных исследований, экспериментов, изысканий, проектных работ (в том числе архитектурно-строительного проектирования) [6, ст. 17]. В настоящее время законодательно не регламентирована доля данной категории товаров, работ, услуг в общем объеме государственного заказа.

Одной из задач государства в закупочной политике является стимулирование научно-исследовательской деятельности, что позволяет опосредованно увеличивать предложение инновационных товаров безотносительно к объему спроса на них. В целом государство, увеличивая расходы на закупки, создает дополнительный спрос на инновационные товары и услуги, что в свою очередь вызывает рост валового внутреннего продукта. Крайне важно стимулировать вложения бизнеса в новые разработки, модернизацию производства и передовые технологии.

Вовлечение государства в инновационные процессы посредством закупок продукции является не только крайне важным механизмом обеспечения экономического роста, но и основой поддержки предпринимательских структур, особенно молодых, так как позволяет им претендовать на приток денежных средств на ранних стадиях жизненного цикла и гарантирует появление спроса на продукцию, еще не завоевавшую рыночной доли. «Получив оплату от государства за поставленную инновационную продукцию, хозяйствующие субъекты увеличивают свои расходы на основе собственной предельной склонности к потреблению. Тем самым они способствуют увеличению общего спроса и росту ВВП. За счет этого механизма рост государственных расходов запускает процесс мультипликационного национального дохода, аналогичный тому, который возникает при увеличении частных инвестиций» [7, с. 32]. Таким образом, государственная закупочная политика выполняет функцию стимулирования закупок продукции инновационного характера, развития экономики, способствует повышению макроэкономических показателей на уровне государства и региона. Помимо гарантий получения дохода, частные компании, выполняющие государственные заказы, имеют возможность продемонстрировать рынку свою продукцию, что является основой увеличения прибыльности бизнеса в будущем.

Основными проблемами закупок инновационной продукции в настоящее время являются сложность научного экспертного обоснования цели, потребности и объемов выделяемых материальных ресурсов; недостаточная транспарентность информации и отсутствие действенного контроля за расходованием бюджетных средств. Во многих случаях прозрачность выполнения госзаказа в данной сфере только формальна. На практике часть из них представляет собой так называемые завуалированные субсидии, другие являются результатом недобросовестной конкуренции, сговора на торгах. Как результат, возникают сложности при оценке объема фактически выделяемых средств на приобретение инновационной продукции.

В связи с тем, что государственная закупочная политика приобретает особое значение в условиях роста инновационной составляющей в стратегии развития российской экономики, актуальным для заказчиков становится вопрос оценки экономической эффективности НИОКР. В рамках повышения требований к качеству приобретаемой продукции, развития конкурентной среды, оценки результативности реализации программ необходимо создание в регионах координационных советов, состоящих из представителей органов власти, бизнес-структур и общества. Данные советы должны обеспечить необходимый обмен информацией и взаимодействие заказчика с организациями сектора исследований и разработок.

К функциям координационных советов должно относиться проведение экспертизы на соответствие продукции статусу инновационной, а также определение формализованных критериев для такой продукции. Приказом Минпромторга России от 01.11.2012 № 1618 утверждены Критерии отнесения товаров, работ и услуг к инновационной или высокотехнологичной продукции, но распространяется их действие на положения статьи 4 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Поэтому остается не определенным, будут ли данные критерии распространяться на действие госзаказа, реализуемого в рамках контрактной системы.

Независимые институты экспертов должны оказывать помощь заказчикам в определении потребностей, удовлетворение которых возможно лишь через приобретение или разработку инновационной продукции. Данные координационные советы должны решить проблему оценки инновационной продукции и ее соответствия потребностям государственных заказчиков. Также они должны выполнять функцию

контроля: от этапа общественной экспертизы планов заказчиков, опубликованных на официальном сайте, на наличие потребности в инновационной продукции до стадии исполнения предпринимательскими структурами государственного заказа. Все решения координационных советов должны отвечать современным требованиям обеспечения транспарентности информации. Поэтому результаты оценки инновационных проектов, решения по их соответствию требованиям заказчика, данные аудита в обязательном порядке должны быть опубликованы на официальном сайте.

Одним из ключевых условий успеха деятельности координационных советов является обучение специалистов как со стороны государственных заказчиков, так и со стороны бизнес-сообщества и граждан. Особое внимание при этом уделяется созданию условий для квалифицированной деятельности советов, которые смогут осуществлять независимую экспертизу инновационной продукции в сфере госзакупок.

Как показывает анализ образовательных программ, в настоящее время отсутствуют программы обучения для представителей общественности, включенных в состав различного рода координационных советов. Таким образом, назрела объективная необходимость создания образовательной программы, направленной на повышение квалификации и переподготовку специалистов в области планирования, организации, проведения и исполнения государственных заказов в Российской Федерации, повышения квалификации предпринимателей, а также повышения квалификации и подготовки общественных контролеров, в том числе и представителей координационных советов в инновационной сфере.

Реализация образовательного проекта станет основой повышения профессионализма в сфере государственных закупок, в т.ч. инновационной продукции; привлечения общественности к процессу контроля на всех этапах государственных закупок как дополнительный механизм борьбы с коррупцией и повышения транспарентности информации; формирования института независимых экспертных советов, которые смогут квалифицированно осуществлять независимый гражданский аудит.

Важным фактором расширения спроса на инновации должно стать создание при поддержке государства информационной базы данных инновационных продуктов и технологий, включающей информацию о потребительских свойствах выпускаемой продукции, опыте ее эксплуатации потребителями. Данная информационная система будет создаваться на базе отраслевых ассоциаций бизнеса, экспертных структур, и в перспективе может быть использована для повышения инновационной направленности государственных закупок.

Таким образом, модернизация государственной закупочной политики направлена на формирование предпосылок благоприятного инновационного климата, включая создание стимулов бизнес-структурам для производства инновационной продукции во всех сферах деятельности. При этом необходимо формирование инструментов и механизмов поддержки государственных закупок инновационной продукции и эффективного размещения заказа на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для государственных нужд. Институты общественно-государственного контроля над внедрением инноваций будут являться основой реализации инновационных заказов при условии своевременного получения необходимого объема знаний. В современных условиях государственная закупочная политика трансформируется из простого механизма распределения бюджетных средств в один из эффективных инструментов публичного управления социально-экономическим развитием страны [6, с. 34].

Инновации, наука и развитие технологий являются залогом конкурентоспособности бизнеса, повышения качества его деятельности, улучшения производитель-

ности и, как результат, экономического роста страны. Это само по себе может служить обоснованием для использования государственной закупочной политики в качестве стимулятора инновационной активности. Кроме того, инновации в сфере услуг и использования технологий также открывают возможности для повышения эффективности и качества деятельности государственных организаций.

Литература

1. *Лукин А.Е.* Налоговое стимулирование инновационной деятельности: опыт зарубежных стран // Экономические проблемы инновационного развития: научная монография / Под ред. К.А. Хубиева. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. – С. 24
2. *Бурков А.В.* Государственные закупки как механизм стимулирования инноваций в Великобритании – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.portalzakupok.ru/library/153>
3. На Петербургском форуме обсудили актуальные темы развития инновационной экосистемы в России – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.polit.ru:8021/news/2012/09/27/jump_forum_SPb2/
4. Финансы России. 2012: Стат.сб./ Росстат. - М., 2012. – С. 23 - 25
5. Федеральный закон от 05.04.2012 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. - 08.04.2013. - № 14. - ст. 165
6. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. - 02.01.2012. - № 1. - ст. 216
7. *Смотрницкая И., Черных С.* Государственные закупки в формировании основ инновационной модели экономики – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.issras.ru/papers/Smotrickaya_Chernih_2010.pdf

УДК 342.393:338

Мамонтова Ю.П.

Стратегическое управление корпоративной структурой: системный подход

В статье рассмотрены этапы и методы стратегического управления потенциалом корпорации, сформулированы основные принципы ее функционирования.

Ключевые слова: стратегическое управление, институты, национальная система, подсистема, корпорация.

В соответствии с современными императивами экономического роста качественная трансформация экономики протекает прежде всего в территориально- и корпоративно-локализованной среде. Это инициирует соответствующую адаптацию системного подхода как общеметодологического метода познания и управленческого анализа с позиций корпоративной парадигмы (сочетание в процессе анализа и прогнозирования учета внутренних факторов количественного и качественного роста корпоративных структур с двумя группами внешних факторов: макроэкономическими и государственно-управленческими).

Комплексное исследование управления корпоративных структур является актуальным в силу проявляющихся в полной мере системных свойств корпораций. Последние в значительной степени корреспондируют с законом наименьших теории организации. Национальную систему можно представить как сложную поликомпо-

нентную организационную структуру, состоящую из множества корпораций. Тогда согласно закону наименьших, при определении эффективности экономического роста национальной экономики позитивные результаты в целом приобретают косвенное значение. Приоритетным параметром оценки выступают своевременные результативные управленческие воздействия на лимитирующие компоненты в виде корпоративных структур, обеспечивающих поступательную динамику трансформации национальной экономической системы [1].

В соответствии с теорией иерархических многоуровневых систем, существует ряд общих характеристик, относящихся к ролям и задачам субъекта управления, представляющего подсистему системы более высокого порядка:

- элемент верхнего уровня имеет дело с более крупными подсистемами или с более широкими аспектами поведения систем в целом. При этом он является «командным» по отношению к двум или более элементам, и принимаемое им решение координирует их действия в соответствии с целью, определенной для всей совокупности подчиненных ему элементов;

- период принятия решения для элемента верхнего уровня больше, чем для элементов нижних уровней. Отчасти это связано с тем, что управляющие воздействия от вышестоящего элемента не могут следовать чаще воздействий, подаваемых нижестоящими элементами, поведение которых он координирует, в рамках обратной связи. В противном случае невозможно будет оценить эффект, вызываемый осуществляемыми управленческими воздействиями;

- элемент верхнего уровня имеет дело с более медленными аспектами поведения всей системы. Данное утверждение во многом обусловлено первыми двумя характеристиками;

- управленческие проблемы на верхних уровнях менее структурированы, содержат больше неопределенностей и более трудны для количественной формализации.

Характеризуемая совокупность экономических отношений знаменательна в итоге тем, что в ней неизменно присутствует корпоративная составляющая (как ресурсно-лимитирующий фактор, материальный субстрат, некая субстанция в своих конкретных формах). В данном контексте для полного всестороннего развития крупной сложноструктурированной подсистемы необходима постоянная взаимоувязка интересов субъекта и объекта управления с вышестоящими уровнями анализа – системами регионального и федерального уровня.

Если управление потенциалом таких структур синхронизировано с системами более высокого уровня, то можно ожидать, что оно будет являться эффективным. Однако даже в случае осуществления такой увязки интересов и целей система управления не будет эффективно функционировать, если она не будет хорошо структурированной и субъект и объект управления не будут действовать взаимосогласованно.

Первичным этапом процесса стратегического управления любым объектом (тем более такой сложной структурой, как корпорация) является постановка целей управления. Без этого этапа невозможно определить, куда и каким образом следует двигаться объекту управления. Целеполагание представляет собой одну из важнейших стадий стратегического управления, так как неправильная постановка ориентиров может привести к нежелательным последствиям, причем чем выше уровень, на котором установлена «неправильная» с некоторой точки зрения цель, тем большей силой будут обладать и последствия.

При осуществлении целеполагания важно учитывать следующие моменты: цель является главным системообразующим фактором корпоративной структуры

любого уровня и сферы деятельности; она в большинстве случаев включает спектр подцелей; некоторые из них могут изменяться без существенного ущерба для целостности корпорации, а изменение других может нарушить целостность и подорвать корпорацию в качественном отношении. Следовательно, при осуществлении стратегического управления сложноструктурированным образованием надо не только осуществить процесс целеполагания, но и определить множество целей, изменение которых могло бы угрожать целостности и качественному состоянию корпоративной структуры в целом.

Для достижения этих целей могут быть использованы различные методы стратегического управления, каждый из которых имеет как свои преимущества, так и недостатки, что делает необходимым выбор того или иного метода в зависимости от конкретной ситуации, возникающей при практическом осуществлении управления корпоративной структурой. Можно выделить следующие методы стратегического управления развитием корпорации, как системы, в зависимости от того, что используется в качестве методологической основы формирования концепции и модели управления (табл.1).

Таблица 1

Классификация и типологические особенности методов управления потенциалом сложноструктурированной корпорации

Метод управления	Типологические особенности	Преимущества и недостатки
Управление на основе контроля за исполнением	Реактивная адаптация, наиболее естественная для организации	Требуется много времени на осознание неизбежности изменений, выработку новой стратегии и адаптацию к ней системы потенциала. Является самым простым и наиболее часто используемым, однако он неприемлем при нарастании темпов изменений в характеристиках потенциала
Управление на основе экстраполяции	Возможность предсказывания будущих состояний системы путем экстраполяции прошлых тенденций (долгосрочное планирование), несмотря на ускорение темпа изменений	Эффективен в стабильной ситуации, однако в случае шоковых изменений, в первую очередь во внешней для корпорации среде, не дает ожидаемых результатов, и принятые решения становятся неэффективными, так как «сталкивают» потенциал как объект управления с траекторией, ведущей к достижению стратегической цели
Управление на основе предвидения изменений	Возможность предусмотреть будущие тенденции и определить реакцию на них путем выработки соответствующей стратегии (стратегическое управление потенциалом), несмотря на	Лучше работает в изменяющихся условиях, но также не дает возможности своевременно реагировать на сильные импульсы внешней среды, существенно и внезапно изменяющие ситуацию

	возникновение неожиданных явлений и ускорение темпа изменений	
Управление на основе гибких экстренных решений	Работает в условиях, когда многие важные задачи возникают настолько стремительно, что их невозможно вовремя предусмотреть (стратегическое управление потенциалом в реальном масштабе времени)	Наиболее сложный, но одновременно и наиболее совершенный метод управления потенциалом

На основании анализа методов и моделей управления нельзя сделать вывод об однозначном приоритете какой-либо перед всеми другими. Для одних корпораций изменения в потенциале и во внешней среде носят характер сложившихся тенденций, которые могут считаться неизменными в течение некоторого промежутка времени. В этом случае управление должно ориентироваться на движение по траектории, отражающей эти тенденции.

Другие корпорации работают в условиях постоянно и резко изменяющейся окружающей среды и при реализации стратегического управления должны учитывать возможность возникновения резких «шоковых» изменений. Это может быть обусловлено сферой деятельности, территорией интересов, целевым рынком или иными факторами. В этом случае следует применять тот тип управления, который позволит своевременно реагировать на изменения и возвращать корпорацию на нужную траекторию движения с наименьшими потерями во времени.

Важным аспектом при построении концептуальной модели эффективной формы организации стратегического управления в корпорации является проблема координации деятельности входящих в нее структурных единиц с обязательным учетом принципа синергизма. С позиций синергетического исследовательского подхода возможно научное объяснение процессов неравновесной упорядоченности в экономической реальности, а также выявление определяющих причин структурирования корпоративных объектов. Более того, синергетический анализ системы показывает, что управляющие параметры не регулируют непосредственно поведение объекта управления, а формируют внутренний механизм его самоорганизации, что и инициирует проявление функции самоорганизации корпоративной системы любого уровня.

Относительная самостоятельность отдельных элементов такого рода сложноструктурированного образования позволяет при решении основных проблем его функционирования (например, выживаемость предприятий, рациональное функционирование) ориентироваться на координацию как на определяющую структурную характеристику корпорации.

Под координацией понимается «сфера деятельности или задача субъекта управления, в ходе которой он пытается добиться, чтобы субъекты управления функционировали согласованно» [2]. Координация осуществляется в связи с определенной целью или задачей; деятельность элементов корпоративной структуры координируется ради общей цели так, чтобы вся корпорация в целом достигла поставленной цели.

Рассмотрим проблему координации на примере двухуровневой системы (рис. 1.), которая имеет $(n+2)$ основных подсистем: вышестоящую управляющую систему

C_0 , n нижестоящих систем (корпораций) C_1, C_2, \dots, C_n и управляемый процесс P . Между иерархически позиционированными системами происходит вертикальные коммуникации в следующих направлениях:

- 1) передача вниз управленческих команд (нисходящая коммуникация);
- 2) передача вверх сигналов обратной связи или информационных сигналов от объекта управления (восходящая коммуникация).

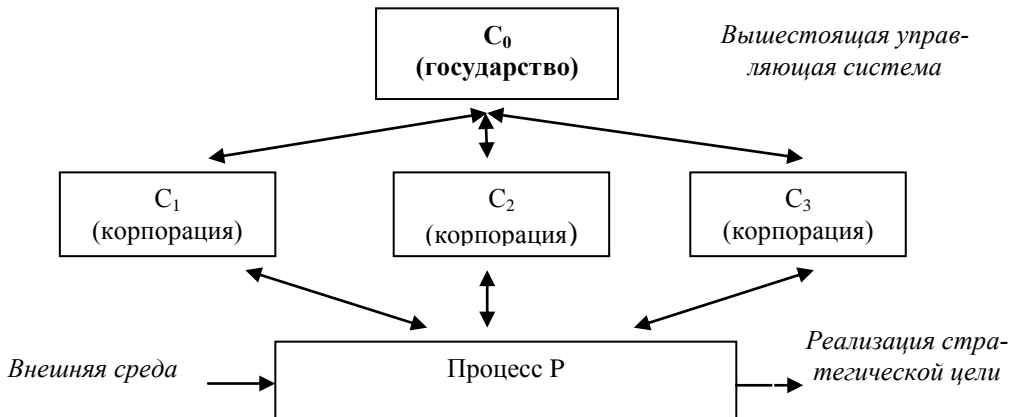

Рис. 1. Двухуровневая система с n нижестоящими управляющими системами и единственной вышестоящей управляющей системой [3]

Принцип согласованности гласит, что для успешной работы двухуровневой системы существенно, чтобы цели (задачи) ее подсистем были согласованы между собой, а также с глобальной целью иерархической системы в целом. В двухуровневой системе имеются цели трех типов, формально описываемые тремя типами решаемых задач: глобальными и решаемыми вышестоящими и нижестоящими управляющими системами.

Для совместимости решаемых задач, а значит, и целей внутри двухуровневой системы координация задач, решаемых нижестоящими элементами, относительно задачи вышестоящего решающего элемента должна быть соответствующим образом связана с подлежащей решению глобальной задачей.

В общем виде основные универсальные функции стратегического управления в наиболее традиционном понимании укладываются в четыре составляющих: планирование, организация, мотивация и контроль. Как было отмечено ранее, основной и первой функцией управляющей части, или субъекта управления, является осуществление целеполагания, т.е. определения целевых ориентиров деятельности объекта управления (корпораций). Без корректного и своевременного выполнения данной функции процесс управления нарушается, и так как функционирование корпоративных структур является непрерывным, то система в целом может перейти в состояние, не только не адекватное желаемому или необходимому, но и в такое, выход из которого для возврата на требуемую траекторию невозможен (рис. 2).

Когда определена основная цель управления, она конкретизируется и дробится, что позволяет получить представление о составляющих целей верхнего

уровня и о необходимой этапности их достижения, проконтролировать их непротиворечивость и принципиальную достижимость. Цели обязательно должны соответствовать критерию измеримости для контроля их достижения и конкретности формулировки как самих целей, так, в дальнейшем, и управляющих воздействий.

На основе системы целей осуществляется функция планирования, в процессе реализации которой определяется система мероприятий, которые необходимы для достижения целей управления, которые служат узловыми контрольными точками, по которым выстраивается план и в дальнейшем, в процессе его реализации, производится контроль выполнения. Планирование реализует конкретизацию методов и способов достижения целей. В связи с чем представляется корректным их объединение в укрупненную функцию, служащую для определения ориентиров (целевых установок, и правил), выработки управляющих воздействий на объект управления, которые будут изменять его текущее состояние.

Рис. 2. Обобщенные функции субъекта управления сложноструктурированной корпорацией [4]

После того, как выработаны ориентиры и методы управляющих воздействий на корпоративную структуру, необходимо их овестествление, которое реализуется в функциях организации и мотивации. В некотором смысле эти функции носят схожий характер, однако относятся к разному ресурсному обеспечению процесса управления. Если организация предполагает в первую очередь работу с материальными, финансовыми и информационными ресурсами корпорации, то мотивация нацелена на трудовые и управленческие ресурсы. Роль мотивации весьма важна, и если качество работы по организации в определенной степени можно проверить на подготовительном и начальном этапе, то качество мотивации очень часто определяется только по окончании очередного этапа управления, когда изменения невозможны.

Организация и мотивация синтезируют функцию выработки управляющего воздействия на корпоративную структуру, так как непосредственно влияют на нее с целью изменения параметров, имеют конкретную направленность и физическое воплощение. Процессный характер управления корпорацией предопределил реализацию принципа обратной связи, т.е. получения от объекта управления информации об изменении его параметров по результатам осуществления управляющего воздействия. Помимо непосредственно контрольной информации, субъект управления анализирует и информацию о состоянии внешней по отношению к объекту управления среды, которая также может менять состояние характеристик объекта вне зависимости от внутренних управляющих воздействий.

Поэтому функция контроля, как реализация принципа обратной связи, играет важную роль в управлении. При ее реализации субъект управления должен принять информацию состояния объекта, провести ее анализ и сравнение с контрольной информацией, которая представляет собой результат реализации функций целеполагания и планирования. Субъект управления производит выработку различий в желаемых и фактически достигнутых характеристиках объекта управления, их анализ, на основе которого осуществляется разработка корректирующего управляющего воздействия, призванного вернуть объект управления на требуемую траекторию движения к цели. В ряде случаев процесс возврата разбивается на несколько этапов, в конце каждого из которых также происходит контроль параметров. Иными словами, процесс управления сложной системой всегда подчиняется одним и тем же правилам, и любые его подциклы никогда не нарушают установленных принципов. В противном случае управление эффективным быть не может.

Подобное рассмотрение системы стратегического управления корпорацией, реализованное на основании синтеза подходов менеджмента и кибернетики, позволяет не только качественно определить всю систему, ее структуру, элементный состав, способы и наполнение их взаимодействия, а также их функции, но и сформулировать основные принципы ее функционирования:

- целенаправленность, имеющая два основных вектора – оптимизацию использования ресурсов достижения цели корпорации и рационализацию взаимосвязей участников корпорации;
- учет особенностей субъекта управления;
- адаптивность, обеспечиваемая регулярным мониторингом уровня и масштабов использования ресурсов корпорации;

- встраиваемость и непротиворечивость с остальными компонентами федерального управления вследствие ее функционирования как подсистемы управления на макроуровне.

Таким образом, система стратегического управления корпорации встраивается в макросистему национального, общегосударственного управления и функционирует на основании научных принципов организации систем, с учетом особенностей субъекта, объекта управления и стратегической цели, задающей общую траекторию развития.

Литература

1. *Чикатуева ЛЛ.* Теоретико-методологические основы системного управления воспроизводственным потенциалом базовой отрасли в регионе: методы, модели, механизмы. – Ростов н/Д:Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

2. *Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973.

3. Составлено автором по результатам исследования.

4. С использованием идей, изложенных в в следующей работе: Тхакушинов Э.К. Системное управление институциональными рисками в регионе: теория, методология и инструментарий. Майкоп. 2007.

УДК 351

Марадудина В. Ф.

Государственное управление и его роль в современной модернизации экономики

В статье обосновывается роль государства в реализации приоритетных направлений развития экономики.

Ключевые слова: государство, государственное управление, модернизация.

Необходимость властного участия в управлении экономикой, его объёмов, задач и методов их достижения, а также последствий данного участия всегда вызывала множество споров. Дискуссионным является и масштаб взаимодействия государственного сектора с бизнес-структурами в осуществлении модернизационных преобразований. В данном контексте представляется интересным анализ того, насколько тесно должны взаимодействовать государство и предпринимательство в целях достижения экономических приоритетов, обозначенных высшим руководством страны. С помощью присущих ему механизмов государство осуществляет процессы регулирования каждой подсистемой, в том числе экономической. Таким образом, в обеспечении реализации политики модернизационных преобразований государству отведена доминирующая роль.

В ходе осуществления экономических преобразований все чаще встает вопрос о привлечении частного предпринимательства (а именно использование кадрового, инвестиционного, и т.д. потенциала) для осуществления общественно значимых проектов. Таким образом, государственно-частное партнерство, доказавшее свою эффективность во многих зарубежных странах, выступает необходимой формой сотрудничества бизнеса и власти.

Рассматривая необходимость государственного участия в экономике, ряд авторов (И.В. Дойников, М.Г. Шевашкевич) утверждают, что в данной сфере государство прежде всего должно быть представлено в качестве экономического интегратора, становясь полноценным активным участником рынка и обеспечивая формирова-

ние конкурентной и институциональной сред хозяйствования, а так же создавая условия для оптимизации отраслевой и региональной структуры экономики [7, с. 114].

Однако вне зависимости от объема регулирования и области действия, в большинстве случаев государственное вмешательство в экономику представляет собой нарушение добровольного характера взаимодействия субъектов рынка. Многие современные исследователи (А. Завалев, В.Д. Матвеев, В. Мау, А. Волосатов, А.Х. Шогенов, Ю.К. Краснов) подчеркивают решающую роль государства в регулировании общественных процессов как свойственную посттоталитарному российскому обществу черту. По нашему мнению, данная специфика является весьма важной для понимания роли государства в проведении модернизационных преобразований России. В стране исторически сложилось восприятие государства как центрального элемента властного регулирования практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Ему вменялся более масштабный круг полномочий по сравнению с зарубежными странами. В ходе эволюционного развития широта государственных обязанностей модифицируется: в некоторых отношениях оно участвует больше, в некоторых - меньше. Однако значимость государства не снижается. Наоборот, трансформация экономических отношений и связей между субъектами привела к усложнению государственного управления и усовершенствованию технологии его реализации.

Государственное управление можно назвать важнейшим фактором реализации стратегического развития экономики России. Деятельность государства неразрывно связана с реализацией функций публичного управления. Обозначая основные цели экономического развития, государство выступает ключевым субъектом, определяющим, с одной стороны, ориентиры и условия функционирования бизнеса, с другой – порядок использования полученных от частного предпринимательства ресурсов. В свою очередь перераспределение ресурсов, контролируемое, главным образом, государством, выступает важнейшим механизмом нивелирования социально-экономических различий регионов, поддержания стабильности в обществе.

Обладая властными полномочиями, государство определяет правила поведения участников рынка, реализуя управленческую деятельность в экономической сфере. Анализируя категорию управления применительно к публичному субъекту, В.Г. Игнатов и Г.П. Зеркин обозначают государственное управление как сознательное воздействие всех государственных институтов на деятельность общества, его отдельные группы, в котором реализуются общественные потребности и интересы, общезначимые цели и воля общества [1, с. 49].

О.М. Рой определяет государственное управление как процесс регулирования отношений внутри государства посредством распределения сфер влияния между основными территориальными уровнями и ветвями власти [5, с. 14]. Автор подчеркивает, что основой государственного управления выступает государственный интерес, обращенный на защиту целостности государства, его основных институтов и его приоритетов: поддержку уровня и качества жизни его подданных.

Профессор Радченко характеризует государственное управление как деятельность исполнительно-распорядительного органа по воздействию на объект управления для его перевода в состояние, необходимое для достижения цели соответствующего территориального образования, посредством принятия правовых актов, организации и контроля исполнения этих актов и актов органов законодательной (представительной) власти [4, с. 22].

По мнению автора, государственное (публичное) управление экономикой представляет собой комплекс мер, экономических мероприятий государства, один из механизмов, посредством которых осуществляется его прямое и косвенное воздейст-

вие на социально-экономическое развитие страны.

Исследование категории государственное управление позволяет выделить следующие специфические признаки:

- 1) государственное управление – *инструмент*, с помощью которого реализуется государственная власть;
- 2) это *властное воздействие* государства (в лице всех его институтов, органов, должностных лиц) на жизнедеятельность общества;
- 3) воздействие государства, характеризующееся исключительно как *целенаправленное*;
- 4) значимой функцией государства является *определение формализованных норм поведения*, что не способен и не правомочен делать рынок;
- 5) осуществляется *уполномоченными субъектами управления*;
- 6) в процессе государственного управления *де-юре и де-факто осуществляется распределение сфер влияния между уровнями управления*.

Мы полагаем, что в связи с обобщением законодателем управления, осуществляемого федеральным, региональным и местным уровнем власти, термины «государственное управление» и «публичное управление» уместно рассматривать как два идентичных понятия.

Качественное публичное управление экономикой предполагает разработку эффективных инструментов государственной политики, позволяющих адекватно реагировать на изменение эндогенных и экзогенных факторов, сконцентрировав имеющиеся ресурсы на приоритетных направлениях. Государство выступает в качестве актора, формирующего генеральную траекторию развития страны. На сегодняшний день такой главной линией является модернизация. Основным субъектом, способствующим ее реализации, выступает коммерческий сектор.

Формирование эффективной системы взаимодействия власть-бизнес в Российской Федерации – весьма сложный процесс, реализуемый на протяжении длительного периода. В числе факторов, препятствующих его осуществлению, можно выделить исторические (смена вектора управления страной неизбежно влекла изменение характера отношений в системе государство – предприятие – общество), географические (обусловленные наличием правил поведения, определяющим взаимодействие экономических субъектов, хозяйственной культурой определенных частей страны), социально-экономические (уровень развития общества, степень его обеспеченности материальными благами, готовность общества к переменам во всех сферах жизнедеятельности, и к принятию достижений научно-технического прогресса в частности). Настоящий этап развития российской экономики предопределяет необходимость построения взаимоотношений государственного сектора и бизнеса, основывающихся на принципах взаимоуважения, ответственности, эффективных коммуникаций и результативной деятельности.

Предпринимательство, выступая для государства важнейшим контрагентом при формировании и осуществлении государственной политики, может влиять практически на все процессы, происходящие в обществе. Государство же, обладая возможностью определения условий функционирования бизнеса, создания дополнительных преимуществ его отдельным участникам или лимитирования преференций для других, способно проектировать его экономические и политические связи. В этом смысле понимание процесса взаимодействия государства и бизнеса позволяет спрогнозировать структуру отечественного экономического пространства.

По мнению автора, принцип взаимоуважения заключается в наличии обратной коммуникации со стороны правоприменителя, поскольку в случае невозможно-

сти применения предписаний законодательства, либо отсутствия (или недостижения) предполагаемого эффекта при их применении предприниматель должен иметь возможность высказать свое мнение и внести предложения по устранению выявленных недостатков. Со стороны государства реализация данного принципа проявляется в обеспечении действия контура обратной связи и своевременного принятия к сведению реакции бизнес-сообщества.

В ходе осуществления предпринимательской деятельности производится валовой внутренний продукт (ВВП), разрабатываются новые товары и технологии их производства, что в свою очередь определяет структуру спроса и стимулирует развитие конкуренции. Разработка новой продукции требует получения и применения на практике новых знаний. Таким образом, выстраивается следующая цепочка.

Устанавливая основные приоритеты развития экономики, государство путем прямого и косвенного влияния, по сути, определяет характер поведения и взаимодействия экономических субъектов, а, следовательно, и модель хозяйственной среды. Бизнес, руководствуясь легитимно установленными правилами, осуществляет производство и сбыт продукции. Результатом этого на микроуровне является улучшение финансово-хозяйственного состояния экономического субъекта (за счет получения прибыли, формирования отличной деловой репутации, привлечения новых партнеров, контрагентов) и общества (выплата заработной платы, уплата предпринимателями обязательных платежей, формирующих, в том числе, денежные ресурсы для предоставления государственных услуг на безвозмездной основе). На макроуровне имеет место рост финансовой устойчивости государства (поступления в бюджет, привлечение зарубежных инвестиций), повышение уровня образования населения (в рамках непосредственно выполняемых им функций). Далее, в ходе практического применения полученных знаний и навыков появляется новая продукция, что свидетельствует о реализации основных приоритетов развития экономики, таких, например, как внедрение инноваций. Согласно данным доклада «Глобальный инновационный индекс 2012» по итогам 2012 г. Россия занимает 51 место из 141, уступая таким странам, как Молдова, Чили, Катар и проч. Несмотря на наличие положительной тенденции, проявляющейся в перемещении с 56 на 5 мест вверх по сравнению с 2011 годом [9, с. 68], в настоящее время рано говорить об инновационной направленности российской экономики в связи с сохраняющейся нестабильностью и кластеризацией этой сферы. Достижение указанной цели возможно только при согласованном взаимодействии всех экономических субъектов, поскольку результаты деятельности одного из них являются ресурсами для другого.

Кроме того, важнейшим условием сотрудничества публичного сектора и частного предпринимательства выступает гарантирование государством защиты от рисков, возникающих вследствие наличия рыночной конкуренции как на региональном, так и на международном уровнях. К примеру, о необходимости предоставления финансирования как наиболее распространенного вида госгарантий свидетельствуют значения индекса предпринимательской уверенности организаций, являющегося качественным показателем, характеризующим обобщенное состояние предпринимательского поведения в секторах экономики. В 2013 году величина данного коэффициента для организаций, осуществляющих добычу полезных ископаемых (без малых предприятий) составила минус 3%, предприятий обрабатывающих производств – минус 2%, осуществляющих производство и распределение электроэнергии, газа и воды – минус 4% [6, с. 12-67].

Необходимость эффективных коммуникаций в цепочке «власть-бизнес-общество» подчеркивается многими авторами (Д. Гусев, С. Устинкин, Г.Б. Клейнер,

А.Ю. Никитаева, А.И. Попандопуло, Ю. Халимовский). Для успешной реализации заложенных в стратегии модернизации целей в России необходимо создание качественной инфраструктуры обмена информацией и технологиями между всеми субъектами хозяйства на макро-, мезо- и микроуровнях. Коммуникации государственного и коммерческого секторов представляют собой процесс, отражающий применяемые ими рычаги и методы взаимного влияния и продвижения своих интересов. Они сочетают в себе адаптационные, персонифицированные и конструируемые аспекты их деловых отношений, позволяя структурам государства и бизнеса использовать специализированные сведения для использования власти в целях направленного перераспределения ресурсов [3, с. 11]. Ведущая роль во взаимоотношениях бизнеса и власти принадлежит государству, имеющему возможность изменять характер деловых коммуникаций от прямых, административных, связанных исключительно со сферой принятия им решений, до более мягких, косвенных. А так же формировать сам процесс коммуникации как одно- либо двусторонний с наличием интенсивной обратной связи. Статус бизнеса при этом может варьироваться от поставщика ресурсов до партнера.

Безусловная необходимость плодотворного функционирования публичного и предпринимательского секторов экономики вытекает уже из их определения. Деятельность государства как производителя коллективных благ для общества, по своей сути обязана быть эффективной, иначе теряется смысл его существования. Согласно нормам законодательства предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Эффективность функционирования организации есть результат и основополагающая цель ее финансово-хозяйственной деятельности. Сотрудничество бизнеса и власти на принципах взаимоуважения и ответственности представляет собой действенный механизм повышения эффективности деятельности каждого из них, и роста конкурентоспособности экономики страны в целом.

Эффективность взаимодействия власти и бизнеса тесно коррелирует с благополучным функционированием коммерческого и публичного секторов, выражающееся в успешном налаживании процессов социально-экономического развития государства. Переходный период к постиндустриальной экономической системе и глобализации хозяйственной жизни смещает акценты с исключительно количественных показателей (объем производства, производительность труда и проч.) в пользу качественных. Поэтому действующая на сегодняшний день «концепция экономического развития как роста валового продукта, не соответствует масштабам и структуре современного производства» [2, с. 10].

По мнению автора, детерминанты макроэкономического развития России определяют государство в качестве базового актора модернизационных преобразований. Значимость государственного участия очевидна: необходима организация системной работы по обеспечению взаимодействия государства и бизнеса, поскольку именно слаженная, четко скоординированная работа всех экономических субъектов обеспечит получение государством и обществом выгод, которые проявляются в расширении масштабов и повышении качества общественных услуг, работ и товаров. А данные выгоды, в свою очередь, оказывают прямое влияние на успех модернизации российской экономики. Указанная точка зрения подтверждается высказыванием американского экономиста М.Портера, который в качестве одной из ключевых функций государства называет не оказание непосредственной помощи частному сектору, а ориентирование его на решение крупных и сложных задач (в этом случае, по мнению ученого, более важно косвенное воздействие государства), которые не под силу по-

ставить им стихийный рынок [8, с. 37-38]. Именно государство, являясь флагманом модернизации, должно организовать и возглавить процесс российских экономических преобразований, участниками которого являются государство, предпринимательство и общество. Мы считаем, что одним из наиболее эффективных инструментов власти и бизнеса выступает государственно-частное партнерство, имеющее свою специфическую правовую, экономическую, социальную базу, и выступающее как равноправное сотрудничество государственных и частных структур, взаимно дополняющих друг друга.

Литература

1. *Зеркин Д.П., Игнатов В.Г.* Основы теории государственного управления. Курс лекций. – Ростов-н/Д: Издательский центр «МарТ», 2000.
2. *Козубенко А.В.* Теория экономического развития: взаимодействие государства, рынка и гражданского общества: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / ГОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». М., 2011.
3. *Попандопуло А.И.* Государство и бизнес: модели взаимодействия и трансформация деловых коммуникаций в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012.
4. *Радченко А.И.* Основы государственного и муниципального управления: системный подход. Ростов-н/Д, 1997. с. 22
5. *Рой О.М.* Система государственного и муниципального управления. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
6. Социально-экономическое положение России 2012: Стат. доклад./ Росстат. М., 2013.
7. *Шевашикевич М.Г.* Необходимость и основные направления государственного регулирования интеграционных связей в открытой экономике. // Вестник ОГУ. 2005. № 9. С. 114-118.
8. *Porter M.E.* Russian Competitiveness: Where do we stand? U.S.-Russian Investment Symposium. Boston, Massachusetts, 2003. .
9. The Global Innovation Index 2012: Stronger Innovation Linkages for Global Growth. <http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/index.html>

УДК 351.854, 78.06

Дорош Т.Л.

Особенности публичного управления музыкальным образованием

В статье рассматриваются проблемы внедрения инновационных управленческих подходов и технологий, позволяющих максимально использовать внутренние предпочтения, а также возможности внешней среды для обеспечения развития музыкального образования.

Ключевые слова: управление музыкальным образованием, учебные заведения, предоставляющие музыкальное образование (УЗМО).

В эпоху массовых коммуникаций и современных информационных технологий общество выдвигает новые требования к формированию человека, который способен своим интеллектуальным развитием, активной жизненной позицией, деловыми качествами обеспечить общественный прогресс. Немаловажную роль в этих процессах выполняет и музыкальное образование, которое является

составной частью государственной культурной политики. Не вызывает сомнения тот факт, что возможность развития музыкального образования во многом зависит от субъектов управления культурой, которые способны нестандартно оценивать ситуацию и оригинально мыслить, находить различные варианты выхода из сложившихся проблемных ситуаций.

Необходимость изменений в сфере музыкального образования обусловлена рядом причин. Во-первых, потребностью в развитии системы музыкального образования, способной совместно с базовым образованием, эффективно решать главные задачи функционирования образовательных учреждений – обеспечение гуманистического развития личности детей и молодежи, всестороннего раскрытия их творческого потенциала.

Во-вторых, в создании такой системы управления, которая смогла бы привести качественные изменения во всех направлениях функционирования учебных заведений, которые предоставляют музыкальное образование (УЗМО): учебном процессе, решении их финансовых и материально-бытовых проблем, подготовке и привлечении кадров, повышении престижа в местном образовательном пространстве и т.д.

Обновление системы управления предусматривает изменение существенных свойств ее элементов, отношений между ними, а также появление новых интеграционных качеств. Причем процесс трансформации системы должен учитывать как специфику существующих отношений между элементами, так и влияние внешних факторов. Таким образом, развитие системы музыкального образования в целом и отдельных учебных заведений, в частности, непосредственно связано с качественными изменениями в построении и функционировании отдельных подсистем управления на различных уровнях: национальном, местном, отдельного учебного заведения.

В общем, на развитие учебных заведений, предоставляющих музыкальное образование, влияет целый комплекс факторов, среди которых следует выделить **внешние факторы высшего уровня** (общеобязательные, к которым следует отнести глобализационные, правовые и педагогические), **внешние факторы низкого уровня** (влияющих на деятельность учреждений на местном уровне, к которым отнесем экономические, политические и социальные) и **внутренние факторы** (зависящие от каждого учебного заведения, к ним отнесем финансовые, профессиональные и психологические) [1].

Рассмотрим их подробнее.

1. *Глобализационные.* Каждая страна в условиях глобализации является частью мирового общественного экономического, политического, и, соответственно, образовательного пространства. Согласно этому и культурные достояния отдельной страны сегодня становятся частью мировой культуры. С учетом этих тенденций очень важно в учебном процессе учитывать специфику развития всемирного музыкального образования, заимствовать передовой опыт, методики и т.д. Ведь именно это не только позволит каждому выпускнику быть конкурентоспособным на мировом «музыкальном рынке», но и повысит престиж обучения в отечественных учебных заведениях.

2. *Правовые.* Будущее системы музыкального образования и соответствующих учебных заведений определяется правовой базой, конкретными государственными стандартами обучения, которые существуют в каждой стране и их обязаны выполнять все образовательные учреждения. Следовательно, каждое музыкальное учебное заведение действует в соответствующем правовом поле,

нарушать которое оно не правомочно.

3. *Педагогические.* УЗМО – это звено в общей системе национального образования. Следовательно, получение музыкального образования напрямую связано с целым комплексом воспитательных процессов, которые и составляют основу любой образовательной системы, независимо от ее уровня (национального, регионального или местного).

4. *Экономические.* Каждое учебное учреждение развивается как организм, который постоянно взаимодействует и обменивается с внешней средой. Любые внешние изменения явно или завуалированно вызывают внутренние изменения в учебном процессе. Это связано с процессами как глобального характера (политические, экономические, географические, геополитические и т.п.), так и с изменениями, происходящими на региональном и местном уровне, на уровне взаимодействия учреждения и органов власти, гражданского общества и т.д. Данные процессы отражаются и на «горизонтальных связях» школы: в ее взаимоотношениях с учреждениями, организациями, расположенными на определенной территории, с населением, детьми, родителями.

Так, в частности, улучшение экономической ситуации на уровне определенной территории может существенно повлиять сразу на несколько факторов. Увеличение средней заработной платы, уровня жизни, наличие экономически активных предприятий могут улучшить финансирование музыкальных учебных заведений, в том числе и фонд оплаты труда педагогов. Такой подход даст возможность привлекать к работе высококвалифицированные педагогические кадры. Согласно этому, повысится и статус музыкального заведения. Высокий статус заведения, в свою очередь, приводит к изменению отношения к нему со стороны органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также общественности. Следовательно, изменится способ взаимодействия учебного заведения с другими социальными субъектами. Он будет строиться на основе равноправия. Соответственно, ухудшение экономической ситуации может негативно повлиять на это взаимодействие.

5. *Политические.* Политические факторы в основном влияют на формы взаимодействия между субъектами системы управления музыкальным образованием. Прежде всего, это происходит при наличии нормативных и распорядительных функций местных органов власти, которые в своих решениях определяют конкретные рамки деятельности учебных заведений, устанавливают формы их поддержки [2].

6. *Социальные.* Любое учебное заведение, независимо от его количественных и качественных характеристик (количества преподавателей и учащихся, их компетентности; масштабных зданий и оборудования, содержательных характеристик учебных планов и т.д.), выступая частью общественной жизни города, поселка, села, встроенных в систему сложных общечеловеческих отношений, влияет на планирование и организацию своей деятельности. Музыкальные учебные заведения играют особую роль в социокультурной и территориальной системе образования, влияя не только на процессы духовного и культурного развития молодежи, но и на социальное развитие в целом. В частности, музыкальное образование может оказывать влияние и на сферу занятости населения (через создание рабочих мест), деятельность СМИ (через реализацию определенных теле-, радио-проектов) и т.д. Следовательно, деятельность каждого отдельного музыкального учебного заведения должна быть интегрирована в социальное развитие соответствующей территории.

7. *Финансовые.* Музыкальные учебные заведения занимаются хозяйственной деятельностью и, соответственно существующему законодательству, могут иметь несколько источников дохода (государственное, коммунальное, частное финансирование). Финансовое благосостояние, в свою очередь, влияет на материально-техническую базу учреждения, заработную плату преподавателей, методическое обеспечение учебного процесса.

8. *Профессиональные.* Профессиональный фактор определяется квалификационными характеристиками субъектов управления разных уровней: работников органов исполнительной власти, местного самоуправления, руководителей учебных заведений. Так, современные управленцы могут строить отношения, основываясь на интерактивных методах взаимодействия (дискуссий, диалогов, в том числе и через сеть Интернет). В то же время распространенными могут быть и методы давления, навязывания собственного мнения. Все это непосредственно влияет на деятельность учебных учреждений. Это касается и руководителя учебного заведения. Он может учитывать желания педагогов или родителей, а может основываться исключительно на своем личном видении учебного процесса, используя авторитарные методы управления.

9. *Психологические.* В данном случае речь идет о личных характеристиках субъектов процесса управления, их психологической совместимости, способности к совместным действиям.

Учет этих факторов является обязательной предпосылкой развития системы управления музыкальным образованием на местном уровне.

Отметим, что развитие системы музыкального образования требует обеспечения координации усилий органов исполнительной власти и местного самоуправления в этой сфере. При этом следует учитывать, что наряду со специализированными учебными заведениями, музыкальные образовательные услуги в Украине предоставляют и общеобразовательные школы. Однако следует обратить внимание на отсутствие координации усилий по предоставлению музыкальных образовательных услуг между общеобразовательными и специализированными учебными заведениями, которые являются ключевыми звеньями этой системы. Также нельзя не заметить отсутствие рычагов воздействия на этот процесс общественных учреждений, которые фактически отстранены от процессов управления.

В целом, согласно действующему законодательству, субъекты управления на местном уровне (органы исполнительной власти и местного самоуправления) незначительно влияют на процессы развития музыкального образования следующими способами:

- *нормотворчество* – принятие соответствующими органами норм, стратегий, программ, планов и т.д.;
- *изменение форм и методов своей работы* (реорганизация деятельности соответствующих подразделений, привлечение квалифицированных кадров, использования инновационных методов управления, изучения потребностей гражданского общества);
- *формирование субъектом управления благоприятной внешней среды* для функционирования и развития школы на уровне города (района), образовательной сферы региона и т.д.;
- *местный заказ*, в частности, специалистов для местных учреждений культуры. При этом отметим, что местный заказ в культурно-образовательной сфере должен формироваться на основе постоянного изучения характеристик территории (с

возрастающими потребностями и спросами), с учетом стратегии и прогнозов социально-экономического и культурного развития;

– активное использование наработок консультативных и совещательных органов, в том числе создание общественных организаций, где могут участвовать все заинтересованные социальные партнеры.

Все перечисленные процессы являются важными и их необходимо использовать в управленческой деятельности. Между тем следует подчеркнуть, что именно активное привлечение общественности к процессам управления является одним из наиболее перспективных. Этот опыт используется в развитых странах мира.

Возникающие в учебном процессе «горизонтальные связи» каждого учебного заведения нарабатываются во время ежедневной работы, в которой значимую роль исполняют как коллектив учащихся, их родители, так и педагогический коллектив. Исходя из анализа внешней среды конкретного учебного заведения, внутриведомственных отношений между учреждениями культуры, связей между музыкальными учебными заведениями и другими учреждениями образования, а также контактов с различными организациями и предприятиями всех форм собственности, важным представляется структуризация и институционализация «горизонтальных связей» школы.

С учетом зарубежного опыта, а также функционирования музыкальных учебных заведений в определенной физической и социальной среде, целесообразным, по нашему мнению, является создание при каждой школе консультативных советов – консультативно-совещательных органов, которые будут выполнять функции посредников между учебными заведениями, общественностью и органами местного самоуправления (в частности, отделами культуры соответствующих местных органов власти).

Следует отметить, что развитие музыкальных учебных заведений на местном уровне должно происходить на основе определенной стратегии, в которой должны быть учтены изменения как организационного, так и структурно-функционального обеспечения процесса управления [3, с. 49]. Принятие такой стратегии – прерогатива местного совета. Между тем в ее подготовке должны принять активное участие представители местного научно-методического совета. Работая над такой стратегией, крайне важным является обеспечить системность и согласованность всех мероприятий, а также надлежащую координацию усилий всех субъектов местного развития.

Обновление структуры управления связано с включением в этот процесс новых элементов – научно-методических и консультативных советов, предоставляющих новые системные качества.

Необходимо обратить внимание на функциональное распределение обязанностей между органами власти и общественными научно-методическими и консультативными советами. Органы власти должны играть решающую роль на этапе планирования и организации работы, а общественные учреждения – при выполнении функций мотивации и контроля.

Таким образом, органы исполнительной власти при управлении системой музыкального образования могут сосредотачиваться на следующем:

- обеспечение качественного проведения процессов образовательной деятельности УЗМО, в частности, их лицензирования, аттестации и аккредитации;
- определение юридического статуса НЗМО, оформление законных актов их регистрации;
- создание и обеспечение функционирования научно-методических

советов;

- проведение мониторинга плановых статистических показателей деятельности учебных заведений.

Органы местного самоуправления должны направлять усилия на следующее:

- принятие местной стратегии развития системы музыкального образования, которая должна быть встроена в единое образовательное пространство территории;

- обеспечение реализации выбранной модели развития;

- обеспечение непрерывного совершенствования содержательной базы образования и форм обучения;

- улучшение материально-технической базы учебных заведений и системы их финансирования, внедрение системы доплат и надбавок за преподавательский труд, поощрительной системы для одаренных детей;

- налаживание социального партнерства между всеми заинтересованными субъектами управления музыкальным образованием;

- содействие в формировании профессиональных коллективов учебных заведений, привлечение к работе высококвалифицированных специалистов;

- налаживание системы постоянного мониторинга внедрения стратегии развития системы музыкального образования.

Предложенная схема управления развития музыкального образования сочетает в себе реорганизацию организационной структуры субъекта управления, учебных заведений, обеспечение нового качества взаимодействия субъекта управления с его объектами, а также объектов управления с внешней средой. Реализация предложенной схемы позволит не только повысить качество музыкального образования, но и утвердить за музыкальными учебными заведениями статус важных субъектов социального и культурного развития территории.

В заключение подчеркнем, что особенности и приоритеты функционирования системы управления музыкальным образованием на местном уровне должны быть основаны на выполнении различных функций управления: разработке стратегии и реализации единой политики развития, организации и контроле над их деятельностью.

Литература

1. *Дорош Т.Л.* Музична освіта як важлива складова культурної державної політики <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/index.html>

2. Закон Украины «Про місцеве самоврядування в Україні» від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР // ВВР України. 1997. № 24. Ст. 170. Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>

3. *Байло Н.П.* Формування державної стратегії розвитку музичної культури на державному рівні // Ефективність державного управління : Зб. наук. пр. Вип. 25. Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2011. С. 48-56.

УДК 323.

Бочаров Р.А.

Молодежный политический экстремизм в предметном поле политологии

Рассматриваются теоретические подходы к определению молодежного политического экстремизма, а также различные политические причины его распространения.

Ключевые слова: молодежь, регион, политика, экстремизм, протест, стабильность.

Современное общество в силу своей природы и тенденций, в нем действующих, создает и поддерживает поле экстремизма и постоянно провоцирует его проявления.

Понятие «экстремизм» необходимо рассматривать исходя из того, что во-первых, в обыденной жизни, в юридической практике и в науке называется превышением пределов допустимого [1, с. 12]. В отличие от обыденной практики, когда превышение пределов трактуется весьма расширенно, в науке приняты понятия допустимого как предела, за которым складывается угроза существования системы или ее части. В социальной жизни имеют также место ситуации, когда систему необходимо разрушить [2, с. 18–35].

Во-вторых, это наличие злого умысла как органически присущей тому или иному действию, (процессу, идеологии) качественной определенности, воплощающей в обобщенном виде представления о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения, т.е. не конкретного перечисления того, что есть зло или что такое «плохо», а наиболее общей и абстрагированной от конкретики характеристики отрицательного в моральном смысле. Или злого умысла как осознанного и представляющего более или менее спланированный акт проявления воли, имеющей в своей основе злой смысл. В силу крайней сложности человеческого бытия, далеко не в каждом случае и отнюдь не большинство людей способны увидеть в действиях или идеологической доктрине наличие злого смысла или умысла. Равно как и сами действующие могут быть уверены, что своими действиями несут добро, а не зло [1, с. 15].

Не существует и не может существовать «позитивного экстремизма». Это всегда негативная характеристика, неотъемлемая составляющая множества конфликтов в любых их проявлениях.

В современной научной литературе термин «экстремизм» рассматривается в широком и в узком смысле. В узком смысле под экстремизмом обычно понимают незаконную деятельность, направленную на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной розни.

Для решения ряда практических задач узкая трактовка часто оказывается достаточной. Однако ситуация выглядит гораздо сложнее, когда речь заходит, например, о ксенофобском экстремизме, который опирается на ценности авторитарной личности, для которой характерен целый набор специфических качеств: неприятие чужих групп, слепое следование авторитетам, механическое подчинение общепринятым ценностям, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, «злое отношение ко всему гуманному» [3, с. 49].

Ксенофобия – это социально-психологическое явление, при котором образ врага во многом создается воображением. «Ксенофобия – опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого и незнакомого, при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется тот самый фантастический страх, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях – и за образ действия [4, с. 37–38].

Степень подверженности того или иного человека ксенофобии зависит от многих личных и общественных обстоятельств. Консолидация происходит успешнее всего тогда, когда общности грозит опасность – подлинная или мнимая. Так как люди с установками ксенофобии мыслят конкретно и образно, то опасность для них предстает в виде личности или группы лиц, т.е. персонифицируется. Получая исключительно

негативную окраску, персонификация, как правило, всего обращается к национальным или этническим отличиям.

Формированию фантастического страха перед чужаками во многом способствуют СМИ. Под этнические характеристики подкладываются всевозможные обоснования, исторические, реальные, вымышленные, фантастические. Они сплетаются в некий узел, пучок отрицательных свойств. Свойства столь негативны, что смириться с объектом ксенофобии никак нельзя, его можно только уничтожить. Уничтожение, разумеется, происходит условно, ибо для физического уничтожения часто требуется сила, которую можно ждать только извне. Когда эта сила появляется, фобическое агрессивное состояние переходит в действие, актуализируется. При этом оно, чаще всего, получает моральное или физическое противодействие [5, с. 12].

Субъектами носителями этноцентризма (конфликтного этнического сознания) являются различные молодежные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим, религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», других – как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп и их членов оцениваются по стандартам своей группы (не всегда объективно) и при этом могут принижаться. Эта идеология и установка постулирует неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами.

Молодежный политический экстремизм питается от таких корней, как преданность и привязанность к своей социальной общности (этнической, национальной или какой-либо другой). От того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях различают две системы социально-психологических установок, которые совершенно по-разному предопределяют характер отношений между людьми, как представителями разных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства (патриотизм), в другом – определяются конфронтацией и враждебностью (экстремизм). Для внутреннего мироощущения представителей и того и другого направления характерно состояние внутреннего конфликта, заключающегося в несоответствии между образом идеальной модели и реальной действительностью. В результате чего меняется внутренний мир и позиция личности. Националист выстраивает для себя внутреннюю схему «я - хороший, мир - плохой». Эта схема позволяет оправдывать любые действия. А патриот пытается изменить этот мир другими конструктивными путями [6, с. 115].

Однако, с учетом того, насколько широко распространена социальная и политическая несправедливость, затрагивающая большое число людей, которые при этом не становятся экстремистами, необходимо ввести дополнительные факторы для объяснения условий, при которых фрустрация выливается в экстремистскую деятельность [7, с. 69–70].

Политические конфликты имеют глубинную психологическую основу и возникают, как правило, вокруг проблем идентичности, символов, легитимности, памяти и восприятия справедливости. В то же время верно и то, что на проявление экстремизма сильнее, чем на другие виды агрессии влияют факторы не только и не столько психологического свойства, но и исторические, социально-экономические и другие общественные условия [8, с. 54].

Установлено, что важным механизмом контроля насилия и агрессии на уровне общества, является наложение юридических санкций. Сверх того, что взыскание накладывается на отдельного правонарушителя, совершившего преступление, наказание агрессивного поведения рассчитано и на то, чтобы действовать как средство утраты, препятствующее совершению дальнейших актов насилия. Однако устра-

шающее воздействие юридических санкций не находит, на наш взгляд, убедительного подтверждения. А потому необходимо, на наш взгляд, уделять больше внимания детям и подросткам, чтобы «снять» вопросы, связанные с агрессивным поведением с чертами расовой, этнической и религиозной неприязни, которое возникает на ранних стадиях индивидуального развития. Если данный вопрос остаётся без должного внимания, то он может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида. ... Чем предметнее будет работа с моделями агрессивного поведения, тем больше шансов избежать агрессивного поведения во взрослой жизни.

Второй блок вопросов – это наличие серьёзных форм насилия, распространённых среди подростков. Большая доля актов насилия и нетерпимости происходит в стенах общеобразовательных учреждений, непосредственно за их пределами, там, где дети и подростки проводят значительную часть времени, завязывают социальные отношения. Поэтому школы, вузы и центры дополнительного образования мы вправе расценивать как «горячие точки» агрессии, и в то же время они выступают в качестве арены осуществления антинасильных программ.

Остановимся несколько подробнее на анализе политических причин молодежного политического экстремизма в нашей стране.

На молодежный экстремизм можно оказать эффективное воздействие, если определить кризисные группы, установить носителей экстремистского потенциала, охарактеризовать их, привязать к конкретным типам личности. Можно считать установленным факт, что активизация молодежного экстремизма имеет разнообразные причины, обусловленные сложно взаимодействующей системой внешних и внутренних факторов распространения и институционализации политического экстремизма в молодежной среде.

К внутренним причинам распространения экстремизма и развитию его институциональных структур принято относить:

- наличие в стране большого нелегального «рынка» оружия и относительная легкость его приобретения и переброски в взрывоопасные регионы страны;
- рост масштабов нелегальной миграции;
- наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в «горячих точках», и их недостаточная социальная адаптированность;
- ослабление или отсутствие ряда административно-контрольных правовых режимов в ряде субъектов Российской Федерации;
- наличие ряда экстремистских группировок, квазие военных формирований;
- сплоченность и иерархичность преступной среды;
- утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, рост безработицы на Кавказе, распространение среди местного населения ваххабизма;
- обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у значительной части граждан;
- настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, падение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений в 90-х годах XX в.;
- слабая работа правоохранительных, государственных и общественных органов по защите безопасности граждан;
- низкий уровень политической культуры в обществе, широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и силы [9, с. 329–344].

К внешним факторам, влияющим на распространение политического экстремизма, принято относить:

- рост числа террористических проявлений в ближнем и дальнем зарубежье;
- социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах как бывшего СССР, так и Центральной Азии;
- наличие вооруженных конфликтов в отдельных регионах;
- стратегические установки некоторых иностранных спецслужб и международных террористических организаций по осложнению обстановки на Северном Кавказе;
- отсутствие надежного контроля за въездом-выездом из России и сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;
- наличие значительного «черного рынка» оружия в некоторых сопредельных государствах;
- постоянное финансирование чеченских сепаратистов международными террористическими организациями [10, с. 116–117].

Экстремизм стал идейной основой некоторых организованных преступных групп, совершающих преступления вооруженными устойчивыми формированиями, имеющими иерархическую структуру, объединившимися по принципу националистических и сепаратистских взглядов. Анализ криминальной ситуации в России показывает, что активизируется экстремистская деятельность, связанная с насильственными действиями в отношении граждан иностранных государств, совершенных по мотиву национальной, расовой и религиозной вражды [11, с. 72].

Причины молодежного терроризма и связанного с ним политического экстремизма весьма многолики и корни их понимания лежат в осознании неповторимости наций, этносов и народов [12, с. 17].

Чтобы объяснить в каких случаях и почему движения, стоящие за общественные изменения, прибегают к насилию, а не к общепринятым формам политического участия, некоторые авторы переносят гипотезу фрустрации – с индивидуального на групповой уровень. В этом случае, акты экстремизма воспринимаются как результат социальной и политической обделённости молодежи. В определенных случаях видимая несправедливость восходит к определенным историческим событиям, но чаще всего – это просто явления современной жизни. При других формах молодежного политического экстремизма в основу действий закладывается неспособность оказать влияние на политические решения или культивирование позиции нравственного превосходства над властью, против которой ведется борьба, откуда идеологи данных течений выводят все основные оправдания для своих действий.

Судя по всему, молодежный политический экстремизм непосредственно связан с социальными и экономическими, а также с политико-мировоззренческими, индивидуально и коллективно психологическими проблемами.

Политический экстремизм – это также тактика политической борьбы, заключающаяся в применении (или в угрозе применения) субъектами политики организованного насилия в целях коренного или частичного изменения конституционного строя либо экономических порядков в стране. Молодежный экстремизм является сложным и достаточно высоко институционализированным явлением. Он включает в себя множество разнообразных организаций, имеющих разветвленную структуру, идеологическое и информационное обеспечение, а также достаточную для деятельности ресурсную базу [13, с. 121].

Религиозный политический экстремизм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо непримиримом противоборстве в рамках одной конфессии.

Зачастую он используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одного из вероучений.

Молодежный политический экстремизм стимулирует очевидная слабость государственных институтов, дезорганизация общества, экономическая и нравственная неопределенность. Эти факторы создают условия, при которых не складывается достаточно эффективной системы противодействия различным религиозным и политическим течениям, которые при эффективно действующем государстве не могли бы проявляться открыто. Сами по себе социальные и экономические проблемы не приводят к активизации молодежного политического экстремизма но, накладываясь на слабость государства, они выступают катализатором их развития.

Литература

1. *Козлов А.* Проблемы экстремизма в молодежной среде. Вып. 4. М., 1994.
2. *Густов В.Л.* Меры по противодействию экстремизму на региональном уровне // Политический экстремизм в России и конституционные меры борьбы с ним: Материалы конференции. М., 1998.
3. *Кольберг А.А.* Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6. Вып. 2. № 13.
4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
5. *Степанова А.С.* Экстремизм и чтение молодых россиян // Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. СПб, 2004.
6. *Паин Э.А.* Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
7. *Сериков А.В.* Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов. Ростов н/Д., 2005.
8. *Левина И.Л.* Агрессивность – свойство личности или показатель ее дезадаптации? // Психосфера. 1999. № 3.
9. *Bohleber W.* The presence of the past: Xenophobia and rightwing extremism in the Federal Republic of Germany: Psychoanalytic reflections. American Imago. Vol 52(3) Fal 1995, Johns Hopkins Univ Press, US.
10. *Журавель В.П.* Политический экстремизм: кто кого? Северный Кавказ и некоторые аспекты борьбы с проявлениями терроризма. // Право и безопасность. №2-3 (3-4). 2002.
11. *Воронцов С.А.* Об активизации экстремистских проявлениях в Российской Федерации и необходимости совершенствования антиэкстремистской деятельности. // Юрист-правовед. 2007. № 5 (24).
12. *Скворцова М.Б.* Молодое поколение в системе человеческого потенциала как фактор социально-экономического развития региона (на примере Северо-Западного федерального округа) Автореф. дисс. соиск. уч. ст. канд. эконом. наук. Санкт-Петербург: Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, 2007.
13. *Brustein W.I.* The Nazi Movement,” Encyclopedia of Social and Political Movements. New York: Institute of International Education, 2011.

Современные технологии управления как условие активизации отношений государственно-частного партнерства в России

В статье государственно-частное партнерство характеризуется как важная организационная форма совершенствования государственного и муниципального управления в сфере экономики.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, стратегическое управление, командные технологии».

Повышение эффективности управления государственной и муниципальной собственностью связано с развитием государственно-частного партнерства, поскольку расширяется ресурсная база и мобилизуются ранее неиспользованные резервы как для развития макроэкономики, так и субъектов микросистемы.

Объектом исследования данной статьи являются мировой и российский опыт развития отношений партнерства государства и частного бизнеса и использования в государственном и муниципальном управлении современных корпоративных технологий.

Предметом исследования выступают экономические отношения государства и бизнеса в процессе формирования государственно-частного партнерства (ГЧП).

Цель данной статьи – раскрыть содержание процесса ГЧП и обосновать роль современных технологий в совершенствовании управления экономическими процессами на государственном и муниципальном уровнях.

Задачи исследования состоят в следующем:

- обосновать факторы, объективно обусловившие формирование ГЧП;
- раскрыть ключевые признаки ГЧП;
- выявить проблемы, препятствующие развитию партнерства бизнеса и власти в России;
- обосновать важность использования современных технологий управления (SWOT – анализа, ситуационно-аналитического планирования, стратегического партнерства, «командных технологий» и др.) в системе ГЧП.

Методологической основой раскрытия содержания и роли партнерства государства и частного бизнеса является изучение данных процессов в мировой практике и в России.

Западные ученые Армстронг М., Гибсон Дж., Гроув Э., Друкер П., Ламбен Р. исследуют проблему ГЧП с позиции совершенствования управления не только корпораций в целом, но и человеческими ресурсами; с внедрением менеджмента, ориентированного на рынок; с совершенствованием организационной структуры управления и с активизацией инвестиций в реализацию государственных проектов [1].

Данная проблема изучается российскими учеными: Алпатовым А.А., Варнавским В.Г., Дыниным Е.А., Джапаридзе Р.М., Пушкиным А.В. и др. [2, с. 111].

Они связывают процессы формирования ГЧП с взаимовыгодным сотрудничеством государства и частного бизнеса в реализации социально значимых проектов. Например, Варнавский В.Г. дает такое определение: «ГЧП – это стратегический, институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР, вплоть до сферы услуг [3, с. 33].

Однако в большинстве публикаций российских ученых не определено, кто инициирует данный альянс; кто несет ответственность за финансовые риски, возникающие в ходе реализации контрактов в системе ГЧП; в каких приоритетных отраслях и сферах первоначально необходимо объединять ресурсы и опыт государства и коммерческих структур. Анализируя подходы зарубежных и российских ученых можно дать такое определение: «Государственно-частное партнерство – это привлечение частного сектора органами власти на контрактной основе для реализации социально значимых проектов и более эффективного исполнения управленческих функций на базе компенсации затрат, разделения рисков, обязательств и компетенций». Следовательно, ГЧП является формой экономического сотрудничества государства и частного бизнеса.

В теоретическом аспекте важно подчеркнуть, что партнерские отношения государства и предпринимательских структур формируются именно в целях совместного удовлетворения потребностей общества. При этом они должны и создаваться, и развиваться на долгосрочной законодательной базе, объединяя на взаимовыгодной основе материальные и нематериальные ресурсы. Также важно отметить значимость не только разделения полномочий субъектов ГЧП, но и ответственности и рисков.

В результате исследования данной проблемы можно сформировать ряд ключевых признаков государственно-частного партнерства:

- ГЧП должно основываться на официальных отношениях или договорах между государством и бизнесом, которые фиксируются в нормативно-правовых актах, контрактах, т.е. образуют особые правовые институты.

- Органы государственного и муниципального управления выступают в проектах ГЧП на равных правах с частными инвестором, а не реализуют в отношении него свои властные полномочия.

- Проекты ГЧП выступают в приоритетном плане для реализации публичных интересов и деятельность партнеров координируется и согласуется именно на базе общегосударственных полезных целей.

- ГЧП присущ совместный характер действий, когда государство и частный инвестор привлекают, и совместно инвестируют ресурсы, вместе принимают решения в процессе финансирования проекта и управления им.

Именно в рамках таких ключевых признаков система партнерских отношений рассматривается, как совокупность субъектов, объектов и средств партнерских отношений, взаимодействующих как единое целое в процессе достижения намеченных результатов и исполнения принятых обязательств. Такое авторское понимание системы партнерских отношений государства и бизнеса должно стать системообразующей базой для развития ГЧП в России и ее регионах, поскольку мировая практика опирается именно на приведенные выше признаки.

Наиболее стабильно партнерские отношения государства и национального бизнеса формируются в странах ЕС.

Программы и проекты партнерства государства и частного бизнеса могут осуществляться в различных отраслях экономики, но в странах ЕС они, как правило, реализуются в сфере дорожного строительства, общественного транспорта, энергетики, вывоза и переработки мусора, в образовании и здравоохранении, в Канаде и Австралии процесс ГЧП включен в правительственные программы [4, с. 14].

Важно отметить, что независимо от отраслевой направленности ГЧП обладает конкурентными преимуществами, так как достижение лучших результатов происходит именно там, где заметна неэффективность государственного или муниципального управления, например, в дорожном строительстве, ЖКХ и т.д.

В России проекты государства и частного бизнеса до последнего времени отсутствовали. Первые из них сформировались при реализации Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002 – 2006 гг.». Главной целью было привлечение инвесторов и бизнеса к участию в данной ФЦП на долгосрочной основе.

Автором выделены основные проблемы, препятствующие развитию государственно-частного процесса в России.

Во-первых, слабость законодательной базы, до сих пор не принят федеральный закон о частно-государственном партнерстве.

Во-вторых, конкурсные процедуры доступа предпринимателей к механизмам ГЧП недостаточно прозрачны.

В-третьих, нет полной информации о мировом опыте развития ГЧП.

В-четвертых, недостаточное использование в системах государственной и муниципальной служб современных управленческих технологий – стратегического, финансового, инновационного менеджмента, маркетинга, ситуационно-аналитического планирования и прогнозирования.

На наш взгляд, важно использовать мировой опыт стратегического планирования, прогнозирования в отношениях ГЧП в совершенствовании государственного и муниципального управления.

Стратегическое управление традиционно рассматривается в рамках коммерческих организаций. В то же время основные закономерности стратегического управления проявляются и в управлении государственными организациями. В них так же происходит постановка целей, определяются приоритеты, составляются долгосрочные планы и программы действий, формируется новая организационная структура, адекватная рыночной экономике.

Вместе с тем государственное и муниципальное управление имеет ряд особенностей, которые проявляются, прежде всего, в конкретных целях, методах оценки результатов, отчетности, механизмах контроля, особой ответственности и системах стимулирования труда. Реализация каждой функции управления в государственной и муниципальной службах имеет свою специфику:

- планирование и прогнозирование обычно осуществляется исходя из целей, формируемых вышестоящими органами, при этом слабо учитываются особенности спроса на услуги государства и муниципалитетов;

- организация государственной и муниципальной службы, как правило, имеет более иерархическую структуру, в которой управление, как правило, осуществляется методом «сверху – вниз», т.е. централизованно.

- мотивация персонала в данных структурах нацелена в меньшей степени на денежное вознаграждение и в большей мере на стимулы нематериального характера: престиж, стабильность, выполнение важной работы, возможность карьерного роста и пр. При слабости таких стимулов и неадекватного денежного поощрения, возникает коррупция;

- контроль и оценка результатов в рамках государственной и муниципальной службах осуществляется вышестоящими структурными подразделениями и не всегда объективно, что снижает результативность работы чиновников.

Однако в процессе становления рыночной экономики в России происходят значительные изменения в системах государственного и муниципального управления. Осуществляется информатизация всех управленческих процессов с помощью использования электронно-вычислительной техники, формируется в России и регионах электронное правительство, ускоряются процесс принятия и реализации управ-

ленческих решений, развиваются технологии, основанные на знаниях. В процессы управления все более активно проникают методы, оправдавшие себя в частном секторе. И в этой связи весомую роль играет именно развитие отношений ГЧП, что позволяет быстрее и эффективнее использовать опыт корпоративного управления.

В первую очередь это относится к стратегическому менеджменту. Под влиянием методов стратегического менеджмента появляются такие относительно новые управленческие процессы, как четкое формирование долгосрочных стратегических целей и миссии, использование SWOT – анализа, стратегических альянсов, многоуровневого контроля результатов и пр.

Целесообразно исследовать возможности развития ГЧП на основе метода SWOT – анализа, включающего оценку объекта по следующим направлениям: strength – сильные стороны; weakness – слабые стороны; opportunities – возможности; threats – угрозы (табл.).

Таблица

SWOT – анализ потенциала ГЧП в регионах России

<p>Сильные стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - Снижение бюджетной нагрузки за счет привлечения частных финансовых средств. - Повышение качества обслуживания населения. - Сокращение рисков субъектов РФ за счет переложения части рисков на частного партнера при реализации инвестпроектов. - Использование механизмов конкуренции. 	<p>Возможности</p> <ul style="list-style-type: none"> - Реализация социально – значимых проектов, которые недостаточно привлекательны для частного финансирования. - Привлечение высококвалифицированных управленческих кадров. - Использование современных управленческих технологий.
<p>Слабые стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - Высокие транзакционные издержки. - Отсутствие опыта реализации проектов. 	<p>Угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> - Риски формирования структуры ГЧП.

В рамках SWOT – анализа изучаются ресурсы, тенденции показателей развития региона, возможности использования конкурентных преимуществ и недостатки региона. В итоге формируется стратегия развития территории, оценивается внешняя среда с позиций определения возможностей и угроз, что необходимо и при формировании проектов в рамках ГЧП.

Методы и технологии стратегического менеджмента активно используются в тех областях, где изменения рыночной среды заставляют постоянно решать новые задачи. В связи с этим в практику работы государственных и муниципальных служб проникают технологии создания «команд» – гибких временных творческих групп, нацеленных не только на создание новых услуг, но и на решение неструктурированных проблем.

Суть этих технологий в том, что небольшим коллективам предоставляется значительная самостоятельность, они приобретают права независимых «команд», при этом более активно происходит делегирование прав и ответственности с верхних уровней управления на нижние. Команды становятся важнейшим инструментом достижения инновационности, оперативного решения неструктурированных проблем, развития индивидуальных способностей человека поскольку поощряются эксперименты, новые начинания в СГМУ.

Стратегическое партнерство государственных и коммерческих организаций обуславливает такие новые технологии управления в СГМУ, как ориентация не толь-

ко на должностные инструкции, правила и рутинные процедуры, а на четкое формулирование миссии и долгосрочных целей.

Практика формирования миссии (общего предназначения организации и концентрированных принципов) не только постепенно укрепляется в государственной и муниципальной службах, но и формирует открытость данных структур для граждан. Также из опыта частного предпринимательства в практику государственной службы проникают оценки эффективности (отношения результатов к затратам); результативности (отношения фактического результата к запланированному) и экономии (отношение планируемых затрат к фактическим).

Не менее важно, что в последние годы в СГМУ происходит оценка не затрат бюджетных средств, а результатов их использования. Безусловно, здесь еще многое предстоит реализовать, чтобы в основе и работы Счетной палаты РФ, и других контрольно – надзорных институтов лежал принцип оценки в какой мере достигнуты поставленные стратегические цели и соответствуют ли понесенные затраты бюджета полученным конечным результатам.

Особенно плодотворным является использование опыта частных компаний в формировании стратегии развития региона. В России формируются не только целевые региональные программы, но и паспорта развития территории, где четко отражаются все экономические связи организаций и Администрации региона, межрегиональные отношения, конкурентные преимущества и проблемы данной территории.

В заключении можно отметить, что разнообразные формы современного партнерства бизнеса и власти нацелены на достижение каждым партнером преимуществ и выгод от кооперации. Это достигается посредством оптимизации распределения функций, активного использования конкурентных преимуществ каждого партнера, а также четкого распределения ответственности и рисков при реализации проектов ГЧП.

Партнерство становится устойчивым и долгосрочным только в том случае, если каждый партнер видит и объективно оценивает специфические мотивы и экономические интересы других субъектов кооперации, взаимовыгодность сотрудничества.

Литература

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. М. 2009.
- Гроув Э. Высокоэффективный менеджмент. М. 1996. Друкер П. Практика менеджмента. – М. ИД «Вильямс», 2002.
2. *Алпатов А.А., Пушкин А.В., Джапаридзе Р.М.* Государственно – частное партнерство. Механизмы реализации. М.: Альпина Паблшерз. 2010. Дынин Е.А. Риски бизнеса в частно-государственном партнерстве // Общество и экономика. 2007. № 5-6. С. 111.
3. *Варнавский В.* Государственно – частное партнерство в России: проблемы становления // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 33.
4. *Кабашкин В.А.* Государственно-частное партнерство в регионах Российской Федерации. М.: Изд. «Дело». 2010. С. 14.

Мультикультурный или интеграционный подход к современной российской миграционной политике

В статье проводится анализ современных российских миграционных процессов и определяется их основной вектор, рассматриваются различные подходы к проведению миграционной политики.

Ключевые слова: Миграционная политика, политический процесс, демографическая политика, миграционные процессы, мультикультурализм, интеграция, этнические и социо-культурные особенности, нелегальная миграция.

Вся история человечества связана с перманентными миграционными процессами. Переселение народов присуще каждому этапу эволюции, начиная от перемещения племен в поисках лучших условий существования, заканчивая многомиллионными эмиграциями по политическим соображениям. Говорить плохо это или хорошо – это вопросы риторики, но, то, что миграционные процессы выступают неотъемлемой составляющей развития человечества, – факт. Оригинальную интерпретацию миграции предложил Л.Н. Гумилев, рассматривая естественность миграционных процессов через призму пассионарности. В научной литературе существует множество теорий о природе миграции, но всех объединяет одно – миграционные процессы объективны и государства должны адекватно реагировать на них.

Если проанализировать современные мировые миграционные процессы, то они эмпирически подтверждают это. Миллионные миграционные потоки в поисках лучшей жизни сметают национальные границы. Вектор перемещения направлен из развивающихся стран в страны «золотого» миллиарда.

В своем программном выступлении «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин отметил, что «Колоссальные миграционные потоки – а есть все основания полагать, что они будут усиливаться, – уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов. Миллионы людей в поисках лучшей жизни покидают регионы, страдающие от голода и хронических конфликтов, бедности и социальной неустраивенности» [1].

Не исключением является и Россия. Учитывая то, что роль миграции в изменении численности и состава населения в современном мире быстро растет, то в условиях естественной убыли населения (в России она наблюдается уже более 20 лет), а также естественного прироста, близкого к нулевому уровню (что характерно для большинства развитых стран), ее влияние на динамику населения особенно значительно. Институт Демографии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» приводит интересные сведения, базирующиеся на данных оперативного статистического учета за январь-декабрь 2012 года. Е Щербакова [2] отмечает, что хотя миграционный прирост населения России в 2012 году снизился на 8% по сравнению с 2011 годом, составив 295 тысяч человек, тем не менее полностью компенсировал резко сократившиеся в 2012 году потери населения в результате естественной убыли, превысив их почти в 115 раз.

Что касается миграционного вектора, то необходимо отметить, что численность населения России увеличивается за счет миграционного обмена со странами СНГ (ранее - с союзными республиками), начиная с 1975 года. В предшествующие этому периоду 30 лет РСФСР, напротив, «теряла» население в миграционном обмене

с союзными республиками. В первой половине 1990-х годов сальдо международной миграции резко увеличилось, достигнув наибольшей величины в середине десятилетия (845,7 тысячи человек, или 6,7‰ в 1994 году), однако впоследствии сложилась устойчивая тенденция быстрого сокращения миграционной активности, а в результате - и миграционного прироста (рис. 1).

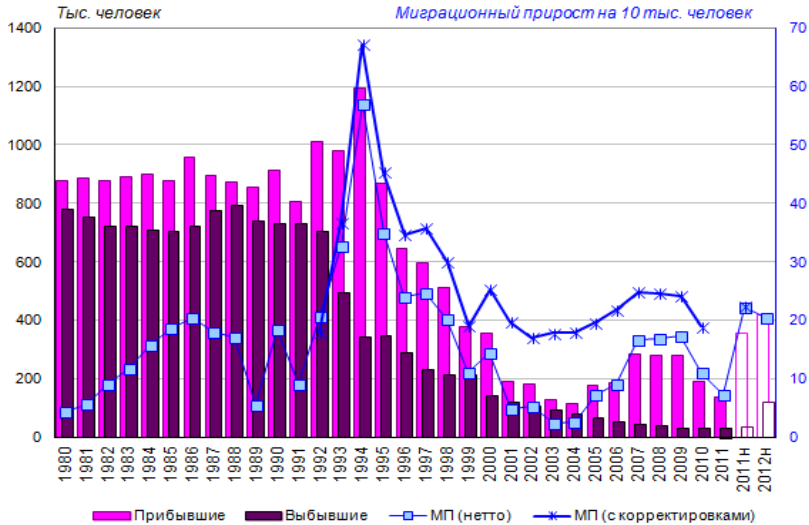

Рис.1. Число прибывших в Россию и выбывших из нее (тыс. чел.) и миграционный прирост (на 10 тыс. населения), 1980-2012 годы [3, 4].

Как уже отмечалось, среди переехавших на место жительства в Россию доля иммигрантов из стран СНГ, Балтии и Грузии составляла в 1997-2011 годах от 93% до 97% (рис. 2). Среди иммигрантов, учтенных по измененным в 2011 году критериям, она немного снизилась, составив 90% и в 2011, и в 2012 году. Доля прибывших из стран СНГ составила, и в том, и другом году, 87,1% [5, С. 482-483].

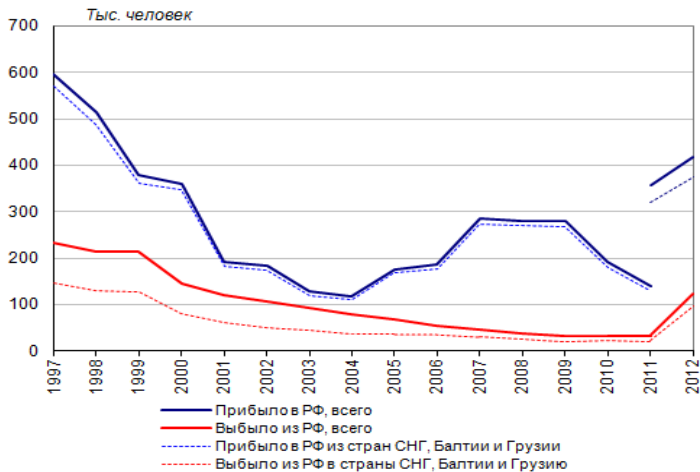

Рис. 2. Число прибывших и выбывших из России (международная миграция) в 1997-2012 годах, тыс. чел.[6]

За январь-декабрь 2012 года из стран СНГ в Россию прибыло почти 364 тысячи человек, из Грузии – 7,7 тысячи человек, стран Балтии – 3,7 тысячи человек. Из России в другие страны СНГ выбыло 95,6 тысячи человек, в Грузию – 0,8 тысячи человек, в страны Балтии – 1,3 тысячи человек.

Но это только вершина миграционного «айсберга», львиная доля в миграционных процессах принадлежит нелегальной, а зачастую и криминальной миграции.

В современной научной литературе и средствах массовой информации существует множество различных оценок количества нелегальных мигрантов. По данным Федеральной миграционной службы МВД РФ, количество нелегальных мигрантов в России составило около 3 млн. человек, причем процесс их увеличения происходит достаточно интенсивно. За последние пять лет число задержанных на границе России выросло почти в десять раз. Среди них оказались граждане более 30 стран, с которыми Россия не имеет общих границ (Бангладеш, Турция, Шри-Ланка, Индия, Пакистан, Афганистан, Вьетнам и др.).

Специалисты Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, установили, что общая численность мигрантов, незаконно находящихся на территории России, составляет 4-4,5 млн. человек. При этом на нелегальных мигрантов из стран СНГ приходится 1,8-2,0 млн. человек, т.е. меньше половины общей их численности. Остальные – выходцы из стран дальнего зарубежья. По данным Федеральной миграционной службы РФ, до трети нелегальных мигрантов попадает на территорию страны из сопредельных государств, прежде входивших в состав Советского Союза [7, С. 349]. Максимальные оценки численности нелегальных мигрантов приводит МВД РФ – 10 млн. Таким образом, расхождения в оценках превышает двукратную величину [8].

Вопрос о количественных и качественных параметрах нелегальной миграции в России и других странах СНГ нельзя считать окончательно решенным, так как требуют уточнения масштабы нелегальной миграции и оценка ее социально-экономических последствий. Кроме того миграционная политика в отношении нелегальных мигрантов из стран СНГ и из стран дальнего зарубежья должна разрабатываться с учетом дифференцированного подхода к этим двум категориям мигрантов [8].

Что касается нелегальных мигрантов, то большинство из них пользуются легальными возможностями безвизового въезда, гостевыми, туристическими или учебными визами, однако впоследствии оседают на территории Российской Федерации или следуют транзитом в другие страны. Вместе с тем, определенная часть нелегальных мигрантов прибывает на территорию Российской Федерации, используя нелегальные способы въезда в страну и в этом им оказывают содействие теневые структуры, специализирующиеся на «миграционном бизнесе». Не секрет, что миграция давно стала средством извлечения колоссальной прибыли для полукриминальных и криминальных структур.

Необходимо также отметить, что значительная часть нелегальных мигрантов следует через Россию транзитом, направляясь из стран Восточной и Центральной Азии в Европу. Россия рассматривается ими лишь как временное прибежище, перевалочный пункт на пути следования в более благополучные в экономическом отношении страны. Однако далеко не всем нелегалам удастся благополучно добраться до Европы, большая часть так и остается в России, что создает для нашей страны дополнительные проблемы, прежде всего в сфере обеспечения национальной безопасности, борьбы с экономической и общеуголовной преступностью. Не связывая с Россией свое будущее, «транзитные» мигранты способны нанести существенный ущерб безопасности российского государства.

В частности, транзитная миграция способствует ухудшению криминальной ситуации в Российской Федерации, представляет угрозу для санитарно-эпидемиологической обстановки в стране, поскольку многие мигранты из Восточной и Центральной Азии являются переносчиками тяжелых инфекционных и эпидемиологических заболеваний, которые долгое время отсутствовали в России, но в более отсталых государствах встречаются достаточно часто. Так, только в 2011 г. было объявлено о нежелательности пребывания на территории РФ по медицинским показателям 6114 мигрантам, среди которых 1200 человек являются носителями ВИЧ, более 2600 – туберкулеза [9]. Отметим, что это – цифры по легальным мигрантам, состояние же нелегальных мигрантов никому не известно, за медицинскими услугами они не обращаются и это само по себе представляет крайнюю опасность для российского населения.

Другой проблемой является то, что рост количества мигрантов и различия мигрантов и коренного населения в культуре и менталитете приводят к конфликтам, основанным на несовместимости ценностей и поведенческих установок. Причина в том, что большинство мигрантов относятся к этническим группам, чьи цивилизационные, культурные, конфессиональные нормы существенно отличаются от действующих в принимающей стране. Мигранты, продолжая придерживаться обычаев и традиций своих этнических групп, усугубляют эти различия; к тому же нередки случаи, когда эти обычаи противоречат законодательству принявшего их государства.

Между тем, социологи отмечают, что представители многих мигрантских сообществ сегодня сознательно демонстрируют нежелание ассимилироваться, делая это стратегией своего существования при «освоении» новых территорий.

Для России это не является исключением. Усиление миграционных процессов требует разработки комплексной эффективной стратегии демографического развития, базирующейся на научных подходах.

В современном мире особую популярность приобрели два концепта к решению проблем миграции – мультикультуралистский и интегративный (ассимиляционистский). Основой мультикультуралистской позиции является сохранение национальной и культурной идентичности мигрантов. Это нередко предполагает определенную дистанцированность между приезжими и коренными жителями. Интегративная позиция, наоборот, базируется на утверждении необходимости ассимиляции и слияния мигрантов с новым для них социумом и его обычаями. Сторонники интегративной позиции считают данную модель наиболее эффективной для решения вопросов, неизбежно возникающих в странах, обладающих повышенной привлекательностью для мигрантов. Так в Европе доминирует первый подход, а в США второй.

Социальная и политическая ситуация в странах, принявших мультикультурализм за основу миграционной политики, показывает, что данный подход в конечном итоге не только не способствует совершенствованию миграционной политики, но и влечет за собой крайне опасные последствия сегментации принимающих обществ, их дифференциации по этнокультурным признакам, в конечном итоге подрывая сами основы национального государства. В этой связи более актуальным становится разработка интегративного подхода, который подразумевает ассимиляцию мигрантов в принимающем обществе, в том числе и путем ужесточения контроля как за миграционными процессами, так и за интеграцией мигрантов в принимающий социум [10, С. 169-177].

Попытка создать в России мультикультуралистское пространство, вызвало множество проблем, связанных с устоявшейся полиэтнической и многоконфессиональной российской культурой.

В заключение для выбора научного подхода к миграционным процессам и разработки соответственно миграционной политики в современной России целесообразно привести слова Президента РФ В.В. Путина о том, что вполне респектабельные европейские политики начинают говорить о провале «мультикультурного проекта». Чтобы сохранить свои позиции, эксплуатируют «национальную карту» – переходят на поле тех, кого ранее сами считали маргиналами и радикалами. Крайние силы, в свою очередь, резко набирают вес, всерьез претендуя на государственную власть.

За «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства» – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности. И это – серьезный вызов, с которым придется столкнуться и Европе, и многим другим регионам мира [1].

Перед научным сообществом стоит очень трудная задача определения новых научных концептов и теорий ассимиляции в поликультурных сообществах. Необходим теоретический синтез мультикультурализма и интегративизма для разработки соответствующей современным миграционным угрозам научной теории, которая могла бы лечь в основу миграционной политики РФ. От решения этой задачи зависит не только вектор миграционной политики России, но и само устойчивое развитие Российской Федерации.

Литература

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
2. Щербакова Е. Демографические итоги 2012 года // Демоскоп Weekly. № 541 – 542. 2013. 4 - 17 февр.
3. За 2011 год приведены данные по новым (2011) и прежним правилам учета (2011); 2012 год – оценка по данным за январь-декабрь по новым правилам учета; миграционный прирост за 2003-2012 годы рассчитан с учетом итогов ВПН-2010: МП (нетто) – на основе разности чисел прибывших и выбывших из России; МП (с корректировками) – на основе разности между общим и естественным приростом населения России.
4. Рассчитано по данным, приведенным в Приложении к «Российскому статистическому ежегоднику – 2012».
5. Демографический ежегодник России – 2010. М., 2010.
6. За 2011 год приведены данные по новым и прежним правилам учета долгосрочной миграции; 2012 год – оценка по данным за январь-декабрь 2012 г.
7. Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. Рудого В.В., Понеделкова А.В., Старостина А.М. и др. Ростов н/Д, 2011.
8. Топилин А.В. Нелегальная миграция: масштабы и социально-экономические последствия // Матер. круглого стола «Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1162.htm
9. Выявлено 6 тысяч мигрантов с опасными заболеваниями. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vancomycin.ru/vyuyavleno-6-tys-migrantov-s-opasnymi-zabolevaniyami/>. Дата обращения 24 февраля 2012 г.
10. Более подробно см.: Тремба В.А. Миграционные процессы в современном обществе: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. №3. 2012.

Специфика контрольно-регулирующей деятельности российской власти в сфере муниципального управления

В статье рассматриваются вопросы контрольно-регулирующей деятельности российской власти в сфере муниципального управления.

Ключевые слова: муниципальное управление, государственный контроль, финансовый, административный, общественный контроль.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью дальнейшей институализации контрольных функций органов власти на муниципальном уровне, без чего невозможно повышения влияния органов местного самоуправления на эффективность социально-экономического развития территорий.

Посткризисная ситуация в России предъявляет возрастающие требования к государственной и муниципальной власти, ориентированные на эффективное исполнение их функций, в том числе и контрольно-регулирующих.

Контрольно-регулирующая функция реализуется, как правило, муниципальными органами, их малочисленным аппаратом, от профессионализма и нравственности которого во многом зависит целенаправленность и эффективность местного самоуправления. В процессе осуществления контроля оценивается деятельность подконтрольных объектов, ее законность, соответствие заданным параметрам и целям, а также определяются меры по устранению нарушений и предлагаются санкции.

Контрольная функция является неотъемлемым правом и обязанностью муниципальных органов и служит реализации принципов верховенства закона, разделения властей и др. В то же время, функциональное предназначение контроля позволяет координировать деятельность в рамках каждой функции органов МСУ.

К настоящему времени еще не выработан единый перечень видов муниципального контроля, не четко определены границы контрольных действий государственных и муниципальных органов на территории муниципального образования.

Роль органов МСУ в осуществлении лесного контроля и надзора за использованием земель поселений и городских округов определены Федеральным законом №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Другими федеральными законами органам МСУ определены границы их контрольных действий в сфере использования и сохранности жилищного фонда, соблюдения законодательства в области розничной продажи алкогольной и табачной продукции, сохранности автомобильных дорог местного значения, использования и охраны недр при добыче полезных ископаемых и др.

Более широкий круг контрольных полномочий органов МСУ определяется региональными органами государственной власти и органами МСУ самостоятельно в рамках своих полномочий.

Контрольные функции в муниципальном образовании (МО) осуществляют:
- контрольный орган местного самоуправления – контролирует процессы составления и исполнения местного бюджета. В некоторых МО ему вменяется контроль за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности;

- все остальные контрольные действия осуществляют соответствующие органы местного самоуправления, а контрольный орган контролирует, чтобы эти действия не противоречили законодательству.

- в некоторых муниципальных образованиях контрольные функции исполняются муниципальными учреждениями (МУ). Например, жилищная инспекция (Ростов-на-Дону), «Административно-техническая инспекция» (г.Майкоп), Управление по имуществу и земельным отношениям (г.Горно-Алтайск) и др.;

Органы МСУ и муниципальные учреждения могут контролировать выполнение лишь тех требований, которые установлены актами муниципалитетов.

- кроме того на территории муниципального образования осуществляется контроль государственными органами (федеральными и региональными);

- важную роль играет общественный контроль.

Наиболее сложная и ответственная часть контрольной деятельности в муниципальном образовании – это анализ соблюдения расходных статей бюджета, правильное проведение процедуры разработки и принятия данного бюджета, а также использование различных материальных объектов, являющихся собственностью муниципалитета.

Результаты, полученные контролирующим органом в ходе многочисленных проверок, должны обязательно подвергаться гласности и публиковаться в местных периодических изданиях.

Как уже отмечалось, наиболее важной частью контрольной деятельности в МО является соблюдение законности при разработке и реализации местного бюджета, т.е. финансовый контроль. В.Е. Кузнеценкова отмечает, что «особую значимость государственный и муниципальный финансовый контроль приобретает в период проведения социально-экономических реформ и реализации антикризисной программы Правительства РФ. Принятие Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" стимулировало процесс реформирования местного самоуправления, и, как следствие, именно муниципальный финансовый контроль приобрел особую актуальность и практическую значимость, что определяет необходимость разработки новых подходов к развитию системы муниципального финансового контроля и оценки его эффективности» [1].

В настоящее время существует ряд определенных сложностей с организацией эффективного государственного финансового контроля на региональном и местном уровне, что обусловлено следующими факторами:

- слабостью федерального и регионального законодательства, в первую очередь - непроработанностью нормативно-правовой базы обеспечения финансового контроля на региональном и муниципальном уровне;

- хаотичной системой реализации контрольных мероприятий, которая заключается в выборочности объекта контроля, что порождает бесконтрольность одних учреждений и чрезмерную привередливость контролирующих инстанций к другим учреждениям;

- недостаточной развитостью практики взаимодействия различных контролирующих органов государственной, региональной и муниципальной власти и управления;

- слабостью и неэффективностью территориальных подразделений государственных и региональных органов исполнительной и законодательной власти, ответственных за осуществление мероприятий финансового контроля на региональном и муниципальном уровне.

Данные недостатки в контрольно-регулирующей деятельности органов региональной и муниципальной власти и управления могут приводить к серьезным нарушениям в процессе осуществления административными органами контролирующими и регулирующими функций. «Региональный анализ в 2012 году позволил выявить ряд контрольных полномочий, осуществляемых без достаточных оснований, заложенных в федеральных нормативных правовых актах. По сути, осуществление таких видов контроля является незаконным, отмечают в Министерстве экономического развития РФ. Так, в регионах обнаружено семь видов незаконного контроля, которые вообще не упомянуты в федеральном законодательстве» [2].

Между тем, финансовый контроль представляет собой одно из ключевых направлений регулирующей и контролирующей деятельности власти на региональном уровне. Исследователи определяют «региональный финансовый контроль как деятельность системы органов внешнего финансового контроля на уровне субъектов РФ и муниципальных образований, уполномоченных законодательной (представительной) властью и от её лица следить за соблюдением законодательства в процессе собирания, распределения, перераспределения и использования денежных средств государства и муниципальных образований, а также эффективностью использования регионального имущества» [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что существующая система финансового контроля на региональном и муниципальном уровне требует совершенствования за счет проведения мероприятий, направленных на повышение эффективности функционирования контрольных органов, расширение их полномочий и нормативно-правовой базы, обеспечивающей возможность контрольной деятельности. Однако данные задачи представляются возможными лишь в контексте общих модернизационных мероприятий в сфере муниципального управления.

Особое значение в системе муниципального управления имеет административный контроль, который выполняют различные исполнительные структуры в муниципалитете. Высшие чиновники администрации и других учреждений, осуществляющих управленческую деятельность, должны вести строгий и постоянный контроль за качеством и содержанием работы сотрудников, проверять на предмет соответствия законам и эффективности. Поэтому руководители органов управления наделены правом вмешиваться в деятельность подчиненных и отменять принятые ими решения, в том случае, если они противоречат законодательству или лишены практической целесообразности.

Оптимальным вариантом в данной ситуации является сотрудничество администрации с общественными организациями и объединениями граждан, которые могут стать действительно эффективным помощником государственным контролирующим органам, более того - помощником, не менее эффективным, нежели региональные или муниципальные подразделения исполнительной власти. Тем более, что в современном законодательстве Российской Федерации отражена также возможность осуществления контроля деятельности муниципальных учреждений со стороны институтов гражданского общества [4].

Но, к сожалению, пока возможности подобного контроля весьма ограничены, поскольку демократические традиции в России слабы, а государство предпочитает позиционировать себя в качестве эффективного игрока на политическом поле: и на федеральном, и на региональном, и на местном уровнях. Данная ситуация нуждается в срочном исправлении, поскольку представительные органы муниципальной власти формируются посредством выборов, в которых принимают участие обычные гражд-

дане. Следовательно, муниципальная власть должна выражать непосредственные интересы населения и нести ответственность за свою деятельность перед населением.

Выполнять функции по общественному контролю действий власти имеют право граждане, проживающие на территории муниципального образования, различные общественные организации, объединения и пр. В случае выявления каких-либо нарушений возможно обращение в представительный орган, который также осуществляет контролирующие функции, или в суд.

В соответствии с действующим законодательством гражданам предоставлено также право индивидуального и коллективного обращения в муниципальные органы и к компетентным чиновникам. В свою очередь представители местного самоуправления обязаны предоставлять гражданам достоверную информацию о действиях, предпринятых органами местного самоуправления и о проведении особых публичных слушаний, на которых обсуждаются насущные проблемы муниципального образования. Такие слушания носят обязательный характер.

В то же самое время закон умалчивает о праве местного населения непосредственно контролировать работу органов и чиновников муниципального самоуправления. Дело в том, что вышеперечисленные возможности: публичные слушания, принцип гласности - это лишь отдельные элементы контроля. Хотя необходимо заметить, что в ряде документов общенационального значения (законах, кодексах) прописаны конкретные положения, которые предусматривают прямое участие граждан в деятельности по принятию решений.

В уставах городов и муниципальных образований содержатся положения, в которых отражена возможность местного населения участвовать в обсуждении и разработке различного рода программ, проектов, нормативных актов и стратегических программ развития и модернизации. Предусмотрено также право участия в рассмотрении местных бюджетов и открытых заседаниях выборного органа местного управления и различных комитетов, сотрудничающих с ним. Однако зачастую все эти возможности существуют лишь на бумаге и никак не реализуются в реальности.

Общезвестно, что многие представители местных администраций не испытывают ни малейшего желания отчитываться перед кем бы то ни было в своих действиях и решениях, а потому всячески препятствуют осуществлению общественного контроля. Многие должностные лица убеждены, что функцию контроля может выполнять только власть, а участие населения в управленческой деятельности и принятии решений должно сводиться лишь к участию в выборах в представительный орган местного самоуправления. Общественный контроль основан на совершенно ином принципе. Деятельность представителей местной власти должна быть абсолютно гласной и открытой, поскольку основная цель работы местных чиновников - удовлетворение насущных потребностей и соблюдение интересов населения, создание благоприятных условий жизни на всей территории муниципального образования. Вот почему местные власти должны оправдывать доверие граждан и нести ответственность перед обществом.

В ряде городов нашей страны уже сформированы структуры, осуществляющие функции общественного контроля деятельности органов местной власти. Но большая загвоздка состоит в том, что в массе своей эти структуры не имеют четкого правового статуса, закрепленного законодательно. Уставы муниципальных образований должны, безусловно, содержать в себе положения, раскрывающие возможные механизмы осуществления контроля деятельности муниципальных властей местными жителями и общественными организациями.

Огромное значение на практике имеет контроль функционирования органов местного самоуправления со стороны государства, которое, с одной стороны, не может открыто влиять на решение местных вопросов и проблем, но и оставлять без контроля деятельность муниципальных органов и чиновников не должно. Необходимо помнить, что любой вид административного контроля следует осуществлять в строгом соответствии с положениями Конституции, предусматривающей возможность государственного вмешательства лишь в крайних случаях. Такое вмешательство может быть оправдано, если оно вызвано по-настоящему серьезными причинами, когда уже испробованы все остальные средства.

Все вышесказанное не означает, что государство не должно контролировать выполнение местным самоуправлением переданных ему функций и полномочий государственной важности. Органом, который занимается общим надзором соответствия деятельности органов местной власти и чиновников действующему законодательству, является прокуратура. В том случае, когда обнаружены не соответствующие закону постановления и акты местной власти, прокурор должен утвердить протест на эти акты и донести его до принявшего их органа или должностного лица. Причем протест должен быть рассмотрен в течение десяти дней, желательно, на ближайшем заседании выборного органа местного самоуправления. Если последний отклоняет протест, прокурор обращается в суд.

Устав муниципального образования тоже проверяется на предмет соответствия федеральному законодательству. Контроль этот осуществляет специальный орган юстиции. Наделенные специальными полномочиями органы государственной власти осуществляют контроль реализации органом местного самоуправления полномочий, делегированных им государством.

Контроль над функционированием органов муниципального управления в различных сферах и отраслях производят специальные федеральные службы, ведающие санитарным, водным, лесным, рыбным и пр. надзором.

Согласно законодательству Российской Федерации, региональный контроль осуществляется органами власти и управления в соответствии с двумя видами полномочий, которыми наделены органы власти и управления субъекта Федерации - собственными полномочиями субъекта Федерации и делегированными полномочиями, т.е. полномочиями, передаваемыми субъекту Федерации федеральными органами государственной власти и управления [5, с.4].

Деятельность контролирующих органов региональной власти и управления направлена на улучшение показателей проводимой муниципальными властями политики в интересах как государства в целом, так и граждан, проживающих на территории муниципального образования, государственных и негосударственных структур и организаций, действующих на территории муниципального образования.

В докладе «Региональный и муниципальный контроль в Российской Федерации», опубликованном в 2012 г. и отражающем современные изменения в структуре муниципального и регионального управления, обозначаются контуры возможного совершенствования системы регионального и муниципального контроля в РФ за счет минимизации контрольных функций региональной власти [5, с.68].

Подчеркивается, что региональные власти в настоящее время не обладают соответствующим ресурсным потенциалом, достаточным для реализации в полной мере тех контрольных функций, которые возлагает на них государственное законодательство. В этой связи предлагаются следующие методы решения данной проблемы:

Ликвидация положений федерального законодательства, утверждающих необходимость осуществления региональными органами власти и управления контроля

обеспечения качества. Это мероприятие затронет такие направления контрольной деятельности как государственный контроль в сфере племенного животноводства, семеноводства, готовностью транспортных средств, передаваемых Вооруженным силам РФ и другим силовым структурам и ведомствам в период мобилизации и военного времени (при этом контроль за этой сферой остается в составе полномочий Министерства обороны РФ).

Предоставление субъектам Федерации полномочий по самостоятельному усмотрению участия региональной власти в контроле в следующих сферах: региональный надзор в игорном бизнесе и проведении лотерей (при сохранении контрольных функций федеральных структур исполнительной власти); надзор за состоянием самоходных машин и иных видов техники (отказ от практики регионального контроля за техническим состоянием неопасных транспортных средств).

Отказ от практики осуществления региональными структурами власти и управления контрольно-надзорных функций в тех сферах деятельности, где наличие таковых не предусмотрено законодательством.

В то же время, предлагается отказ региональных властей от контроля в тех сферах деятельности, которые находятся в компетенции органов муниципальной власти и управления. Специалисты отмечают недостаточную оперативность процесса оптимизации системы государственного, регионального и муниципального контроля. В докладе подчеркивается, что «темпы принятия административных регламентов исполнения функций регионального контроля недостаточны. Если они сохранятся, то административная регламентация таких функций будет закончена в лучшем случае через 5-7 лет. Для ускорения разработки и принятия данных актов необходимо включить в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» положения, устанавливающие обязанность органов власти субъектов Российской Федерации разработать и принять административные регламенты исполнения функций регионального контроля» [5, с.70].

Оптимизация государственного контроля деятельности органов местного самоуправления представляет особую значимость для тех сфер деятельности муниципальных структур, в которых необходимо как можно более плотное сотрудничество государственных органов федерального и регионального уровня с местными структурами власти и управления. Среди данных сфер деятельности, в первую очередь, следует назвать финансово-экономическую, поскольку государство и муниципальные образования находятся в постоянных и не всегда простых финансовых отношениях.

В силу специфики своего формирования местное самоуправление, по мнению ряда исследователей, практически отстранено от гражданского контроля (снизу), а также от политического контроля (сверху). По этой причине те области жизнеобеспечения населения, которые теоретически относятся к местному самоуправлению, на практике оказались бесконтрольными - они выведены за рамки одного контроля и не поставлены под какой-либо иной. Это привело к тому, что в России местное самоуправление стало некой «серой зоной», где формируется множество социальных патологий.

То есть в современной российской системе местного самоуправления до сих пор существует большое количество серьезных упущений и недоработок, а значит,

вопрос совершенствования инструментов ответственности органов власти местного самоуправления, непосредственно влияющих на деятельность системы местного самоуправления, по-прежнему не утратил своей актуальности.

Размытость правовых решений этого вопроса провоцирует серьезные политические риски. На основании вышесказанного предлагаем определить перечень главных составляющих, обеспечивающих полноценную работу правовой системы ответственности органов власти муниципальных образований:

механизм, регулирующий и обеспечивающий ответственность перед местным населением;

- механизм, определяющий ответственность перед государством;

механизм, призванный обеспечивать в отношении органов власти муниципальных образований муниципальный внутрисистемный контроль и управление.

Устин Богачев, говоря о проблемах совершенствования системы местного самоуправления в Российской Федерации, подчеркивает, что «Непеременными элементами такой системы контроля должны стать: контроль со стороны федеральных, региональных органов власти, внутренний самоконтроль и мониторинг собственной деятельности, гражданский контроль. Сферы контроля должны быть определены в соответствии с принципом разделения властей, самостоятельности местного самоуправления, и в первую очередь, должны быть направлены на защиту интересов и прав граждан. Широкое распространение должны получить элементы самоконтроля в органах местного самоуправления» [6].

Укрепление и развитие муниципальных образований с позиции экономической самодостаточности в первую очередь нуждается в структуризации органов местного самоуправления, основанной на трех организационных подсистемах - политической, «нормативной правовой» и административно-хозяйственной. Организуемая руководителем муниципального образования политическая подсистема диктует цели управления, стратегическую направленность работы, координирует распределение финансовых потоков, управляет гарантированными и доступными общественными благами (например, образованием, здравоохранением, и т.д.), осуществляет должностные назначения.

Сегодня муниципальное управление по-прежнему оказывается в зависимости от региональных властей в силу присутствия в политическом процессе России целого ряда факторов:

политических мотивов, особенно в ситуации, когда региональные элиты стремятся прояснить свои позиции по отношению к центру и местной власти;

экономических причин в ситуации, когда контроль муниципального уровня реализуется только под контролем его ресурсов и финансов;

слабоэффективной системы менеджмента, деформированными системами контроля и ответственности, о чем свидетельствует избыточная централизация регулирующих и контрольных функций на федеральном уровне.

Региональные политические элиты стремятся полностью контролировать муниципальные органы власти, в первую очередь, потому, что не хотят терять колоссальные возможности, которыми обладают в сфере распределения финансовых потоков и получения прибыли от действующих на территории муниципальных образований предприятий, использования ресурсов и т.д. Естественно, что региональные политические элиты стремятся поднять под себя муниципальное управление, тем самым минимизировав влияние граждан на управленческие процессы.

Для модернизации политической системы российского государства данный процесс имеет ярко выраженные негативные последствия, поскольку препятствия,

чинимые муниципальным органам, в конечном итоге способствуют стагнации демократического развития российской политической системы, в особенности на региональном уровне. Целый ряд регионов страны отличается крайне авторитарными моделями управления (Северный Кавказ, национальные республики Поволжья и Сибири), при которых региональная власть получает практически неограниченный контроль над муниципальными образованиями, а федеральная власть предпочитает в эти отношения не вмешиваться, чтобы не потерять лояльность региональных (республиканских) элит, опасаясь роста центробежных и сепаратистских тенденций.

В процессе изучения политических механизмов муниципального управления не следует обходить вниманием проблему партийно-политического представительства на местном уровне власти. Этот вопрос был освещен в Послании Президента РФ 2008 г., а также нашел свое отражение в ряде законопроектов, которые были вынесены на рассмотрение Государственной думы осенью 2008 г. Очевидно, что масштабное распространение пропорциональной (и смешанной) избирательной системы не только усилит ответственность данных структур перед гражданами и повысит профессиональную компетентность депутатского корпуса, но и будет способствовать становлению политического плюрализма и многопартийности на этом уровне публичной власти [7].

То есть, мы можем сделать вывод, что контроль деятельности муниципальных органов власти и управления на региональном уровне может осуществляться и парламентскими партиями, действующими на территории региона и имеющими места в законодательных органах субъекта Федерации. Депутаты законодательного органа, тем самым, получают возможность регулирования деятельности как муниципальных структур, так и региональных органов исполнительной власти, ответственных за реализацию контрольно-надзорных функций на региональном и муниципальном уровне.

Чем большими полномочиями обладают законодательные органы региона в процессе принятия и реализации управленческих решений и контроля за их исполнением, тем выше качество контроля и уровень участия граждан в системе управления территориальными образованиями. Граждане получают возможность участвовать в контрольно-надзорной деятельности посредством участия в деятельности политических партий и движений на региональном уровне, что повышает гражданскую активность и ответственность, способствует привлечению активных избирателей к участию в управлении.

Таким образом, политические партии и их отделения в регионах и муниципальных образованиях, могут выступать в качестве одного из важных инструментов самоорганизации и самоуправления граждан в Российской Федерации, хотя в настоящее время это и значительно затруднено, учитывая слабость отечественной парламентской и партийной системы, в особенности на низовом, региональном уровне.

Завершая статью, мы можем подвести следующие основные выводы.

Непродолжительность существования демократической муниципальной системы управления в современном российском государстве обуславливает малую эффективность регулирования и контроля деятельности муниципальных управленческих структур, в первую очередь - на региональном уровне. Взаимоотношения государства, органов власти субъектов Федерации и муниципальных структур власти и управления носят командно-административный характер, муниципальная власть воспринимается в качестве низшего уровня вертикали власти, что предопределяет директивный характер политики регулирования деятельности муниципальной власти. Региональный уровень регулирования и контроля над муниципальным управлением

характеризуется следующими тенденциями: слабой проработанностью нормативно-правовой базы; неразвитостью системы взаимодействия государства, регионов и муниципалитетов; хаотичностью контрольно-регулирующих мер в отношении муниципалитетов; слабостью органов, призванных осуществлять регуляцию и контроль на региональном уровне.

Развитая система регионального регулирования муниципальной власти и управление подразумевает наличие трех направлений ответственности муниципалитетов за проводимую политику: перед государственной властью, перед населением муниципального образования и внутримunicipальной ответственности. Неразвитость данных механизмов ответственности в современной России влечет за собой такие негативные тенденции как превращение системы регулирования в систему командного администрирования, при практической невключенности населения в управленческую деятельность муниципалитетов (последнее фактически обесмысливает саму сущность муниципального управления как представительства интересов граждан). Соответственно, возникает необходимость проведения оптимизационных мероприятий в сфере регулирования муниципального управления.

Литература

1. Кузнеценкова В.Е. Принцип системности - основа государственного и муниципального финансового контроля // <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=23&art=410>

2. Березина Е. Контролерам урежут полномочия // <http://www.rg.ru/2011/12/13/kontrol.html>

3. Ялбулганов А.А., Лагутин И.Б. Модернизация системы органов регионального финансового контроля (финансово-правовой аспект) // Государство и право. 2010. № 12. С. 50.

4. Гафаров А.Р., Комаров А.Г. Контроль в системе государственного и муниципального управления // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2203>

5. Ковтун Е.В. и др. Региональный и муниципальный контроль в Российской Федерации. М., 2012.

6. Богачев У. А. Инновационные основы оптимизации российской системы местного самоуправления в условиях реформирования политико-административных отношений. Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2010. С. 11.

7. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.riocenter.ru/ru/programs/doc/3928>

УДК 323.3

Швец М. В.

Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели

В статье анализируются новые модели теневых субъектов политических процессов (нестандартная и парадоксальная), порожденные глобальными процессами гендерной и квазигендерной эмансипации. Автор дает оценку политических угроз со стороны квазигендерных групп и движений.

Ключевые слова: гендерная парадигма в политике; модели теневых субъектов в политике; стандартная, нестандартная, парадоксальная модели; гендерная и квазигендерная эмансипация; квазигендерные группы.

В современных глобальных, региональных и, во многих случаях, локальных политических процессах доминирующей выступает установка на демократизацию, публичность, прозрачность, открытость. В то же время наличие закрытости, тайного, избранного или, как можно обобщенно выразиться, теневого компонента в политике со временем вряд ли убывает. Меняются формы, способы мотивирования теневой политической деятельности. Однако в силу ряда онтологических причин теневая сторона в политике, как и представляющие ее коллективные и индивидуальные субъекты, сохраняются. В ряде исследований Ростовской элитологической школы на это обращалось серьезное внимание [1]. Речь идет о таком компоненте, который призван поднять или сохранить конкурентоспособность в политике; или же – о политической тайне, секрете – своеобразных аналогах коммерческой, финансовой тайны. В то же время практически все действия, относимые к угрозам государственной и национальной безопасности, готовятся и осуществляются первоначально в теневом политическом режиме. Деятельность оппозиционных, в особенности радикальных политических сил, опирается на значительный элемент закрытости. То же касается политического обеспечения теневой и неформальной экономики (лоббирование на уровне парламентов и правительств), и все это – классический вариант (модель) теневой политики.

В репрезентации теневой политики и ее субъектов мы встречаемся с различными моделями тенефикации. На наш взгляд, целесообразно выделить три основных модели теневых политических субъектов: стандартную, нестандартную, парадоксальную.

К стандартной модели следует отнести постоянно воспроизводящиеся в политических отношениях и процессах ситуации, востребующие закрытость: столкновение политических интересов в межгосударственных отношениях, продуцирующее создание разведок, тайной дипломатии, военных формирований, ведущих свою деятельность в закрытом и секретном режимах; уже отмеченные ранее акции политического лоббизма, которые в подавляющем числе государств не регулируются соответствующими правовыми актами; борьба правящих партий и режимов с оппозиционными силами вне правового поля и т.п. В основе стандартной модели теневых субъектов и их деятельности лежит в первую очередь устремленность к обладанию политической властью, обеспечение ее стабильности и сохранение целостности государства и его позиционирования в мире; использование политической власти в качестве ресурса в обеспечении экономических и статусных интересов.

В то же время в современных политических процессах присутствуют и получают свое развитие субъекты, основные интересы которых не связаны и не направлены на обладание политической властью, а лишь осуществляют прессинг на нее с целью защиты своих витальных, духовных, культурных интересов, возможностей самореализации. Такие субъекты лишь в силу сопротивления и инертности власти выходят на арену политических отношений, и их действия, как правило, не носят и не приобретают насильственного характера. Такие субъекты, действующие первоначально непублично, неформально следует отнести к нестандартной модели.

В то же время в эпоху глобализации появляются неформальные (непубличные) субъекты, которые вообще дистанцируются от власти и применительно к участию в политике занимают абсентеистскую позицию. Они составляют парадоксальную модель. Тем не менее в силу синхронизации социально-политических и социокультурных процессов в глобальном мире, казалось бы вопреки своим принципам и воле, такие субъекты втягиваются в политические процессы, либо, что тоже имеет

место, становятся объектами политических манипуляций – их используют в политических целях другие теневые и публичные субъекты.

Остановимся на последних моделях – нестандартной и парадоксальной.

Здесь наиболее наглядный и значимый процесс связан с повышением социально-политической роли женщин. По-существу данный процесс развернулся только в XX веке и набрал значительный ход к его концу – началу XXI в. Это нашло свое отражение и в формировании одной из новых парадигм, подходов в современной политической науке – гендерной [2].

Позиционирование гендерного подхода, гендерных исследований характерно и для ряда других социально-гуманитарных наук (социология, психология, педагогика, менеджмент и др.).

Следует подчеркнуть, что последователям данного подхода в разных отраслях гуманитарного знания присуща общая позиция: «Последователи гендерного подхода... исходят из следующего положения – не пол, то есть биология и природа, а гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, интересы, занятия мужчин и женщин. Формирование этих различий происходит посредством социализации, воспитания, через культурные традиции, обычаи, правовые и этические нормы конкретного общества. Существующие биологические различия не являются решающими, а представляют лишь основания для конструирования мужской и женской личности. Мужские и женские модели поведения и идентичности – это продукт культуры общества» [3, с. 7].

Подчеркнем, что ускорение развития нестандартной и парадоксальной моделей инициируется общецивилизационным сломом, подводящим к развитию процесса глобализации. Речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями [4, с. 8-31].

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960-1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоциируются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда. В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки потенциально-соперничества мужчин и женщин были социально жестко фиксированы. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельностей. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляриза-

ции мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть.

Также произошла семейная революция. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху. В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. Меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI в. однополые браки полностью узаконили 13 стран, во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств».

Возвращаясь к нестандартной и парадоксальной моделям, подчеркнем, что гендерные группы обычно определяются как устойчивые социально-психологические общности людей, члены которых, осознавая себя как мужчины и женщины, разделяют и репрезентируют нормы полоспецифического поведения [5]. Однако в системе гендерных отношений люди не только разделены на мужчин и женщин, они при этом разделены на гетеро- и гомосексуалов. В этом случае уместно говорить о гендерных и квазигендерных группах.

Специфика заключается в том, что, в то время как гендерные проблемы практически во всемирном масштабе и уже достаточно длительный промежуток времени признаются актуальными и требующими немедленного решения. В то время как проблемы, связанные с нетрадиционной сексуальной ориентацией и иной гендерной идентичностью до сих пор встречают глухое непонимание и откровенную враждебность. Мы уже подробно освещали этот аспект ранее [6-7].

В итоге, мы можем определить квазигендерные группы как группы сексуальных меньшинств, не имеющих статуса гендерных групп, каждая из которых объединена на основе определенного образа жизни и собственного культурного производства сексуального поведения, подвергается социальному осуждению и дискриминации со стороны гендерного большинства, что в большей или меньшей степени проявляется в различных культурах и в разные исторические эпохи, и с течением времени стремится к культурной и политической идентификации. По нашему мнению, именно квазигендерные группы действуют в режиме парадоксальной модели.

Эмансипация сексуальных меньшинств, в том числе через политический активизм и конструирование собственной позитивной идентичности, началась как ответ на политическую и социальную дискриминацию. XX век был веком эмансипации.

Процесс эмансипации неизбежно изменяет сущность ее субъекта, вынуждает его быть другим вместо того, чтобы быть самим собой [8].

Исследователи выделяют несколько универсальных стадий институционализации меньшинств (эмансипации) в пространстве политического:

1) дискриминация, обладающая множеством модификаций – сексизм, андроцентризм, виктимизация, семитизм, расизм, ксенофобия, гетероцентризм, апартеид, инквизиция, рабство, холокост и т.п. Помимо прямого угнетения и стигматизирования, дискриминация предполагает и субординацию, подчиненность меньшинств

большинству, проявляющуюся (Р. Парк) в механизме политической эксклюзии, когда меньшинства исключаются из сферы публичной политики;

2) «выход из подполья», что сопровождается политической мобилизацией меньшинств, проникновением в общественно-политическое поле (первоначально – в ранге неформальной практики), конструированием собственной идентичности, свободной от господствующих предрассудков и нацеленной на сохранение аутентичного статус-кво, выработкой требований по искоренению дискриминации и признанию за ними гражданских, культурных, политических прав наравне с доминирующей частью общества;

3) легитимация – как включение вопроса меньшинств в общественно-политическую повестку дня, когда он широко дебатруется на официальном уровне – либо на базе международных организаций, либо в пространстве внутренней политики. Тем самым, признается наличие того или иного меньшинства, обладающего особым набором характеристик.

В 1980-2000-х гг. в публичный дискурс постепенно вовлекаются женщины и гомосексуалы, образующие собственные штудии (women, gender, gay-lesbian, queer), ориентированные на апологетику, поиск механизмов самоидентификации, которые сегодня задают ритм исследованиям, посвященным гендерным аспектам функционирования политических систем, неосексуальным механизмам политического участия;

4) легализация, когда речь идет о юридическом признании, нормативном закреплении статуса и прав меньшинств. Это признание может быть относительно полным, когда за представителями меньшинств закрепляется весь перечень гражданских прав, присущий большинству и законодательно пресекаются любые попытки дискриминации, и частичным – например, декриминализация гомосексуализма в России, но, при этом, действует запрет на юридическую регистрацию политических образований гей-сообщества и молчаливое поощрение физического и морального прессинга [9].

Как считает ряд исследователей, политическая субъективация квазигендерных групп может выражаться в таких направлениях их деятельности, как манифестации и митинги, проведение просветительских мероприятий и публичных акций, направленных на снижение уровня гомофобии в обществе; лоббирование изменений в законодательстве и государственной политике; выступления в СМИ и создание профильных СМИ и т.п.

Однако все это представляется возможным интерпретировать как проявление деятельности квазигендерных групп в качестве теневых субъектов политики, но никак не ее полноправных субъектов. Иначе говоря, за годы существования постсоветской России группы с нетрадиционной гендерной идентичностью оформились в ЛГБТ-сообщество, проявляющее себя в качестве самостоятельного теневого субъекта внутренней политики и общественной жизни, а квазигендерные группы сами по себе также выступают как самостоятельные теневые субъекты. Но при этом они не обладают достаточными ресурсами и потому даже в качестве теневых субъектов не способны оказывать влияние на принятие политических решений. Вместе с тем, внутренняя политическая позиция носит нейтральный или даже абсентеистский характер.

При этом политическая власть рассматривается не как враг, которого нужно свергнуть, а как оппонент и/или партнер для решения общественной проблемы [10, с. 93].

В этом смысле ЛГБТ-движение может быть названо «*независимой гражданской инициативой*», поскольку в него входят гражданские группы и гражданские организации, созданные людьми, обладающими «*психологией граждан*». То есть, это люди (граждане), способные образовать «гражданское пространство смыслов и дей-

ствий» (гражданскую сферу), готовые учитывать не только личный, групповой или корпоративный, но и *общественный интерес*, и способные действовать для реализации подобного общественного интереса (решения общественных проблем), а, значит, вызывать тем самым глобальные социальные изменения, пусть и на очень локальном уровне, делая ситуацию чуть более справедливой» [10, с. 93-94].

Квазигендерные группы в общественной жизни и политической реальности в качестве теневого субъекта могут проявлять себя через самые разнообразные формы и направления. Применимо к нашей исследовательской ситуации речь идет не только о неформальных политических практиках в пространстве конструирования и воспроизводства основных способов существования субъектов политики, но и о группах интересов, не имеющих возможности к полноправной политической деятельности или хотя бы политическому участию. Да, собственно и не стремящиеся к этому на своем массовом уровне (что касается элитного уровня, то однозначной информации здесь нет, но есть немало субъективных свидетельств, говорящих об иных близких к стандартной модели проявлениях теневого элитного квазигендерных групп [например: 11, с. 143-157]).

Исходя из обозначенных выше теоретических подходов и методических ориентиров, актуальность введения в политическую науку понятия «квазигендерные группы» в его соотнесенности с категорией теневого субъекта политических процессов заключается в том, что использование данного понятия может послужить успешному разрешению ряда теоретических и политико-прикладных проблем, осуществить более адекватный анализ процессов, протекающих в обществе, концептуализировать политическую эмпирику в общем тематическом пространстве функционирования политических процессов.

Говоря о зоне распространения ЛГБТ-движения, выделяют четыре уровня: *глобальный, региональный, национальный и локальный*. На глобальном уровне ЛГБТ-движение объединяется в несколько крупных организаций (*ILGA, InterPride, IGLYO* и др.) и ряд не очень крупных международных организаций. Региональные организации объединяют ЛГБТ-организации и инициативы больших регионов, например Азиатско-Тихоокеанского, Европы, Африки, Южной Америки, Северной Америки. Национальный уровень ЛГБТ-движения – это как большие национальные организации в конкретных странах, так и ассоциации, объединяющие различные организации в рамках одного государства. Локальный уровень ЛГБТ-движения – это уровень местных организаций и инициатив [10, с. 97].

Под ЛГБТ-движением понимается социально-культурное *движение за права сексуальных и гендерных меньшинств*, которое стремится добиться изменений в законодательстве, обществе и культуре, направленных на обеспечение прав сексуальных и гендерных меньшинств, на искоренение гетеросексизма, гетеронормативности, гомо- и трансфобии. Иными словами, ЛГБТ-движение включает в себя наиболее активную часть ЛГБТ-сообщества.

Что касается ситуации в России, то здесь деятельность квазигендерных групп в последнее время все более явно вписывается в глобальную стратегию развития ЛГБТ-движения, где отражаются трудности в его деятельности, связанные с социально-политической неопределенностью в обществе, и ставятся задачи преодоления этих трудностей.

В январе 2008 года в Москве состоялся «круглый стол» ЛГБТ-активистов и представителей правозащитных организаций. По итогам этой встречи был принят проект «Основных положений стратегии развития ЛГБТ-движения в России». Этот

документ, по замыслу авторов, должен стать основой для дискуссии о настоящем и будущем ЛГБТ-движения в России, его ближайших целях и методах.

В Стратегии развития определены следующие цели деятельности: 1) помощь в преодолении внутренней гомофобии и трансфобии, 2) содействие удовлетворению социальных и духовных потребностей ЛГБТ, 3) повышение организованности и солидарности сообщества [12].

В России гомосексуальные отношения уголовно не преследуются с 1993 г. Этот шаг по их декриминализации был осуществлен в основном под давлением международного общественного мнения с целью обеспечить вступление России в Совет Европы. Окончательно данное решение было закреплено в новом Уголовном Кодексе РФ, вступившем в силу с 1 января 1997 г.

В целом же, отношение к гомосексуализму и гомосексуалам в РФ крайне неоднозначное. С одной стороны, это политическая гомофобия – позиция ряда общественных организаций, партий, государственных и партийных деятелей, выступающих против пропаганды гомосексуальных отношений; мнение ряда известных российских сексологов, считающих гомосексуальность нарушением психосексуальной ориентации по полу объекта; принципиальная позиция Русской православной церкви (РПЦ) и других религиозных конфессий России, которые считают гомосексуализм тяжким грехом. С другой стороны, усилия, направленные на изменение отношения к гомосексуальности, в основу которого положено представление о ней как о варианте нормы [13, с. 135].

По оценкам видного отечественного ученого проф. И.С. Кона, специфическая черта российской политической гомофобии – ее резко выраженная антизападная направленность. То, что в начале нового тысячелетия Россия и Запад стали политически и идеологически развиваться в противоположных направлениях, совершенно не зависит от сексуальных меньшинств, но сильно влияет на их положение. На Западе после завершения процессов декриминализации и депатологизации сексменьшинства стали бороться за признание своих гражданских и человеческих прав и при поддержке демократических сил добились в этом значительных успехов. В России геи перестали быть преступниками и больными, но никаких прав и гарантий безопасности не получили [14].

Гомофобия в России в последнее время стала даже нарастать. Тем не менее, 31 марта 2010 г. Комитет Министров Совета Европы, представленный национальными правительствами 47 стран-членов, единогласно принял «Рекомендации по мерам преодоления дискриминации по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности». Это первое в мире межправительственное соглашение о мерах по обеспечению прав геев, лесбиянок и трансгендеров. Документ содержит перечень конкретных шагов в таких сферах, как: преступления на почве ненависти и речи ненависти; свобода объединений, выражения и мирных собраний; право на уважение частной и семейной жизни; трудоустройство; образование; здравоохранение; жилье; спорт; право на убежище. «Комитет министров принял свои Рекомендации консенсусом. Это означает, что с ними согласилась и Россия», – заявил по этому поводу председатель Российской ЛГБТ-Сети И. Кочетков [15].

Однако в связи с принятием резолюции в поддержку прав сексуальных меньшинств на сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Русская газета» от 29 апреля 2010 г. рассказала о неформальной гомофобной позиции российской делегации. Оказывается, парламентарии России вступили в сговор с клерикальными гомофобами в ПАСЕ, а права ЛГБТ-граждан выступили для российских депутатов в качестве средства для торга ради достижения иных политических целей.

Иллюстративно яркой, характерной и официально публичной в этом плане является четкая позиция, которую обозначил Президент РФ В.В. Путин на итоговой пресс-конференции 4 июня 2013 г. по итогам саммита Россия–ЕС в г. Екатеринбурге: «Я считаю, что в целом у нас законодательство весьма либерально в этом плане, никакой дискриминации. Люди любых предпочтений у нас работают, делают карьеру, мы их признаем на государственном уровне за конкретные дела. Я считаю, что проблем здесь никаких нет. Все мы должны быть более толерантными. И проявлять меньше агрессии. Это касается как людей традиционной, так и нетрадиционной ориентации. Поменьше выпячивания... Что касается закона об ограничении усыновления в однополые семьи – пока такого законопроекта у меня нет, я его не видел. Если будет принят парламентом – я его подпишу» [16].

Подводя итоги нашему анализу, подчеркнем следующее:

1. Глобальные политические процессы в современном мире вызвали тектонические сдвиги не только в развитии технологий, массовых коммуникаций, финансовой деятельности, формировании инновационных сетей, но и в сфере межличностных, семейных, межэтнических и иных отношений. Одним из мощных проявлений выступила гендерная эмансипация и самая ее неординарная последняя волна – квази-гендерная эмансипация.

2. Глобализация трансформировала пространство публичной и непубличной, теневой политики, синхронизировав и ускорив процессы политического развития. В то же время на политическую арену вышли новые субъекты публичной и теневой политики. Мы обратили внимание на разнообразие моделей субъектов теневой политики: стандартную, нестандартную, парадоксальную.

3. Конкретные проявления нестандартной и парадоксальной теневой субъектности мы проанализировали на примере позиционирования квазигендерных групп. Типичной их чертой выступает правозащитная направленность и создание условий самореализации в общегражданском контексте. Как теневые субъекты квазигендерные группы не обладают собственным политическим потенциалом, и на массовом уровне для них не характерна устремленность во власть. Это составляет суть парадоксальной модели: включение в политические отношения без нацеленности на доминирование в них и даже при преобладании абсентеистских установок.

4. Включенность в политические процессы по образцу парадоксальной модели создает благоприятствующие условия для политического манипулирования квазигендерным движением: со стороны глобалистских центров – с целью создания видимости (а, может быть, и не только) оппозиционных российской власти сил и давления на российскую власть; со стороны российских политических акторов – для создания образов врага, «пятой колонны», для создания эффекта мнимой мобилизации масс, их разделения на «своих» и «чужих» и т.п.

5. Россия уже включена в глобальный процесс квазигендеризации, находясь в его арьергардной части. Поэтому включение в гендерную и квазигендерную эмансипацию будет идти меньшими темпами, захватывая значительно меньшую часть претендентов на квазигендерную самореализацию, нежели в западном анклаве глобализации, что создает условия для миграционных перемещений из России части квазигендерных групп.

6. Как парадоксальный теневой субъект в политике квазигендерные группы не представляют реальной силы и опасности для существующей системы политической власти. Однако могут быть использованы в качестве объекта политических манипуляций

Литература

1. См., например, кандидатские диссертации, защищенные в диссертационном совете СКАГС (ЮРИФ РАНХиГС) по политическим наукам: В.А. Воронов. «Феномен теневой власти в современном политическом процессе России» (2002 г.); Н.В. Кадурина. «Влияние конспирологических концептов на репрезентацию политических процессов» (2013 г.).
2. Новые направления в политической науке. Пер. с англ. М., 1999.
3. Козлов В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология. – СПб.: Речь, 2010.
4. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. - СПб.: Изд-во С-Петербур. унта, 2011.
5. Клёцина И.С. Психология гендерных отношений: концептуализация и эмпирическая иллюстрация макроуровня // <http://www.humanpsy.ru/>
6. Швец М.В. Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
7. Швец М.В. Инкорпорирование квазигендерных групп в общественную жизнь и политический процесс // X Международные гендерные чтения. Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013.
8. См. об этом подр.: Танхилевский А.Г. Эмансипация как философская проблема // <http://articles.excelion.ru/>
9. Горшков А.С. Институционализация меньшинств в поле публичной политики. Автореф. дисс. ...канд. полит. наук. – Пермь, 2009.
10. Созаев В. ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования, 2010, № 20-21.
11. Звеньева А.А. Голубая элита России. – М.: Алгоритм, 2007.
12. Основные положения стратегии развития ЛГБТ-движения в России//<http://lgbtnet.ru/2008/>
13. Кочарян Г.С. Гомосексуальные отношения и современная Россия // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2009. № 1 (21).
14. Кон И. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. 2007. № 4 // <http://www.gay.ru/science/kon/research/kon/>
15. GayNews.RU
16. Путина достали однополые браки // МК-на-Дону. Московский комсомолец. 2013. 12-19 июня. № 25.

УДК 331.5

Агузарова Л.А.

Государственное регулирование трудовых потоков в условиях модернизации экономики депрессивного региона

В статье «Государственное регулирование трудовых потоков в условиях модернизации экономики депрессивного региона» исследуется одна из наиболее острых проблем регионов Северного Кавказа – проблема миграции трудоспособного населения, оказывающей существенное негативное влияние на процессы воспроизводства трудового потенциала территории и предлагаются инструменты государственного регулирования трудовых потоков.

Ключевые слова: миграционные процессы; государственное регулирование; социально-трудовой потенциал; депрессивный регион; трудовые потоки.

Несмотря на существующее мнение о том, что трудовые потоки не нуждаются в регулировании, поскольку их движение обусловлено рыночными механизмами и стимулирует повышение эффективности использования ресурсного потенциала регионов, с нашей точки зрения такой подход неверен. Основная задача процесса управления воспроизводством социально-трудового потенциала региона заключается в том, чтобы организовать движение трудовых потоков таким образом, чтобы максимально полно удовлетворить потребности региональной экономики в трудовых ресурсах в том объеме и того качества, которые позволят обеспечить реализацию стратегических целей модернизации экономики региона. При этом для привлечения и закрепления трудовых ресурсов на депрессивных территориях необходима активная государственная политика по созданию стимулов для развития основных трудопотребляющих производств, способствующих созданию новых рабочих мест в регионе (прежде всего для молодежи); ориентация системы профессионального образования на потребности регионального рынка труда с развитием системы целевой подготовки специалистов.

Содержание процесса государственного регулирования трудовых потоков включает:

- планирование потребности трудовых ресурсов требуемых квалификационных характеристик в определенном объеме;
- разработку и внедрение механизмов, стимулирующих движение трудовых потоков в направлении, имеющем стратегическое значение для развития региона;
- поддержание у населения мотивации к получению образования, проявлению предпринимательской активности на территории региона;
- мониторинг процессов учебной и трудовой миграции, прогнозирование изменений в состоянии регионального рынка труда и потребностей в специалистах (работниках) определенного профиля;
- контроль выполнения и корректировка планов развития социально-трудового потенциала региона.

Частично задачи развития социально-трудового потенциала региона, включая вопросы регулирования трудовой миграции, обозначены в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2005 года (раздел 2. Население и трудовые ресурсы, параграф «Демографическая ситуация, потенциал трудовых ресурсов и миграционные процессы») [1]. В ней отмечается наличие избытка трудовых ресурсов в СКФО. Для решения данной проблемы, в частности, по мнению полпреда президента в СКФО А. Хлопонина, предполагается необходимость обеспечения трудовой миграции 50-100 тыс. чел. в год в другие регионы РФ [2]. Вопросы привлечения трудовых ресурсов из республик СКФО для трудоустройства в субъектах РФ, не входящих в СКФО, рассматривались в ходе совещания, проводимого Рострудом 31 марта 2011 года. 28 апреля 2011 года была организована ярмарка вакансий для трудоустройства жителей республик СКФО на предприятиях Воронежской, Московской, Рязанской, Свердловской и Тверской областей [3]. При этом одновременно в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2005 года отмечается необходимость привлечения на постоянное проживание в регион русского населения из других регионов.

На наш взгляд, такой подход является не оправданным с точки зрения *стратегического* развития экономики региона, поскольку направлен на решение текущих

проблем снижения социальной напряженности. Действительно, в краткосрочном периоде миграция населения из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные приводит к снижению социальной напряженности на депрессивных территориях вследствие значительного притока денежных потоков и товарных ресурсов, создаваемых за пределами региона. Однако при этом на фоне положительных последствий трудовой миграции все больше проявляются ее негативные последствия, а именно, – рост гендерных диспропорций и изменение половозрастной структуры населения, поскольку в структуре миграционных потоков преобладают мужчины, а также население трудоспособного возраста. Кроме того, преобладающая часть населения, мигрирующего из республик Северного Кавказа, занята трудом, не требующим квалификации, или низкоквалифицированным трудом, выполняя виды работ наименее привлекательные для местных жителей.

Одновременно решение проблем формирования социально-трудового потенциала депрессивного региона путем привлечения рабочей силы извне сопряжено со значительными финансовыми затратами. Они включают денежные компенсации работникам в связи с переездом, предоставление льготных кредитов работодателям, создающим новые рабочие места для переселенцев, обеспечение работников жильем и т.д. Кроме того, следует отметить проблемы социальной адаптации мигрантов, сложности, связанные с особенностями национальной культуры, менталитета коренного населения (что особенно актуально для республик Северного Кавказа, отличающихся этнонациональным и конфессиональным многообразием).

Представляется, что в целях сбалансированного развития экономики депрессивных территорий целесообразно более полно использовать потенциал менее затратной внутрирегиональной трудовой мобильности, оптимизируя миграционные потоки с учетом приоритетов социально-экономического развития региона. Это также позволит уменьшить необходимость внешней миграции, приводящей к ослаблению потенциала местных трудовых ресурсов. В связи с этим целевыми ориентирами регулирования трудовой миграции в СКФО должны стать: сохранение имеющегося социально-трудового потенциала территории, возвращение вынужденных переселенцев, а также стимулирование процессов внутрирегиональной мобильности населения. Анализируя миграционную политику в СКФО, можно отметить наличие достаточно отлаженного механизма трудоустройства безработного населения в других регионах РФ, а также трудоустройства иностранных граждан на территории округа. С этой же целью с 1 января 2001 года в СКФО создано Межрегиональное управление Федеральной миграционной службы [4]. Вместе с тем следует отметить отсутствие единого подхода в регулировании потоков внутренней трудовой миграции. Представляется, что в связи с особым геополитическим положением, а также с учетом демографической ситуации необходимо, чтобы государственная политика СКФО в области трудовой миграции была направлена не только на содействие трудоустройству безработных граждан за пределами региона, но и на регулирование внутренних потоков трудовой мобильности населения. В связи с этим предлагается дополнить Стратегию социально-экономического развития СКФО до 2005 года, выделив направления реализации внутренней миграционной политики региона в отдельный раздел. Предложения по совершенствованию Стратегии приведены в таблице 1.

Таблица 1. Предложения по совершенствованию Стратегии социально-экономического развития СКФО

	Предлагаемые дополнения
Цели внутренней миграционной политики	<ul style="list-style-type: none"> • сохранение и восполнение социально-трудового потенциала региона; • повышение эффективности использования трудовых ресурсов региона за счет регулирования внутренней трудовой мобильности; • повышение миграционной привлекательности территорий, имеющих низкие показатели социально-экономического развития
Задачи внутренней миграционной политики	<ul style="list-style-type: none"> • разработка программ миграции на постоянное место жительства на депрессивные территории для высококвалифицированных работников; • разработка программ миграции на депрессивные территории для выполнения работ вахтовым методом для высококвалифицированных работников; • внедрение системы мониторинга трудовой миграции; • разработка программ учебной миграции
Приоритетные направления политики внутренней трудовой миграции	<ul style="list-style-type: none"> • реализация программы привлечения на постоянное место жительства и для работы вахтовым методом высококвалифицированных специалистов; предпринимателей; работников невысокой квалификации для работы по специальностям, особо востребованным на региональном рынке труда из других регионов; • создание механизма привлечения на депрессивные территории высококвалифицированных специалистов, а также работников по специальностям, наиболее востребованным в регионы, в т.ч. из числа выпускников вузов и других учебных заведений региона; • разработку перечня дефицитных и избыточных профессий и использование их для формирования Программ внутренней трудовой и учебной миграции.

Как справедливо отмечает О.Д. Воробьева, в отличие от других видов процессов, процессы управления миграцией являются наиболее сложными, поскольку они зависят не только от элементов, воздействующих на процесс, но и от объекта, на который направлено управление – человека, носителя психологических реакций и движимый в своих действиях в зависимости от этих реакций [5]. В связи с этим достаточно распространенным в современной научной литературе является точка зрения, что государство должно устраниваться от управления миграционными процессами, которые подвержены действию рыночных регуляторов. Однако следует не согласиться с данным мнением, поскольку важным элементом устойчивости развития национальной экономики является устранение диспропорций социально-экономического развития территории. А учитывая специфику геополитических, демографических, и других факторов, детерминирующих социально-экономическое

положение республик Северного Кавказа, для обеспечения экономической безопасности и снижения социальной напряженности в регионе усиление роли государства в регулировании миграционных потоков представляется необходимым.

При этом в повышении эффективности регулирования внутренних миграционных потоков немаловажную роль играет создание единого информационного пространства, в рамках которого формируется взаимосвязанная система мониторинга миграционных процессов. В этом отношении можно использовать положительный опыт Монголии, где создан единый информационный банк данных, включающий такие сведения о мигрантах: оценка прибывающих (выбывающих) по возрасту, профессионально-квалификационному и образовательному уровню, полу. Эти данные позволяют выявить нагрузку на региональный рынок труда отдельных населенных пунктов, возможность трудоустройства мигрантов, наметить меры по развитию образовательных услуг, социальную нагрузку по выплатам пенсий и пособий. В то время как данные статистической отчетности по миграции в РФ наблюдаются недостаток оценок динамики миграционных процессов: существующие показатели позволяют выявить только количественные данные по миграции, в то время как информация о ее качественных характеристиках отсутствует.

Следует отметить, что для большинства развитых стран характерен высокий уровень мобильности населения между отдельными территориальными образованиями. Так, в США среднестатистический житель 13 раз меняет место проживания, причем 82% жителей меняют место проживания в связи с изменением места работы, переезжая в другие штаты, 18% - в рамках своего штата; в Великобритании – около 7 раз, тогда как в России – около 1,5 раз [6]. В связи с этим представляет интерес обратиться к положительному зарубежному опыту реализации механизмов регулирования внутрирегиональной миграции. Например, в США для обеспечения развития отдельных территорий для развития южных равнин штата Техас экономическими лидерами и работодателями штата был разработан проект по привлечению работодателей в регион. При этом частные компании и крупные работодатели предоставляют финансовую помощь при трудоустройстве работников в те регионы, где реализуется данная программа. Подобные проекты реализует инвестиционный банк JPMorgan при открытии своих подразделений в других регионах [7].

Аналогичная политика по повышению миграционной привлекательности отдельных территорий проводится в Германии. Для этого территории германского рынка труда ранжируются в соответствии с порядком убывания по принципам региональных неравенств. Те территории, которые нуждаются в государственной поддержке, получают наивысший ранг. Они сами определяют приоритетные и нуждающиеся в развитии виды деятельности для предоставления финансовой помощи со стороны Планового комитета. Фирмы, которые желают получить данную поддержку, должны удовлетворять следующим условиям:

- во-первых, производимые ими товары и услуги должны пользоваться спросом на рынках, находящихся за пределами данного региона;
- во-вторых, - реализация инвестиционного проекта должна обеспечивать создание или сохранение рабочих мест в регионах, нуждающихся в поддержке.

Сопоставляя отечественный и зарубежный опыт развития социально-трудового потенциала депрессивных регионов, можно отметить, что в российской экономике преобладает точка зрения на решение проблемы безработицы в трудноизбыточных депрессивных регионах через стимулирование из них миграционных потоков в региональные центры. В большинстве научных работ, посвященных исследованию проблем развития социально-трудового потенциала территории, депрессив-

ные республики Северного Кавказа характеризуются как «трудоизбыточные», поскольку в них имеет место значительное превышение предложения трудовых ресурсов над спросом, обусловленное ограниченной возможностью создания новых рабочих мест для полноценной реализации населением способности к труду. Для решения данной проблемы предлагается реализация переселенческих проектов в трудодефицитные регионы. Однако такой подход, имеющий целью эффективную реализацию человеческого капитала, приводит к еще большему ослаблению социально-экономического потенциала депрессивных территорий, поскольку приводит к их «обезлюживанию» [8]. На наш взгляд, задача состоит в том, чтобы стимулировать спрос на высококвалифицированные трудовые ресурсы в «трудоизбыточных» депрессивных регионах за счет модернизации их экономики. При этом сохранение и эффективное использование внутреннего трудового потенциала будет выступать необходимым императивом формирования социально-экономического потенциала региона. В данном контексте государственное регулирование трудовой миграции, включая осуществление системы мер по возвращению вынужденных мигрантов, приобретает стратегическое значение для модернизации экономики депрессивных территорий. В то время как в зарубежной практике все большее распространение получает стратегия привлечения инвесторов на депрессивные территории для создания новых рабочих мест и формирования (реструктуризации) ее экономики.

Безусловно, депрессивные территории не представляют значительного интереса для инвесторов, поскольку организация производственно-хозяйственной деятельности в условиях неразвитой инфраструктуры, системы сбыта, кадровых проблем не позволяет обеспечить быструю окупаемость вложенных средств. Затруднительным является привлечение высококвалифицированного персонала, в том числе управленцев, поскольку одним из тормозящих факторов являются тяжелые жилищные условия и низкий уровень жизни, а также значительно меньший размер заработной платы. Однако анализ зарубежного опыта развития отсталых и депрессивных территорий позволяет сделать вывод о том, что в данной ситуации государство широко применяет механизмы государственно-частного партнерства, которые предполагают эффективное объединение усилий и финансовых ресурсов государственных, общественных и частных структур для стимулирования инвестиционной и миграционной привлекательности территорий.

При этом основной акцент должен быть сделан на модернизации экономики депрессивной территории, а не на развитии тех видов деятельности, которые не требуют высокого профессионального уровня (мелкотоварное этническое производство, торговля и т.п.). Очевидно, что для модернизации депрессивной экономики, обеспечивающей рост и качественное развитие социально-трудового потенциала, важным фактором могут стать территориально-производственные кластеры. Интеграционное взаимодействие хозяйствующих субъектов отдельных муниципальных образований в рамках инновационно ориентированного территориально-производственного кластера позволяет на основе долгосрочных договорных отношений установить тесные связи между крупными компаниями, расположенными в промышленно развитых центрах, которые будут ресурсно обеспечивать деятельность малых фирм, создаваемых на отсталых территориях, способствовать модернизации их технологической основы [9].

Представляется, что такая интеграция бизнеса будет стимулировать перемещение трудовых ресурсов в структуре кластера, обеспечивая развитие социально-трудового потенциала депрессивной территории, особенно в тех случаях, когда в состав кластера будут включены высшие учебные заведения и научно-исследовательские организации. В мировой практике применение кластерного механизма в целях повы-

шения конкурентоспособности регионов является одной из современных тенденций развития экономики.

Для решения поставленных задач необходимо внедрение системы мониторинга состояния миграционной привлекательности территории как инструмента оценки уровня социально-экономического развития региона и эффективности государственного управления трудовыми потоками.

Литература

1. Интернет-портал Вестник Кавказа. <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/obshestvo/26725.html/>

2. Кавказцев составит 50-100 тысяч человек, проблемы ксенофобии не будет // Интервью А. Хлопонина «Газете.Ru» от 12.04.2011 г. http://www.gazeta.ru/news/business/2011/04/12/n_1789945.shtml

3. Новости Официального сайта Федеральной службы по труду и занятости. <http://www.rostrud.ru/>

4. Интервью заместителя начальника управления ФМС по Ставропольскому краю, начальника отдела по координации деятельности органов ФМС России в СКФО Александра Мещерякова Агентству РИА Новости. <http://ria.ru/interview/20101124/300379222.html/>

5. Воробьева О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2003. № 9 (202).

6. Фильченков С.В., Пограбова Е.С. Исследование опыта зарубежных государств по регулированию занятости населения на основе развития внутрирегиональной трудовой миграции.-2011.

7. Материалы сайта <http://www.jpmorgan.com>.

8. Артоболевский С. Полюса роста важны, но это не панацея // Опыты.com - <http://opyty.com/2009/08/sergej-artobolevskij-polyusa-rosta-vazhny-no-eto-ne-panaceya/>

9. Чернова О.А. Логистический подход к управлению инновационным развитием региональной экономики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология Экономика. Информатика. 2009. №9 (64).

Рогов И.И.:

Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Государственная служба: социологические очерки: Монография. М.: МГУ, 2013.

В начале 2013 года под эгидой МГУ им. М.В.Ломоносова вышла в свет совместная монография заведующего кафедрой социологии ЮРИНФ РАНХиГС профессора Зинченко Г.П. и доцента этой же кафедры Зинченко Я.Г. «Государственная служба: социологические очерки». Эта работа является развитием отраслевого социологического знания «социология государственной службы». Вклад Зинченко Г.П. в эту область исследований не нуждается в особой презентации: автор работает в данном направлении уже два десятилетия; его творческий подход к теории социологии управления и социологии государственной службы известен в научных кругах Юга России. Но данная работа несколько выходит за пределы исследованных ранее вопросов, что объясняется соучастием второго автора.

Монография содержит новые, относительно профиля кафедры и устоявшихся направлений исследования, темы. Это, в первую очередь, «инженерное сопровождение гражданской службы» и «управление человеческим капиталом». Хотя данная проблематика хорошо известна в кругах научного сообщества, большинство исследований по ней относятся к сфере менеджмента. Та постановка вопросов и «точка зрения» исследования, которую предложили авторы монографии, представляет новизну для социологического исследования в рамках социологии государственной службы. Научное сообщество Юга России, и, в частности, Ростова-на-Дону, достаточно известно в стране. Но так получилось, что именно социологическим срезом проблем управления и, в частности, государственной службы, занимается малое число исследователей. Тем более важна предлагаемая сообществу работа, что помимо научно-методической ценности она является своеобразным статусным маркером ростовской социологической школы.

В целом монография выполняет сдвоенную функцию: она может рассматриваться и как учебное пособие и как научный текст. Результаты многих лет наблюдения и анализа госслужащих как социальной общности и государственной службы как института, выражены в рассматриваемой монографии не только в научных обобщениях, но и в конкретных цифрах, представляющих читателю картину трансформации социального института российского чиновничества.

Относительно новым для ростовской социологической школы исследованием выступает четвёртый очерк работы «социальная защищённость российского чиновничества». Особенно полезна эта глава будет бакалаврам и магистрам, получающим образование по специальности ГМУ. Людям - особенно молодым специалистам, всегда полезно знать о своих правах и иметь перед глазами реальную картину правоприменения. Но так же очерк полезен и тем, что ставит вопрос о праве рядового чиновника к профсоюзной и политической деятельности. Обыватель привык рассматривать чиновника как бюрократического рантье - человека пользующегося привилегиями и имеющего доступ к широкому объёму ресурсов. Но на практике отечественная бюрократия неоднородна: есть в ней свои «маршалы» и «генералы», есть привилегированный «офицерский корпус», есть - и в обильном количестве - рядовые служащие. Последние, зачастую имеют самый скудный объём прав и полномочий, но выполняют значительный объём работы. Потому вопросы, поставленные авторами в

очерке о социальной защите чиновника актуальны и злободневны. Представляя динамику ситуации в двенадцать лет, авторы, косвенно рисуют нам образ современного чиновника «средней руки» относительно других статусов в обществе.

Вообще, динамика изменения ситуации по самым разным срезам, нашедшая отражение в соответствующих очерках, - одно из самых интересных мест в книге. Авторы, конечно, комментируют приведённые цифры. Но читатель формирует по ним свой образ, не всегда совпадающий с мнением авторов. Цифры, данные по 1997, 1995 и другим «ельцинским» годам, в сравнении с цифрами «медведевского» периода - беспристрастный, но точный ответ на вопросы о месте и государственного служащего в системе общественной оценки и самооценки.

Стиль работы - в русле академической отечественной школы. Он отличается от университетских исследований, мало использующих комплекс административной лексики и более ориентированных на классическую социологическую терминологию. В этом так же отличительная особенность данной монографии, которая есть достойный вклад в развитие социологии России.

Черноус В. В., Ольховая М. А.:

Элитология Кавказа в контексте сравнительных международных исследований.

В 2-х т. Elitologija of Caucasus in the context of international comparative studies.

Варшава, 2012. Т.1 -351с.; Т.2 – 479 с.

Совместный проект ученых Польши, России и государств Южного Кавказа посвящен одной из самых актуальных, но системно не разработанных политологических проблем российского Кавказа и государств Южного Кавказа. Несмотря на обилие элитологических работ, многочисленные научные конференции по данной проблематике, проводимые на Юге России, нельзя не признать инициативу Варшавского университета, проф. Тадеуша Бодио по реализации проекта своевременной и плодотворной. Он выполнен в рамках серии Института политических наук Варшавского университета «Власть. Элита. Лидерство» (тт.6,7).

Прежде всего, хотелось бы отметить концепцию коллективного труда (Т.Бодио), которая не только позволила рассмотреть различные грани элитогенеза на Кавказе, его региональные особенности, но и конструктивно объединить ученых, принадлежащих к различным научным школам и исследовательским культурам.

Положительно оцениваем идею проекта и его исследовательские достижения, представленные в книге. Они показывают особенности трансформации и создают картину лидерства и политических элит Кавказа, создаваемую переплетением многих предпосылок и факторов таких, как традиции, модернизация, геополитика и глобализация.

Многочисленные открытые и латентные конфликты, противоречивое переплетение интересов государств, блоков и транснациональных корпораций на Кавказе неизбежно политизируют большую часть исследовательских и аналитических работ, чего во многом удалось избежать авторам рецензируемого труда.

Первый том «Кавказ: трансформация лидерства и политических элит» состоит из трех частей. В первой (авторы: А. Ходубски, П. Серадзан, Т. Стемпиевски) дается характеристика Кавказа как сложного геополитического, цивилизационно-культурного и этнополитического пространства, на котором разворачивается соперничество мировых и региональных держав за влияние и контроль над регионом, что является важнейшим фактором элитогенеза.

Авторы рассматривают проблему в контексте как классической геополитики, т.е. как конкуренцию морских и континентальных держав, так и как коммуникативную борьбу, где образы прошлого и современные идеологические стереотипы, предвзятые рассудки эксплуатируются мировыми державами и региональными элитами. Особое

внимание уделяется политике ЕС по позиционированию соседства и региональных проектов в Черноморско-Каспийском междуморье. Трудно не согласиться с мнением авторов о том, что основные геополитические акторы, выступая в пользу различных вариантов модернизации Кавказа, рассматривают его как объект своей политики, недооценивают роль кавказских государств и политических образований как равных партнеров, достаточно включенных в современные глобальные процессы, но обладающих цивилизационно-культурным многообразием и спецификой.

На наш взгляд, авторам раздела целесообразно было учесть и то, что центр глобального мира постепенно дрейфует из евроатлантизма в Азиатско-Тихоокеанский регион, что оказывает влияние на ситуацию на Ближнем Востоке, Центральной Азии, изменяет геополитическую роль Кавказа. Нельзя не отметить, что постепенно, но последовательно усиливается внимание к Кавказу Китая. В ближайшей перспективе китайский фактор может стать достаточно существенным.

Второй раздел посвящен политогенезу Южного Кавказа. Авторы (А.Б.Крылов, Н.Конажески, М.Хартлински) в результате сравнительного анализа выявляют общие черты в процессе формирования новых наций, роли национализма в становлении политических элит государств Южного Кавказа. При всей амбивалентности национализма, он является, на наш взгляд, необходимым этапом в конструировании гражданского общества. Основное внимание при этом авторы сосредоточили на анализе противоречий, возникающих в сфере межэтнических отношений, использования политической элитой возможностей перехода к рыночной экономике для социального контракта с бизнесом и укрепления авторитарных режимов с доминирующей ролью президента, как и во всех постсоветских государствах.

Третий раздел охватывает Северный Кавказ. В отличие от предыдущего раздела, авторы (А.Г.Дугин, М.Словиковски, И.М.Сампиев, В.М.Коровин, К.Козловски, А.В.Бредихин) характеризуют российский Кавказ более дифференцированно и с разных позиций. Продуктивным представляется методологический конструкт А.Г. Дугина, который рассматривает социальный процесс на Северном Кавказе как археомодерн – сохранение традиционных структур за фасадом модернизированных и отмечает возрастание роли клановых и даже родоплеменных отношений. На наш взгляд, демодернизация Северного Кавказа привела к актуализации архаики, но преувеличивать её влияние нельзя. Народы Северного Кавказа, их элиты, при всей своеобразности проявления этнического фактора, в целом не выпадают из общероссийского социально - политического процесса. Этнокланократии Северного Кавказа по принципам формирования не сильно отличаются от земляческих кланов на федеральном уровне или в других регионах России. Как справедливо отмечают авторы, политика федерального центра на Кавказе из-за своей противоречивости и несистемности обостряет проблему самоидентификации элит и в целом социокультурной идентичности народов Северного Кавказа. Вполне закономерно в работе поставлена проблема южно-российского казачества (А.В.Бредихин) в политогенезе на Северном Кавказе, но ее вряд ли можно анализировать вне контекста «русского вопроса» в целом, исходя русских из республик в 90е годы XX века, который не прекращается, несмотря на падение темпов, и в настоящее время.

Второй том «Кавказ: механизмы легитимизации и функционирования политической элиты» состоит из двух частей. Первая часть посвящена государствам Южного Кавказа, включая государства де-факто: частично признанных Абхазии и Южной Осетии и непризнанного Нагорного Карабаха. Исключая исторический очерк В.Кикнадзе о взглядах на политическую элиту грузинских общественных деятелей и ученых начала 20 века, остальные авторы анализируют новейшие политические процессы в Армении (К.Федорович, С.Минасян), Азербайджане (П.Квяткевич,

А.Залесьны), Грузии (К.Домбровский), Абхазии (П.Серадзан), Южной Осетии (М.Пискорски) и Нагорном Карабахе (П.Адамчиевский).

Очерки содержат значительный и малознакомый российскому читателю фактический материал по элитогенезу на Южном Кавказе, особенностях политического процесса в Кавказских постсоветских государствах. Авторы показывают механизмы влияния внешних угроз целостности и независимости государств, который обеспечивает консолидацию сегментированных местных элит и сообществ, вместо прогнозируемого частью экспертов и политологов углубления дестабилизационных процессов. Авторы неоднозначно трактуют теоретические подходы к этнополитике и элитологии, предлагают различные методологические конструкты для анализа ситуации на Южном Кавказе, но практически все приходят к выводу о том, что основная причина нестабильности режимов на Кавказе состоит в затянувшемся их переходном состоянии с неопределенной динамикой.

Приведенный материал интересен в сравнительном плане для исследования политического процесса в Российской Федерации на Северном Кавказе, чему и посвящена вторая часть книги. В ней рассматривается проблема политических элит и лидерства в Адыгее (О.М.Цветков), Дагестане (Н.Княжевски), Кабардино-Балкарии (В.Котович), Карачаево-Черкесии (Т.Бодио, П.Серадзан), Северной Осетии-Алании (И.Дзиуба, Б.Г.Койбаев) и Чечне (П.Грохмальски). Выделяя особенности региональных политических процессов на Северном Кавказе, авторы стремятся показать и общие черты. Они отмечают, что политический класс в республиках Северного Кавказа еще не сформировался и в них утверждаются этноклановые режимы с доминирующей ролью глав администраций (как и президентств в государствах Южного Кавказа). Польские авторы отмечают недовольство федерального центра качеством и эффективностью элит в северокавказских субъектах Российской Федерации и поиск новых методов и технологий регулирования регионального политического процесса, ротации лидеров и рекрутирования элит.

Авторы критически рассматривают политику США и ЕС на Северном Кавказе, т.к. интерес к нему актуализировался относительно недавно. Материалы обоих томов свидетельствуют об интенсивном поиске авторов из разных стран методологических конструктов более адекватных реальным этнополитическим процессам на Кавказе. Они признают недостаточную эффективность соответствующих западных методик, разработанных для других регионов мира и на других материалах. Очевидно постепенное сближение польских и российских авторов в подходе к актуальным проблемам геополитики, этнополитики и элитологии Кавказа. Не случайно в ближайших планах Т.Бодио и сформировавшегося вокруг него коллектива, подготовка проекта по методологии трансформации элит и модернизации Кавказа.

Подводя итог, следует поздравить авторов с весомым вкладом в кавказоведение, его политологическую часть. В книге зафиксирован современный срез политического процесса, становления региональных элит в широком геополитическом контексте. Результаты исследований, представленные в книге, содержат много новаторских тезисов и верные диагнозы процессов легитимизации и функционирования центров власти Кавказа. Выводы и рекомендации стимулируют дискуссию на тему состояния политических режимов и их элит, а также возможных сценариев развития политической ситуации на Кавказе.

Социальная диагностика, представленная в статьях не может не вызвать дискуссии, что расширяет проблемное поле политической науки на Кавказе, потенциал чего содержится практически во всех статьях. Это важно в том числе в связи с тем, что регион находится в точке бифуркации, когда сложное сочетание этноцентричных, общерегиональных, общероссийских и глобальных трендов создают предпосылки для неожиданных трансформаций ситуации на Кавказе. Российско-

Южнокавказско-Польское сотрудничество в исследовании кавказских проблем, как показывает данный проект, обладает мощным интеллектуальным потенциалом, имеет отличные перспективы.

Коллективная монография будет интересна как политологам элитологам, кавказоведам, т.к. и практическим работникам в сфере регионального управления.

В заключение отметим, что рецензируемый двухтомник награжден Дипломом I степени по итогам VI Международного конкурса научных работ по кавказоведению и южнороссийскому регионоведению им. Ю.А.Жданова (2012).

Кокин А.В.:

Гончарова О.Ю., Сидоренко И.Н. Государственный аппарат и экономика: принципы и модели взаимодействия: Монография.

Ростов н/Д.:ЮРИФ РАНХиГС, 2012. - 184 с.

Держишь в руках эту небольшую по объёму книжицу и невольно задаёшься вопросом, а, собственно говоря, в чём проблема? Неужели есть противоречия между целями и задачами государственного аппарата и экономикой, а тем более противоречия в их взаимодействии? Оказывается не только есть, но в условиях рыночной экономики по-российски чиновник по жизни, а не по беллетристики, оказывается уникальной фигурой способной в меру своей образованности и культуры, в меру своей компетенции и способности видеть собственную выгоду тормозить или стимулировать развитие экономики, оставаясь государевым лицом.

О! Сколько написано и сломано копий (авторы явно скромничают по поводу возможности цитирования примеров этих двуликих янусов, способных открывать или закрывать двери развивающемуся бизнесу) по проблемам взаимодействия государственной власти и теми, кто вершит экономику. И только, наверно, ленивый сегодня не костит эту самую власть по поводу того, как она (не) взаимодействует с теми, кто хотел бы создавать не только сильную, социально направленную, но экономику, которую бы не содрогали внешние, да и внутренние кризисы, противоречия между социумом и управленческой элитой. И по этим проблемам можно было бы долго ещё злопыхательствовать, но авторы в силу своей образованности и культуры, наконец, порядочности решили пойти по пути последовательного исследования проблемы без всяких обывательских наслоений (зачастую скрывающих возможности разобраться в сущности государственного регулирования экономики в рыночных условиях), скрупулёзно анализируя структуру, правовые основы взаимодействия государства и экономики (первая глава), раскрывают сущность экономической политики государства во второй главе, а в третьей и четвёртой главах говорят о формах влияния госаппарата на экономику.

Не вдаваясь в подробности существа и необходимости исследования основ государственной власти в монографии, акцента на прописные истины, неожиданно приходишь к выводу о том, что эти прописные истины всё-таки нужны хотя бы для того, чтобы чиновники от власти перебирали их иногда в своём сознании и не забывали собственного предназначения для решения главных социальных проблем, выдвигаемых обществом. Хотя и следовало, может быть, ограничиться только краткими ссылками на объективные и сущностные акценты взаимодействия *не государства и экономики, а государственной политики в решении актуальных проблем устойчивого экономического роста*. В этом смысле анализ взаимодействия госаппарата и экономики в постсоветский период был явно необходим авторам, для того чтобы перейти к главному: определить эффективные взаимодействия государства и бизнеса в пятой главе. Хотя анализируемые авторами пять таких форм, не охватывают всех моделей, способных напрямую госаппарату влиять на эффективность российской экономики,

особенно в части её ресурсной направленности, тем не менее они дают достаточное представление о возможностях госаппарата влиять на экономику страны.

Достаточно интересные представления авторов суммируются в шестой главе, посвященной роли чиновника во взаимодействии госаппарата с экономическими структурами. Авторы не злопыхают по поводу того, что чиновники — это каста обличённых государственными полномочиями людей, целью которых является непременно удовлетворение собственных амбиций во власти и решение своих житейских проблем. Хотя приводимые ссылки на оценку качества бывшей (советской) и нынешней властей понуждают делать вывод именно такой. Но авторы утверждают мысль о том, что большая часть чиновников представляет собой высокообразованных нравственных специалистов, способных реализовать идеи развития государственных мужей во взаимодействии с развивающимся бизнесом в России, хотя и обоснованно утверждают мысль о необходимости сокращения чиновничьего аппарата в рамках современного достижения технологий электронного управления и повышения его качества на разном уровне властных структур. В этой связи их рекомендации, направленные на воспитание новых госслужащих сводятся к необходимости знать систему управления производством (предприятием) — исследовать ту цепочку практической реализации целевых прикладных задач и чайний менеджмента, которые и определяют взаимосвязь государственного служащего с бизнесом.

Другими словами, можно предположить, что основная проблема отсутствия взаимодействия государственного аппарата с бизнесом заключается в утрате компетенции государственными служащими по обеспечению исполнения своих полномочий. То есть *проводится мысль о необходимости чиновникам иметь базовое образование по конкретной производственной специальности для того, чтобы позже входить в структуру государственного управления по реализации президентских и правительственных программ социального и экономического развития государства.* Важнейшая мысль. Отсюда, возможно, и проистекает безысходность состояния, в которое попадает «общеобразовательный» чиновник, отправляя свою деятельность только как передаточный механизм общей структуры государственного управления. Не имея базовой специальности, ощущая «временность своего положения» в условиях выборности власти, быстро обрастает коррупционными связями в достижении собственных целей.

В целом монография написана доступным профессиональным языком, вполне понятным для восприятия преподавателями и обучающимися вуза, но, к сожалению, рассматривает проблемы взаимодействия госаппарата с теми, кто создаёт экономику слишком общо. Это, скорее всего, связано с необходимостью авторами продолжить свои исследования уже в других рамках, раскрывая сущность наработанных ими моделей в части не только существа поставленной проблемы, но и определиться с направлением, а какую, собственно цель преследует государственный аппарат в реализации модели постсоветской экономики? На каком этапе и когда Россия перейдёт от сырьевой экономики (именно здесь формируется огромная коррумпированная составляющая в сращивании власти, чиновника от власти и капитала) к производительной в рамках тех инноваций, о которых говорит власть, но непременно увеличивает ресурсоёмкость экономики?

Конечно, авторы не ставили перед собой такую цель, но, в рамках известных публикаций этих авторов они могут предложить собственные модели развития, хотя недостатка в них в принципе и нет. Возможно просто не хватает политической воли принятия таких решений, которые бы позволили России стать не на словах, а на деле страной инноваций во всей сфере экономической и социокультурной деятельности, развития и высокой управленческой культуры.

Наконец, можно немного и съязвить в оценке качества оформления таблицы №11, в которой форматирование текста не позволило вместить его часть. Но это не умаляет качество рецензируемого издания, которое непременно будет использовано в преподавании и изучении материала студентами различных направлений и специальностей, исследующих вопросы и проблемы власти и экономики.

Дубровский Д. В.:

Швец М.В. Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью: Монография. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 152 с.

Монография М.В. Швец посвящена сложной, малоизученной в современной российской политической науке теме – политической субъективации представителей квазигендерного сообщества. Актуальность этой темы, помимо общего интереса к проблемам политической субъективации в современной России, связана с дискуссиями относительно «традиционных» и «нетрадиционных» ценностей, возможностей граждан России не только идентифицировать себя с определенной, как называет их автор, квазигендерной (по сути, речь идет, конечно, о, собственно, особой гендерной группе), но и требований представителей этой группы о недискриминации и уравнивании в правах. Новизна исследования заключается в том, что практически данная публикация является одной из первых, посвященных становлению указанного движения как движения за гражданские права т.н. «новых меньшинств». Показательно, что в то же самое время, когда была опубликована монография М.В. Швец, появилась и публикация А. Кондакова «Правовые раны: значение прав человека для геев и лесбиянок в России» [1], в которой значительное место уделяется именно проблемам политического представительства ЛГБТ сообщества и связанным с ними проблем. Одновременно в том же году появилось и первое исследование, посвященное проблемам сексуальных меньшинств в России как уязвимой группы, в отношении которой совершаются преступления на почве социальной ненависти [2]. Можно только согласиться с автором, что именно такого типа исследования позволяют бороться за легитимацию собственно такого типа исследований, что не может не влиять на общую атмосферу, которая в настоящее время в России не может быть названа дружественной по отношению к ЛГБТ исследованиям (с.78).

Автором привлечен значительный материал, посвященный вопросам борьбы сексуальных меньшинств за гражданские и политические права в современной России и Украине. Фактически, учитывая вышеуказанную степень изученности вопроса, можно сказать, что автору удалось собрать и обобщить практически все исследования и материалы, посвященные теме монографии. Материал структурирован в виде трех глав, в которых рассматриваются вопросы методологии, проблемы позиционирования квазигендерного сообщества в политическом поле, а также рассматриваются сама эта группа как субъект политического процесса.

Обращает на себя внимание принятая автором методология. Действительно, необихевиоризм^{‡‡} определяет политический процесс как результирующее от векторов воли и интересов субъектов. Напротив, структурный функционализм связан с такими реакциями политической системы, которые связаны именно с ее структурными характеристиками изучаемой политической системы. Именно поэтому использование обоих методов в одном исследовании, возможно, не являлось лучшим решением. Тем не менее, в процессе собственно исследования автор практически концентрируется на втором подходе, фактически не используя первый. В то же время автор

^{‡‡} В монографии опечатка – необихевиорализм (с.24)

довольно точно уловил смысл процесса субъективации, который применительно к другому примеру описывал Жак Рансьер [3].

Во второй части исследования автор обращается к проблеме эмансипации, заставляя вспомнить известную проблему, известную в политических науках прав человека как проблему правосубъектности. Действительно, автор утверждает, что эмансипируются группы (с.34), однако это ставит вопрос о том, насколько можно говорить об эмансипации группы, и в каком смысле это нарушает универсальный принцип правосубъектности, связанный с правами человека. В Западной Европе, как верно замечает автор, в некотором смысле эмансипация уже произошла; долгая борьба за признание прав сексуальных меньшинств на свою самость закончилась, в общем, некоторой деполитизацией проблемы; М. Швец справедливо замечает, что сексуальная идентичность в демократических странах Европы уже становится «личным делом» (с.56). Таким образом, фактически в духе структурного анализа можно сделать вывод о том, что именно системная дискриминация и политика социальной эксклюзии вызывает гражданскую активность квазигендерного сообщества, в то время как отсутствие дискриминации и гомофобии лишает вопрос политической остроты и возвращает его в известном смысле в частную сферу. Очень важным с точки зрения политического процесса является и определение квазигендерного сообщества через совокупность граждан, которые борются за права ЛГБТ, поскольку это сообщество не ограничивается исключительно членами ЛГБТ сообщества, оно шире, причем некоторые инициативы получают свою дальнейшую институционализацию. Так, в Санкт-Петербурге возник «Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ», который активно участвует в различных инициативах, направленных на борьбу с гомофобией.

В третьей части речь идет о проблемах собственно самой группы, и тут обращает на себя внимание важное положение относительно разницы между политически активными членами сообщества и просто членами воображаемого, по Б. Андерсону, сообщества, которое мы определяем, в данном случае, через специфику гендерной идентичности. В самом деле, можно сетовать, что не все члены сообщества готовы бороться за уравнивание в правах, однако представляется, что именно описание практик и путей политической субъективации не всей группы в целом, а именно отдельных членов, истории каминг-аутов и их причин, могут стать в дальнейшем очень перспективными направлением исследования гражданского движения квазигендерных групп в современной России.

В целом, в монографии обращают на себя внимание некоторые досадные неточности в терминологии. В перечислении социальных фобий в некоторых местах фигурирует «семитизм» вместо «антисемитизма». Обращает на себя внимание в ряде случаев не вполне адресное цитирование, что иногда не позволяет отделить мысль автора от позиции цитируемого источника.

Все эти досадные неточности технического характера не могут испортить впечатления от монографии, которая становится еще одной важной ступенькой на пути к научному осмыслению проблемы политической субъективации «новых меньшинств» в современной России.

Литература

1. Кондаков А. Правовые раны: значение прав человека для геев и лесбиянок в России // Лабораториум. №3. 2012 <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/10>
2. Омельченко Е.Л., Желнина А.А., Нартова Н.А., Дубровский Д.В. Комплексное социогуманитарное исследование. Декабрь 2012. http://openinform.ru/fs/j_photos/openinform_391.pdf
3. Рансьер Жак На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2006.

Александр Васильевич Кокин - доктор геолого-минералогических наук, профессор Южно-Российского института филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, автор более 200 научных работ, в том числе 30 книг по проблемам современного естествознания и места человека в природе. Наиболее известны его монографии «Мировоззрение», «Современные экологические мифы и утопии», «Осмысление Мира», «Феномен интеллекта», «Интеллект: концепции вызова». Он автор романа-трилогии «Геологи, или преданные забвению ...», четырех поэтических сборников.

И тогда гармония Природы и Человека сотворят Общество, в котором последний негодяй застынет изваянием в камне, а нам, живущим, останется животворная сила созидания. И тогда закон Вечности: «Все то, что ни делается в соответствии с законами Природы, - к лучшему, а что делается вопреки ей – не останется» - будет символом благоразумия будущих поколений и призывом творить Добро. Так идите же и творите!
(Кокин А.В. Геологи, или преданные забвению ...)

Планируя поздравить профессора Кокина с 70-летним юбилеем, редакция готовила подходящий событию текст. Однако традиционные для такого случая слова совершенно не соответствуют Александру Васильевичу. Он, казалось бы, невероятно многогранен в своей деятельности: доктор геолого-минералогических наук, профессор, преподаватель в солидном вузе, исследователь и геолог-практик, писатель, поэт, общественный деятель. Но особо подчеркнем – казалось бы. Потому что, осознавая эту многогранность, приходишь к выводу: все, чем он занимается, остро пронизано любовью к родине, а еще точнее - эта любовь является основой всей его деятельности. И естественнонаучные и философские труды, и научная и изыскательская работа, и проза, и стихи тому свидетельство. Сегодня много говорится о воспитании патриотизма. Это слово если и встречается в работах Кокина, то очень и очень редко. Однако сами его работы и вся его деятельность – это образец высокого патриотизма, образец истинной интеллигентности, образец гражданина, который испытывает невероятную боль за каждую рану, нанесенную природе, и за человека, который должен быть не только существом разумным, но и, безусловно, страдающим и ответственным за все сотворенное им. Именно такой педагог необходим сегодняшнему студенчеству, именно такой педагог и работает в нашем вузе. Пришло время осознания того, что преподавание любой науки именно с таких гражданских позиций – единственный путь воспитания будущих поколений. Остановимся на этом, так как далее хочется подробнее говорить о каждом из видов деятельности А.В. Кокина. Цитируем только его слова из предисловия к поэтическому сборнику «Врата Каина»:

Мы — средоточие всего в каждом из нас — низменного и возвышенного, всего, чем наделена сущность человека во взаимодействии его с окружающим миром Природы и Общества. Тень Каина будет всегда сопровождать людей, верующих ли в мифы или обременённых научно-атеистическим представлением об утрате животное начало, страх перед непознанным, и в нём станет доминировать разумность. Но это уже будет другой человек, в котором, возможно, будет отсутствовать биологическая сущность, которой в будущих тысячелетиях может позавидовать голая сущность разума, лишённая чувственности, сотканной из противоречий, заложенных изначально в нас.

Примите наши поздравления и пожелания творческих успехов, дорогой Александр Васильевич! Пусть вашу жизнь наполняют открытия, ученики-единомышленники, друзья и коллеги, не имеющие одной голой сущности разума. Пусть больше станет тех, кто в соответствии с вашим идеалом будет хоть и соткан из противоречий, но сможет остро чувствовать боль того, кто рядом. В том числе и боль самой Природы, и родной земли.

Сергей Алексеевич Кислицын – доктор исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики ЮРИФ РАНХ ИГС при Президенте РФ. Он участвует в масштабных изданиях трудов авторитетной Ростовской элитологической школы А.В. Понеделкова и А.М. Старостина. Большое внимание профессор С.А. Кислицын уделяет развитию краеведения. Его исследовательские и учебно-методические работы неоднократно отмечались дипломами. Он лауреат Фонда отечественного образования за учебник по истории Донского края, лауреат Ростовского отделения Союза журналистов за цикл работ по формированию гражданского общества.

С.А. Кислицын – один из инициаторов создания научного и общественно-теоретического журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС», первый ответственный секретарь этого журнала и член редколлегии в настоящее время.

Ученые записки СКАГС», первый ответственный секретарь этого журнала и член редколлегии в настоящее время.

Круг его интересов выходит за рамки политических проблем России. Он активный краевед, исследующий историю Донского края. Все эти годы рядом его неизменная помощница и единомышленник, его жена Инна Германовна Кислицына. Их совместная увлеченность помогла создать ряд учебников по истории Ростовской области, произведения «Донская история в вопросах и ответах», «История Ростовской области», «История Донского края». Эти труды по краеведению и истории казачества образуют уникальный научный краеведческий комплекс, который является огромным вкладом в развитие донской историографии.

У него за плечами огромный научный багаж, рядом с ним студенты, аспиранты, которые под его руководством разрабатывают актуальные серьезные современные проблемы социально-политического устройства России, гражданского общества и политической оппозиции. Сергей Алексеевич – член общественных научных объединений, в том числе РАЕН, РАПН и др. Он подготовил 25 кандидатов исторических и политических наук, консультировал 4 докторантов по историческим и юридическим наукам.

Преподавательский опыт Кислицына весьма интересен. Спокойный, с молодыми острыми глазами, он создает обстановку радости поиска истины. Его занятия

В жизненном потоке есть глубинные и поверхностные явления, есть скрытый ход истории и пена истории. Исследовать и показать эти процессы, отделяя истину от вымысла, мог решиться не только талантливый, но и смелый ученый – Сергей Алексеевич Кислицын. Историк по образованию, он связал свою деятельность с политической наукой, с глубоким анализом места и роли политических партий в процессе преобразования России. Его внимание обращено к сложным этапам развития нашей страны, к расстановке сил в переломные периоды ее исторического пути. Он закончил исторический факультет Ростовского государственного университета, здесь же защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

С.А. Кислицын – автор более 350 научных трудов и монографий. Результаты исследований нашли отражение в его монографических работах «Государство и донское казачество», «Шахтинское дело», «Лидеры российской власти и оппозиции», «Г. А. Зюганов ...», «Эволюция и поражение большевистской элиты», «Государство и донское казачество», «Шолохов и история России», «Научная элита в системе политической власти» «Контрэлиты оппозиции и фронды в политической истории России» и другие. Им разработано новое научное направление – исторической политологии. При поддержке коллег – историков и политологов – ученый создает уникальное произведение «Российская историческая политология» и учебное пособие «История России в вопросах и ответах», выдержавшее три издания массовым тиражом по всей России. В каждом из его произведений используется материал, либо впервые публикуемый, либо осмысленный ученым в соответствии с реалиями дня сегодняшнего.

Круг его интересов выходит за рамки политических проблем России. Он активный краевед, исследующий историю Донского края. Все эти годы рядом его неизменная помощница и единомышленник, его жена Инна Германовна Кислицына. Их совместная увлеченность помогла создать ряд учеб-

проходят творчески, с интересом обсуждаются современные социально-политические процессы. Он отмечает успехи своих аспирантов и соискателей в неформальной научной школе, являясь соавтором научных исследований со своими учениками, он гордится их успехами, но и весьма твердо указывает на недостатки, не уставая повторять, что талант» - это 99 процентов труда и 1 процент желания! А еще у него есть любимая фраза о том, что талант «есть чудо не случайное».

С уважением относятся к Сергею Алексеевичу коллеги по кафедре. В то же время он всячески поддерживает их авторитет, не отказывая в помощи. Однажды новый преподаватель попросился к нему на лекцию, чтобы разобраться в проблемной политической ситуации. И вдруг Кислицын, опытный педагог, заволновался, стал угрожать посетить другую лекцию, утверждая, что сегодня он «просто» импровизирует. И, пожалуй, это лучший урок начинающему преподавателю – научиться не «читать» по готовым заготовкам лекции, а уметь прежде всего «импровизировать». Но ведь для этого важно наличие глубоких знаний и богатого исследовательского опыта.

С большой благодарностью Сергей Алексеевич вспоминает слова своего учителя: «Каждая наука имеет свои секреты: таинство истории – связь законов необходимости с законами свободы». Когда он говорит о Евгении Николаевиче Осолкове, лицо его светлеет, он невольно мысленно переносится в те годы, когда ему действительно «повезло» начать свой нелегкий научный путь с мудрым ученым и прекрасным человеком.

Достигая поразительной достоверности в передаче неповторимых особенностей внутренней и нравственной сущности облика героев прошлого века, Кислицын создает политическую публицистику, которая дает возможность углубиться в историю нашего народа, лучше понять наше прошлое, научиться видеть в нем ростки будущего. В этом плане исполнены оригинальные очерковые портреты М.Шолохова, С.И.Сырцова, ряда других представителей донской политической элиты. Примечательна монография: «Юрий Жданов: Рядом со Сталиным, Шолоховым Ильенковым» (М., 2013). Особенно ценно, на наш взгляд, понимание автором образности мыслей Юрия Андреевича о необходимости в современных условиях научно-политической журналистики. Так, в книге рефреном звучит образная ждановская концепция «комплекса Эрисихтона» - печальной участи социума, основанного на антагонистической и паразитической парадигме. В заключении С.А.Кислицын полностью приводит Обращение Жданова к научной, культурной, политической и деловой элите Юга России, в котором тот призывает во имя целостности России «сохранять и приумножать достижения российской науки и культуры, поддерживать и направлять молодые таланты, стремиться к единению на гуманистической основе людей всех национальностей и верований». Этой идее пронизано и все научное творчество С.А. Кислицына.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник-2012: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.М. Старостин. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. - 736 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основе текстов докладов, представленных в 2011-2012 гг. на пяти круглых столах по проблемам философской инноватики (нового междисциплинарного научного направления), проведенных в Южно-Российском институте РАНХиГС при Президенте РФ. Тематика статей сборника охватывает малоразработанные проблемы современной глобалистики, конфликтологии, образования, классического и современного русского космизма. Намечены пути синтеза многоаспектного знания в системно-целостные конструкты. Адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, магистрам, студентам, всем интересующимся проблемами философии и методологии естественнонаучного и гуманитарного познания

Ростовская философская школа: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. - 260 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основе текстов докладов одноименного круглого стола, прошедшего в Южно-Российском институте РАНХиГС при Президенте РФ 15 ноября 2012 г. Круглый стол проведен совместно с Донским философским обществом в рамках мероприятий, посвященных Всемирному дню философии 2012 г. В докладах ведущих ростовских философов освещены актуальные проблемы философии, разрабатываемые на философских кафедрах вузов Ростовской области, и на факультете философии ЮФУ, представлены воспоминания о философской жизни 60-80-гг. XX в. Ряд публикаций принадлежит молодым ученым-философам, представляющим будущее Ростовской философской школы. Сборник адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, магистрам, бакалаврам, изучающим историю отечественной философской мысли и современные проблемы философии.

Гончарова О.Ю., Сидоренко И.Н. Государственный аппарат и экономика: принципы и модели взаимодействия: Монография. Ростов н/Д. ЮРИФ РАНХиГС. 2012. - 184 с.

В работе рассматриваются принципы и модели, факторы и условия, состояние и пути развития взаимодействия государственного аппарата и экономических структур в России. В монографии охарактеризована трансформация государственного управления экономикой и государственного регулирования российской экономики в конце XX и начале XXI века, выявлены проблемы и позитивные тенденции дальнейшего развития экономики, роль человеческого фактора в повышении продуктивности взаимодействия власти и бизнеса. Работа адресована научно-педагогическим работникам; студентам, магистрантам и аспирантам, изучающим и исследующим проблемы экономического развития России.

Швец М.В.. Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью: Монография. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. - 152 с.

В монографии анализируются проблемы вхождения в социально-политические процессы лиц с нетрадиционной гендерной идентичностью. Наблюдаемые (США, Канада, Западная Европа) процессы вхождения представителей квазигендерных групп в политику на уровне элит и в массовых социально-политических практиках затрагивают и российские реалии, которые слабо или вовсе не отражаются в отечественной научной литературе. Рекомендуется научным работникам, аспирантам, занимающимся проблемами политологии, а также студентам, изучающим курсы политической науки.

ABSTRACS

Starostin Alexander Mikchailovich – Professor, Doctor of political science, vice-director, Department Head of Philosophy and Methodology of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel.: 8(863)-299-92-49

Problems of studying the Soviet History and "M. Ferros method"

The author deals with the analysis of peculiarities and complexities of historical cognition, reconstruction and presentation of historical processes and events, which were revealed by various directions of philosophy of history. The author stresses the significance of the famous historian M. Ferro concerning the phenomenon of "historical memory" and "images of the past" common in mass conscience. With the help of "M. Ferros method" the considerable impact of solid entity of such valuable factors as ethnocentrism, ideocentrism, leadercentrism and eventcentrism on the historical image of the country and nation was stated. A peculiar "antidote" against such historical aberrations is the method of polycentric approach of historical introduction of images, based on informing the mass subject about the existence of parallel and alternative images of the same processes and events. Key words: methodological reflexion in history, "Ferros method", philosophical innovation, historical diathropic, polycentrism of historic perception, problematic history teaching.

Kislitzin Sergei Alexeevich – Doctor of historical sciences, an Honorable member of professional education, Professor of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel.: 8(863)-269-62-19

Geopolitical meaning and consequences of the disintegration of the USSR

The historical experience of the great Soviet state of the grand empire type is the initial point for theory and practice of enforcing of the Russian Federation and forming of new integrational processes in post-Soviet area. Key words: geopolity of Russia, Empire, Soviet type of state, historical consequences of the USSRs disintegration, perspectives for the Eurasian Union.

Kokin Alexander Vasilyvich – Doctor of Geology and Mineralogy, Professor of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don). Tel. 8-918-55-70-733

Kokin Alexander Alexandrovich – President of the "Alkon" Group of innovative companies (St. Petersburg). Tel. 8-918-55-70-733

Klenyushina Elena Anatolyevna – a Master of Sciences of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-918-55-70-733.

Koshelev Nickolay Nickolaevich – a Master of Sciences of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-918-55-70-733

Do we need revolutions in fuel energetics or do we need Principally different solutions?

The article addresses the issues of innovations in the area of management and integrated development of energy resources in the Russian Federation. These issues are considered in terms of the possibility of using the alternative energy potential by the regional and municipal entities of the Russian Federation as well as generating small power capacities into a local distributive power grid. Key words: energetics, management, shale revolution, shale gas, synfuel, alternative power sources, ecology.

Khalyn Victor Gennadyevich – Candidate of Economic Sciences, Chief Executive Officer of the limited company "North-Caucasus logistic enterprise", chairman of Rostov regional department of All-Russian public institution of small-sized and medium-sized entrepreneurship " Opora Rossii". Tel. 279-05-45.

Socially orientated non-commercial organizations. Experience of development and prospect

There is the analysis of development of socially orientated non-commercial organizations (SO NCO) in the article. The practical realization of setting up of a SO NCO is demonstrated on the example of non-commercial partnership on the assistance and development of private facilities of child care in the Rostov region. The analysis presented in this work enables to define ways of development SO NCOs via the use of the public organizations, professionally focused SO NCOs and executive government authority that in many respects defines prospects of social orientation of regional economic development. Key words: socially orientated non-commercial organizations (SO NCOs), socially-responsible business, social goals of state bodies, public-private partnership in the social sphere.

Abramov Ruslan Agarunovich – Head of the department of public and municipal administration, Doctor of Economic Sciences, Professor of Russian economic university named after G.V. Plekhanov. e-mail: of08s@mail.ru

Specific features of the public and municipal administration of economic systems

The present article is devoted to the actual issues of common features and differences in management of regional and municipal economic systems. It is shown that, despite distinctions existing between the municipal and regional (state) forms of ownership, regional and municipal economic systems and mechanisms of their management, there are a lot of general approaches which are explained by the features of their management based on a territorial sign of the organization of these systems. Key words: mesoeconomy, level, management, municipality, region, factors, estimates, comparative analysis.

Martynenko Tatyana Vasilyevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-255-95-33.

Modern Policy of Administering Federal Property in Russia

The article is devoted to the analysis of the Program of Administering Federal Property which was approved by the Government not long ago. The article outlines problems that can occur while implementing the program. Key words: state federal property, state program, privatization, road maps.

Kail Yakov Yakovlevich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of Volgograd State University. Tel. 8-909-378-57-78.

Epinina Veronika Sergeevna – a post-graduate, a senior teacher of the Department of Management of Volgograd University. Tel. 8-909-378-57-78.

Determination of the Level of Participation Effect on the Efficiency of Budget Funds Use and the effectiveness of Public Management in the Volgograd Region

The article grounds the efficiency and effectiveness of public management, which is attained through the development of participation mechanism which supposes the active involvement of population and business structures in the process of national and public problems solving. Key words: public management, participation mechanism, participation, collaboration of power and public, public involvement in the process of public management efficiency increase.

Nekrasov Vitaliy Nikolaevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary worker of the higher education, vice-director, the Head of the Department of Management of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-269-62-07.

Pivovarov Ivan Vladimirovich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-203-63-34

The Modern Mechanisms of Improving the Efficiency of the State Personnel Policy Implementation

The article is devoted to the problems of the state personnel policy implementation, the ways of their solution by working out such mechanisms as effective contracts and staff involvement. Key words: effective contract, involvement, state personnel policy.

Poluyanova Elena Ivanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economy and Finance Department, Motor-Vehicle and Road-Haulage Institute of the State Higher Educational Establishment "Donetsk National Technical University", 84605, Donetsk Region, Gorlovka, 87 Matrosov Street, apartment 57. Tel. 838-099-321-11-79, e-mail: PoluyanovaEI@rambler.ru

Transnational companies as a driver of direct foreign investment in the utilities sector of economy

The article considers different approaches to understanding the role of transnational companies in developing the world economy. Key words: transnational company, direct foreign investment, types of economic activity, utilities sector of economy.

Vilyamskiy Vyacheslav Sergeevich – Doctor of Economic Sciences, Professor of the department of economics, Rostov-on-Don Institute of Cooperation. Tel. 89094253540; e-mail: wvs27@mail.ru

Alekseenkov Andrey Anatolievich – a researcher of the department of economic cybernetics of South Federal University, 88 M. Gorky Street, Rostov-on-Don, Russia. Tel. 89034076942; e-mail: andyalekseenkov@gmail.com

Objects of management in the municipal units

In the presented article a structure of management objects is described, the objectives of the social and economic development of a municipal unit are formulated. The differences between the terms “municipal economy” and “local economy” are explained by the authors. Functions of management of the spiritual activity at the municipal level are also considered. Key words: social system, object of management, municipal economy, local economy, management functions, social and economic development, spiritual development.

Kovalenko Nikolai Nikolayevich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the department of economic policy, Kharkov Regional Institute of state civil service of the Ukrainian Presidential National Academy of State Civil Service. Tel.: (066) 765-25-65; kovnn1@rambler.ru

Activities of Central banks in the context of integrational processes

The article deals with the problem of contemporary cooperation of the National Bank of the Ukraine, the Centrobank of Russia and the European Central Bank. Key words: central bank, government, emission, international reserves, currency direction, integration.

Cherkasova Tatyana Pavlovna – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Economic Theory and Entrepreneurship Department of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-255-95-33

The State Management of the Post-Crisis Economic Growth in Russia

The article is devoted to re-considering the focus function of the state management of economic growth. Microelectronics and machine-tool building are presented as main trends and the measures of their state support are proposed. Key words: state management, focus function of management, innovations, economic growth.

Shepelova Natalia Sergeevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. (863)-203-63-27; nshepelova@mail.ru.

Gusakova Valentina Ivanovna – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. (863)-203-63-27.

Assessment methods of national wealth under the world crisis conditions

The article deals with the methods of complex assessment of national wealth and analyses the ways of selecting the integral national wealth indices. It presents the rating of the world community countries. Key words: system of national wealth assessment, wealth and prosperity index, progress rating, innovative wealth index, index of better life.

Savon Diana Yurievna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics and Foreign Trade Relations of the South Federal University (Rostov-on-Don). Tel. 8-918-553-69-93

Karibzhanova Elena Ljusyenovna – a researcher, Institute of Economics and Foreign Trade Relations of the South Federal University (Rostov-on-Don). Tel. 8(863)-264-07-32

Marker Elena Vladimirovna – a researcher, Institute of Economics and Foreign Trade Relations of the South Federal University (Rostov-on-Don). Tel. 8(863)-262-53-82

Public and private partnership in the tasks solution of the stable region development.

The article dwells on the efficiency of the partnership of regional administration and business structures. It presents the organizational and economical mechanism of sustainable development of the region. Key words: governmental and private partnership, sustainability, regional aspect, organizational and economical mechanism, power-saving technologies.

Goncharova Olga Yurjevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of the Economic Theory and Business of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863)-255-95-39.

Sidorenko Ivan Nikolaevich – Candidate of History, Doctor of the chair, a head of the scientific magazine "State and Municipal governing. Scientific Notes of SCAGS" of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. (863)-269-77-84.

Mutual trust of the state and business – the basis of solving of different tasks of economical development of Russia

In this article the level of the trust between the government and business is considered. Here you can read about practical steps for enforcing this trust, and some offers about the further development of the interaction of the state and business structures are formulated. Key words: interaction between the government and business, the trust between the state and the business, the development of the interaction of the state and business.

Goloborodko Andrey Uryevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of International Cooperation Department, Rostov State Transport University. e-mail: goloborodko2009@mail.ru, ph. +7(863)2726261

“Human Dimension” of State Cultural Policy in the System of National Security

The article shows the explanation of the author’s opinion about the relevant content of state cultural policy. The main idea is that the study of human potential development is considered to be a relevant content of state cultural policy in the national security system. According to the declared hypothesis the cultural policy within the frames of increasing human quality appears as the factor for social and political life harmonization, as the condition for social development and as the supposition for systematic country modernization. Key words: human potential development, state cultural policy, national security.

Uvarova Galina Gennadyevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Nature Management of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8(863) 255-98-26; e-mail: 2188799@mail.ru

The political mechanisms of counteracting risk-generating environmental factors in the context of a political science

The article analyzes various aspects and correlations of the directions of political researches, showing the complexity and multi-aspect nature of environmental problems and risk-generating factors as well as their importance for modern politics and political science. Key words: ecology, politics, political mechanisms, risk, political science.

Petrova Svetlana Vladimirovna – Candidate of Political Science, Associate Professor, State University of Sochi, doctorate. Tel. 8-904-503-13-86

Problems of geopolitical and ethnopolitical determination of political process in the South Caucasus

The article deals with geopolitical and ethnopolitical determination of the development of democratic political processes in the North and South Caucasus. Key words: geopolitics, ethnopolitics, democracy, opposition

Sklyarova Elena Alekseevna – Doctor of Philosophic Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Scientific Methodology of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-951-522-50-25, Cklyarova2007@yandex.ru

Kozlova Valeriya Aleksandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Social-Economic Sciences, the Rostov Institute of Law of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Tel. 8-951-49-49-668, valeria.kozlova@ra-interplay.ru

The anthropological grounds of informational economy in the works by M. Kastels

The article is devoted to the phenomenon of a man of economy. The main propositions about the informational society, its formation and development are analyzed. The article deals with the attitude to labour as the starting point of considering the model of a man of economy in the informational society. Key words: informational society, a man, informational economy.

Kalinina Alesya Gennadyevna – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-903-463-46-60; e-mail: agkalinina@rambler.ru

Decomposition of public preferences in government economic policy

The article argues the role of economic preferences in the process of development of the government economic policy. It describes the possibility of determining the national (state) preferences on the basis of the scientific method of decomposition. The peculiarities

of each of the existing types of preferences: individual, group, state, municipal, regional and national are disclosed. Key words: national preferences, decomposition method, municipal interests, meso-and macrosystems.

Khiramagomedov Magomed Gasanovich – a researcher of the Department of Economic Policy, Kharkov Regional Institute of state civil service of the Ukrainian Presidential National Academy of State Civil Service. Tel. (066) 25-15-319; e-mail: osvita00@mail.ru

Specific features of government control of the grain market in Ukraine

The features of forming and government control of the grain market in Ukraine are analysed in the article. Priorities of grain market development of Ukraine and basic directions of its government control in modern terms are set. Key words: government control, market of grain, bail purchases of grain, ware-house certificates, state interventions.

Kazarian Artur Nazarovich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-918-50-25-711

The position of the Russian language in the former Soviet Union in the context of optimization of the state language policy of Russia

This article reviews the situation with the Russian language in the former Soviet Union, draws attention to the importance of the Russian language in the process of socio-economic and cultural modernization of the Soviet Union. It shows the opposition of interests of modernizational ideas and activities of ruling elites of sovereign republics. Here the author emphasizes the need to maintain and strengthen the position of the Russian language in the former Soviet territory. Key words: language policy, bilingualism, the post-Soviet territory.

Parasotskaya Victoriya Gennadyevna – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-951-507-33-57, vgparas@gmail.com

Modern project management technologies as a factor enhancing the effectiveness of municipal management

The article analyses the role of intermunicipal cooperation in determining and defining modern management technologies and developing projects for municipalities with similar characteristics in order to tackle the problem of managing social and economic systems. Key words: management technologies, intermunicipal cooperation, municipal projects.

Morozova Anastasiya Igorevna – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, specialist in ordering and bidding of education sector of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel.: 8(863)-299-92-42

State procurement policy as a mechanism for promoting the procurement of innovative products

The article discusses the role of public procurement policy in enhancing innovation activity of business entities and proves the necessity of establishing independent expert structures in order to coordinate actions of customers and suppliers in innovative products procurement. Key words: state procurement policies, innovative products, coordinating council, transparency and professionalism.

Mamontova Yulia Pavlovna – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-919-883-54-88

Strategic management of a corporation structure: systematic approach

In the presented article the periods and methods of strategic management of corporation potential are described, main principles of its functioning are formulated. Key words: strategic management, institution, national system, subsystem, corporation.

Maradudina Victoria Fyedorovna – a researcher of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-918-512-29-95

Government management and its role in the present day modernization of Economics

The article dwells on the role of government in realization of priority directions in the economy development process. Key words: government, government management, modernization.

Dorosh Tatyana Leonidovna – a researcher of the Department of Politology and Philosophy, Kharkov Regional Institute of state civil service of the Ukrainian Presidential National Academy of State Civil Service. Tel. 380-50-70-54-848.

Peculiarities of public governing of musical education

The article touches upon the problems of effecting innovative management approaches and techniques which enables to use personal preferences as well as resources of environment for providing the development of musical education. Key words: management of musical education, educational institutions giving musical education.

Bocharov Roman Alexandrovich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-926-853-43-60

Youth political extremism in subject area of politology

Theoretical approaches to the definition of youth political extremism and different political reasons of its dissemination are considered in the article. Key words: youth, region, policy, extremism, protest, stability.

Shkel Fedor Evgenjevich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-903-472-40-40

Modern management technologies as a condition of enhancing the relations of public-private partnership in Russia

Public-private partnership is characterized in the article as an important organizational form of improvement of the public and municipal administration in the economic sphere. Key words: public and municipal management, strategic management, «command technologies».

Tremba Vadim Alexandrovich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel. 8-928-778-77-77

Multicultural or integrational approach to the modern migration policy in Russia?

The article deals with the analysis of modern migration processes in Russia and their main vector is determined. The problems of illegal migration are discussed. Different approaches to migration policy are observed and the main ones are highlighted: multicultural and integrational. The conclusion of inequality of scientific concepts of modern migration situation as well as the development of the new scientific concept of migration policy in Russia are represented. Key words. migration policy, political process, demographic policy, migration processes, multiculturalism, integration, ethnic, social and cultural peculiarities, illegal migration.

Trubitsyn Andrey Vitalyevich – a post-graduate of South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Tel.: 8(863)-299-93-15, trybicin.72@mail.ru

Pecularity of the regulation of municipal management: politological analysis

The article analyses current politological approaches to the study of municipal development regulation. Key words: municipal management, local government, democratic society, democratization, regulation of municipal management.

Shvets Margarita Vitalievna - post graduate (South-Russian Institute of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation). dopobr@skags.ru

Shadow Subjects in Modern Political Processes: nonstandard and paradoxical models

This article examines the new shadow subjects' models of political processes (non-standard and paradoxical ones), caused by global processes of gender and quasi-gender emancipation. The author assesses political threats of quasi-gender groups and movements. Key words: Gender paradigm in politics; shadow subjects' models in politics; standard, nonstandard, paradoxical models; gender and quasi-gender emancipation; quasi-gender groups.

Aguzarova Larisa Aslanbekovna. Candidate of Economic Science, Head of Cathedra of Management, North-Caucasus State University. E-mail:aguzarova.larisa@yandex.ru.

Government Regulation of Labour Flows under Modernization of Depressive Regional Economy

The article is devoted to one of the most acute problem of North Caucasus region – migration of labour that could negatively influence onto reproduction processes of labour potential of the region. The author offers instruments of regulation of labour flows. Key words: migration processes, government regulation, socio-labour potential, depressive region, labour flows.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Руслан Агарунович – доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва). e-mail: oef08s@mail.ru

Агузарова Лариса Асланбековна - кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики и управления экономического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова (Владикавказ). Тел. моб. 8-918-822-41-11.. E-mail: aguzarova.larisa@yandex.ru.

Алексеевков Андрей Анатольевич – соискатель, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону). Тел. 89034076942; e-mail: andyalekseenkov@gmail.com

Бочаров Роман Александрович – аспирант ЮРИФ РАНХ и ГС^{§§}. Тел. 8-926-853-43-60

Вильямский Вячеслав Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, Ростовский институт кооперации. Тел. 89094253540; e-mail: wvs27@mail.ru

Голобородько Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, начальник управления международного сотрудничества Ростовского государственного университета путей сообщения. Тел. 8(863)-272-62-61; e-mail: goloborodko2009@mail.ru

Гончарова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-255-95-39

Гусакова Валентина Ивановна – кандидат технических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-203-63-27

Дорош Татьяна Леонидовна – аспирант, Харьковский региональный институт государственной национальной академии государственного управления при Президенте Украины. Тел. 380-50-70-54-848

Дубровский Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, отделение прикладной политологии, НИУ-ВШЭ (СПб), директор программы «Права человека» факультета свободных искусств и наук СПбГУ, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея. dubr@smolny.org.

Епинина Вероника Сергеевна – аспирант, старший преподаватель, Волгоградский государственный университет. Тел. 8-909-378-57-78

Кайль Яков Яковлевич – кандидат экономических наук, доцент, Волгоградский государственный университет. Тел. 8-909-378-57-78

Казарян Артур Назарович – соискатель, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-918-50-25-711

Калинина Алеся Геннадьевна – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-903-463-46-60; E-mail: agkalinina@rambler.ru

Карибжанова Елена Люсьеновна – соискатель, Институт экономики и внешнеэкономических связей Южного федерального университета. Тел. 8(863)-264-07-32

Кленюшина Елена Анатольевна – магистрант, ЮРИФ РАНХиГС. Тел. 8-918-55-70-733

§§ Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Ростов-на-Дону).

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, профессор, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-269-62-19

Коваленко Николай Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления (ХарРИ НАГУ) при Президенте Украины. Тел.: (066) 765-25-65; kovnn1@ Rambler.ru

Козлова Валерия Александровна – кандидат экономических наук, доцент, Ростовский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. Тел. 8-951-49-49-668; valeria.kozlova@ra-interplay.ru

Кокин Александр Васильевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-918-55-70-733

Кокин Александр Александрович – президент группы инновационных компаний «Алкон» (г. Санкт-Петербург). Тел. 8-918-55-70-733

Кошелев Николай Николаевич – магистрант, ЮРИФ РАНХ и ГС, глава администрации Тагинского района Ростовской области. Тел. 8-918-55-70-733

Мамонтова Юлия Павловна – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-919-883-54-88

Марадудина Виктория Федоровна – соискатель, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-918-512-29-95

Маркер Елена Владимировна – соискатель, Институт экономики и внешне-экономических связей Южного федерального университета. Тел. 8(863)-262-53-82

Мартыненко Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-255-95-33

Морозова Анастасия Игоревна – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-299-92-42

Некрасов Виталий Николаевич – доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель директора, заведующий кафедрой менеджмента, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-269-62-07

Ольховая Мария Алексеевна – аспирант, Южный федеральный университет. Тел. 8-928-770-24-44

Парасоцкая Виктория Геннадьевна – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Т. 8-951-507-33-57, vgpapas@gmail.com

Петрова Светлана Владимировна – кандидат политических наук, доцент, Сочинский государственный университет. Тел. 8-904-503-13-86

Пивоваров Иван Владимирович – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-203-63-34

Полуянова Елена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, автомобильно-дорожный институт Государственного высшего учебного заведения «Донецкий национальный технический университет» (г. Горловка). Тел. +38-099-321-11-79, PoluyanovaEI@ Rambler.ru

Рогов Илья Игоревич – кандидат философских наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. (863)-240-97-19

Савон Диана Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и внешнеэкономических связей Южного федерального университета. Тел. 8-918-553-69-93

Сидоренко Иван Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий редакцией журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС». ЮРИФ РАНХ и ГС Тел. (863)-269-77-84

СклярOVA Елена Алексеевна – доктор философских наук, профессор, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8-951-522-50-25, Sklyarova2007@yandex.ru

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора, заведующий кафедрой философии и методологии науки, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел.: 8(863)-299-92-49

Тремба Вадим Александрович – аспирант, начальник отдела международных связей ЮРИФ РАНХиГС. Тел. 8-928-778-77-77

Трубицын Андрей Витальевич – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 299-93-15, trybicin.72@mail.ru

Уварова Галина Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. 8(863)-255-98-26; e-mail: 2188799@mail.ru

Халын Виктор Геннадьевич – кандидат экономических наук, гендиректор ООО «Северо-Кавказское логистическое предприятие», председатель Ростовского областного отделения Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». Тел. 279-05-45

Хирамагомедов Магомед Гасанович – соискатель, Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления (ХарРИ НАГУ) при Президенте Украины. Тел. (066) 25-15-319; E-mail: osvita00@mail.ru

Черкасова Татьяна Павловна – доктор экономических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Т. 8(863)-255-95-33

Черноус Виктор Владимирович – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора ИППК преподавателей гуманитарных и социальных наук, Южный федеральный университет. Тел. 8-906-414-00-00

Швец Маргарита Витальевна – аспирант ЮРИФ РАНХиГС. dopobr@skags.ru

Шепелова Наталья Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел. (863)-203-63-27; nshepelova@mail.ru.

Шкель Федор Евгеньевич – аспирант, ЮРИФ РАНХ и ГС. Тел.: 8-903-472-40-40.

Правила представления рукописей авторами

В связи с рекомендациями ВАК редакцией журнала устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

1. Статья должна соответствовать профилю журнала, то есть быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии.

2. Названию статьи должен предшествовать индекс УДК, соответствующий названной теме.

3. Фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание автора.

4. Заглавие материала.

5. Аннотация до 6 строк, включая ФИО автора и название статьи.

6. Ключевые слова или словосочетания 5-6 (выбираются из текста материала, несущие в тексте основную смысловую нагрузку).

7. Библиографический список – пристатейный.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, Материал не содержит сведений ограниченного распространения»

К статье прилагаются:

- сведения об авторах (на русском и английском языках) фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и занимаемая должность, почтовый адрес, контактные телефоны, адрес электронной почты;

- аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках);

- рецензия-рекомендация кафедры, (научного подразделения), специалиста.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителе. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Рецензии - рекомендации кафедр и рецензии специалистов сторонних организаций заверяются печатью.

Объем статьи не должен превышать 10-12 страниц (до 20 тыс. знаков с пробелами и сносками). Шрифт Таймс, 14 кегль, межстрочный пробел - 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ - 1см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, к.301. ЮРИФ РАНХ и ГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС».

Тел. 8-863-269-77-84,269-62-89

e-mail: jurnal@skags.ru

<http://skags.ru/journal.php>

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ СКАГС**

**НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 2. 2013

Редактор – Т.В. Лозовая

Подписано в печать 15.06.13. Формат 70x100 1/16.
Офсетная печать. Бумага писчая. Объем 12,5 п.л. Тираж 250 экз. Заказ 18001-030.
344007 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70. ЮРИФ РАНХиГС
Отпечатано в типографии